СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ПОЛИТИКИ

и

ИСТОРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Ѳаддеемъ Булгаринымъ.

Томъ LI.

(Сына Отечества часть 173-я, Сѣвернаго Архива 87-я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Сентября 3 дня 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 36. — 44

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОЧЕРКИ СЕРДЦА.

БОЙ НОВИЛЬОСОВЪ (Novillos) ВЪ МАДРИТѢ.

(Повѣсть Лорда Фелинга.)

Mi marido en los toros
Bien se divierte:
Todo et mundo se alegro
Al ver su gente.

(Gantar Espanol.)

I.

Въ одинъ зимній вечеръ 18.. года, пришедъ къ Маркизѣ Ріоха, я въ первый разъ еще нашелъ ее одну; но въ тоже время явился ея мужъ, сопровождаемый неразлучнымъ другомъ своимъ Графомъ Жаисшіерномъ, Шведскимъ Колсуломъ.—Ве-

*

черъ мой былъ совершенно потерянъ. — Въ неудовольствіи я хотѣлъ сократить визитъ и немедленно уйти. Видъ, съ какимъ я натягивалъ перчатки и посматривалъ на свою шляпу, безъ сомнѣнія, обнаружилъ мое намѣреніе: я сидѣлъ близъ камина, напротивъ Маркизы. Казалось, я читалъ въ ея взорахъ, что она проникла мое желаніе и старалась остановить меня. — По истиннѣ, это было не легкомысліе, или вѣтренность: не имѣя никогда, ни смѣлости, ни средствъ открыть чувства свои, я любилъ Піедаду всею силой моей души, — я любилъ ее слишкомъ много для того, чтобы она не видѣла страсти моей и не питала взаимно хотя части подобныхъ ощущеній. — И такъ я отложилъ свои приготовленія. Я остался.

Въ продолженіе часа длился натянутый и незначительный разговоръ объ вещахъ обыкновенныхъ, и не знаю какъ пришелъ къ бою быковъ. Это былъ любимый, неисчерпаемый предметъ расказовъ Маркиза, истиннаго Гранда Испанскаго, знаменитаго древностію родословной, отважнаго курителя табаку, который послѣ Королевскихъ сигаръ, ничего не любилъ столько, какъ бой быковъ. Коснувшись однажды предмета столь приличнаго своему краснорѣчію, Маркизъ, до того угрюмый и молчаливый, мгновенно одушевясь, пустился расказывать о многочисленныхъ бояхъ, коихъ былъ свидѣтелемъ, или въ которыхъ дѣйствовалъ лично, и вспомнилъ безконечный рядъ

драгоцѣнныхъ анекдотовъ касательно *Ромеро*, *Пепе-илло* и другихъ знаменитыхъ бойцовъ, незабвенныхъ для Испаніи.

Во время повѣствованія Маркиза, Графъ, отличавшійся по дипломатическому корпусу глубокими познаніями въ травлѣ и пристрастіемъ къ быкамъ, превратилъ всѣ чувства въ тонкой слухъ, и казалось всѣ умственныя его способности сосредоточились на устахъ оратора.

Что же касается до меня, признаюсь откровенно, я былъ разсѣянъ и слушалъ съ трудомъ. Прибывъ недавно въ Мадритъ, конечно, я худо воспользовался превосходнымъ случаемъ пріобрѣсть любопытныя свѣдѣнія. Но можно ли обвинять меня строго въ безпечности и невниманіи: предо мною была Маркиза, быть можетъ, еще болѣе разсѣянная, сидящая печально, сложа руки, въ углу своего дивана; ея прекрасныя ножки, обтянутыя прозрачными шелковыми бѣлыми чулками, и сжатыя въ атласныхъ черныхъ башмакахъ, — привлекательно лежали на голубой подушкѣ.

О, Піедада! Когда я смотрѣлъ на эти очаровательныя ножки, манящія мои пламенные поцѣлуи, когда мой робкой взоръ былъ устремленъ на твое блѣдное, прекрасное лице, въ которомъ каждая черта выражала любовь, — дышала страстію, — кто обвинитъ меня, что тогда все было чуждо для меня? Твои открытыя черныя очи сулили мнѣ блаженство и сладостная мечта наполняла мою душу.

Между тѣмъ, разговоръ продолжался между Графомъ и Маркизомъ о томъ же предметѣ. Я долженъ былъ, изъ пристойности, участвовать въ ихъ бесѣдѣ.

»Что значитъ бой *новильосовъ,* объявленный на завтрашній день, объ которомъ я читалъ сегодня утромъ въ афишѣ?

Маркизъ, который взялся, конечно, объяснить намъ въ этотъ вечеръ полный курсъ *торомахіи* или травли быковъ, не уступилъ случая обнаружить всѣ свои познанія. Онъ поспѣшилъ отвѣчать мнѣ со всею подробностію, какой не ожидалъ я, дѣлая неумышленный вопросъ. Маркизъ объяснилъ, что новильосами называются молодые быки, коихъ всегда зимою выпускаютъ на бой, обыкновенно *амболадованныхъ* т. е. съ укрѣпленными на концахъ роговъ большими шарами, для притупленія смертностныхъ ударовъ. Маркизъ прибавилъ, что на подобномъ зрѣлищѣ убиваютъ, почти всегда, двухъ или трехъ быковъ *не амболадованныхъ,* которые въ такомъ случаѣ, будучи натурально сильнѣе своихъ противниковъ, людей, или лошадей, — часто остаются побѣдителями, имѣя дѣло съ молодыми неопытными бойцами; послѣдніе приготовляютъ себя такимъ образомъ для лѣтнихъ боевъ, кровопролитнѣйшихъ, и посему заслуживающихъ болѣе вниманія.

Маркизъ, желая просвѣтить меня, истощилъ весь запасъ своихъ наблюденій и опытности, относительно травли *новильосовъ,* хотя я былъ

довольно не признателенъ, слушая повѣствованіе его безъ всякаго вниманія.

— Вотъ, безъ сомнѣнія, глубокая и наилучшая диссертація, сказала мнѣ Маркиза улыбаясь. Между тѣмъ, вамъ не достаетъ того, чтобы завтра видѣть лично бой *новильосовъ.* Давно уже и я не присутствовала на этомъ зрѣлищѣ. Я прикажу взять ложу. Если вамъ угодно, мы будемъ вмѣстѣ. Хотя вельможи, подобные Маркизу, рѣдко удостоиваютъ своимъ посѣщеніемъ эти маловажныя забавы, но изъ уваженія къ вамъ, я полагаю, мужъ мой не откажется быть тамъ, и тогда, надѣюсь, мы усовершенствуемъ ваше образованіе.

— Я не могу ѣхать вмѣстѣ съ вами, но даю слово быть тамъ нѣсколько позже, сказалъ Маркизъ, восхищенный совершенно, видя, что жена его принимаетъ столько участія въ распространеніи просвѣщенія.

Предложеніе Маркизы принялъ я съ признательностію. — Я почиталъ нескромностію домогаться исполненія обѣщанія, сдѣланнаго ея мужемъ.

— Не забудьте жъ, что я ожидаю васъ завтра въ три часа непремѣнно, сказала мнѣ Маркиза, когда я уходилъ.

»Забыть! мнѣ забыть! повторялъ я громко, въ сладостномъ упоеніи, бѣжа къ своей квартирѣ и отъ восхищенія прыгая по уединеннымъ улицамъ Мадрита. Мнѣ забыть! что го-

воришь ты, Піедада? какое ты имѣешь мнѣніе обо мнѣ!

И я не могъ долго уснуть. Единственная мысль наполняла мое воображеніе во всю ночь, на яву и въ сновидѣніяхъ.

II.

Безъ сомнѣнія полагать можно, что я былъ аккуратенъ въ отношеніи къ свиданію, назначенному мнѣ Маркизою. Нѣсколько ранѣе еще трехъ часовъ я былъ уже у Піедады. Я нашелъ ее одѣтою. Она была въ *баскинѣ*, украшенномъ золотыми пуговицами внизу юбки и на рукавахъ; сверхъ платья была на ней длинная черная мантилья. Это былъ полный уборъ называемый *маха* (maja). Онъ особенно шелъ ей къ лицу. Ни когда не казалась она мнѣ такою прелестною, такою совершенною Испанкою.

Маркизѣ доложили, что экипажъ готовъ. Мы отправились.

День былъ прекраснѣйшій. Ни одна туча не помрачала небесной лазури. Февральское солнце сіяло такъ пламенно, что Маркиза опустила одну зеленую шелковую стору.

»Мы пользуемся наилучшею погодою, сказалъ я Маркизѣ, радуясь внутренно, что хотя этимъ обыкновеннымъ замѣчаніемъ осмѣлился наконецъ прервать обоюдное молчаніе.

— Да, травля будетъ отличная, отвѣчала она, и послѣ нѣкотораго молчанія продолжала:

— Однако жъ не находите ли вы, что подобныя

зрѣлища неприличны женщинамъ? По истинѣ, въ нынѣшнія времена рѣдкая Испанка имѣетъ духъ переносить эти жестокія удовольствія. Я также мало пріучена къ нимъ, увѣряю васъ. Между тѣмъ, вы можете считать меня нечувствительною и жестокою.

»О! нѣтъ, вскричалъ я, живо тронутый оправданіемъ, которое показывало такъ ясно нѣжное и чувствительное вниманіе Піедады ко мнѣ. О! нѣтъ, я былъ бы очень жалокъ, Маркиза, если бъ не нашелъ, что сердце ваше способно къ истинному состраданію.

Глаза мои досказали неоконченное; мой взоръ благодарилъ ее за рѣшимость видѣть зрѣлище, не для травли быковъ, но единственно, чтобъ доставить мнѣ средство провести съ нею нѣсколько минутъ одному посреди толпы; — и, взоръ сей былъ постигнутъ.

III.

Между тѣмъ, мы приближились къ мѣсту боя. Мы взошли въ нашу ложу. Живописная и одушевленная картина представилась моимъ взорамъ: внизу длиннаго ряда ложъ, амфитеатръ das gradas cubiertas, потомъ, ниже, извивались ступени партера, обремененнаго многочисленнымъ народомъ. На пескѣ ристалища, еще пустаго, живо отражались лучи ослѣпительнаго солнца, служащаго лампадою для сего обширнѣйшаго цирка.

Обведя взоромъ весь кругъ, я оборотился

чрезъ нѣсколько минутъ къ Маркизѣ, возлѣ которой я сидѣлъ въ передней части ложи: казалось, она забавлялась моимъ удивленіемъ, и пріятно улыбалась.

— Приготовьтесь, сказала Піедада, я полагаю скоро начнется бой.

Въ самомъ дѣлѣ громкія восклицанія и шумная радость, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, внезапно умолкли. Судья показался въ своей ложѣ.

IV.

Скоро послѣ того четыре конные алгвазила явились на мѣстѣ ристалища. Сначала введены были пѣшіе бойцы, одѣтые въ своихъ богатые костюмы, несшіе въ рукахъ плащи яркихъ цвѣтовъ. При вступленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ на сцену, раздались громкія рукоплесканія, но удовольствіе это превратилось въ дикую радость, когда вмѣсто конныхъ Пикадоровъ (picadores) въѣхали на ослахъ двѣ фигуры *Санхо-Панса,* одѣтыя въ широкое разноцвѣтное платье, и въ остроконечныхъ шапкахъ: грозно размахивая копьями, эти рыцари заняли позицію на обыкновенномъ мѣстѣ Пикадоровъ, близъ воротъ ристалища, въ длину барріера, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Глубокое молчаніе господствовало во всемъ циркѣ.

— Вотъ, выступаетъ первый быкъ, сказала

Маркиза. Но не тревожтесь: онъ амболадованъ. Въ этотъ разъ не будетъ настоящаго боя.

Раздался барабанный бой. Это былъ сигналъ. Я почувствовалъ необыкновенное волненіе. Я отодвинулъ во внутренность ложи стулъ, раздѣлявшій меня съ Маркизою.

Ворота цирка отворились. Молодой быкъ амболадованный бросился на сцену. Животное, пораженное изумленіемъ, остановилось. Новильосъ устремился на слабаго своего противника, и поражая его съ яростію, отбросилъ вмѣстѣ съ осломъ, заставя ихъ разъ пять или шесть перевернуться одинъ чрезъ другаго, и не останавливаясь поспѣшилъ ко второму рыцарю, который вызывалъ его и грозилъ копьемъ; разъяренный быкъ опрокинулъ этого бойца, подобно первому, и оставилъ пресмыкающагося въ пыли.

Послѣ этой первой стычки, продолжавшейся не болѣе минуты, циркъ огласился громкими рукоплесканіями.

Но между тѣмъ, меня занимала участь несчастныхъ буфоновъ, такъ жестоко на пескѣ поверженныхъ. Однако жъ я былъ скоро успокоенъ: когда копеадоры, махая предъ быкомъ своими мантіями, отвлекли его на другой конецъ сцены, наши два рыцаря поднялись на ноги сами собою. Они, конечно, не были ни сколько ранены; а напротивъ, принявъ забавное положеніе, сдѣлали множество глупыхъ фарсовъ, размахивая копьями, поднятыми съ песку. Что же касается до ихъ ословъ, они казалось совсѣмъ

не расположенными возобновлять военныя дѣйствія, и оставались растянувшись печально на пескѣ. Много стоило труда поднять ословъ на ноги, и для этого необходимо было отнести ихъ въ безопаснѣйшее мѣсто, на рукахъ. Когда рыцари сѣли на своихъ отважныхъ бѣгуновъ, у бѣдныхъ животныхъ подгибались колѣни: опустя уши и дрожа всѣмъ тѣломъ, при малѣйшемъ шумѣ, они страшились возобновленія роковой атаки. Къ неизъяснимому удовольствію публики она повторилась еще два раза, почти такимъ же образомъ. Однако жъ ослы, равно какъ и всадники, остались не ранены, даже и послѣ третьяго пораженія; послѣдніе казалось имѣли большое желаніе выѣхать изъ ристалища, но не было средствъ заставить ословъ повиноваться. Рыцари испытывали всѣ способы: они принимались гладить ихъ и ласкать; потомъ осыпали палочными ударами, кололи и тащили за хвостъ, — все было тщетно: скоты будучи подняты и поставлены на ноги, ложились снова въ то же мгновеніе. И такъ, надобно было оставить ословъ на мѣстѣ битвы, предметомъ насмѣшекъ народа, которыхъ они страшились, вѣроятно, гораздо меньше, нежели толчковъ свирѣпаго быка.

V.

Конечно, все это составляло для меня весьма посредственное удовольствіе. По истинѣ, я чувствовалъ какое-то безпокойство. Между

тѣмъ, кровь не лилась еще. — Я показывалъ довольный видъ.

Я придвинулся со стуломъ нѣсколько ближе къ Маркизѣ.

»Зрѣлище это не такъ ужасно, чтобы его страшиться, сказалъ я, стараясь улыбаться.

— О! отвѣчала Маркиза, вы не видѣли еще ничего. Дай Богъ, чтобы каждая травля происходила такимъ образомъ!

И въ то же время стулъ Піедады тихо придвинулся къ моему. Я взглянулъ на нее; на лицѣ Маркизы вспыхнулъ румянецъ. Я покраснѣлъ также.

И мои глаза опустились внизъ, равно какъ и прелестныя очи Піедады. Мы снова обратили взоры на ристалище.

VI.

Въ это мгновеніе молодой человѣкъ, одѣтый въ костюмъ *махо*, прыгнулъ тихо изъ партера на сцену, и бросаясь на колѣни предъ ложей Коррежидора (судьи) просилъ позволенія вонзить пару стрѣлъ (banderillas) въ шею быка. Подобныя просьбы обыкновенны и удовлетворяются безъ затрудненія. Правительство, одобряя смѣлыхъ, допускаетъ охотно рыцаря предаваться всѣмъ опасностямъ: горе бойцу ежели онъ не имѣетъ довольно смѣлости и опытности, чтобы выдержать опасную борьбу, на которую рѣшается.

Молодому человѣку дали двѣ стрѣлы

Онъ выступилъ противъ быка, и приближась къ нему на тридцать шаговъ, поднялъ руки вверхъ, вызывалъ противника своего на бой крикомъ и жестами, стерожилъ мгновеніе когда животное натужитъ голову внизъ, чтобъ поспѣшить къ нему и вонзить въ шею роковыя стрѣлы. Но быкъ уклонился отъ гибели своей: выигравъ поле у бойца, онъ бросился на него съ невѣроятною быстротою. Единственный случай былъ потерянъ для юноши. Ему не оставалось ни времени, ни средствъ отвратить его: лишась возможности наступать, онъ не имѣлъ оружія для обороны. И такъ, бросивъ безполезныя стрѣлы на землю, боецъ хотѣлъ бѣжать; но обратясь назадъ увидѣлъ ясно, что будучи въ дальнемъ разстояніи отъ барріера, онъ не успѣетъ уйти. Молодой человѣкъ обратившись назадъ рѣшительно ожидалъ нападенія, думая, можетъ быть, избѣгнуть удара прыжкомъ въ сторону, или чрезъ быка.

Бѣдный юноша расчиталъ эти мѣры, руководствуясь болѣе смѣлостію, нежели благоразуміемъ. Остервененіе и быстрота дикаго звѣря лишили бойца всѣхъ средствъ къ оборонѣ. Прежде нежели онъ успѣлъ двинуться съ мѣста, *новильосъ* поднялъ его на рога и бросилъ вверхъ на двадцать футовъ отъ земли. — Несчастный упалъ внизъ головою. Черепъ неминуемо долженъ былъ размозжиться отъ сильнаго удара. Когда быкъ оставилъ свою жертву, *Чюлосы* (chulos) подбѣжали къ юно-

шѣ: онъ не дышалъ. Бездушный трупъ бойца унесли со сцены. — По крайней мѣрѣ онъ не долго страдалъ.

VII.

Я не могъ выдержать болѣе этого зрѣлища. Я всталъ съ негодованіемъ. Піедада схватила мою руку. Руки ея дрожали; я сѣлъ снова на свой стулъ, который, не знаю какъ, сблизился гораздо болѣе со стуломъ Маркизы. Лице ея было покрыто блѣдностію.

»Боже мой! что съ вами, вскичалъ я, вамъ дурно, Піедада!«

— Мнѣ! я ничего не чувствую, сказала она прерывающимся голосомъ. Мнѣ хорошо! Но вы страдаете, Джонъ! Пойдемъ отсюда! не правда ли? удалимся.

О! конечно, я желалъ бы уѣхать; но какъ рѣшиться на это? небыли ль мы одни въ этой ложѣ! Мы находилось вмѣстѣ, наединѣ, и въ первый разъ! — И ея рука была въ моей! Оставляя циркъ, должно было бы пожертвовать вполнѣ такимъ блаженствомъ! И наслажденіе это не было ли въ тысячу кратъ выше всѣхъ ужасовъ безчеловѣческаго зрѣлища?

»Нѣтъ, останемся, я васъ умоляю, останемся, ежели вы можете, отвѣчалъ я наконецъ. Піедада, я мужчина: картина эта, признаюсь, подѣйствовала нѣсколько на мои чувства; но я могу остаться: я могу теперь перенести остальное.

— Останемся, прошептала Маркиза.

И въ то же время рука ея нѣжно пожала мою, и ея глаза въ половину закрытыя, бросили на меня одинъ изъ тѣхъ взоровъ, которые проницаютъ въ душу. — О! травля можетъ продолжаться. Я полюбилъ эту жестокую забаву, — я находилъ ее прекрасною! — Быть можетъ, я потерялъ сострадание, не имѣлъ человѣчества, — но что дѣлать? я былъ такъ счастливъ!

VIII.

Смерть юноши, это происшествіе, по которому я полагалъ, должны будутъ кончить спектакль, имѣло мало вліянія на публику. Не постоянная и легкомысленная, едва имѣла она время замѣтить происшедшее; когда я снова обратился на сцену, зрители забыли уже убитаго юношу. Истощая веселыя шутки, народъ занимался упорствомъ двухъ ословъ, которыхъ ни какой бичь не могъ заставить подняться на ноги.

Вскорѣ общая веселость перешла къ другому предмету, не менѣе забавному.

Два Чюлоса явились на мѣстѣ боя; съ трудомъ двигались они въ длинныхъ бездонныхъ корзинахъ, которыя доходя къ ихъ мышцамъ, составляли родъ плетеной одежды. Головы и руки Чюлосовъ выходили наружу, и они, покрытые такимъ образомъ, держали въ рукахъ стрѣлы, чтобы вонзить ихъ въ шею быка. По истиннѣ, предпріятіе довольно дерзкое, тѣмъ больше, что необыкновенный на-

рядъ бойцовъ затруднялъ нѣсколько ихъ движенія.

Я страшился неминуемыхъ послѣдствій предстоящей битвы и старался приготовить себя къ трагической развязкѣ.

Между тѣмъ, одинъ изъ тореадоровъ (toreadores) былъ подведенъ, или лучше сказать поднесенъ къ быку, разстояніемъ на тридцать шаговъ; послѣ того всѣ чюлосы удалились на дистанцію, давъ свободу человѣку и животному предаться ихъ враждѣ.

Тореадоръ смотрѣлъ на своего противника, держа въ распростертыхъ рукахъ стрѣлы. Быкъ взаимно вперилъ удивленный взоръ на дерзкаго бойца, такъ необыкновенно вооруженнаго. Озирая другъ друга такимъ образомъ, они оставались нѣсколько мгновеній въ неподвижности. Потомъ, внезапно, нетерпѣливый быкъ, начавъ аттаку, бросился на своего непріятеля; но рыцарь, приготовленный къ тому, внимательно слѣдившій всѣ движенія звѣря, пользуясь мгновеніемъ, когда животное устремилось къ нему съ пригнутыми рогами, сильною рукою вонзилъ ему стрѣлы въ шею. — Подобно черепахѣ, которая при видѣ опасности скрывается въ скорлупу свою, защищая голову и лапы, — опытный тореадоръ спряталсл въ свой коробъ, который встрѣтя удары быка былъ опрокинутъ. Испытавъ безплодное бѣшенство и сверхъ того чувствуя рану, новильосъ, побуждаемый мщеніемъ и болью, поворотилъ назадъ, и ринувшись съ яростію на

коробъ, бросилъ его вверхъ; потомъ переворачивалъ во всѣ стороны — напрасно: искусный *бандерильеръ* (banderillero) держался въ укрѣпленіи своемъ безвредно; наконецъ изступленный быкъ отбросилъ покрытаго бойца, и корзина покатилась къ барріеру. Новильосъ, вѣроятно, наскуча истощать гнѣвъ свой надъ предметомъ неодушевленнымъ, оставилъ его и поспѣшилъ ко второму бандерильеру, который защищался съ такою же удачею, былъ опрокинутъ подобно первому, потрясаемъ въ своемъ гнѣздѣ, и потомъ брошенъ въ пыли.

Борьба возобновлялась нѣсколько разъ, съ такимъ же успѣхомъ, присутствіемъ духа со стороны *бандерильеровъ* и необыкновенною ловкостію. Наконецъ, бойцы оставили свои укрѣпленія, и при громкихъ рукоплесканіяхъ публики вышли невредимы, хотя въ нѣкоторомъ безпорядкѣ и съ легкими контузіями.

Не смотря на нѣсколько ранъ, полученныхъ стрѣлами, этотъ первый быкъ оставался живъ. Чюлосы проводили его изъ цирка, равно какъ и ословъ, которые не видя болѣе своего грознаго побѣдителя, согласились наконецъ подняться.

(Окончаніе впредь.)

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ АМСТЕРДАМА.

Амстердамъ, $\frac{19}{7}$ Сентября 1834.

Вы удивляетесь, можетъ быть, что я вмѣсто того, чтобы отправиться прямо на Рейнъ, какъ извѣщалъ васъ въ первомъ письмѣ (*), вдругъ очутился въ Амстердамѣ. Случай.... желаніе.... небольшая прихоть.... Вдругъ пришла мысль взглянуть на Голландію, и вотъ я здѣсь.

Съ чего же начну второе письмо свое? Описаніемъ ли прелестной *Blancuenèze*, небольшой деревни въ двухъ часахъ отъ Гамбурга; разысканіями ли о *Чортовомъ мостѣ*, по дорогѣ къ этой деревни, Богъ знаетъ почему названномъ *Чортовымъ* мостомъ; разсказомъ ли о моихъ морскихъ путешествіяхъ?.. О моихъ морскихъ путешествіяхъ!... Да, вотъ уже второе въ одинъ мѣсяцъ. Это чего нибудь да стоитъ! Начну съ морскихъ путешествій.... пора! проѣхать два моря и не сказать о нихъ ни слова—стыдно!

И такъ, имѣете ли вы понятіе, что такое море? Боже мой, вы столько уже перечитали морскихъ путешествій, морскихъ повѣстей, морскихъ романовъ.... Вы уже создали въ вашемъ воображеніи такой великолѣпный идеалъ моря....

(*) С. О. и С. А. 1834.

Вы уже такъ напитаны мыслію, что видѣть море, путешествовать по морю — чудо, прелесть, восторгъ.... величественныя картины, безконечная даль, необозримое пространство волнъ... Разочаровать ли васъ?

Да, я скажу вамъ всю истину, относительную, можетъ быть, истину, которой вы можете тотчасъ же противупоставить тысячу опроверженій: потому что, что такое истина? Но я разскажу какимъ мнѣ показалось море.

Возьмите большую тарелку воды и накройте эту тарелку хрустальнымъ колпакомъ; — какъ понравится вамъ эта картина? Никакого величія, никакой безконечности, никакой дали; — пусто, однообразно, утомительно, скучно. Правильная, круглая плоскость воды, сверху небо, и только. Замѣтьте притомъ, что самая величина этого круга совершенно зависитъ отъ степени вашего зрѣнія! Смотрите сколько угодно, — вотъ вода, вотъ черта, отдѣляющая эту воду отъ горизонта, вотъ горизонтъ.... Что тутъ особеннаго? — Но уничтожьте эту черту, наполните даль легкимъ туманомъ, — другое дѣло! предъ вами откроется по крайней мѣрѣ картина безконечности.

Во все время плаванія нашего отъ Петербурга до Любека погода стояла, какъ говорятъ, превосходная. На небѣ ни облачка, море—гладко, какъ зеркало. Мы не знали куда скрыться отъ жара и духоты. Плаваніе наше отъ Гамбурга до Амстердама было не такъ счастливо. Въ

ночь съ 29 на 30 Августа (ст. ст.) мы претерпѣли довольно сильную бурю. Верстахъ въ двухъ отъ насъ два корабля погибли. Я былъ наказанъ за прихоть. Представьте себѣ, что вы въ полномъ морѣ; кругомъ, подъ вашими ногами—смерть; волны ревутъ; вы слышите какъ онѣ бьются о края вашей койки, васъ раздѣляютъ нѣсколько утлыхъ досокъ.... Вѣтеръ свиститъ, снасти скрыпятъ, мачты съ трескомъ гнутся къ палубѣ, двери въ каютахъ бьются одна о другую;— шумъ, грохотъ, вой, стукъ, трескотня, духота, жаръ, тоска.... Голова кружится, вы не можете простоять секунды на одномъ мѣстѣ; васъ поднимаетъ, васъ кидаетъ изъ стороны въ сторону, вы хватаетесь руками за стѣны каюты, каюта идетъ кругомъ, вещи со скамеекъ падаютъ на полъ; волны ревутъ сильнѣе и сильнѣе, сверху въ окно пробивается вода, по стѣнамъ, по полу, по вашему лицу струятся цѣлые ручьи; и въ заключеніе спектакля старый Французъ, высунувъ изъ койки блѣдное лице свое, клянется всѣми дьяволами на свѣтѣ, что чрезъ пять минутъ пароходъ развалится на части.

Чтобы нѣсколько успокоиться, я вздумалъ спать.... Невозможно! того и гляди, что вылетишь изъ койки или задохнешся отъ нестерпимой духоты и запаха смолы и торфа... Качка безпрестанно усиливалась, вѣтеръ становился порывистѣе. Я попробовалъ выбраться на палубу, мнѣ удалось это. Ударившись раза два лбомъ о крутую лѣстницу, я отворилъ ставни, до-

тащился кое-какъ до передней мачты, и ухватившись обѣими руками за какую-то веревку, почти повисъ на воздухѣ. Меня начало таскать съ одной стороны въ другую. Смотрю вокругъ, — море совершенно бѣлое; одна волна подымаетъ другую; кругомъ горизонта черная полоса; небо, какъ сводъ пещеры.... Глаза мои невольно остановились на черной полосѣ. Что-то траурное, что-то безотрадное было въ этомъ магическомъ кругѣ! Казалось, онъ опоясывалъ нашу могилу.

Вѣтеръ и качка заставили меня возвратиться въ каюту. Вдохнувъ въ себя нѣсколько глотковъ свѣжаго воздуха, я спустился внизъ и по стѣнкѣ добрался до своей койки. Мысль заснуть какъ нибудь не оставляла меня, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ припадковъ морской болѣзни, при шумѣ волнъ и завываніи бури, глаза мои сомкнулись.... Я заснулъ, и проснулся уже въ седьмомъ часу утра. Буря свирѣпствовала по прежнему. Вѣтеръ дулъ совершенно противный нашему плаванію. Мы едва двигались съ мѣста. Передняя часть парохода была почти неприступна: волны хлестали чрезъ бортъ. Всѣ пассажиры пріютились на корму.

Около двухъ часовъ вѣтеръ началъ стихать, море стало спокойнѣе, облака по немногу разсѣялись; мы отдохнули. Вечеромъ пароходъ былъ уже у залива; но опасаясь множества мелей, кинулъ якорь. Слѣдующее утро наградило за всѣ безпокойства. Море было очаровательно. Солнце горѣло во всемъ своемъ блескѣ; вода превратилась въ золотую чешую; на небѣ ни облачка; вдали плоскіе берега Голландіи; кругомъ корабли, играющіе тюлени и рыбачьи лодки.

Въ седьмомъ часу вечера мы были уже въ Амстердамѣ. Что сказать вамъ объ этомъ городѣ ? По пріѣздѣ въ каждый городъ, я обыкновенно обхожу его сначала весь кругомъ, потомъ пробѣгаю по улицамъ и наконецъ смотрю на этотъ городъ съ какого нибудь возвышенія, — съ колокольни, съ горы, съ террасы; такимъ образомъ этотъ городъ открываетъ мнѣ сначала свою наружность и свои окрестности, потомъ внутренній составъ свой, и наконецъ разстилается весь, какъ на блюдечкѣ.

Окрестности Амстердама не имѣютъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго. Съ одной стороны море, усѣянное кораблями, и эта сторона самая живописная; съ трехъ остальныхъ плоскія, зеленыя равнины и нѣсколько небольшихъ заливовъ. Весь городъ опоясанъ, усаженнымъ тополями и, какъ помнится, липами, каналомъ. Когда мы подъѣзжали къ Амстердаму, онъ показался мнѣ въ видѣ половины луны; но, посмотрѣвъ на него съ дворцовой башни, я увидѣлъ, что онъ имѣетъ форму неправильнаго круглаго многоугольника. Надобно нѣсколько привыкнуть къ этому городу, чтобы сказать что нибудь въ его пользу. Сначала онъ покажется вамъ болѣе мертвою тюрьмою, нежели живымъ, торговымъ городомъ. Его узенькіе, семиэтажные дома красно-чернаго цвѣта, его коридорчатыя

улицы, обсаженныя высокими деревьями и перерѣзанныя вдоль и поперегъ широкими каналами; его висячіе деревянные съ перекладинами сверху мосты, его готическія церкви и царствующее повсюду однообразіе, — все это составляетъ что-то мрачное, торжественное, погребальное. Правда, вы увидите между этимъ трауромъ, нѣсколько чистенькихъ, бѣлыхъ домиковъ, совершенно новой архитектуры; но они только еще болѣе усилятъ впечатлѣніе сдѣланное на васъ ихъ унылыми товарищами.

Взобравшись, какъ сказалъ, на Дворцовую башню, я увидѣлъ подъ собою одну уродливую массу, сплоченную изъ разноцвѣтныхъ кровель, трубъ и небольшихъ башенокъ, — такъ узки улицы! Вдали синѣлось море, въ другой сторонѣ, подобно муравьиному гнѣзду, возвышался Саардамъ, въ третьей — едва, едва виднѣлся Утрехтъ; кругомъ города, какъ уединенные стражи, стояли мельницы. Раздавшійся вдругъ надъ самой головой моей звукъ часовъ согналъ меня внизъ; я очутился на небольшой для Петербурга, но огромной для Амстердама площади города, и тотчасъ же повернулъ въ одну изъ его улицъ, мостовая которыхъ не увидитъ солнца до послѣдней минуты возвышающихся надъ нею зданій.

Случай, толкнувшій меня сюда такъ неожиданно, случай, которому я довѣряю всего болѣе на свѣтѣ, на этотъ разъ не обманулъ меня. Я очутился здѣсь въ самое лучшее въ Амстердамѣ время года, — во время ярмарки. Говорю лучшее потому, что полагаю ярмарку однимъ изъ первѣйшихъ праздниковъ города. Здѣсь она продолжается три недѣли, съ перваго Воскресенья послѣ 1-го Сентября (н. с.) и бываетъ только одинъ разъ въ годъ.

Покойный мой Профессоръ Спатисшики говаривалъ, что торговля всего болѣе любитъ селиться въ грязи и болотахъ. Взглянувъ на торговые города, ярмарки и рынки, нельзя отчасти съ нимъ не согласиться. Здѣшняя ярмарка выкинула свой флагъ между Сырнымъ и Масляным рынками. Надобно видѣть ее по Субботамъ вечеромъ, чтобы имѣть о ней полное понятіе. Небольшая вымощенная площадь застроена балаганами и уставлена столами съ разными лакомствами; кругомъ красуются одна возлѣ другой чистенькія лавочки торговокъ; — ближайшія улицы и площадь кипятъ народомъ; окна домовъ на площадь растворены. Эти дома — большею частію трактиры. Передъ каждою изъ лавочекъ виситъ пылающая лампада; на полу огромная жаровня съ мѣдною сковородою; — передъ вашими глазами жарятся блины и оладьи; облака дыма стелятся надъ головами гуляющихъ. Трактиры иллюминованы; со всѣхъ сторонъ музыка. Народъ бѣсится. Тутъ полупьяный Нѣмецъ сжетъ сигарою локоны молодаго Жиденка; тамъ толпа мальчишекъ осаждаетъ торговку съ устрицами; здѣсь толпа мужчинъ и женщинъ, схватившись за руки, прыгаютъ, какъ сумасшедшіе;

крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ, давка, бѣготня. Гуляющіе не дали мнѣ уснуть всю ночь. (Я думалъ, что срываютъ городъ!) Улица, въ которой я остановился, къ несчастію принадлежитъ къ числу избранныхъ на это время для ночныхъ прогулокъ. »Mais, c'est que cette nuit il y aura du tapage!« сказалъ мнѣ сынъ моего хозяина, лихой солдатъ временъ осады Антверпена, теперь торгующій кружевами. И онъ сказалъ правду.

Многіе судятъ о главныхъ чертахъ характера какого либо народа по числу его преступниковъ, по количеству съѣдаемыхъ жизненныхъ припасовъ; другіе — по образу его жизни, по его занятіямъ; третьи — по климату, по почвѣ земли; все это прекрасно, превосходно, можетъ быть, неподражаемо! Но на все это надобно время, острые глаза, счастливое расположеніе, средства, изчисленія, познанія, твердость характера, и т. п. — Качества и потребности, рѣдко соединяемыя въ одномъ человѣкѣ. Откинувъ все это въ сторону, я нашелъ еще одну точку, съ которой, при небольшомъ соображеніи, можно, ежели не рѣшительно, то по крайней мѣрѣ близко означать главныя черты характера каждаго народа. Эта точка — его удовольствія.

Народъ, какъ человѣкъ; человѣкъ какъ дитя всего менѣе обращаетъ вниманія вокругъ себя, когда наслаждается. Въ это время вы можете поймать его, какъ птичку; въ это время — его привычки, его желанія, его образованность, его

страсти, его душа — передъ вами открыты. Анатомируйте ихъ, какъ угодно; вы рѣдко ошибетесь.

Вы пріѣхали въ какой нибудь городъ, — идите прямо въ театръ, — идите разъ, идите два, идите три, читайте каждый день афиши. Театръ — представитель образованности города. Замѣчайте, что̀ чаще играютъ, каково играютъ, чему больше аплодируютъ, какія выходки особенно нравятся публикѣ, много ли посѣтителей, велики ли антракты, долго ли публика терпѣливо ждетъ открытія занавѣса; идите въ балаганы, если есть они въ этомъ городѣ; замѣчайте, чѣмъ больше эти балаганы наполнены, прислушивайтесь къ восклицаніямъ зѣвакъ; идите въ трактиры.... Ничего! идите, — замѣчайте много ли праздношатающихся, чѣмъ больше эти праздношатающіеся убиваютъ время, каково дѣйствуетъ на нихъ вино и водка. Идите на публичныя гулянья, идите въ публичные дома, назначенные для собранія высшей публики....

Знаете ли, что послѣ всего этого, ежели только вы смотрѣли не затылкомъ, передъ вами открыта вся нравственная Статистика города! И между тѣмъ все это въ два, три дня — не болѣе!

Что же сказать вамъ объ Амстердамѣ! Здѣсь два театра — Французской и Голландской. Я былъ только въ первомъ. Играли нѣсколько водевилей. Первые мѣста оставались почти со-

вершенно пусты. Театръ небольшой, но очень миленькой; акторы знаютъ свое дѣло; антракты длинны; публика терпѣлива; выходки противъ Англичанъ сопровождались долгими, долгими рукоплесканіями. Недалеко отъ меня, въ первой ложѣ, сидѣлъ какой-то старикъ, весьма почтенной наружности. Я не могъ налюбоваться, смотря на улыбку особеннаго удовольствія, изображавшуюся на лицѣ его при каждой изъ этихъ выходокъ. Здѣшнія панорамы и райки наполнены большею частію картинами осады Антверпена; восковые кабинеты — фигурами Генераловъ и Королей; въ одномъ изъ этихъ кабинетовъ выставлена даже цѣлая колонна восковыхъ солдатъ; акробаты представляютъ только военныя эволюціи. Всего болѣе занимаютъ зрителей картины осады.

Главное изъ здѣшнихъ собраній хорошаго общества есть такъ называемый, *Frascati*. Бѣдный Римъ обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ! Здѣшній *Frascati* — большой, четырехъугольный, прекрасно освѣщенный, продолговатый залъ, перерѣзанный посрединѣ нѣсколькими колоннами. Противъ дверей — хоры; немного въ сторонѣ буфетъ. Весь этотъ залъ уставленъ маленькими столиками, такъ что два человѣка могутъ съ трудомъ между ними разойтиться. Вы приходите, садитесь за одинъ изъ этихъ столиковъ, спрашиваете себѣ чего нибудь, и зѣваете на приходящихъ. Между тѣмъ играетъ музыка. Являются цѣлыя семейства,—та же церемонія; залъ

наполняется; наконецъ нѣтъ мѣста; посѣтители все прибываютъ; занявшіе мѣста не обращаютъ на это вниманія; — вы слышите со всѣхъ сторонъ шумный говоръ, звонъ чашекъ и стакановъ, музыку.—Музыка по временамъ умолкаетъ; нѣсколько шумныхъ рукоплесканій заставляютъ ее играть снова.... Не правда ли, весело? — Все это продолжается отъ семи часовъ вечера до двѣнадцати.

Главное публичное гулянье хорошаго общества — небольшой садъ съ павильономъ внутри. Первое удовольствіе каждаго гуляющаго—сѣсть возлѣ столика и покушать. Уйти съ гулянья, не выпивъ чашки кофе, или бокала вина, предосудительно. И потому здѣсь болѣе любятъ гулять сидя, нежели прохаживаясь.

Всѣ публичныя увеселенія по Воскресеньямъ закрыты: дань Протестанской религіи! — Въ продолженіе дня въ будни вы не увидите праздношатающихся: всѣ заняты; вечеромъ городъ оживаетъ.

Трактиры посѣщаютъ и женщины. Въ окна вы можете видѣть, какъ онѣ танцуютъ тамъ, пьютъ кофе, пуншъ. Вообще замѣтно, что здѣсь мужчины не любятъ веселиться одни.

Странствующихъ по улицамъ музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, здѣсь почти не встрѣтите. Время отъ времени развѣ прозвучитъ шарманка, — и только. За то не разъ увидите походныхъ фокусниковъ, которые взобравшись на небольшое возвышеніе, подъ открытымъ небомъ, сре-

ди площади, обманывають глаза зѣвакъ за ихъ же деньги.

Увѣренъ, не посѣтуете на меня, что не описываю ни здѣшняго Адмиралтейства, ни здѣшняго Дворца, ни здѣшней Академіи — ни здѣшней Биржи, ни... ни... тому подобныхъ важныхъ предметовъ; ихъ столько уже описывали.

Перейдемъ къ мелочамъ!

Вы улыбнетесь, можетъ быть, когда я скажу, что въ Амстердамѣ тяжести и женщинъ, словомъ — тяжести, среди краснаго лѣта перевозятъ въ зимнихъ экипажахъ, — первыхъ на санях, послѣднихъ въ возкахъ. Вы улыбнетесь еще болѣе, когда узнаете, что это дѣлается, чтобы ѣзда была спокойнѣе; странность, прекрасно оттѣняющая главную черту въ характерѣ здѣшнихъ жителей — необыкновенную усидчивость. Фіакровъ совсѣмъ нѣтъ; вы должны непремѣнно ходить пѣшкомъ; обычай весьма кстати въ Амстердамѣ. Если бы его узенькія улицы наводнить экипажами, не куда бы скрыться отъ стукотни и шума.

Вы не разъ увидите толпы простаго народа, вокругъ микроскопа, который за копѣйку показываетъ ему все въ пятьсотъ разъ болѣе.

Мостовая здѣшняя весьма хороша; по крайней мѣрѣ, послѣ Гамбурга ваши ноги отдохнутъ немного. Вы можете ходить спокойно... Но вездѣ свои непріятности! Не успѣете пройти тридцати шаговъ, какъ васъ осыпаютъ маль-

чишки съ настояніемъ вычистить ваши сапоги, хотя бы они были чище самой чистоты, или полуоборванные жрецы фортуны съ предложеніемъ билетовъ на лотерею... Есть еще третьяго рода непріятели... Но эти по крайней мѣрѣ довольствуются односложнымъ вопросомъ и коварною улыбкою, которая была бы имъ болѣе къ лицу, если бы онѣ меньше румянились.

Блуждая на дняхъ по улицамъ, я вдругъ пораженъ былъ новою для меня въ своемъ родѣ вывѣскою; — представьте себѣ! — рогами. Желая узнать, что продается подъ такимъ двусмысленнымъ іероглифомъ, я заглянулъ въ лавку. Меня встрѣтила лѣтъ восемнадцати дѣвушка и растолковала, что подъ вывѣскою роговъ здѣсь обыкновенно продаются... Но зачѣмъ вамъ это знать! — У насъ подъ этою вывѣскою ничего не продается.

Если бы мнѣ не совѣстно было васъ безпокоить, то попросилъ бы васъ, какъ въ Гамбургѣ, пройтись со мною и по Амстердаму; показалъ бы вамъ монументъ, сооруженный въ одной изъ здѣшнихъ церквей безсмертному поступку Лейтенанта фанъ Спейка, который во время осады Антверпена, видя невозможность спастись отъ непріятеля, взорвалъ себя съ кораблемъ на воздухъ; показалъ бы вамъ здѣшнюю темную яму — жилище Жидовъ, и прелестныя картины Королевскаго Дворца; показалъ бы вамъ множество другихъ предметовъ, о которыхъ, можетъ быть, не стоитъ говорить; но которые

отъ этого не менѣе занимательны на своемъ мѣстѣ.

Но всего удивительнѣе положеніе Амстердама. Построенный почти на водѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ водою, Амстердамъ, какъ Танталъ, не можетъ утолить своей жажды ни каплею изо всего этого безмѣрнаго царства Нептуна. Воду, годную для употребленія, берутъ за четыре мили.

По этому-то, можетъ быть, здѣсь такъ и употребительно слово — *Drink-geld*. Вамъ не отворяютъ дверей безъ этого слова. *Drink-geld* въ Амстердамѣ первой лепетъ начинающаго говорить младенца, послѣдній вздохъ отходящей въ вѣчность старухи. Благодарю случай, что не сосваталъ мнѣ здѣсь ни одной невѣсты. Я думаю, за каждый поцѣлуй пришлось бы отпускать по Drink-geld-у. Желалъ бы знать, какъ раздѣлываются въ этомъ случаѣ здѣшніе супруги.

Наконецъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ объ Амстердамскихъ женщинахъ. Увы! Гг. гастрономы, Амстердамъ не богатъ хорошенькими. Вотъ уже недѣля, какъ я здѣсь; но еще не встрѣтилъ ни одной, достойной вашего вниманія. Утѣшьтесь устрицами; здѣсь онѣ необыкновенно дешевы!

Какъ Русской и какъ человѣкъ, я не преминулъ посѣтить Саардама. Домикъ Великаго находится на небольшой площадкѣ около гавани; досчатыя стѣны и черепичатая крыша, обведены каменными сводами; кругомъ цвѣтникъ; все строеніе заключается въ трехъ комнатахъ. Въ одной изъ нихъ длинный, дубовый столъ, шкафъ, портретъ Петра, картина его собственной работы и оловянная чернилица; остальныя двѣ совершенно пусты.

Саардамъ особенно изобилуетъ мѣльницами: когда вы подъѣзжаете къ нему, вамъ покажется, что ѣдете въ царство мѣльниковъ. Это напомнило мнѣ нашъ В**, вскружившій нѣкогда голову Россіи, вокругъ котораго столько мѣльницъ, что если бы я любилъ щеголять остротами, то сказалъ бы, что тамошнимъ жителямъ скоро будетъ нечего молоть.

Чтобы не заключать письма своего этою выходкою, скажу по примѣру всѣхъ разскащиковъ, когда имъ не о чемъ говорить, — что здѣсь стоитъ такая прекрасная погода, которой не запомнятъ и самые старожилы. Добрый знакъ! — хорошая погода для путешественника, то же, что спокойная, хорошо убранная комната для домосѣда.

Т-м-ф-ъ.

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, о приведеніи въ дѣйство предложенія Костромскаго Гражданскаго Губернатора: соорудить въ Костромѣ памятникъ Ивану Сусанину, тому герою поселянину, который спасая Родоначальника благополучно, къ славѣ Россіи, царствующаго Дома, Царя Михаила Ѳеодоровича, въ своей безкорыстной, доблестной ревности, первый ознаменовалъ жертвою жизни вѣрность Русскихъ къ сему Августѣйшему Дому.

На сей докладъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ коимъ вмѣстѣ Государю Императору благоугодно было повелѣть: открыть подписку для сооруженія означеннаго памятника, а для составленія проэктовъ онаго, сдѣлать особый конкурсъ художниковъ.

О таковомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно отнесся къ начальникамъ губерній, съ тѣмъ, чтобы они, открывъ, подъ непосредственнымъ ихъ руководствомъ, подписку на добровольныя приношенія для сооруженія памятника Сусанина, вносимыя для сего деньги доставляли чрезъ Костромскаго Гражданскаго Губернатора въ особый

Комитетъ, который тамъ для сего учреждается, сообщая съ тѣмъ вмѣстѣ и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, какъ о именахъ подписавшихся, такъ и о суммахъ, кои будутъ поступать.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, о дозволеніи купцамъ Нижегородскому Блюммеру и С. П. бургскому Соймонову, согласно ихъ прошенію, открыть въ С. Петербургѣ торговлю, по примѣру Москвы, исключительно Россійскими виноградными винами, подъ собственнымъ ихъ наименованіемъ.

Комитетъ Министровъ полагалъ мнѣніемъ: дозволить просителямъ Блюмбергу и Соймонову открыть въ здѣшней столицѣ, на первый разъ, до 8 ренсковыхъ погребовъ, собственно для продажи винъ Россійскаго произведенія, съ означеніемъ сего и на самыхъ вывѣскахъ, на общемъ для заведеній сего рода въ законахъ основаніи, съ тѣмъ, что если они желаютъ продавать въ сихъ погребахъ водку разныхъ родовъ, то въ семъ случаѣ обязаны будутъ исполнять установленныя въ §§ 295, 296 297 откупныхъ условій правила.

Сіе Мнѣніе Комитета Министровъ удостоено Высочайшаго утвержденія 4-го Іюня сего 1835 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что столь полезное предположеніе можетъ послужить къ распространенію отечественной промышлености и повести винодѣліе наше къ большему совершенству.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 26 ч. Министръ Юстиціи представилъ принятый Палатою Депутатовъ проэктъ закона о назначеніи 300.000 фр. на из-

держки церемоній, къ которымъ подало поводъ преступленіе, совершенное 28 Іюля. Потомъ Палата продолжала разсмотрѣніе проэкта закона объ Уголовномъ судопроизводствѣ, которое и окончено на другой день принятіемъ закона по большинству 81 голоса противъ 20. Въ томъ же засѣданіи Палата приняла два другіе проэкта: о назначеніи 500.000 фр. на издержки по случаю холеры и 122.500 фр. въ добавокъ къ бюджету Палаты Депутатовъ на 1835 годъ. — Въ засѣданіи 29 Августа Палата слушала докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проэктъ закона о судѣ присяжныхъ и другой, которой поручено было разсмотрѣніе проэктовъ законовъ о пенсіяхъ жертвамъ преступленія 28 Іюля и о назначеніи суммы на похороны и благодарственное молебствіе. Обѣ Коммиссіи предлагаютъ принять эти законы безо всякихъ измѣненій.

Палата Депутатовъ продолжала въ засѣданіяхъ 26 и 27 ч. разсмотрѣніе 1-ой статьи проэкта закона о книгопечатаніи; наконецъ она принята въ томъ самомъ видѣ, какъ представлена Коммиссіею, равно какъ и слѣдующія одиннадцать статей. — Въ засѣданіи 28 ч., въ которомъ присутствовали только немногіе члены Оппозиціи, Докладчикъ, Г. Созе, объявилъ, что по мнѣнію большинства голосовъ Коммиссіи, новымъ законамъ о книгопечатаніи нельзя придать характера, слишкомъ предупредительнаго, но что значительное возвышеніе обезпеченія, которое должны представлять журналы, произведетъ въ журналистикѣ нѣкотораго рода аристократію и журналы, уменьшась въ числѣ, получатъ болѣе силы и вліянія. (Это старался доказать и Г. Дюбоа, который почитаетъ вреднымъ всякое обезпеченіе и вообще всѣ препятствія къ учрежденію новыхъ журналовъ). Основываясь на этомъ, Коммиссія полагаетъ,

что Парижскіе журналы, выходящіе болѣе двухъ разъ въ недѣлю, должны представлять 120.000 фр. обезпеченія; тѣже журналы въ городахъ, въ которыхъ 50.000 жителей, 50.000 и такъ далѣе. Это измѣненіе возбудило жаркія пренія, въ которыхъ Г. Бриквиль и де Траси упрекали Министровъ въ томъ, что они нарушаютъ Хартію; Гг. Тьеръ и Гизо защищались противъ этого обвиненія. Оба они произнесли превосходныя рѣчи, въ которыхъ впрочемъ излагали почти тоже самое что говорилъ Герцогъ де Броли. — Въ засѣданіи 28 Августа Г. Вивьеннъ предложилъ не увеличивать обезпеченія, взимаемаго доселѣ, но обязать журналистовъ представить вмѣсто государственныхъ облигацій чистыя деньги. Это предложеніе поддерживаемо было Гг. Пасси и Дюбоа, а Гг. Дюмонъ и Сальванди противились ему и предложеніе Г. Вивьеня отвергнуто только большинствомъ 8 голосовъ (178 противъ 170). Въ засѣданіи 29 ч. Г. Фирмень Дидо (знаменитый типографщикъ) предложилъ назначить слудующее обезпеченіе въ Парижѣ; для журналовъ выходящихъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю 100.000 фр., только два разъ въ недѣлю — 75.000 фр. для еженедѣльныхъ изданій 50.000 фр. для ежемѣсячныхъ 25.000 фр. въ провинціяхъ, исключая Департаментовъ, окружающихъ Сенскій, начиная съ 25.000 до 7.500 фр. Г. Созе объвилъ, что Коммиссія со своей стороны согласна на это предложеніе и оно принято. — При разсмотрѣніи третьй главы закона, Генералъ Валазе и Г. Гле-Бизоэнь сильно возставали противъ измѣненнаго Коммиссіею Министерскаго проэкта. Послѣднему Президентъ, по требованію Палаты, принужденъ былъ запретить продолжать рѣчь свою. — Наконецъ весь законъ принятъ большинствомъ 73 голосовъ (226 противъ 153). — Президентъ объя-

вилъ, что занятія Палаты окончены и что засѣданіе будетъ только въ такомъ случаѣ, если Палата Перовъ сдѣлаетъ какія либо измѣненія въ проэктахъ, утвержденныхъ Палатою Депутатовъ.

---

27 Августа задержанъ въ Парижѣ нѣкто Г. Пепенъ (Pepin); этотъ человѣкъ былъ нѣкогда Капитаномъ Національной Гвардіи и въ 1832 году, послѣ Іюньскихъ происшествій, онъ отданъ былъ подъ Военный Судъ по обвиненію въ томъ, что изъ окна своей квартиры стрѣлялъ по Національной Гвардіи; но былъ оправданъ. Подозрѣваютъ, что онъ доставилъ Фіески денеги на покупку ружейныхъ стволовъ и Полиція давно уже его искала; но онъ искусно укрывался, перемѣняя каждый день и костюмъ и квартиру. Наконецъ его схватили въ ту минуту, когда онъ сдѣлалъ послѣднія приготовленія для отъѣзда за границу. Президентъ Палаты Перовъ сдѣлалъ ему допросъ, продолжавшійся шесть часовъ. Потомъ, по приказанію слѣдственнаго Судьи, Г-на Легодинека, Пепенъ былъ отведенъ Полицейскимъ Коммисаромъ Миллье и двумя Полицейскими агентами въ его квартиру, для произведенія обыска, и тамъ скрылся. Одни говорятъ, что Г. Пепенъ исчезъ непонятнымъ образомъ, когда они вошли въ погребъ, другіе, что онъ напоилъ Полицейскихъ и пользуясь этимъ ушелъ. Полицейскій Коммиссаръ Миллье тотчасъ отрѣшенъ Г. Тьеромъ отъ должности, а Г. Персиль поручилъ производство слѣдствія другому Судьѣ. Префектъ Полиціи Г. Жиске подалъ въ отставку и прошеніе его, какъ говорятъ, принято. Увѣряютъ, что на мѣсто его будетъ назначенъ Г. Франкъ-Карре, Помощникъ Генералъ-Прокурора при Королевскомъ Судѣ Сенскаго Департамента. На другой день послѣ побѣга Г. Пепена, Г. Пакье получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что, увѣренный въ своей невинности, онъ явится, какъ скоро начнется судъ, но не хочетъ сидѣть до тѣхъ поръ въ тюрьмѣ.

Англія.

Въ засѣданіи Верхней Палаты 28 Августа, когда намѣревались прочесть въ третій разъ билль о муниципальномъ преобразованіи, Лордъ Винчельси предложилъ отложить это чтеніе на шесть мѣсяцевъ, т. е. отвергнуть билль; но въ пользу его предложенія оказалось только 5 голосовъ, противъ 69; билль прочтенъ и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ редакціи. — Въ засѣданіи 29 числа, по предложенію Лорда Денмана, билль, которымъ смертная казнь за кражу писемъ и святотатство отмѣняется, прочтенъ во второй разъ. — Въ засѣданіи 31 ч. Лордъ Линдгурстъ объявилъ, что билль о заключеніи въ тюрьму за долги можетъ быть отложенъ до слѣдующаго собранія Парламента; съ нимъ согласился Лордъ Бругамъ и мнѣніе ихъ принято Палатою.

Нижняя Палата, въ засѣданіи 28 ч. образовавшись въ комитетъ пособій, назначила 218. 861 ф. ст. на содержаніе милиціи въ Англіи и Ирландіи. Потомъ принесенъ былъ билль о муниципальномъ преобразованіи; но Канцлеръ Казначейства, Г. Спрингъ-Рейсъ, предложилъ отложить чтеніе его до 31 Августа, чтобы между тѣмъ измѣненія, сдѣланныя Перами, могли быть напечатаны и Палата, сказалъ онъ, могла бы приготовиться къ опредѣленію твердому, спокойному, но рѣшительному. — Въ засѣданіи 29 ч. Г. Спрингъ-

Рейсъ объявилъ, что Правительство не намѣрено долѣе поддерживать билля объ Ирландской церкви, совершенно измѣненнаго Верхнею Палатою, и потому необходимо принять нѣкоторыя мѣры въ пользу владѣльцевъ десятиннаго сбора. Въ слѣдствіе этого, онъ просилъ позволенія представить билль, которымь бы правительство уполномочено было остановить взысканіе суммъ, выданныхъ въ счетъ десятиннаго сбора владѣтелямъ пребендъ въ Ирландіи изъ милліона фунтовъ ст., назначеннаго на этотъ предметъ Парламентомъ. Позволеніе было дано и билль прочитанъ въ первый разъ. — Въ засѣданіи 31 ч. Палата начала разсмотрѣніе измѣненій, произведенныхъ Палатою Перовъ въ биллѣ о муниципальномъ преобразованіи. Лордъ Джонъ Руссель, предложившій объ этомъ Палатѣ, говорилъ съ большою умѣренностію. »Волненіе, царствующее въ народѣ, сказалъ онъ, произведено болѣе угрозами, которыя позволяли себѣ Перы, дѣлая измѣненія въ этомъ биллѣ, чѣмъ этими самыми измѣненіями; хотя нѣкоторые изъ нихъ таковы, что Палата не можетъ принять ихъ.« Потомъ предложилъ онъ отвергнуть нѣкоторыя изъ перемѣнъ, сдѣланныхъ Верхнею Палатою и принять нѣкоторыя другія. Оканчивая рѣчь свою, онъ сказалъ:« Желаю и, увѣренъ, этого желаетъ также большинство Палаты и всего Англійскаго народа, желаю, чтобы эти преобразованія были окончены мирно. Не смотря на всѣ пренія, происходившія по случаю этого билля и сдѣланныхъ въ немъ измѣненій, не произошло однако же ничего довольно важнаго для того, чтобы исполненіе этого желанія сдѣлалось невозможнымъ. Но если бы надежда моя и была обманута, я и тогда не буду жалѣть о томъ, что предложилъ мѣру миролюбивую, имѣющую цѣлію сохраненіе коренныхъ установленій моего отечества.« Сиръ Робертъ Пилль совершенно согласился съ Министрами и объявилъ себя противникомъ измѣненій, противорѣчащихъ первоначальной системѣ билля. Г. О'Коннель тоже присталъ къ Министрамъ; но радикальные Ирландскіе Члены, Гг. Гротъ, Эрвартъ, Ребукъ, утверждали, что Министры слишкомъ сговорчивы и дѣлають желанію предупредить столкновеніе между Палатами, такія уступки, которыхъ общественное мнѣніе одобрить не можетъ. Послѣ довольно жаркихъ преній, Палата приступила къ разсмотрѣнію измѣненій, сдѣланныхъ Палатою Перовъ; нѣкоторыя изъ нихъ приняты съ перемѣнами и 36 статей утверждены.

Полагаютъ, что по окончаніи этого разсмотрѣнія, Нижняя Палата потребуетъ совѣщанія съ Верхнею и посредствомъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ, дѣло будетъ окончено миролюбно.

Испанскія дѣла.

Въ одномъ журналѣ говорятъ, что между Генераломъ Гурреа и Карлистами происходило сраженіе, въ которомъ послѣдніе лишились 500 ч. плѣнными и денежнаго транспорта. Въ другомъ журналѣ утверждаютъ, что напротивъ Карлисты разбили въ Арагоніи войска Королевы и что ихъ вездѣ принимаютъ съ радостію.

Въ Французскомъ Монитерѣ говорятъ, что Генералы Эвансъ и Алава, имѣющіе въ Сентъ-Себастіанѣ 4000 ч., желая возстановить сношенія съ Франціею, заняли Эрнани, Ойрасунъ и Ирунъ, и что Наварскіе Карлисты противъ которыхъ пошли Генералы Гверра и Иріарте, отступили. — Генералъ Кордова вступилъ 16 ч. въ Логроньо съ тремя колоннами; двѣ

другія колонны пошли на Бильбао на встрѣчу Карлистамъ.

Въ одной Французской газетѣ говорятъ, будто Король получилъ отъ Испанской Королевы-Регентши письмо, въ которомъ она проситъ его занять Французскими войсками Барселону, Сарагоссу и Витторію и оставить ихъ тамъ, пока нынѣшнее правительство не утвердится.

5-го Сентября.

ИЗВѢСТІЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

Франція. Палата Перовъ, въ засѣданіи 1-го Сентября, приняла по большинству 74 голосовъ противъ 25, законъ объ измѣненіи въ Судѣ присяжныхъ. Потомъ Министръ Юстиціи представилъ принятый Палатою Депутатовъ проектъ закона о книгопечатаніи. Маркизъ Дрё-Брезе, который, по болѣзни, давно уже не присутствовалъ въ Палатѣ, требовалъ чтобы Коммиссія для разсмотрѣнія этого проекта была назначена Палатою, а не Президентомъ и чтобы ей даны были права Слѣдственной Коммиссіи, для того, чтобъ она могла призывать журналистовъ, типографщиковъ и вообще лицъ, до которыхъ этотъ законъ можетъ касаться. Онъ напомнилъ, что это сдѣлано было въ 1827 году и что слѣдствіемъ этого было то, что Министерство взяло свой проэктъ назадъ. Онъ прибавилъ, что поводомъ къ этому закону было преступленіе 28 Іюля и потому онъ долженъ бы быть разсмотрѣнъ тогда когда дѣло объ этомъ преступленіи будетъ окончено, потому что тогда можно будетъ видѣть виновно ли въ этомъ

книгопечатаніе. Но Палата не согласилась съ его мнѣніемъ и предоставила назначить Коммисію Президенту, который и составилъ ее изъ Гг. Баранта, Бастара, Кузеня, Жиро, Гиллемино, Мортемара, Сегье, Сентъ-Олера и Виллъменя. Докладчикомъ наименованъ Г. Барантъ и Перы созываются къ 5 числу. Вѣроятно, что въ этотъ день Г. Барантъ представитъ докладъ свой. Въ этомъ же засѣданіи утверждены законы о пенсіяхъ жертвамъ 28 Іюля и объ издержкахъ на церемоніи 5 и 6 Августа.

Англія. Нижняя Палата продолжала въ засѣданіи 1 Сентября разсмотрѣніе измѣненій, произведенныхъ Верхнею Палатою въ биллѣ о муниципальномъ преобразованіи. Одно измѣненіе, предложенное Лордомъ Русселемъ, принято по большинству 217 голосовъ противъ 37; измѣненіе, сдѣланное Перами въ статьѣ 126 отвергнуто большинствомъ 165 голосовъ противъ 69. Разсмотрѣніе этого билля окончено 2 ч. Въ засѣданіи 3 Сентября принятъ билль о жалованьѣ милиціи и объ уплатѣ процентовъ государственнаго долга. Г. Юмъ предложилъ отложить чтеніе этого билля, для того, чтобы Палата могла отказать въ назначеніи суммъ на государственныя издержки, если обстоятельства этого потребуютъ. Предложенію его противились Гг. Варбюртонъ и О'Коннель и Г. Юмъ взялъ его назадъ.

Верхняя Палата, въ засѣданіи 1 Сентября, приняла билль объ уплатѣ десятиннаго сбора въ Ирландіи; въ засѣданіи 2 ч. она отвергла по большинству 81 голоса противъ 27, билль о переписи избирателей въ Ирландіи. Въ засѣданіи 3 Сентября явился Лордъ Руссель и отъ имени Нижней Палаты пригласилъ Верхнюю на совѣщаніе. Герцогъ Веллингтонъ и Лордъ Линдгурстъ объявили, что они не намѣрены

принимать въ этомъ участія; Лордъ Голландъ изъявилъ удивленіе, что эти Лорды, предлагавшіе измѣненія въ биллѣ о муниципальномъ преобразованіи, отказываются отъ совѣщанія по этому предмету. Лордъ Брумъ отвѣчалъ, что они имѣютъ полное право отказываться, потому что Нижняя Палата дѣлаетъ только приглашеніе, которое можно принять и не принять. Послѣ довольно жаркихъ преній, для совѣщанія назначены были Лордъ Президентъ Совѣта, Лордъ Хранитель Тайной Печати, Герцогъ Ричмондъ, Графъ Шафтсбюри, Епископъ Бристольскій, Лордъ Аукландъ, Лордъ Мельбурнъ и Лордъ Гатертонъ. Совѣщаніе произведено было тотчасъ и продолжалось не болѣе четверти часа. Лорды снова явились въ засѣданіе, принесли измѣненія, сдѣланныя Нижнею Палатою, и изложеніе причинъ, на которыхъ она основывалась. Все это было прочтено, и по предложенію Лорда Лансдоуна, Палата опредѣлила ихъ напечатать и разсмотрѣть въ засѣданіи 4 числа.

6-го *Сентября.*

IV.

МОДЫ.

Les chapeaux n'ont plus de révolutions à subir dans leur forme tant que l'hiver n'aura pas fait ressentir ses premiers frimas. En attendant, on se contente de varier les ornemens, de choisir de nouveaux bouquets, en fleurs très-délicates et très-déliées.

— Nous avons remarqué quelques jolies capotes en poult de soie rose glacé de blanc, ornées au bas d'une ruche de tulle blonde.

— Une mode simple et qui doit aller à ravir pour coiffure de jeune personne est un petit velours noir, large d'une ligne, traversant le front en guise de bandeau.

Шляпки уже не измѣнятся въ своей формѣ, пока не появятся первые зимніе холода. Въ ожиданіи этого разнообразятъ украшенія, выбираютъ новые букеты, изъ цвѣтковъ очень нѣжныхъ и малыхъ.

— Мы замѣтили нѣсколько хорошенькихъ шляпокъ капотовъ изъ пу-де-суа розоваго съ бѣлымъ отливомъ, украшенныхъ внизу рюшемъ изъ блондоваго тюля.

— Нынче появилась мода простая, которая должна быть очень хороша въ головной уборкѣ дѣвушки: это черная бархатинка, шириною въ линію, лежащая по лбу. (Замѣчательно какъ эта мода скоро дошла до Петербурга. На шестомъ балѣ въ Заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ мы замѣтили уже нѣсколько подобныхъ уборокъ. Между прочимъ у одной

прелестной блондинки, Г-жи С., сверхъ бархатинки цвѣта массака, лежала нитка жемчугу и это было весьма красиво.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 31 Августа.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.
1835. № 37.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОЧЕРКИ СЕРДЦА.

(Окончаніе.)

IX.

Я началъ пріучаться къ бою. Мнѣ понравилось это зрѣлище. Я забылъ уже объ удаленіи, и, напротивъ, страшился мысли, что травля скоро кончится. Можно ли этому удивляться? Я былъ близко Піедады, — какъ нельзя ближе. — Я сказалъ бы, что мы молчали; но нѣтъ: это не было молчаніе. Сердца наши такъ внятно изъяснялись взорами, — пожатіемъ сплетенныхъ рукъ, которыя, не понимаю какъ, будучи на краю ложи, сдвинулись на наши тѣсно соединенныя колѣна.

И потомъ, въ продолженіе этой дикой заба-

вы, всякой разъ, когда зрѣлище становилось живѣе, когда одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ подвергался опасности, мы невольно сближались еще болѣе; руки наши дрожали вмѣстѣ и сжимались сильнѣе.

X.

Междудѣйствіе не долго продолжалось. Новая сцена готовилась на мѣстѣ боя. Напротивъ ристалища, въ 40 шагахъ отъ воротъ чюлосы посадили срубленное дерево. Послѣ того показался боецъ, обтянутый черною медвѣжьею кожею. Необыкновенно поворотливый этотъ медвѣдь спѣшилъ почтительно склонить голову предъ ложею Коррежидора. Ему дали копье, съ длиннымъ, толстымъ и острымъ желѣзомъ. Потомъ медвѣдя повели къ дереву. Мнимый звѣрь сѣлъ подъ нимъ, держа въ лапахъ копье и направляя конецъ оружія въ ту сторону цирка, откуда долженъ былъ войти быкъ. Въ это время два настоящихъ пикадора въѣхали верхомъ на мѣсто боя, и стали близъ барріера, вѣроятно, чтобы въ случаѣ нужды, поспѣшить на помощь къ медвѣдю.

Раздалась труба. Молодой неамболадованный быкъ бросился на сцену, и грозно остановился, изумленный больше, нежели устрашенный, при видѣ страннаго непріятеля, который ожидалъ его.

Въ совершенной неподвижности, медвѣдь и быкъ, нѣсколько секундъ мѣряли взорами одинъ

другаго. Между тѣмъ медвѣдь, какъ видно, дерзкій и забавный буфонъ, открывъ широкую свою пасть, испустилъ пронзительный ревъ. Это былъ сигналъ. Раздраженный и подстрекнутый такимъ вызовомъ быкъ бросился на бойца; но этотъ, ожидая нападенія, искусно направилъ остріе утвержденнаго въ землю копья между рогъ быка, который, будучи увлеченъ собственною яростію, глубоко вонзилъ себѣ желѣзо въ лобъ.

Животное было ранено смертельно. Медленно отступивъ назадъ, новильосъ болѣзненно поднялъ голову, въ которой оставалось вонзенное копье. Можно было принять его за единорога.

Медвѣдь, оставшись побѣдителемъ въ этой трудной и опасной борьбѣ, съ веселымъ видомъ поднялся на заднія лапы и разверзнувъ вторично огромный свой зѣвъ, рыкалъ забавно. Потомъ подбѣжалъ къ быку, вспрыгнулъ къ нему на спину и сѣлъ верхомъ. Онъ недолго оставался тамъ: чувствуя, что животное колеблется уже, боецъ оставилъ быка, который, опрокинувшись на землю, катался, бился, и вскорѣ испустилъ духъ. Медвѣдь, осыпаемый рукоплесканіями и громкими кликами, виватъ! ловко кланялся на всѣ стороны, и въ одно мгновеніе, перепрыгнувъ барріеръ, скрылся, скромно уклоняясь отъ своего тріумфа.

XI.

Въ то время, когда мулы, несясь галопомъ

вдоль ристалища, вллчили по песку трупъ убитаго новильоса, у дверей нашей ложи стучали громко. Эти звуки какъ бы пробудили насъ внезапно и уничтожили пріятнѣйшее сновидѣніе. — Сначала я былъ въ такомъ замѣшательствѣ, что не могъ тронуться съ мѣста. Между тѣмъ постучались снова. — Я оправился нѣсколько. Съ неудовольствіемъ отодвинулъ я свой стулъ отъ Маркизина, потомъ всталъ и отперъ дверь.

То былъ Маркизъ. По крайней мѣрѣ онъ пріѣхалъ не одинъ. Это было бъ еще тягостнѣе. Съ нимъ прибылъ Графъ, Консулъ Шведскій.

— Вы конечно находите, что я очень опоздалъ, сказалъ простодушно Маркизъ, входя къ намъ.

Признаюсь, что всего менѣе думалъ я обвинять его, хотя Маркизъ и давалъ мнѣ къ тому поводъ. Я могъ бы подтвердить это. — Но я былъ благороденъ, — не отвѣчалъ ничего.

— Ну! продолжалъ Маркизъ, обращаясь къ своей женѣ: каково шли дѣла? Пріятно ли было вамъ?

Маркиза наклонилась нѣсколько чрезъ ложу, показывая видъ, будто не слышитъ. Она покраснѣла, и не сказала ни слова.

Опытные и проницательные наблюдатели, конечно, замѣтили бъ наше молчаніе и замѣшательство. Но Маркизъ слишкомъ мало занимался вопросами, вѣроятно, сдѣланными машинально, изъ обыкновеннаго приличія. Потомъ, отойдя

во внутренность ложи, закурилъ весьма спокойно огромную Королевскую сигару; и вскорѣ, сквозь облака дыма едва можно было различить самодовольный видъ безпечнаго Маркиза. Въ то же время, Консулъ, угрюмый и недоступнѣйшій дипломатъ, удостоивъ насъ ласковымъ наклоненіемъ головы, пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ фразъ, составленныхъ для собственнаго употребленія изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ; потомъ, не обращая болѣе на насъ вниманія, сѣлъ между мною и Піедадой, и выставясь изъ ложи, устремилъ на сцену свой лорнетъ.

Я былъ раздѣленъ съ Маркизой всею длиною и толщиною этой особы. Самые даже взгляды наши встрѣчали преграду! Что дѣлать? Надобно было покориться необходимости.

XII.

Бой продолжался. Бѣлый неамболадованный быкъ выпущенъ былъ на сцену; однако жъ, не смотря на смертный приговоръ свой, онъ показывалъ мало расположенія къ битвѣ, и отскочилъ назадъ предъ копьями Пикадоровъ. Раздраженные робостію новильоса, зрители огласили циркъ свистомъ, насмѣшками, и требовали пѣшихъ бандерильосовъ. Тогда вышелъ на сцену Португалецъ, Антоніо Гравини, боецъ, извѣстный искуствомъ и смѣлостью. Онъ былъ на ходуляхъ, вышиною, по крайней мѣрѣ, на четыре фута отъ земли. Безъ сомнѣнія, борьба такого рода есть одна изъ опаснѣйшихъ, какую

только можно было изобрѣсти, и когда я вспомню обо всѣхъ опасностяхъ, какія угрожали этому тореадору, — по-истинѣ не могу вѣрить, чтобы человѣкъ способенъ былъ отваживать такимъ образомъ жизнь свою для ничтожной забавы.

Однако жъ зрители нашли, что новильосъ не имѣетъ довольно духу и для того даже, чтобы матадоръ напалъ на него со шпагою. По желанію народа, были принесены стрѣлы, и Гравини, имѣя въ рукахъ по одной, твердыми шагами пошелъ на своего противника. Поравнявшись съ быкомъ, онъ вонзилъ ему стрѣлы въ шею. Палимый внутреннимъ огнемъ, въ изступленіи отъ боли, несчастный звѣрь отскочилъ назадъ, и наполнялъ воздухъ ужаснымъ ревомъ. Въ это время Гравини отошедши назадъ, взялъ шпагу и просилъ разрѣшенія Коррежидора убить новильоса.

Но быкъ, претерпѣвъ внезапную муку, не избѣгалъ уже сраженія и пылая мщеніемъ, въ ужасномъ бѣшенствѣ преслѣдовалъ *копеадоровъ*; того-то больше и желала публика.

Новильосъ не ожидалъ уже, пока Гравини подойдетъ къ нему въ другой разъ, и сдѣлаетъ вызовъ: узнавъ, конечно, своего непріятеля, быкъ устремился къ нему на встрѣчу. Матадоръ, видя это, остановился, принялъ оборонительное положеніе, и наклонился съ высоты своихъ ходуль, держа шпагу остріемъ внизъ. Борьба не долго продолжалась.—Не смотря на то, что ударъ

былъ направленъ чрезвычайно ловко, желѣзо вошло въ шею быка едва на нѣсколько линій: быстрое движеніе животнаго и необыкновенное наклоненіе головы уничтожили искусство бойца. Рана была слишкомъ слаба и ничтожна противу дикой ярости быка. Съ остервѣненіемъ ударилъ звѣрь рогами о ходули бойца, и незчастный матадоръ, потерявъ равновѣсіе, грянулся со всей высоты спиною на землю.

XIII.

Это ужасное паденіе потрясло совершенно мою душу. Глаза мои покрылись мракомъ. Холодный потъ выступилъ на челѣ. Не видя и не слыша ничего болѣе, я оставался нѣсколько минутъ въ безчувственномъ оцѣпенѣніи. Пришедъ въ себя, я оставилъ свое мѣсто. Въ этотъ разъ рѣшимость моя была неизмѣнна: я намѣренъ былъ уйти изъ цирка. — Но я взглянулъ на Піедаду: черты ея совершенно измѣнились; крупныя слезы лились по ея щекамъ. Она стерла ихъ. Глаза Маркизы, еще влажные, были устремлены на меня съ неизъяснимою силою; они говорили мнѣ: — О! не уходи! ты мой теперь, ты мнѣ принадлежишь, я не хочу съ тобою разстаться.— И потомъ въ очахъ Маркизы изобразилась какая-то надежда скораго утѣшенія. Я прочиталъ въ ея взорахъ: — мы будемъ еще одни. Намъ дадутъ средство возвратиться вмѣстѣ домой. Такъ, я не имѣлъ силъ противится этому взору. Я остался.

XIV.

Умирающій матадоръ былъ отнесенъ. Чтобы исполнить роковое предназначеніе быка, для довершенія убійства раненаго животнаго чюлосы должны были измѣннически подрубить ему колѣна, и мулы увлекли изъ цирка окровавленный трупъ новильоса.

»Все ли наконецъ?« сказалъ я самъ себѣ; или не довольно пролито крови, для удовольствія публики!

Тогда, какъ я думалъ объ этомъ, чюлосы раздѣлили мѣсто боя на двѣ равныя части посредствомъ барріера, утвержденнаго въ землѣ, и досокъ, приставленныхъ одна къ другой.

— Ага! сцена раздѣлена! воскликнулъ толстый мой сосѣдъ: это будетъ смѣшно.

— Вы счастливы, сказалъ Маркизъ, ударивъ меня по плечу и докуривая вторую Королевскую сигару: вы увидите забавнѣйшее зрѣлище нашихъ боевъ.

По-истинѣ, довольно счастія на первый разъ, думалъ я: два человѣка уже убиты въ моихъ глазахъ.

— »Не для этого ли забавнаго представленія раздѣляютъ мѣсто боя?« спросилъ я у Маркиза.

— Точно такъ, отвѣчалъ онъ: посредствомъ такого раздѣленія мы увидимъ два боя въ одно время.

»Прекрасно, замѣтилъ я; однако жъ, мнѣ кажется, двѣ борьбы вмѣстѣ сдѣлаютъ бой не

столько занимательнымъ, равно какъ два драматическія дѣйствія, представляемыя въ одно время.

Маркизъ ласково улыбнулся; казалось, что замѣчаніе это поселило въ немъ довольно высокое мнѣніе о моей проницательности.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ важно Маркизъ, послѣ нѣкотораго молчанія. Подобныя сцены выходятъ за предѣлы изящнаго, и заслуживаютъ вниманіе единственно, какъ простая забава.

Послѣ этого, онъ принялся курить третью сигару, которую зажигалъ во время составленія послѣдней аксіомы.

XV.

Двойная битва началась, и, какъ я предвидѣлъ, два дѣйствія въ одно время, развлекая вниманіе, утомляли зрителя. Одна борьба, равно какъ и другая, были слишкомъ стремительны и слишкомъ ужасны. Уже два пикадора, на раздѣленныхъ мѣстахъ, подкрѣпляемые копеадорами и чюлосами, вступили въ бой, каждый съ своимъ быкомъ.

У меня закружилась голова: я былъ оглушенъ, пораженъ, ослѣпленъ. Туманными очами смотрѣлъ я дико на сцену, и ничего не видѣлъ.

Внезапно шумныя восклицанія раздались въ амфитеатрахъ и вывели меня изъ оцѣпенѣнія. Дрожь пробѣжала во мнѣ съ головы до ногъ. О Боже! Неожиданная картина перемѣнила совер-

шенно планъ дѣйствія этой кровавой драмы. На отдѣленной половинѣ сцены, подъ нашею ложею, пикадоръ стоялъ противу двухъ быковъ, изъ которыхъ одинъ перескочилъ барріеръ, раздѣляющій мѣсто боя. Что могъ сдѣлать съ копьемъ своимъ одинъ злополучный рыцарь противу двухъ неистовыхъ звѣрей! Въ одно мгновеніе выпотрошенный конь былъ растерзанъ на части, и всадникъ, поверженный вмѣстѣ съ нимъ, уничтожился скоро подъ ногами быковъ.

Зрѣлище это было ужасно. Я не могъ выдерживать его, и между тѣмъ, ничто не могло заставить меня удалиться. Я закрылъ глаза, заслонилъ ихъ руками, и заткнулъ уши. — Долго оставался я въ такомъ положеніи. Мнѣ слышался, по временамъ, какой-то гулъ и невнятные клики; — по крайней мѣрѣ я не могъ различать ихъ значенія; — по крайней мѣрѣ не зналъ: были ль то восклицанія радости, или стоны соболѣзнованія? — Можетъ статься, сожалѣніе толпы столько же ужаснуло бъ меня, какъ и дикая радость этого народа! — Но я не видѣлъ ни того, ни другаго. Этого было довольно.

XVI.

Казалось, шумъ прекратился, и въ циркѣ господствовала мертвая тишина. Я открылъ глаза. Я озиралъ сцену.

Двойная битва была кончена. Уже не было барріера, раздѣлявшаго ристалище. Вооруженные

бойцы, конные и пѣшіе, пикадоры, чюлосы, бандерильеры и матадоры, въ порядкѣ шли изъ цирка. Только трупы трехъ лошадей и двухъ быковъ оставались еще на мѣстѣ битвы; но вскорѣ привели муловъ, которые потащили убитыхъ животныхъ одного за другимъ. Молодые люди низшаго класса и мальчики, бросясь на сцену, толпились вокругъ окровавленныхъ жертвъ, и наклоняясь къ тѣламъ звѣрей, разсматривали глубокія ихъ раны.

»Кончено ли? спросилъ я у Маркиза: или увидимъ еще новую забаву?

— О! заключеніе будетъ незначительно, слабѣе всего видѣннаго вами. Но вы хорошо сдѣлаете, ежели дождетесь конца. Вы получите совершенное понятіе о сихъ бояхъ. Я же сойду съ Графомъ въ больницу цирка узнать о пикадорѣ, который, вѣроятно, тяжело раненъ. Надѣюсь, что вы обѣдаете съ нами? Въ такомъ случаѣ вы проводите мою жену, не такъ ли?

Безъ сомнѣнія, я не противорѣчилъ такому распоряженію. Я въ молчаніи согласился.

День вечерѣлъ. Маркизъ и Графъ удалились.

XVII.

И такъ насъ оставили! мы вновь съ Піедадой были одни! нѣсколько минутъ мы не осмѣливались прервать молчанія. Только взоры наши, встрѣчаясь, понимали взаимныя ощущенія.

— Побоище окончилось, сказала наконецъ съ замѣшательствомъ Піедада; однако жъ, Джонъ, вамъ дорого стоило это зрѣлище! и я причинила вамъ такое страданіе; для меня вы остались здѣсь! — Вы должны считать меня жестокою! — О! простите меня, другъ мой!

И она подала мнѣ руку: я страстно сжалъ ее между своими.

Ахъ! какое мгновеніе было для насъ! какъ необходимо было намъ взаимное изліяніе чувствъ! По крайней мѣрѣ души наши, потрясенныя столь ужасно, могли передать одна другой тягостныя ощущенія! И гармонія ихъ была столь совершенна. Склонности наши такъ были сходны! Сердца наши бились столь согласно! — Никогда, о! нѣтъ! никогда мы не любили столько другъ друга; — эти движенія только однажды волновали душу, и никогда уже мы не чувствовали съ такою силою побужденія — любить!

XVIII.

Сумракъ наступилъ быстро. Едва можно было различать предметы, движущіеся на сценѣ. Тѣла убитыхъ быковъ и лошадей были приняты, и на мѣстѣ ихъ стояли шесть очень молодыхъ амболадованныхъ *новильосовъ*, которыхъ пускали въ толпу одного за другимъ, по порядку. Бѣдныя животныя, ежели не устрашенныя, то оглушаемыя уже буйными кликами народа, старающагося ихъ раздражить, нагнув голову

внизъ, бросались во всѣ стороны. Это служило пріятнѣйшею забавою, особенно дѣтямъ, которыя, представляя въ маломъ видѣ матадоровъ, или атлетовъ, задирали быковъ, махая своими кафтанами и плащами. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ учениковъ - тореадоровъ испытали хорошо дѣйствіе роговъ, а иные летѣли на воздухъ вверхъ ногами. Однако жъ немногіе изъ нихъ оставили потѣшный бой. Большая часть, поднявшись очень скоро, возвращались снова пробовать силы. Игра сія, подстрекая честолюбіе дѣтей, забавляла ихъ чрезвычайно.

XIX.

Когда послѣдній изъ сихъ *новильосовъ*, сопровождаемый кабестросами, оставилъ ристалище, мы услышали продолжительный бой барабана. Послѣ этого вступила рота Королевскихъ волонтеровъ, для очищенія цирка. Гонимые со сцены, молодые люди и мальчики, карабкаясь чрезъ барріеръ, очутились немедленно въ партерѣ.

Наступила ночь. Едва можно было различать фигуры человѣческія, взгроможденныя еще огромными массами на лавкахъ амфитеатровъ. Только зазженныя сигары искрились и свѣтились на подобіе звѣздъ.

Немедленно посреди сцены воспламенили искусственный огонь. По-истинѣ любопытная и прекраснѣйшая была картина, когда разорвавшіяся бомбы, во мракѣ, внезапно освѣтили ты-

сячи головъ, усѣянныхъ рядами въ амфитеатрахъ, и въ то же время тысячи взоровъ, устремленныхъ къ верху.

Такъ, удовольствіе этого зрѣлища было совершенно. Я смотрѣлъ на него вмѣстѣ съ Піедадою; я чувствовалъ ея дыханіе; ея чело почти прикасалось къ моему; я сидѣлъ болѣе на ея стулѣ, нежели на своемъ; наши руки были сплетены, — мы были одни, — ночь была мрачная.

XX.

Зрѣлище кончилось. Бой барабановъ нарушилъ тишину. Народъ, какъ бурныя волны, стремился у входа и протекалъ съ быстротою. Намъ также должно было выходить. Мы сошли медленно.

— По крайней мѣрѣ вы любите меня истинно, сказала съ нѣжностію Маркиза, пожимая страстно мою руку.

Экипажъ ея ожидалъ насъ внизу. Когда егерь закрылъ дверцы кареты, я поднялъ у оконъ стекла. Воздухъ освѣжился вечернею прохладою.

Разстояніе отъ цирка къ дворцу, возлѣ котораго находился домъ Маркизы, было довольно отдаленное. — Но время переѣзда этого пролетѣло мгновенно.

— О! ты будешь любить меня вѣчно, не правда ли! сказала тихо Піедада, склоняясь въ

мои объятія, когда мы всходили по лѣстницѣ въ ея покои.

Съ Франц. В. Схалѣевъ.

II.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

О МНѢНІЯХЪ КАСАТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.

Λόγῳ παλαίει λόγος ἄγει δὲ πρὸς ρῶς τὴν ἀγήθειαν χρόνος.

Изслѣдованіе происхожденія народовъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, въ высокой степени любопытныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ. Сколько уже имѣется книгъ, сколько трудовъ, усилій, сколько учености и времени истрачено на его рѣшеніе! И, однако, какъ мало, какъ недостаточно еще пролито свѣта на сѣдую древность! При всемъ томъ неудачи предшественниковъ не мѣшаютъ другимъ пускаться по этому скользкому, опасному поприщу. Стало быть предметъ ихъ исканій стоитъ того, имѣетъ всеобщую цѣнность, занимательность. Такая настойчивость, такое постоянство говорятъ намъ о томъ свойствѣ нашего ума, по которому онъ, сознавъ однажды важность предмета, до тѣхъ поръ не оставляетъ его, пока

или вовсе не уяснитъ онаго для себя, или, если уже это превышаетъ его силы, по крайней мѣрѣ, до возможной степени не сблизится съ нимъ: Est quodam prodire tenus, sinon dat ultra. (*) Онъ скорѣе соглашается пасть подъ бременемъ, но пасть съ сознаніемъ собственнаго своего достоинства, по истощеніи всѣхъ доступныхъ ему средствъ и пособій, нежели отказаться отъ состязанія безъ всякаго опыта, единственно по трудности или многосложности предпріятія. При томъ же часто только послѣ вѣковыхъ опытовъ, неусыпно продолжительныхъ занятій, только послѣ тысячи видоизмѣненій, тысячи препятствій, тысячи преткновеній, послѣ величайшихъ самопожертвованій, получается искомое, развивается событіе, является истина. Зная это, мы какъ должно оцѣнимъ сіе труженичество и въ области Исторіи; съ признательностію примемъ всякое благонамѣренное, ознаменованное печатію стремленія сблизиться съ требуемымъ, всякое дѣльное разысканіе. Конечно, людямъ свойственно заблуждаться; но вспомните, что нѣтъ заблужденія, въ основаніи коего не лежали бы хотя малѣйшія частицы истины: болѣе свѣдущіе отдѣлятъ сію послѣднюю огнемъ очистительнымъ въ горнилѣ настоящаго знанія. Лучше подвергаться заблужденіямъ, нежели, проживъ цѣлые десятки лѣтъ, не совершить никакого дѣла.

Нѣтъ народа, происхожденіе коего было бы

(*) Hor. Epist. 1. 32.

удовлетворительно объяснено. Гдѣ тотъ счастливецъ, который могъ бы сказать о себѣ: »я снялъ покровъ неизвѣстности съ первыхъ дней жизни Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, Славянъ и пр.?« Системъ много; но разсматривая оныя внимательно, умъ нашъ ни одною изъ нихъ не довольствуется. Отъ того, сколько такъ называемыхъ Исторій, столько и толковъ о началѣ каждаго народа. Правда, случается иногда какой нибудь школѣ взять перевѣсъ надъ другими, но этотъ успѣхъ временной, внѣшній и всегда зависитъ отъ вліянія посторонныхъ обстоятельствъ и характера основателей или защитниковъ ея. Къ тому же большинство не есть порука за справедливость мнѣній: и оно не чуждо погрѣшностей. Весь міръ до Коперника вѣрилъ обращенію солнца около земли; даже и теперь простой народъ, и слѣдовательно бóльшая масса держится этой вѣры предковъ.

Все, сказанное здѣсь, можно примѣнить и къ Исторіи нашего отечества: судьба ея въ семъ отношеніи не составляетъ собою ни какого исключенія. Съ самаго водворенія просвѣщенія въ Россіи безсмертнымъ ея преобразователемъ, ученые иностранцы прежде всего обратили свое вниманіе на Исторію народа Русскаго, въ особенности на происхожденіе и первую эпоху его жизни, и вотъ уже прошло болѣе столѣтія тому, а загадка по прежнему остается загадкою. Въ гипотезахъ мы не имѣли недостатка. Но главныхъ, замѣчательнѣйшихъ изъ

нихъ двѣ: первая предложена была еще Байеромъ, продолжаема Миллеромъ, Тунманномъ, Стриттеромъ, обработана Авг. Шлецеромъ, подкрѣпляема Лербергомъ, Кругомъ, Френомъ, а распространена между нашими соотечественниками и вообще Карамзинымъ; вторая, показавшаяся только въ недавнее время, одолжена началомъ своимъ Эверсу и принята извѣстнѣйшими оріенталистами: Фатеромъ, Гаммеромъ и др. учеными мужами. Та имя Руссовъ ведетъ съ Сѣвера, отъ Варяго-Руссовъ, Забалтійскихъ выходцевъ; эта отъ Руссовъ, народа нѣкогда господствовавшаго на Югѣ Россіи. Слѣдовательно системы сіи e diametro противоположены другъ другу. Преобладаніе одной возможно только на совершенномъ разрушеніи другой. До сего времени Байеристы пользовались свободно правомъ преимущества; ибо они имѣли на своей сторонѣ давность, авторитетъ многихъ ученыхъ, ставшихъ безъ дальняго разсужденія подъ ихъ знамена; въ особенности этому способствовалъ рѣшительный, диктаторскій голосъ Шлецера, который всѣ, до него и при немъ возникшія системы по сему предмету, подрылъ и уничтожилъ своими сатирическими, ѣдкими критиками. Но будучи основана на слѣпой дѣтской вѣрѣ въ древность и каноническую важность нашихъ лѣтописей, система сія рано или поздно должна была вызвать противъ себя оппозицію,—что и случилось. Эта послѣдняя, по новости своей, не могла еще далеко распространиться; за то, основываясь на строжайшемъ пересмотрѣ и оцѣнкѣ историческихъ матеріяловъ и соображеній хода жизни народа съ жизнью всего человѣчества, она имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ своею соперницею и обѣщаетъ себѣ и хотя медленное, но прочное повсемѣстное господство.

Каждый, кому только близка къ сердцу отечественная Исторія, кто не питаетъ къ ней убійственнаго, холоднаго равнодушія, а напротивъ принимаетъ дѣятельное участіе въ успѣхахъ ея и совершенствованіи, тотъ непремѣнно долженъ къ которой нибудь изъ сихъ двухъ системъ примкнуться: нѣтъ средины, подобно какъ въ Англіи, каждый nolens volens обязанъ сказаться или Вигомъ или Торрисомъ или Радикаломъ. Но человѣкъ, не терпящій ни въ чемъ безотчетливости, особенно въ дѣлахъ, слѣдствія коихъ могутъ далеко итти въ будущее, — человѣкъ, не довѣряющій чьему бы то ни было авторитету, уважающій одно лишь существенное, истинное, и въ семъ случаѣ не станетъ принимать или охуждать то или другое ученіе по одной только довѣренности къ лицамъ. Нѣтъ, онъ прежде позаботится вызнать это ученіе, вникнуть въ духъ и его направленіе, поступая точно такимъ же образомъ и съ противоположною ему системою; онъ обсудитъ со всею строгостію ихъ догматы, и тогда лишь, по тщательнѣйшемъ испытаніи и увѣренности въ истинѣ или ложности того или другаго уче-

нія, поставить себя въ извѣстномъ отношеніи къ нимъ.

Прежде всего я разсмотрю мнѣніе защитниковъ Норманнскаго происхожденія Руссовъ, и слѣдовательно и ихъ наименованія оттуда.

Здѣсь первое мѣсто надлежитъ удѣлить извѣстному догмату, заимствованному ими изъ лѣтописи, приписываемой Нестору, на коемъ все ихъ зданіе построено. Привожу это сказаніе такъ, какъ приводитъ его Г. Погодинъ; ибо онъ говоритъ, что »сличеніе сего сказанія по различнымъ спискамъ Нестора Г. Нейманномъ, сдѣлано, будто бы, не вѣрно, а невѣрное приведеніе подало поводъ и къ несправедливому заключенію.« (Крит. Разб. соч. Г N о Жил. древн. Русс. стр. 90.)

»Идоша за море къ Варягомъ к Руси (Лавр., Ип., Алап., Воскр., Соф., Соф. по изд. 1820 г.); — — к Варяго . . . Ру . . (Радз.); — — к Варягом изъ Рузи (Полет. I.); — — къ Варягомъ (Арх.); прійдоша Русь (въ Отрывк.).«

Вотъ какое разнорѣчіе въ самомъ началѣ! Пять списковъ говорятъ къ Варягомъ к Руси; 1 к Варяго . . . Ру . .; 1 к Варягомъ изъ Рузи; 1 к Варягомъ просто; въ 1-мъ — Прійдоша Русь, а въ 1-мъ совсѣмъ словъ сихъ нѣтъ (Полет. 2-мъ).

»Сице бо ся зваху тьи Варязи суть (Лавр.); — — ты Варягы Русь (Ип., Радз., Ал., Воскр., Соф., Соф. вр.); — — Варязи Русью (Полет. 1.); въ Полет. 2 слова сіи вырваны, а въ Отрывкѣ и Арханг. и вовсе не имѣется.«

Г. Погодинъ говоритъ, что въ 1-мъ спискѣ, вмѣсто *суть*, должно читать — *Русь*. Отъ чего же? Я читаю такъ: Сице бо зваху ся суть тьи Варязи. Въ прочихъ 5-ти такъ: Сице бо зваху (ся) ты (вм. ти — тѣхъ) Варягы (—говъ, —ми) (кто?) Русь. Въ Пол. 1: Сице бо зваху ся (кто?) Варязи (кѣмъ?) Русью.

»Рѣша Русь (Лавр., Ип.), Чюдь, Словенѣ, Кривичи, и вся. . . . Рѣша Руси (Радз.); Рѣша Варягомъ (Ал., Воскр., Соф., Соф. вр., Пол. 1, 2, Отр., Арх.).«

Очевидно, что въ первыхъ двухъ — Рѣша (кто?) Русь. Въ Радз. то же самое: Рѣша (кто?) Руси. Въ остальныхъ сказано просто—Варягомъ.

»И изъбрашася з братья с роды своими, пояша по собѣ всю Русь (Лавр., Ип., Радз.). Во всѣхъ прочихъ: Пояша дружину многу.«

»Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородвци: ти суть людье Нооугородци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни (Лавр).

»И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля (Ип.) . . . . Новгородъ: тіи суть люди Новгородци отъ рода Варяжска, прежде бо б..... (Радз.).

»Отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашась Русь, и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля. И суть Новгородстіи людіе и до нынѣшняго дне: бѣ бо Рюрикъ отъ рода Варяжского, а прежде бо бѣша Словенѣ до Рюрика нарѣкошася (Алап. и Воскр.).

»И отъ тѣхъ находницѣхъ прозвашась Русь,

и отъ тѣхъ прозвась Русская земля. И суть Новгородстіи людіе и до днешняго дне отъ рода Варяжска: преже быша Словене (Полет 1.).

»И отъ тѣхъ находницѣхъ Варягъ прозвашась Русь и пр., какъ въ предыд. (Пол. 2·)

»И отъ тѣхъ Варягъ находнихъ прозвася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля. И суть Новгородсти людіе и до днешняго дне отъ роду Варяжска (Арх.).«

Можно ли, спрашивается, изъ этого разнорѣчащаго сказанія утверждать, что посланные отправились именно къ Варяго-Руссамъ? Судя по большинству, видно, что пошли къ Варягамъ, и только. Но что это за Варяги? гдѣ они жили и какого племени? Обо всемъ этомъ ни слова. Выраженіе—*за море* слишкомъ неопредѣленно: Лѣтописцы и предки наши употребляли его произвольно, такъ, что подъ симъ словомъ скорѣе можно разумѣть: пошелъ или пошли въ чужую, далекую сторону, будетъ ли она за моремъ или нѣтъ. Названіе Балтійскаго моря Варяжскимъ, тоже не доказательство. Тутъ нѣтъ сихъ словъ: Идоша за море Варяжское, но лишь, за море къ Варягомъ. Говорятъ, что Балтійское море по превосходству называется у Нестора Варяжскимъ; но кто докажетъ, чтобы онъ въ семъ мѣстѣ разумѣлъ именно подъ Варяжскимъ Балтійское? Притомъ самое имя—Варяги неопредѣленно. »Въ Несторовомъ извѣстіи о народахъ, говоритъ Эверсъ, (Предв. Крит. Изыс. стр. 63): есть много Варяговъ, которые жили не при

Варяжскомъ морѣ« О Варяго-Руссахъ же или Руссо-Варягахъ здѣсь и думать нельзя; ибо Несторъ нигдѣ и никогда не упоминаетъ о такомъ народѣ, равно какъ и прочіе писатели. Напротивъ, Варяги и Руссы у Нестора вездѣ различаются; послѣдніе къ первымъ относятся, какъ Господа къ рабамъ, т. е., послѣ мнимаго призванія Варяго-Норманновъ, Варяги были просто наемники. У нашихъ же Историковъ Варяго-Руссы составились произвольно: они приняли выраженіе: къ Варягамъ, къ Руси за составное слово: къ Варяго-Руссамъ, чего ни по какой Логикѣ нельзя допустить. Какъ назывался народъ, къ коему пришли послы Славянъ?

По Лавр. — Варязи; по Ип., Радз., Ал., Воскр., 2-му Соф. сказано, что Русь, народъ, къ коему она пришла, называла Варягами; по Пол. 1-му они тоже носили это имя—Варязи.

Гдѣ же Варяго-Руссы? Одни только Варяги.

Кто таковы были сіи послы?

По Лавр. и Ип.: Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи, и вся... По Радз. Руси (им. ми.); по Ал., Воскр., 2 Соф.. Пол. 1 и 2, Отр. и Арх. нѣтъ имени, говорившихъ Варягомъ.

Кого взяли з братья?

По Лавр., Ип. и Радз.: Пояша по себѣ всю Русь, т. е. пришедшихъ за ними Руссовъ; по другимъ спискамъ только: дружину многу, потому что роды ихъ (родичи по крови и родичи по землячеству) вмѣстѣ съ просившими ихъ къ

себѣ точно могли составить дружину многу (поѣздъ, провожатыхъ).

По комъ названа Новгородская область?

Въ Лавр. сказано только: отъ тѣхъ (кого?) прозвася Русская земля Новгородьци (одни лишь Новгородцы!...). Ипат.: Отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля. Но какъ отъ Варягъ, не бывшихъ Руссами (ни Варяго-Руссами) могла она назваться Русскою землею? Радз.: то же самое. Алат. и Воскр.: Отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашясь Русь (кто прозвался Русь и почему? Варяги, по словамъ самой Лѣтописи, не были Русью.); И отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля (опять: кто словетъ? замѣчательно выраженіе: отъ тѣхъ, отъ тѣхъ временъ: къ чему такое повтореніе? То отъ Варягъ, то отъ временъ!...); И суть Новгородстіи людіе и до нынѣшняго дне (что же они суть?); Або Рюрикъ отъ рода Варяжского (Лѣтописецъ боится, чтобы Новгородцевъ не почитали Варягами, ибо Рюрикъ Варягъ); а прежде бо бѣша Словенѣ до Рюрика нарѣкошася. (Такъ; но теперь что такое они? Новгородстіи людіе! И только?). Въ Полет. 1, 2 и Арх. то же почти самое, но съ гораздо меньшею осторожностію на счетъ Варяжскаго происхожденія Новгородцевъ; тутъ ужъ прямо говорится, (согласно Лавр. и Радз.), что они суть и до днешняго дне отъ рода Варяжска, прежъ же бѣша Словене....

Гдѣ же, по словамъ защитниковъ Варяго-Руссизма, въ самомъ окончаніи сихъ различныхъ

списковъ Нестора, единогласіе въ томъ, что предки наши назвались Русью по имени Варяго-Руссовъ, призванныхъ ими? Здѣсь, какъ мы сказали и выше, ни разу не встрѣчается такого названія. Изъ Лавр. видно, что Русь, Чюдь, Слов., Крив, и вся.... отправились просто къ Варягамъ за море, избрали трехъ братьевъ, и отъ тѣхъ прозвалися Новгородци, бывшіе прежь Словене, а теперь по чему-то обратившіеся въ Варяговъ, Руская земля. Слѣд. дѣло идетъ о названіи Руси Русью же.... Какъ согласить это сказаніе списка, слывущаго у насъ исправнѣйшимъ? Новгородцы—Славяне—Русь, съ приходомъ Варяговъ—не Руссовъ, вдругъ обращаются въ Варяго-Руссовъ!... И послѣ уже о нихъ нигдѣ и ничего не говорится, а напротивъ Варяги вездѣ Варяги, Новгородцы—Новгородцы, Русь же — Русь!... Къ этому прибавьте еще слѣдующее: Незадолго до отправленія пословъ, Новгородцы съ своими союзниками (или какъ угодно назовите ихъ) изгоняютъ Варяговъ за море, и потомъ опять посылаютъ за ними; называются ихъ именемъ, которое долженствовало для нихъ быть самымъ противнымъ, какъ имя прежнихъ ихъ притѣснителей. Положимъ даже, что Новгородцы призывали къ себѣ не тѣхъ самыхъ Варяговъ, кои ихъ гнали, но ихъ одноплеменниковъ, соименныхъ имъ; все несбыточно, чтобы народъ полудикій могъ пренебречь этимъ сходствомъ названія. Народы, находящіеся въ первобытномъ своемъ состояніи, или близкіе къ оному, всего

болѣе водятся внѣшностію, наружностію и неспособны еще отдавать преимущество внутреннему предъ симъ послѣднимъ. Позволительно ли, основываясь на такомъ запутанномъ, безотчетномъ разсказѣ Лѣтописца, производить названіе Руси изъ-за Балтійскаго моря?...

Намъ скажутъ: »Хотя Несторъ и не называетъ нигдѣ Варяговъ Варяго-Руссами, впрочемъ это видно изъ соображенія всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ только говорится у него о Варягахъ.« Но мы разсмотрѣли главнѣйшее мѣсто, въ которомъ непремѣнно слѣдовало сказать Лѣтописцу о Варяго-Руссахъ, если бы онъ имѣлъ ихъ въ виду; мы разсмотрѣли основоположеніе Варяго-Русскаго происхожденія Руси, и, по тщательнѣйшемъ изслѣдованіи онаго, не открыли въ немъ ничего въ пользу его. Гдѣ же то безпристрастіе, коимъ столько хвалятся защитники сего мнѣнія? Гдѣ добросовѣстность изслѣдователя? Тутъ замѣтна не просто натяжка, но явный умыслъ, влюбленность въ свою гипотезу; а извѣстно, что въ такомъ случаѣ et rana videtur esse Diana, какъ говоритъ старинная Латинская пословица.

Далѣе: если бы даже въ лѣтописи Нестора было именно сказано о Варяго-Руссахъ, то и тогда прежде всего слѣдуетъ доказать древность сей лѣтописи, то, что она несомнительно написана Кіевскимъ монахомъ XII-го столѣтія. Безъ того, какъ можно толковать съ такою свободою и самоувѣренностію о событіяхъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ единственно по

сказанію Лѣтописцевъ позднѣйшаго времени? Но допустимъ, что Несторъ сочинилъ лѣтопись. У кого могъ онъ заимствовать свѣдѣніе о происшествіяхъ VII, VIII, IX, X и ½XI столѣтія? У Византійцевъ? Но чего нѣтъ у нихъ о народахъ, обитавшихъ при Балтійскомъ морѣ, о нашемъ Сѣверѣ и п. т., то откуда? Изъ народныхъ преданій? Изъ преданій чрезъ сотни лѣтъ!!! Пусть такъ: скажите же, можно ли положиться на этотъ мутный источникъ, съ каждою минутою перемѣняющій свой цвѣтъ, засоряемый вымысломъ и баснями, придаваемыми ему каждымъ разсказчикомъ? Могутъ ли преданія эти въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ сохраниться во всей своей чистотѣ? Много ли можно составить теперь свѣдѣній о Петрѣ I-мъ по народнымъ преданіямъ? Жилъ когда-то, да и умеръ. Между тѣмъ въ извѣстіяхъ, почерпнутыхъ Несторомъ изъ преданій, разсказывается все въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, ничего не опущено, все на своемъ мѣстѣ. Скорѣе можно согласиться на существованіе домашнихъ письменныхъ источниковъ для нихъ, если бы только могли таковые до него быть. Изъ нихъ вѣрно были Церковныя записки, въ которыхъ все таки нельзя предположить, чтобы говорилось о земляхъ Сѣверныхъ съ такою Географическою точностію. Однако, если бы и это возможно было, то опять спрашивается: какъ Несторъ узналъ о томъ, что уже случилось послѣ него? Какъ могъ онъ самъ себѣ противорѣчить, описывая одно и то же событіе?

»Все это испорчено переписчиками; сказанія Нестора должно очистить отъ сихъ наростовъ.« Но что же остается ему послѣ сего? Два — три извѣстія, относящіяся до Обители, въ которой онъ жилъ. Лучше же и оставить сіи и подобныя имъ сказанія за нимъ; а болѣе ничего ему не приписывать. Все прочее должно отнесть къ позднѣйшему времени, на которое оно своимъ содержаніемъ указываетъ; поискать, изъ какихъ источниковъ все это заимствовано, кѣмъ, когда и какъ? Тогда только темныя, не согласныя съ здравымъ смысломъ сказанія нашихъ лѣтописей, сдѣлаются для насъ ясными, удобопонятными; тогда мы узнаемъ, въ силу какихъ причинъ появились на Сѣверѣ Варяго-Руссы, Русь, Варяги; узнаемъ, могли ли Новгородцы въ IX ст. призвать трехъ братьевъ, отъ коихъ имя Россіи пошло; гдѣ, когда и отъ кого Русскій народъ получилъ нынѣшнее свое названіе; какъ должно смотрѣть на тѣ мѣста, коими усиливаются доказать намъ, что Русь давнымъ давно, еще за нѣсколько столѣтій до Нестора, жила на Балтійскомъ морѣ или гдѣ-то по близости онаго....

Чтобы еще болѣе пояснить такое наше мнѣніе о несуществованіи Варяго-Руссовъ и узнать, кто подлинно были Варяги, мы попытаемся здѣсь рѣшить вопросъ: когда лѣтопись, приписываемая Нестору, могла появиться? Кто могъ быть ея составителемъ, и гдѣ: на Сѣверѣ или на Югѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что Несторъ, черноризецъ

Кіевскаго монастыря (въ концѣ XI и нач. XII вѣка) не могъ составить лѣтописи; почему это такъ, сказано выше. Отъ него и его современниковъ могли остаться намъ одни только записки о дѣлахъ, касающихся собственно Церкви, Іерархіи, управленія Епархій, житія Святыхъ, ихъ чудесъ, учрежденія монастырей, Соборовъ, о небесныхъ явленіяхъ, засухѣ и п. т. Все это согласно съ состояніемъ тогдашняго времени и ходомъ человѣческаго образованія у всѣхъ народовъ; напр. то же самое встрѣчаете у Галловъ, Франковъ, Итальянцевъ и др. Это характеристическая черта народовъ, только что пріявшихъ Христіанство. И у насъ иначе не могло быть. Одни лишь книги, принадлежащія къ Богослуженію и пр. нужны были нашимъ предкамъ; объ нихъ только они и заботились. Самимъ же имъ сочинять что либо, вести дневникъ политическимъ событіямъ, не было ни времени, ни охоты; ибо большая часть грамотныхъ состояла изъ людей духовнаго званія, кои весь свой досугъ посвящали только переписыванію Церковныхъ твореній. Кромѣ сего и языкъ нашъ того времени былъ неспособенъ еще къ письменному выраженію: былъ необразованъ, неповоротливъ, составленъ по Греческой формѣ, и то въ чуждой землѣ, у Славянъ Задунайскихъ, откуда всѣ священныя книги перенесены къ намъ и откуда мы долго, долго и прочія сочиненія, касающіяся Церкви, заимствовали, подновляя оныя, замѣняя многія тамошнія слова собственными и

наконецъ постановленія и правила того края приноравливая къ своей землѣ. Доказательствомъ сему служитъ Кормчая книга, древнѣйшіе переводы коей сдѣланы у Южныхъ Славянъ, и по увѣренію (Кормч. кн. стр. 204) Розенкампфа, были перенесены въ Кіевъ, гдѣ въ ней многое измѣнено. Поелику же со времени крещенія В. К. Владиміра до 1250 г. большая часть Митрополитовъ и Епископовъ были Греки; то конечно переводовъ сей книги не много у насъ имѣлось, ибо Греки предпочитали чтеніе оной въ подлинникѣ. На это нерадѣніе о переводахъ какъ Кормчей, такъ и другихъ книгъ Богослужебныхъ, жалуется и Кириллъ:« Азъ Кириллъ смиренный Митрополитъ всея Роуси много убо видѣніемъ и слышаніемъ неустроіеніе (въ) Церквахъ, ѡвоіе сице дръжаща; ѡво инако, несъгласія многа и грубости, или неоустроенемъ пастушескимъ, или ѡбычаіемъ неразоумія или неприхожаныемъ Епископъ, или ѿ неразоумныхъ правилъ Церковьныхъ. Помрачени бо бяху прежь сего соблазномъ мудрости Елиньского языка.« Если же Кириллъ (въ концѣ XIII в.) и Кипріанъ (въ XIV в.) встрѣтили въ свое время такую скудость даже въ книгахъ церковныхъ, то что сказать о тѣхъ, которые допускаютъ древность лѣтописи Нестора? Не могла ли сія послѣдняя быть составленною во время Кирилла или Кипріана? Оба сіи Пастыри заботились о распространеніи Греческихъ и Славянскихъ книгъ: одинъ выписывалъ ихъ изъ Болгаріи и Сербіи; а другой ѣздилъ

туда, и, какъ извѣстно, множество оныхъ вывезъ оттуда съ собою. Въ семъ числѣ, вѣроятно, находились и Хронографы Византійскіе (Грѣшный, Зонара, Кедринъ и др.). По крайней мѣрѣ во многихъ спискахъ Кормчей имѣются сказанія о крещеніи Руси Великимъ К. Владиміромъ, основанныя, большею частію, на Греческихъ подлинникахъ; а въ лѣтописи Нестора, по замѣчанію самаго Шлецера, есть много мѣстъ, принадлежащихъ скорѣе къ Греческой и Болгарской, нежели къ Русской Исторіи. Розенкампфъ то же говоритъ: »Начало сей лѣтописи, (При. ко Введ. стр. 2.) или, такъ сказать, первая часть оной (съ Ц. Михаила до XI в.) составлена была почти собственными словами Византійцевъ. Первый подлинникъ, или образецъ (ἀρχέτοπον) сего изложенія, безъ сомнѣнія, дошелъ до насъ изъ той самой страны, откуда Россія получила и первые переводы Правилъ Св. Отецъ. Къ сему образцу Препод. Несторъ и продолжатели его присовокупили нѣкоторыя извѣстія по преданію (per traditiones) сохраненныя, равномѣрно свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи.« Но Г. Строевъ примѣчаетъ, что и устное преданіе мало руководствовало Нестора; домашнихъ источниковъ на письмѣ не было; оставалось придерживаться Византійцевъ; и потому (*) Начало Временника Нестора (до

(*) Сѣв. Арх. N XI, стр. 223 и 24 Писано еще въ 1826 г.

XI ст.) неоспоримо пересажденіе Византійское. Не лучше ли, не правдоподобнѣе ли сказать, что все это составлено не Несторомъ, составлено въ XII, или нач. XIV ст. кѣмъ либо изъ Духовныхъ? Кириллъ могъ положить начало, а Кипріанъ, столько свѣдущій въ Греческомъ языкѣ, продолжалъ, привелъ сказанія Византійцевъ и собственныя свѣдѣнія въ систематическій порядокъ. На это сами Лѣтописи указываютъ: начало ихъ до XII ст. почти во всѣхъ спискахъ одинаково; но въ концѣ XIII, XIV и д. совсѣмъ различное повѣствованіе; въ однихъ описаны происшествія Кіевскія, въ другихъ Новгородскія, Волынскія, Московскія, Псковскія; а въ нѣкоторыхъ тѣ и другія вмѣстѣ; одни и тѣ же случаи разсказываются двумя, тремя образами, подъ разными годами, подробно или сокращенно. Что же это значитъ? То, что составителю сей лѣтописи до своего времени необходимо должно было пользоваться Византійцами; дошедши же до современныхъ происшествій, онъ сдѣлался разглагольчивѣе, ибо имѣлъ довольно матеріяловъ подъ рукою; тамъ же, гдѣ онъ укоротилъ, погрѣшилъ, другіе, добавляя, исправили. Съ перенесеніемъ престола Митрополитовъ въ Москву или вообще на Сѣверъ, списки сей лѣтописи распространились здѣсь. Къ ней стали присоединять частныя сказанія о каждомъ Княжествѣ, особенно, гдѣ она была списываема. Мнѣніе наше подтверждается еще и тѣмъ, что древнѣйшіе списки Нестора оканчиваются въ XIII ст., напр. изъ

писанныхъ на Сѣверѣ самый древній Лаврентьевскій (1377 г.) Слѣдственно до сего времени Сѣверъ нашъ не имѣлъ ни какихъ лѣтописей, и потому всѣ свѣдѣнія о немъ, находящіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, должны быть отнесены къ сему періоду.

Сообразно такому нашему понятію о времени составленія лѣтописи, приписываемой доселѣ Нестору, мы укажемъ здѣсь и на тѣ мѣста изъ оной, которыя заимствованы Кіевскимъ лѣтописцемъ изъ Византійскихъ хронографовъ, народныхъ преданій и повѣрій, бывшія поводомъ къ вымышленію подобныхъ же на сѣверѣ тамошними переписчиками и продолжателями его лѣтописей, или къ намѣренному заимствованію изъ другихъ источниковъ и выдаванію оныхъ за случившіяся на Руси. Обвиненіе въ этой поддѣлкѣ падаетъ особенно на Новгородцевъ. Не приводя еще сказанныхъ мѣстъ, мы объяснимся напередъ, что насъ заставляетъ думать такъ о Новгородцахъ.

Новгородъ, вопреки всеобщему мнѣнію, не такъ древенъ, какъ объ немъ донынѣ говорятъ. Онъ, какъ было уже однажды доказано, рѣшительно не могъ существовать до XI ст., не могъ быть заселенъ Славянами, пришедшими съ береговъ Дуная; напротивъ, онъ точно составляетъ позднѣйшую колонію народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности, народа торговаго, а не воинственнаго. Колонія эта была колонія Прибалтійскихъ Славянъ, переселившихся на Сѣверъ въ слѣдствіе переворо-

товъ, происшедшихъ между ними отъ междоусобій и внутреннихъ безпорядковъ, равно и отъ притѣсненій чужеземцевъ, призванныхъ одною частію изъ нихъ, кои вмѣсто вспоможенія, стали своихъ кліентовъ утѣснять и дѣлить ихъ земли между собою. Я полагаю, что первая такая колонія могла выйти оттуда въ половинѣ или концѣ XI ст. (можетъ быть и въ началѣ XII), и именно сперва изъ Вагиріи, Вагріи, Варигіи. Какъ они и прежде того занимались мореплаваніемъ, торговлею и даже разбоями по Балтійскому морю противъ Дановъ и другихъ народовъ, то имъ очень легко было отправиться въ Финскій заливъ и, вышедши на берегъ, поселиться въ нынѣшней Новгородской Губерніи. Потомъ постепенно къ нимъ прибывали и другія колоніи своеземцевъ (Ререги, Ругіане и пр.); со временемъ они построили городъ, который и назвали по имени одного изъ столичныхъ городовъ въ прежнемъ своемъ отечествѣ, т. е. Мекленбурга или Магнополиса, прибавивъ къ нему отличительное прилагательное — новый, отъ чего и вышло такое его названіе: Великій Новый городъ. Вскорости эти поселенцы принялись за прежній свой образъ жизни: торговлю, мореплаваніе; вошли въ сношенія какъ съ родиною своею, такъ и сосѣдями; особенно же съ Южною Русью, изъ среды коей, слѣдуя примѣру подобныхъ себѣ промышленныхъ обществъ, для обезпеченія себя отъ нападеній и притѣсненій воинственныхъ Князей Юга, начали постоянно

выбирать изъ нихъ одного въ покровители. Другая цѣль сего избранія могла быть и та, что этимъ облегчались торговыя сношенія Новгорода съ Югомъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ и дѣла по торговлѣ членовъ сего вольнаго города съ владѣніями сосѣднихъ и другихъ Князей, удерживали гордость и презорства его: единственная забота Новгородцевъ состояла въ изысканіи средствъ распространить, обезпечить торговлю свою. Но чтобы еще лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, выставить на видъ, какъ городъ ихъ многозначущъ, сколько почести тому, съ кѣмъ онъ знается или кто у него служитъ, одного лишь ему не доставало, т. е. древности происхожденія н первородства. Чтобы пособить и этому горю, очень могло статься, что какой нибудь смѣтливый Новгородецъ тотчас принялся за родословную, и всѣ замѣчательнѣйшія, важнѣйшія происшествія въ Исторіи своихъ соотечественниковъ, когда они жили въ прежней своей землѣ, смѣлою рукою перенесъ изъ нее въ лѣтопись Кіевлянина, добытую посредствомъ связей съ Югомъ; другія вымыслилъ; въ нѣкоторыхъ подражалъ своему предшественнику, и все это съ знаніемъ принаровилъ къ своей отчизнѣ. Князья и прочіе Юго-Славяне не изобличали тщеславнаго Новгорода потому, что находили въ томъ свою выгоду: они въ такомъ случаѣ открыто могли домогаться верховной власти надъ Новгородцами, ссылаясь на права своихъ предковъ, похищенныя народомъ потомковъ. Это

*

тѣмъ вѣроятнѣе, что Югъ и Юго-Западъ въ періодъ Удѣловъ, находились слишкомъ въ разстроенномъ положеніи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; и потому предпріимчивые, храбрые Князья его, съ утвержденіемъ своего владычества въ Новгородѣ, могли надѣяться поправить худыя свои обстоятельства и съ помощію сокровищъ онаго отважиться на новые, блистательные подвиги. Слѣдовательно ничто не препятствовало Сѣверному компилатору управляться, какъ его душѣ хотѣлось, съ Южною лѣтописью; вносить въ нее собственные вымыслы, дѣлать поправки, прибавленія и пр. т. п. Таковыми мѣстами, по нашему мнѣнію, въ Несторовой лѣтописи, могутъ быть слѣдующія:

1. Къ описанію земель и народовъ, селившихся по Европѣ, заимствованному Кіевляниномъ у Византійца (Г. Грѣшнаго), Новгородецъ, съ своей стороны, прибавилъ исчисленіе подобнаго на Сѣверѣ, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ его соотечественниками въ своихъ торговыхъ поѣздкахъ и странствованіяхъ. Тутъ-то два раза у него является Русь, и все въ разныхъ мѣстахъ и между разными народами. Если бы она была одна и та же, то зачѣмъ вдвойнѣ объ ней говорить? Тамъ сидитъ она въ Афетовой части между Финскими племенами; тутъ же причислена къ какому-то Афетову колѣну, вмѣстѣ съ западными народами. Такой не точности Лѣтописца самые даже защитники его не въ состояніи объяснить. Г. Погодинъ говоритъ, что »Русь, въ первомъ случаѣ, означаетъ всѣ племена, составившія Русское Государство; и думаетъ, что Несторъ относитъ сіе исчисленіе ко времени позднѣйшему. Но къ какому же именно? Зачѣмъ ему, занявшемуся исчисленіемъ Афетова колѣна въ полунощной странѣ, вдругъ, при первомъ случаѣ, употреблять сіе слово въ позднѣйшемъ значеніи? Гдѣ объ этомъ сказано у него? Почему мы знаемъ, въ какомъ значеніи онъ здѣсь поставилъ это слово?... Касательно же помѣщенія Руси между западными народами, тотъ же объяснитель Нестора говоритъ слѣдующее: »Тутъ Несторъ, такъ сказать, обращается назадъ, желая представить своимъ читателямъ свѣдѣніе о происхожденіи Руси, племени собственно такъ называемаго, которое передало намъ свое имя, и которое безъ сего упоминовенія потерялось бы изъ виду. Здѣсь было для сего мѣсто самое приличное. Притомъ онъ свелъ рѣчь свою на происхожденіе.« Но изъ чего видно, что Несторъ тутъ обращается назадъ? Откуда извѣстно защитнику желаніе Нестора представить свѣдѣніе о происхожденіи Руси? Что за боязнь, чтобъ это племя не потерялось изъ виду безъ сего упоминовенія? Что за приличіе мѣста говорить лѣтописцу здѣсь объ этомъ? Изъ чего открывается, что онъ свелъ тутъ рѣчь свою на происхожденіе? Нѣтъ, компилатору нужно было только поставить имя Руси, а о приличіи мѣста онъ вовсе не заботился. Притомъ, не изобличаютъ ли въ этой

явной поддѣлкѣ слѣдующія имена народовъ, поставленныя тутъ же: a) Корсь, т. е. Курляндцы, какимъ именемъ никогда не называли они себя, а лишь только извѣстны подъ онымъ у Западныхъ писателей; b) Ляхи, названные такъ по именамъ Леховъ, Лешковъ, своихъ Князей, жившихъ гораздо послѣ Нестора..... Замѣчательно еще, что слово Русь здѣсь стоитъ отдѣльно отъ слова Варязи, чего не слѣдовало бы, еслибъ вставщикъ онаго увѣренъ былъ въ существованіи гдѣ-либо и когда-либо народа Варяго-Руссовъ; если бы онъ думалъ отъ него производить названіе Руси.

II. Къ повѣствованію Кіевскаго лѣтописца о переселеніи Славянъ съ Дуная въ Моравію, Богемію и южную Россію, какъ народному преданію, прибавлено Новгородцемъ вымышленное имъ извѣстіе о Полочанахъ и мнимомъ прибытіи Словенъ на берега озера Илменя и построеніи тамъ Града Новаго. По недостатку въ прозваніи Словенамъ симъ оставлено прежнее ихъ родовое имя. Впрочемъ и самое сказаніе Кіевлянина нельзя считать категорически вѣрнымъ; ибо всѣ наименованія, данныя отъ него Славянскимъ племенамъ въ Россіи, задолго до Нестора исчезаютъ изъ нашихъ лѣтописей: Поляне въ 944 г., Древляне въ 988; Полочане около того же времени; Родимичи въ 984; Вятичи тоже; Бужане еще до Рюрика; Дулѣбы и Волыняне при Олегѣ; Тиверцы въ 944; Лутичи до пришествія трехъ братьевъ. Можетъ быть, Кіевскій Лѣтописатель имѣлъ передъ глазами Константина Багрянороднаго; сказаніе его о Славянахъ Другувитахъ, Деревленикахъ, Ультикянахъ и Сѣверянахъ, живущихъ при Дунаяхъ и въ Солунской области, перенесъ цѣликомъ въ свою лѣтопись, измѣняя по своему сіи названія, а нѣкоторыя, при немъ или до него только что показавшіяся, принялъ за древнія. Къ симъ именамъ народовъ, Новгородскій компилаторъ, пользуясь какимъ-нибудь Гельмольдомъ, или разсказами своихъ согражданъ, торговавшихъ съ Ганзою, прибавилъ еще и отъ себя нѣсколько названій, принадлежавшихъ Германскихъ Славянамъ, каковы: Пононы, Померане, Вилины, Готьцати (Древляне) и др.

III. Къ описанію пути изъ Варягъ въ Греки, прибавлены со стороны Новгородца всѣ свѣдѣнія о семъ пути касательно сѣверныхъ странъ. Точность описанія этой водяной коммуникаціи не могла быть извѣстна ни Нестору, ни кому-либо изъ Южныхъ Лѣтописцевъ; напротивъ она обличаетъ Сѣверянина, коротко знакомаго съ мѣстами, имъ описываемыми.

IV. Къ описанію путешествія Св. Ап. Андрея къ Словенамъ при Днѣпрѣ, Новгородецъ прибавилъ, будто бы сей Апостолъ путешествовалъ и къ Варягамъ, а оттуда въ Римъ. Положимъ, что это повѣствованіе придумано Кіевляниномъ на основаніи словъ Ап. Павла, который говоритъ, что Андрей проповѣдовалъ Евангеліе въ Илиріи; тамъ же,

въ послѣдствіи, жили Славяне; отсюда естественно Южанинъ заключилъ, что Св. Андрей навѣрно посѣщалъ и Днѣпровскихъ Славянъ, тѣмъ болѣе, что тамъ же говорится, что онъ былъ еще и въ Скиѳіи. Но Новгородецъ, растянувъ эту сказку, явно обличаетъ самъ себя въ вымыслѣ.

(Окончаніе впредь.)

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Высочайшими повелѣніями 12-го Іюля и 15-го Ноября 1817 года, постановлено: »Военнымъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, кои, не имѣя ни какихъ должностей, и слѣдовательно, не получая ни какого содержанія отъ казны, будутъ находиться подъ слѣдствіемъ или судомъ, не производить половиннаго жалованья безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія; тѣмъ же изъ нихъ, кои не будутъ имѣть вовсе средствъ къ своему содержанію, выдавать по 25 коп. въ сутки во все время нахожденія ихъ подъ судомъ, или слѣдствіемъ, до самаго окончанія дѣла.« Нынѣ Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: для уравненія въ семъ случаѣ гражданскихъ чиновниковъ съ военными, мѣру сію распространить

и на гражданскихъ чиновниковъ, состоящихъ при Герольдіи, и не получающихъ вовсе ни какого отъ казны содержанія.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату (въ Данцигѣ), Августа $\frac{4}{17}$ числа, изображено: »По уваженію дружественныхъ отношеній Нашихъ къ Австрійскому Правительству, и по изъявленному онымъ желанію объ уменьшеніи пошлины на Австрійскія и Венгерскія вина, при ввозѣ оныхъ въ Россію, повелѣваемъ: съ будущаго 1836 года взимать съ привозимыхъ въ Россію Австрійскихъ и Венгерскихъ винъ, слѣдующую пошлину: 1-е) Въ таможняхъ, состоящихъ на границѣ съ Австріею, по 15 руб. серебромъ съ оксофта, безъ надбавочныхъ $12\frac{1}{2}$ процентовъ, установленныхъ Указомъ Нашимъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 11 день Ноября, 1831 года. 2-е) Въ таможняхъ Бессарабскихъ и портахъ Дунайскихъ, Черноморскихъ и Азовскихъ, по 18 руб. серебромъ съ оксофта, съ надбавочными $12\frac{1}{2}$ процентами. 3-е) Съ сихъ же напитковъ, привозимыхъ въ бутылкахъ, къ мѣстамъ, означеннымъ въ предъидущихъ двухъ пунктахъ, по 25 копѣекъ серебромъ съ бутылки, безъ надбавочныхъ $12\frac{1}{2}$ процентовъ, 4-е.) Съ привозимыхъ чрезъ всѣ прочія таможенныя мѣста Австрійскихъ и Венгерскихъ винъ взимать существующую нынѣ пошлину. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать должнаго, къ исполненію сего, распоряженія.

— Въ 30-й день минувшаго Іюля данъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ Высочайшій Его Императорскаго Величества Указъ слѣдующаго содержанія: »Признавая нужнымъ ограничить число Кавалеровъ, составляющихъ Кавалерскія Думы Орденовъ военнаго Св. Георгія, Св. Владиміра и Св. Анны, и дать тѣмъ средст-

ва къ удобнѣйшему исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей, повелѣваемъ: Кавалерскія Думы составлять впредь изъ слѣдующаго числа Кавалеровъ, въ здѣшней столицѣ на лице находящихся: военнаго ордена Св. Георгія 1-й и 2 степени изъ всѣхъ наличныхъ Кавалеровъ, а 3-й и 4 степени изъ двѣнадцати старшихъ Кавалеровъ каждой степени; орденовъ же Св. Владиміра и Св. Анны изъ двѣнадцати старшихъ Кавалеровъ каждой изъ четырехъ степеней сихъ орденовъ.«

— По отношенію Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора объ учрежденіи въ Керчи Института для воспитанія дѣвицъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, представивъ притомъ проэктъ Положенія о Керченскомъ Институтѣ и штатъ онаго. По положенію о семъ Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ, утвердивъ 7-го минувшаго Іюля означенный проэктъ Положенія и штатъ Керченскаго Института Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Учредить въ Керчи Институтъ на основаніи составленнаго объ ономъ Положенія. 2) На содержаніе Инстинута отпускать изъ городскихъ доходовъ по восьми тысячь рублей въ годъ, съ тѣмъ чтобы изъ остатковъ сего капитала и отъ платы за содержаніе и обученіе дѣвицъ обращаемы были двѣ трети въ городской доходъ, а послѣдняя въ распоряженіе Попечительнаго Совѣта Института, для составленія экономическаго капитала.

— С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, испросивъ Высочайшее соизволеніе Государя Императора на преобразованіе учрежденнаго при здѣшнемъ Воспитательномъ Домѣ Училища Глухо-нѣмыхъ и на составленіе новаго проекта Устава оному, подносилъ сей послѣдній на Высочайшее благоусмотрѣніе

при всеподданнѣйшемъ докладѣ. Какъ на докладѣ семъ, такъ и на проэктѣ Устава Его Императорское Величество, въ 30 день Іюля сего 1835 года, собственноручно написать изволилъ: *»Быть по сему.«* Въ означенномъ Уставѣ между прочимъ изображено слѣдующее: § 30. Директоръ Училища Глухо-нѣмыхъ состоитъ въ 7-мъ классѣ государственныхъ чиновниковъ, и по прослуженіи четырехъ лѣтъ въ семъ званіи, утверждается въ соотвѣтствующемъ сему классу чинѣ, съ старшинствомъ со дня вступленія въ службу, § 31. Инспекторъ, Учители и Надзиратели состоятъ въ классахъ, присвоенныхъ симъ должностямъ по Воспитательнымъ Домамъ, Высочайшимъ Указомъ 3-го Сентября 1829 года, и утверждаются въ чинахъ, на изложенномъ въ семъ Указѣ основаніи. Репетиторы Училища считаются въ 14-мъ классѣ. § 32. Обучившіеся какому либо мастерству воспитанники Училища, по ихъ выходѣ изъ онаго, пользуются нѣкоторыми изъ тѣхъ правъ, кои предоставлены воспитанникамъ Технологическаго Института 15-мъ § Высочайше утвержденнаго, въ 28 день Ноября 1828 года, Положенія онаго, т. е., они исключаются изъ подушнаго оклада, на нихъ не возлагается обязанности записываться въ торговые разряды, если сами не будутъ заводить торга или фабрикъ, и имъ дозволяется производить работы, безъ записки въ цехъ.

Высочайшій Рескриптъ,

данный на имя Господина Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ! Во время настоящаго пребыванія Моего въ предѣлахъ Царства Польскаго,

и при неоднократномъ осмотрѣ войскъ 3-го Пѣхотнаго Корпуса, собранныхъ при г. Калишѣ, Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ видѣлъ новые опыты отличнаго выполненія многочисленныхъ обязанностей, на васъ возложенныхъ. Вашею благоразумною дѣятельностію и неослабнымъ вниманіемъ, всѣ части управленія въ Царствѣ Польскомъ твердо направляются къ предположенной цѣли: къ пользѣ и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Вашею примѣрною попечительностію, войска Дѣйствующей Арміи приведены въ отличное устройство. Изъявляя вамъ снова Мою особенную признательность и совершенное благоволеніе, Я, въ ознаменованіе ихъ, перевелъ сына вашего Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ, оставивъ его числиться по прежнему въ полку имени вашего. Состоя такимъ образомъ и въ старѣйшемъ изъ полковъ Лейбъ-Гвардіи, и въ храбромъ полку имени вашего, да пріобрѣтетъ онъ тѣ знаменитыя доблести, которыя стяжали службѣ вашей столь справедливое право на признательность Мою, отечества и потомства.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Г. Калишъ.
1-го Сентября 1835.

— Г. Министръ Императорскаго Двора, отъ 20-го Августа (1-го Сентября), сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: служившаго въ Дежурствѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Маіора Барона Георгія Розена, опредѣлить на ваканцію Секретаря при Дворѣ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, съ переименованіемъ его въ Коллежскіе Ассессоры.

— Высочайшимъ Приказомъ Августа 24-го, даннымъ въ замкѣ Доманзе, состоящій по Кавалеріи, Генералъ-Маіоръ Бердяевъ 1-й, назначенъ Исправляющимъ должность Начальника Штаба Войска Донскаго, на мѣсто Командира Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, Генералъ-Маіора Николаева 1-го, коему находиться при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ, съ оставленіемъ Командиромъ означеннаго полка.

Англія.

Верхняя Палата, въ засѣданіи 4 Сентября, начала, по требованію Лорда Мельбурна, разсмотрѣніе билля о муниципальной реформѣ, снова измѣненнаго Нижнею Палатою. Послѣ жаркихъ преній, 98 статей принято безо всякой перемѣны. Что касается до 99-й статьи, то измѣненіе, сдѣланное въ ней Нижнею Палатою и лишающее корону права избирать Мирныхъ Судей, отвергнуто, по требованію Лорда Абингера, большинствомъ 144 голосовъ противъ 82. Другія измѣненія, сдѣланныя Лордами въ предложеніяхъ Нижней Палаты, не столь значительны. Графъ Девонъ предложилъ потомъ постановить, что Секретари корпорацій сохранятъ эти должности на всю жизнь, но по требованію Лорда Мельбурна и многихъ другихъ Перовъ, онъ взялъ предложеніе свое назадъ.

Въ засѣданіи 5 ч. докладъ Комитета, разсматривавшаго билль о муниципальномъ преобразованіи въ новой его формѣ, представленъ былъ Лордомъ Веллингтономъ, который ограничился краткимъ изложеніемъ причинъ, препятствующихъ Перамъ согласиться на всѣ предложенія Нижней Палаты. Докладъ

оканчивается объявленіемъ, что Перы желаютъ сохранить согласіе между Членами обѣихъ Палатъ и что одно только это уваженіе побудило Перовъ не настаивать болѣе на улучшеніяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы, чтобы упрочить успѣхъ билля о муниципальномъ преобразованіи. Въ заключеніе Комитетъ изъявляетъ надежду, что принятая Парламентомъ мѣра удовлетворитъ вообще народъ и доставитъ городамъ хорошее и спокойное управленіе. Хотя Лордъ Мельбурнъ противился принятію этого доклада, которымъ утверждаются мѣры, постановленныя наканунѣ Комитетомъ, но Оппозиція восторжествовала. Въ концѣ засѣданія положено имѣть 7-го числа съ членами Нижней Палаты новое совѣщаніе.

Въ засѣданіи Нижней Палаты 4 Сентября Г. Юмъ сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы правительство не ручалось въ займѣ 15 милліоновъ ф. ст. въ пользу Индѣйскихъ владѣльцевъ невольниковъ, но Г. Спрингъ-Рейсъ предложилъ объявить, что этотъ заемъ не заслуживаетъ никакого порицанія и предложеніе его принято единогласно.

Въ засѣданіи 7 ч. Лордъ Дж. Руссель принесъ билль о муниципальномъ преобразованіи, чтобы дать Палатѣ отчетъ въ новомъ совѣщаніи съ Лордами, которыхъ представителемъ былъ Графъ Девонъ, и потребовалъ разсмотрѣнія новыхъ измѣненій, сдѣланныхъ Верхнею Палатою. »Невозможно, сказалъ онъ, чтобъ этотъ билль, столь различествующій отъ первоначальной своей формы, не былъ подвергнутъ со временемъ новому пересмотрѣнію. Я согласенъ принять его въ нынѣшней формѣ, потому что онъ все еще значительно улучшаетъ старую систему, и я твердо убѣжденъ въ томъ, что основанія этого билля, котораго важность неоспорима, будутъ со временемъ усовершенствованы. Этотъ билль содержитъ въ себѣ сѣмена будущаго благополучія. Хотя я и не совсѣмъ доволенъ и не почитаю его мѣрою окончательною, но не менѣе того предлагаю Палатѣ принять новыя измѣненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно принимаю на себя обязанность воспользоваться малѣйшимъ случаемъ, чтобы произвести дальнѣйшія преобразованія, требуемыя народомъ.« — Предложеніе Министра принято единогласно и тѣмъ окончены долговременныя пренія объ этомъ биллѣ, который получитъ силу закона, какъ скоро будетъ утвержденъ Королемъ. — Въ концѣ засѣданія Г. Юмъ представилъ докладъ Комитета объ оранжистскихъ ложахъ и объявилъ, что въ слѣдующемъ собраніи Парламента онъ предложитъ поднести Королю адресъ объ исключеніи изъ службы всѣхъ принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ. Палата отложила свои засѣданія до 9 числа.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 5 Сентября Баронъ Барантъ представилъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона о книгопечатаніи. Коммиссія предлагаетъ утвердить его въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ Палатою Депутатовъ. Въ рѣчи своей Г. Барантъ сказалъ между прочимъ, что принятіемъ этого закона на Министерство возлагается важная отвѣтственность. Оно требовало власти и власть ему дарована; но если и послѣ этого начнутся прежнія злоупотребленія и общество снова подвергнется опасности, то вина необходимо уже должна падать на Министерство.

Палата Депутатовъ собиралась 5 ч. для выслушанія нѣсколькихъ прошеній.

Королевскимъ повелѣніемъ отъ 31 Августа учре-

ждена Коммиссія для приведенія въ исполненіе законовъ касательно Королевскихъ театровъ и Музыкальной Консерваторіи.

Нынче кажется уже достовѣрнымъ, что Фіески былъ только слѣпымъ орудіемъ въ преступленіи 28 Іюля; онъ даже не знаетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и имѣлъ дѣло съ однимъ только Море, который доставлялъ ему деньги.

Испанскія дѣла.

Мадритъ все еще находится въ осадномъ положеніи и окончаніе онаго предвидѣть трудно, потому что Военная Коммиссія дѣйствуетъ весьма медленно и можно даже сказать, что она доселѣ не приняла никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

Въ Мадритѣ получено извѣстіе, что въ Кадиксѣ вспыхнуло 25 ч. возмущеніе.

Всѣ Депутаціи, присланныя въ Мадритъ инсуррекціонными Юнтами, взяты подъ стражу.

По новѣйшимъ извѣстіямъ главная квартира Дона Карлоса находилась 28 ч. въ Арроницѣ. — Кордова избѣгаетъ сраженія, ожидая перемѣны обстоятельствъ.

Бильбао окруженъ Карлистами.

12-го Сентября.

ИЗВѢСТІЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

Франція. Разсмотрѣніе закона о книгопечатаніи началось въ Палатѣ Перовъ въ засѣданіи 8 Сентября, въ которомъ изъ Министровъ присутствовали Гг. Гизо,

Персиль, Гюманъ, Тьеръ и Дюперре. Первый Ораторъ, говорившій противъ закона, былъ Г. Дрё-Брезе. »Съ чувствомъ глубочайшей горести, — сказалъ онъ, — вижу я себя принужденнымъ воспротивиться закону, который нанесетъ смертельный ударъ книгопечатанію во Франціи.—Я согласенъ впрочемъ, что въ нравственномъ отношеніи Франція находится въ самомъ плачевномъ состояніи.—За симъ Г. Дрё-Брезе доказывалъ, что первоначальнымъ источникомъ нынѣшняго бѣдственнаго положенія Франціи суть событія 1830 года и направленіе, которому бывшія съ того времени Министерства слѣдовали въ своихъ дѣйствіяхъ.— Въ продолженіи сей рѣчи, Президентъ Палаты, по требованію многихъ Перовъ, принужденъ былъ замѣтить Оратору, что онъ нарушилъ порядокъ, оскорбивъ нынѣшнее Правительство Франціи. — — Послѣ Г. Дрё-Брезе, говорилъ Герцогъ Коаньи, который укорялъ Министерство въ томъ, что оно не пользовалось всѣми бывшими во власти его законными средствами къ наказанію необузданности книгопечатанія и непристойности каррикатуръ. Не смотря на то, онъ подалъ голосъ въ пользу проэкта закона. — Графъ Монталамберъ, младшій изъ Перовъ, говорилъ при этомъ случаѣ въ первый разъ, противъ новаго закона. Графъ Сентъ-Олеръ опровергалъ рѣчь Маркиза Дре-Брезе. Послѣ рѣчи Виконта Дюбушажа, который также порицалъ проэктъ закона, Палата Перовъ, прекративъ общія о немъ разсужденія, перешла къ разсмотрѣнію параграфовъ въ отдѣльности. — Г. Вильменъ порицалъ постановленіе, въ силу котораго нѣкоторыя нарушенія закона о книгопечатаніи въ извѣстныхъ случаяхъ изъемлются изъ общаго суда и предаются Суду Перовъ. »Въ подобныхъ дѣлахъ, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, — Министерству, для собственной выгоды, должно избѣгать излиш-

ней поспѣшности и опрометчивости. — Если мы хотимъ, чтобъ спокойствіе общественное и порядокъ утвердились, и чтобъ гражданское зданіе получило основу твердую и прочную, то должны съ осмотрительностію вводить измѣненія въ законодательствѣ. — Какой вредъ можетъ произойти для правительства, если оно, имѣя уже для своей защиты два, принятые нами, закона и будучи поддерживаемо благопріятнымъ для него оборотомъ общественнаго мнѣнія, — дастъ намъ время разсмотрѣть законъ о книгопечатаніи съ надлежащею внимательностію, и исправить содержащіяся въ немъ постановленія, наскоро принятыя Палатою Депутатовъ? — Этимъ мы оказали бы истинную услугу и отечеству и новой династіи.« — Пренія о первой главѣ заключены были блестящею рѣчью Герцога Монтебелло. — »Я защищаю этотъ законъ, сказалъ онъ между прочимъ, потому что вижу въ немъ средство противъ зла всѣми признаннаго, неоспоримаго; потому, что ожидаю отъ него однихъ благотворныхъ послѣдствій для государства, въ отношеніи къ нравственному его положенію. — Всѣ власти, которыя съ 1789 года одна за другою управляли Франціею, погибли отъ злоупотребленій основныхъ началъ, на которыхъ они утверждались. Правительство нынѣшнее также хотятъ погубить злоупотребленіями правилъ, которыми оно руководствуется. — Кромѣ этого закона, я не знаю лучшаго оплота противъ нашихъ враговъ; я считаю его политическою исповѣдью Франціи. Въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ попираемо было во прахъ все, что отечество наше уважаетъ; — этого не должно терпѣть долѣе. Министры, предлагая этихъ законъ, и Палаты, принимая его, повинуются нравственной потребности государства, — и я ни сколько не сомнѣваюсь, что потомство

отдастъ намъ полную справедливость въ этомъ отношеніи.« — Послѣ сего первые четыре параграфа 1-й главы приняты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

— Въ засѣданіи 9 Сентября разсмотрѣны остальные параграфы. — Противъ нихъ говорили изъ Перовъ почти одни только Легитимисты: Маркизъ Дре-Брезе и Виконтъ Дюбушажъ. Послѣдній предложилъ нѣсколько измѣненій, которыя, однако, не приняты. Въ продолженіи двухъ часовъ разсмотрѣны послѣдніе 26 параграфовъ, и наконецъ весь законъ принятъ 101 голосомъ противъ 20.

— Говорятъ, что закрытіе Палатъ послѣдуетъ 11 Сентября.

— Въ Монитерѣ 10 Сентября обнародованы уже три новые закона: о книгопечатаніи, о Судѣ присяжныхъ и объ уголовномъ судопроизводствѣ по преступленіямъ политическимъ. Первый законъ, 9 Сентября принятый Палатою Перовъ, немедленно за тѣмъ утвержденъ Королемъ; — и въ тотъ же день вечеромъ вышелъ въ свѣтъ Bulletin des Lois, въ которомъ напечатаны эти законы. — Вмѣстѣ съ ними изданы два постановленія, относительно образа исполненія ихъ. — Въ первомъ обнародованы правила о тайномъ подаваніи голосовъ присяжными; во второмъ постановленіи предписываются правила для цензуры гравюръ и другихъ подобныхъ изданій. — Постановленіе правительства относительно театральныхъ представленій еще не обнародовано и будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ. — Сверхъ того, въ не-оффиціальной части Монитера соообщается циркуляръ Хранителя Печати къ Генералъ-Прокурорамъ, относительно исполненія трехъ новыхъ законовъ. — Министръ Юстиціи приглашаетъ ихъ наблюдать съ твердостію и постоянствомъ за исполненіемъ этихъ

законовъ, не оставлять безъ законнаго преслѣдованія ни одного случая, противнаго новымъ постановленіямъ, и въ особенности заботиться о скоромъ наказаніи всѣхъ нарушеній закона, избѣгая, по возможности, слѣдственнаго порядка (procès d'instruction) и избирая путь прямаго обвиненія.

Англія. Собраніе Парламанта закрыто 16 Сентября слѣдующею рѣчью Короля:

Милорды и Господа! Мнѣ весьма пріятно, что положеніе общественныхъ дѣлъ позволяетъ мнѣ освободить васъ отъ дальнѣйшаго пребыванія здѣсь, и отъ трудныхъ обязанностей, которыми вы занимались съ такимъ усердіемъ и постоянствомъ. — Отъ всѣхъ иностранныхъ Державъ получаю я удостовѣренія въ желаніи сохранить дружественныя со мною сношенія, и съ полною увѣренностію надѣюсь на продолженіе мира, который составлялъ и будетъ составлять предметъ всегдашнихъ моихъ попеченій. — Сожалѣю, что междоусобія въ Сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи еще не прекратились, но принимая, живѣйшее участіе въ благоденствіи Испанской Монархіи, буду обращать самое тщательное вниманіе на сію страну, въ единомысліи съ тремя Державами, съ которыми я заключилъ трактатъ въ нынѣшнемъ году; для содѣйствія цѣли сего договора, я употребилъ принадлежащую мнѣ власть, и дозволилъ моимъ подданнымъ вступать въ службу Королевы Испанской. — Я заключилъ конвенціи съ Даніею, Сардиніею и Швеціею, для прекращенія торга Африканскими невольниками; въ скоромъ времени надѣюсь получить ратификацію подобнаго договора, заключеннаго съ Испаніею. Для сей же цѣли происходятъ переговоры съ Европейскими и Юго-Американскими Государствами. Я твердо увѣренъ, что совокупныя усилія всѣхъ об-

разованныхъ Государствъ въ скоромъ времени прекратятъ и искоренятъ этотъ постыдный торгъ.

Съ полнымъ удовольствіемъ видѣлъ я, что вы внимательно занимались устройствомъ муниципальныхъ корпорацій въ Англіи и Валлисѣ, и съ радостію (cheerfully) утвердилъ принятый вами билль относительно сего предмета. — Я принимаю сердечное участіе въ этой важной мѣрѣ, которая должна устранить неудовольствія, водворить спокойствіе и единодушіе, и доставить городскимъ общинамъ всѣ выгоды отвѣтствующаго за свои дѣйствія управленія.— Съ особенною радостію вижу я также, что внутреннее состояніе Ирландіи дозволило вамъ замѣнить кроткими мѣрами необходимую строгость закона, который мы оставили бездѣйственнымъ съ истеченіемъ его срока. Обязанности мои никогда не соотвѣтствуютъ болѣе моимъ чувствованіямъ, какъ когда мнѣ можно смягчать строгость уголовныхъ постановленій, безъ вреда для спокойствія и порядка общественнаго.

Господа Члены Нижней Палаты! Благодарю васъ за готовность, съ какою вы назначили суммы для моего Правительства. — Вы обезпечили не только всѣ годовые расходы и проценты съ значительныхъ суммъ, выданныхъ владѣльцамъ невольниковъ въ колоніяхъ, но и многія непредвидѣнныя и особенныя потребности, въ разсужденіи которыхъ я полагался на справедливость и щедрость націи. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что не только всѣ эти издержки покрыты безъ увеличенія налоговъ, но что вы съ успѣхомъ уменьшили бремя повинностей, лежащее на моемъ народѣ. Условія, на которыхъ произведенъ заемъ для вознагражденія владѣльцевъ невольниковъ, представляютъ разительное доказательство благопріятнаго положенія Государственнаго кредита и

общаго довѣрія, коихъ источникъ есть твердая рѣшимость исполнять всѣ обязательства, которыя нація приняла на себя, и соблюдать добросовѣстность и честность.

Милорды и Господа! Я знаю, что твердо могу положиться на вашу преданность и любовь къ отечеству, и увѣренъ, что по возвращеніи своемъ въ города и области, избравшія васъ своими представителями, по возвращеніи снова къ тѣмъ занятіямъ, которымъ вы посвятили себя съ столь великою выгодою для блага общаго, вы внушите своимъ согражданамъ повиновеніе къ закону, привязанность къ государственнымъ учрежденіямъ, и духъ умѣренности и постепенности въ усовершенствованіяхъ: они, при помощи Божіей, служатъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ сохраненію спокойствія, къ увеличенію благоденствія, коими пользуется наша страна.

Испанія. Journal de Paris сообщаетъ слѣдующія телеграфическія извѣстія изъ Испаніи: въ газетѣ Abeja возвѣщено, что Герцогъ *Кастро Торено* назначенъ временнымъ военнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, *Сарторіо* Морскимъ Министромъ. — *Квесадя* получилъ главное начальство надъ войсками въ Мадритѣ, *Латре* — въ Арагоніи, *Мансо* въ Валадолидѣ, *Родилъ* въ Барселонѣ, а *Мореда* въ Валенсіи. — Въ Мадритѣ господствуетъ спокойствіе; арестованные Депутаты освобождены; милиція преобразуется вновь; осадное положеніе столицы вскорѣ будетъ прекращено.

— Во второй телеграфической депешѣ сказано, что 2 Сентября происходило сраженіе между *Кордовою* и *Итуральде*, и что Карлисты отступили въ Эстелью. Карлисты стрѣляли по Англійскимъ военнымъ судамъ, стоящимъ у Бильбао.

— Во Французскомъ Мониторѣ напечатано: — Въ извѣстіяхъ изъ Байонны отъ 4-го Сентября увѣдомляютъ, что 22 Карлистскіе батальона угрожаютъ городу Бильбао. 3-го числа прибылъ въ С.-Себастіанъ Полковникъ *Кордова*, братъ Генерала; Англичане немедленно перевезены въ Португалетту, куда посылаются также 2 Испанскіе батальона. Войска сіи будутъ дѣйствовать въ совокупности съ 5000, находящимися въ Бельмаседѣ, подъ начальствомъ *Эспалетты*. — Въ этотъ же день, находящіеся на берегу рѣки Бидассоа Карлисты, сдѣлали нѣсколько ружейныхъ залповъ по Французскимъ солдатамъ, которые отвѣчали 20 выстрѣлами изъ пушекъ.

— Въ Министерскихъ газетахъ не содержится никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о событіяхъ въ Испаніи. — Распространившееся вчера на биржѣ извѣстіе, что Королева Испанская, вмѣстѣ съ Министрами и охраннымъ своимъ войскомъ, удалилась въ Бургосъ, — оказывается ложнымъ. Въ полученныхъ съ курьеромъ письмахъ изъ Мадрита отъ 4 Сентября вовсе объ этомъ не упоминается; напротивъ того въ нихъ сообщаютъ извѣстіе, что Королева-Регентша объявила всѣхъ Членовъ Провинціальныхъ Юнтъ — мятежниками и государственными преступниками. — Г. Мендисабаль еще не прибылъ въ столицу.

13-го Сентября.

IV.

МОДЫ.

Les bouquets et les rubans sont remplacés sur les chapeaux en paille d'Italie par un velours noir, cerclé gracieusement autour de la forme et venant se nouer sous le menton.

— Comme modes très-simples, nous continuons à voir force redingotes en batiste de laine unie de couleur grise, écrue, cendre, liserées en vert, rose ou ponceau, et fermées sur le côté par une rangée de petits noeuds de la couleur des liserés.

— Autour du cou ce sont toujours de larges rubans fixés par une belle attache ou épingle et quelques fois serrés par un coulant d'or ornés de pierreries.

Букеты и ленты замѣняются нынче на шляпкахъ изъ Италиянской соломы, черною бархатинкою, красиво обогнутою вокругъ тульи и завазывающеюся подъ подбородкомъ.

— Въ числѣ простыхъ модъ много еще видно редингтовъ изъ шерстянаго батиста цвѣта сѣраго, небѣленаго, пепельнаго, съ лизере зелеными, розовыми или понсо и застегивающихся на боку рядомъ бантиковъ цвѣта лизере.

— Вокругъ шеи по прежнему носятъ широкія ленты, придерживаемыя красивою застежкою или булавкою, или золотымъ кольцемъ съ каменьями.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 10 Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 38.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

IV.

ОБОЛЬСТИТЕЛЬ.

Жизнь блестящая; въ ней много наслажденій, и кто ей не позавидуетъ; но какой конецъ ея?

Смоллетъ.

Въ Ноябрскій вечеръ, въ сумеркахъ, молодой, порядочный человѣкъ, хорошій собою, шелъ позади молоденькой, хорошенькой женщины и говорилъ ей какія-то наглости; онъ хотѣлъ уже обхватить ее рукою, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за воротникъ и толкнулъ такъ сильно, что онъ упалъ на землю. Это былъ мужъ молоденькой женщины, который, отставъ на нѣсколько минутъ, опять догналъ ее. Молодой человѣкъ вскочилъ взбѣшенный, бросился на сво-

его противника и въ ярости ударилъ его зонтикомъ. Мужъ уступилъ сначала просьбамъ своей жены, заклинавшей его итти далѣе; но не могъ вытерпѣть мысли, что не отомстилъ за ударъ.

— »Подожди меня одну минуту, сказалъ онъ, вводя жену свою въ сосѣднюю лавку, и увѣряя, что тотчасъ воротится.

Кругомъ уже собрался народъ.

— »Теперь, не угодно ли, продолжалъ онъ: посмотримъ, кто изъ насъ не трусъ,« — и сталъ въ положеніи кулачнаго бойца.

Борьба была не равна, и по росту и по ловкости противниковъ. Мужъ былъ малаго роста, но крѣпкаго сложенія; видъ его показывалъ уже привычку къ подобнымъ битвамъ. Соперникъ же его былъ высокій, прекрасный собою молодой человѣкъ. Отдавъ зонтикъ одному изъ зрителей, онъ поспѣшно снялъ перчатки, и кинулся на непріятеля съ слѣпою запальчивостію.

Сначала маленькій человѣкъ отражалъ только удары, но ловкость его вскорѣ всѣхъ убѣдила, что онъ проучитъ джентлемена; потомъ, желая однимъ разомъ кончить дѣло, онъ такъ удачно его ударилъ, что юноша, весь въ крови, упалъ на мостовую, между тѣмъ какъ толпа радовалась, что онъ наказанъ за дерзость. Этотъ юноша былъ благородный Джонъ Генри Эффингстонъ, наслѣдникъ Маркизата, имѣвшій сто тысячъ ливровъ въ годъ дохода. Его побѣ-

дитель, спокойно удалившійся, былъ Томъ Джерви, кулачный боецъ.

Въ это время я проѣзжалъ мимо. Слыша, что въ толпѣ требовали медика, я приказалъ кучеру остановиться, и увидѣвъ окровавленнаго молодаго человѣка благородной наружности, опиравшагося на колѣна одного изъ зрителей, я посадилъ его въ свою карету и повезъ къ нему домой, въ Гарденъ-Стритъ. Онъ былъ изуродованъ и сильно страдалъ; но положеніе его было не опасно; онъ скоро выздоровѣлъ, но еще могъ лишиться лѣваго глаза. Какой ударъ для молодаго свѣтскаго человѣка! Эффингстонъ не принадлежалъ, однако же, къ числу безумной, смѣшной молодежи, все достоинство которой заключается въ хорошо сшитомъ платьѣ, множествѣ перстней и цѣпочекъ; склонный къ мотовству и развратный до крайности, безъ правилъ, безъ нравственности, почитая закономъ одно наслажденіе, онъ употреблялъ свое богатство и умъ, пламенный и обширный, на удовлетвореніе страстей своихъ.

Однажды, намѣреваясь соблазнить молоденькую и хорошенькую женщину, онъ узналъ, что она за мужемъ; это не остановило его, напротивъ, придало болѣе дерзости. Она покорилась; противъ Эффингстона устоять было невозможно. Въ холодную ночь, легко одѣтый, онъ такъ долго ожидалъ ее, что, возвратясь домой, почувствовалъ себя нездоровымъ, легъ и къ завтраму не могъ встать съ постели. Поло-

женіе его становилось часъ отъ часу хуже, и онъ послалъ за мною; я спѣшилъ къ нему и замѣтилъ всѣ признаки сильнаго воспаленія легкихъ. Двѣ или три посторонніи причины усиливали болѣзнь: онъ проигрался и портной, которому задолжалъ четыреста фунтовъ стерлинговъ, грозилъ взять его подъ стражу; притомъ крестный отецъ, намѣревавшійся сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, узналъ о его безпутномъ поведеніи, уничтожилъ свою духовную и завѣщалъ все имѣніе больницамъ, назначивъ крестнику какую-то бездѣлку.

»Оставляю, говорилъ старикъ, моему недостойному крестному сыну Джону Генри Эффингстону, пять фунтовъ стерлинговъ для покупки Библіи и молитвенника; придетъ время, когда онѣ будутъ ему нужны.«

— Докторъ, спросилъ меня Баронетъ, въ моей болѣзни бываетъ бредъ?

— И очень часто, отвѣчалъ я.

— Чортъ возьми! въ такомъ случаѣ мнѣ надобно отрѣзать языкъ.... Исторія моей жизни не должна быть извѣстна; она будетъ слишкомъ ужасна. Проклятый бредъ бываетъ иногда причиною, что бѣдный больной теряетъ расположеніе родныхъ и друзей. Если когда нибудь, Докторъ, я буду бредить, задушите меня.

Потомъ онъ беззаботно спросилъ:

— Какъ вы думаете, Докторъ, я не встану?

Видя мое замѣшательство, онъ прибавилъ: вы думаете, что я умру?

Я отвѣчалъ, что конечно нельзя не имѣть нѣкоторыхъ опасеній, потому, что болѣзнь можетъ усилиться.

— Хорошо, надобно однако ко всему приготовиться. Есть ли возможность меня вылечить и какое лучшее для того средство?

Я сказалъ, что ему необходимо, между прочимъ, совершенное спокойствіе, и что не надобно принимать никого.

— Позовите Жоржа, позовите Жоржа, вскричалъ онъ, прервавъ меня и обращаясь къ прислужницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Жоржъ.

— Послушай, если мила тебѣ жизнь (человѣкъ почтительно поклонился), то никого, кромѣ Доктора, ни подъ какимъ видомъ не впускать ко мнѣ! ни друзей, ни родныхъ, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, никого! А если бы какой нибудь неотвязчивый кредиторъ хотѣлъ непремѣнно видѣть меня, скажи ему, что этимъ убьетъ меня, и тогда долгъ его пропадетъ.

Жоржъ поклонился и вышелъ.

— Потомъ, Докторъ?

— Потомъ, когда не будетъ уже ни какой надежды, вы намъ позволите привести къ вамъ священника, для успокоенія вашихъ послѣднихъ минутъ.

— Что? Священника? Вы шутите? Развѣ вы думаете, что я не такъ проворно полечу въ адъ и по этому надобно, чтобы лицемѣръ подмазалъ колесницу, въ которой я отправлюсь? Я требую, Докторъ, чтобъ вы о подобныхъ вещахъ мнѣ впередъ не говорили ни подъ какимъ предлогомъ.....

Онъ долго былъ боленъ, однако же выздоровѣлъ. Приказанія его исполнились въ точности; Жоржъ обожалъ своего господина и не пускалъ рѣшительно никого, что было весьма полезно, потому что въ бреду, онъ разсказывалъ вещи дѣйствительно ужасныя.

Выздоровленіе было медленно, умственныя и тѣлесныя силы его равно пострадали въ этой болѣзни; но, къ несчастію, онъ остался такимъ же, какимъ былъ прежде.

Наканунѣ отъѣзда своего на мѣсяцъ или на два во Францію, онъ сказалъ мнѣ:

— Полно, Докторъ, жить по прежнему! Пора перемѣнить этотъ родъ жизни, который былъ мнѣ пагубенъ.

—Да, всегда пагубенъ, отвѣчалъ я. Онъ васъ довелъ было до могилы, и поведеніе благоразумнѣйшее, болѣе добродѣтельное.....

— Ба, ба! Докторъ, совсѣмъ не то, вы меня не поняли. О добродѣтели и благоразуміи вы можете разсказывать старухамъ, а не мнѣ.

— Мнѣ, право, совѣстно васъ слушать. Извините меня, Эффингстонъ, но.....

— Хорошо, хорошо, я васъ извиняю; оставимъ

это. Отгадайте же, въ чемъ состоитъ великая цѣль моя, великое предпріятіе, о которомъ идетъ рѣчь?... Я думаю жениться. Дѣла мои идутъ плохо; кредитъ уменьшается: мнѣ надобно жену съ хорошимъ приданымъ. Но, надобно признаться, что не одному мнѣ принадлежитъ честь этой выдумки; родня моя давно объ этомъ хлопочетъ. Они говорятъ, что весь свѣтъ указываетъ на меня пальцемъ и кричитъ: *стыдъ ему*. Глупцы! заботятся о томъ, что скажетъ свѣтъ. Я самъ смѣюсь надъ нимъ, самъ кричу *стыдъ ему*, и мы квиты.

Все, что Эффингстонъ говорилъ мнѣ смѣясь и шутя, все это онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ. Пробывъ мѣсяца два въ южной части Франціи и возвратясь въ Англію сильный, здоровый, онъ избралъ, между множествомъ дѣвушекъ, которыя бы всѣ рады были обратить на себя вниманіе извѣстнаго, любезнаго Эффингстона, хорошенькую Леди Е**, цвѣтъ красавицъ высшаго круга, дочь благороднаго Пера и единственную наслѣдницу огромнаго имѣнія стараго Баронета изъ Графства ***.

Ухаживая постоянно и безпрерывно за гордою красавицею, Эффингстонъ долженъ былъ перемѣнить поведеніе. Онъ былъ ея рабомъ, преданнымъ и послушнымъ, до тѣхъ поръ, пока могъ опасаться отказа; но когда дѣло зашло такъ далеко, что, казалось, не могло уже разстроиться, вниманіе и угодливость его уменьшились, не въ такой однако степени, чтобы могли быть

замѣчены. За всѣ дневныя заботы, онъ вознаграждалъ себя по ночамъ, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ. Пьянство, богохульство, развратъ были его наслажденіями.

Въ одно утро онъ ѣздилъ съ Леди Е*** и ея матерію въ лучшіе Лондонскіе магазейны, гдѣ онѣ искали какого-то богатаго прибора изъ Китайскаго фарфора.

Купивъ самыя великолѣпныя и дорогія изъ видѣнныхъ ими вещей, дамы надѣли перчатки и собирались ѣхать домой. Леди Е*** была въ этотъ день необыкновенно весела и съ восторгомъ хвалила тонкій вкусъ, съ которымъ Баронетъ выбиралъ покупки. Они вышли изъ лавки и слуга отворилъ дверцы кареты; въ это время случайно проходила мимо молоденькая, хорошенькая женщина, прекрасно одѣтая, казавшаяся погруженною въ глубочайшую горесть, и вдругъ увидя Эффингстона, она отскочила отъ удивленія и ставъ между имъ и каретою, сказала голосомъ раздирающимъ душу, поднявъ руки къ небу:

— О Генри, Генри! не жестоко ли покидать такимъ образомъ дѣвушку, которую ты обольстилъ! Чѣмъ я заслужила это? Не то обѣщалъ ты мнѣ, Генри, еще не давно!

Это было сказано съ быстротою и силою страсти. Леди Е*** и ея мать, блѣдныя, безмолвныя, казалось, окаменѣли; самъ Баронетъ смутился на нѣсколько минутъ, потомъ вскричалъ съ видомъ соболѣзнованія:

— Бѣдняжка! Она обманулась; это ошибка!

— Нѣтъ, нѣтъ, Генри, это не ошибка! Ты меня хорошо знаешь: я твоя бѣдная Анна.

— Вы, право, ошиблись; я васъ вовсе не знаю и никогда не видывалъ.

— Онъ меня никогда не видывалъ! Никогда не видѣлъ! вскричала Анна печально.

— Подите прочь, или я велю взять васъ. — Не угодно ли вамъ, Леди, сѣсть въ карету; вы видите, собирается толпа.

— Нѣтъ, отвѣчала мать Леди Е*** въ сильномъ волненіи. Если эта странная встрѣча не что иное, какъ ошибка, то надобно, чтобы она сейчасъ же объяснилась. Подойдите сюда; можете ли вы сказать, какъ зовутъ этого господина? спросила она, указывая на Баронета.

— Эффингстонъ, Эффингстонъ, повѣрьте мнѣ, отвѣчала бѣдная Анна.

Едва произнесла она это имя, дамы оставили Баронета и спѣшили сѣсть въ карету. Эффингстонъ поклонился, увѣряя, что, кончивъ это глупое происшествіе, пріѣдетъ прежде ихъ; но онѣ не могли его слушать; карета помчалась, Леди Е*** лишилась чувствъ.

— Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь; я васъ вовсе не знаю. Вотъ мой адресъ; приходите ко мнѣ въ восемь часовъ вечера.

Баронетъ бросился въ первый наемный экипажъ и приказалъ ѣхать къ Леди Е***. Онъ думалъ разувѣрить ее, разсказавъ съ улыбкою, что кончилъ эту смѣшную исторію; но ему

отвѣчали, что никого не было дома, между тѣмъ, какъ карета ихъ только что въѣхала на дворъ. Возвратясь домой, онъ посылалъ записку, приказавъ человѣку просить отвѣта. Человѣкъ воротился, но Лордъ и Леди Е*** запретили принимать все, что отъ него будетъ прислано. — И такъ все кончилось; онъ долженъ былъ отказаться отъ пріятнѣйшихъ надеждъ своихъ.

Въ восемь часовъ постучались у дверей. Онъ самъ отперъ; вошла Анна:

— Послушай, сказалъ онъ голосомъ дрожащимъ отъ гнѣва и съ видомъ угрозы; если ты когда осмѣлишься впередъ мѣшать мнѣ на дорогѣ, предупреждаю тебя: я тебя убью. Ты погубила, разорила меня; ты, негодное твореніе!

— О, Боже! что со мною будетъ? чѣмъ мнѣ жить? вскричала бѣдная Анна.

— Дѣлай, какъ другія. Вотъ возьми это, прибавилъ онъ, отдавая ей билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ: съ этимъ можешь подождать и поискать.

Сказавъ это, онъ хлопнулъ за ней дверью.

Чтобы разсѣяться, Эффингстонъ кинулся въ развратъ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Имя его замѣшано было въ двухъ или трехъ соблазнительныхъ исторіяхъ, о которыхъ писали въ газетахъ; онъ смѣялся надъ ними. Родня, негодуя на его поведеніе, отъ него отказалась и не хо-

тѣла принимать, пока онъ не исправится. Онъ уѣхалъ опять на твердую землю.....

Черезъ семь мѣсяцовъ, однажды вечеромъ, я получилъ записку, написанную, казалось, *наскоро*. По одному взгляду иа печать я узналъ гербъ Баронета, и какое-то безпокойное предчувствіе овладѣло мною. Вотъ, что было въ этой запискѣ:

»Ради Бога, любезный Докторъ, поспѣшите »ко мнѣ. Я сейчасъ только пріѣхалъ съ твер»дой земли; боленъ душею и тѣломъ. Я стра»даю какъ осужденный. Ради Бога, приходите »теперь же, или я сойду съ ума. Не говорите »ни кому о моемъ возвращеніи. Вы найдете ме»ня въ...... Жоржъ проводитъ васъ.«

Я приказалъ тотчасъ подать карету; Жоржъ сѣлъ на козлы и вскорѣ мы остановились у воротъ небольшаго дома, въ самой уединенной части города.

Войдя въ маленькую, хотя чистенькую комнату Баронета, я замѣтилъ, въ какой странной противоположности было роскошное и богатое платье, всюду разбросанное, съ простотою мебели.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Эффингстонъ, какъ поживаете, спросилъ я, садясь возлѣ его постели.

— Я терплю, Докторъ, мученія адскія; я человѣкъ погибшій.

Онъ протянулъ мнѣ руку, какъ ледъ холодную.

— Надѣюсь, однако же, что ваше положенiе не такъ опасно, какъ вы думаете, сказалъ я, щупая пульсъ.

— Не старайтесь обмануть меня, Докторъ; я знаю, что нѣтъ надежды, чувствую приближенiе смерти, но не страшусь ея. Заслуживъ свою участь, буду умѣть и переносить ее.

— Полноте, Эффингстонъ, вы еще молоды; въ ваши лѣта средства природы неистощимы.

—Докторъ, они давно уже истощены. Возьмите свѣчу.

Онъ открылъ ротъ, и я увидѣлъ, что все небо покрыто было ужасными ранами.

—Ну, что же? спросилъ онъ.....

Несчастный молодой человѣкъ былъ правъ.

Тщетно я уговаривалъ его помириться съ родными и увѣдомить ихъ о своемъ возвращенiи; онъ непремѣнно хотѣлъ остаться въ этомъ тѣсномъ жилищѣ, скрыть отъ всѣхъ свое убѣжище, и взялъ даже съ меня обѣщанiе сохранить тайну.

— Докторъ, сказалъ онъ: не уходите, не прописавъ мнѣ какого нибудь питья, которое бы меня успокоило, хотя бы только въ эту ночь; мученiя мои несносны.

Я прописалъ ему опiуму и ушелъ, обѣщая прiйти на другой день около полудня.

Едва увидѣвъ меня, онъ вскричалъ:

— Докторъ, вашъ опiумъ увеличилъ только боль. Я хочу попробовать своего лекарства, сказалъ онъ съ притворною веселостiю. Я велѣлъ купить сто фунтовъ табаку и тысячу трубокъ, и постараюсь забыться въ дымной атмосферѣ, между тѣмъ, какъ мой добрый Жоржъ будетъ читать мнѣ Донъ-Кихота.

Я желалъ, чтобы, въ послѣднiя минуты, мысли его обращены были на предметы болѣе важныя, и рѣшился намѣкнуть объ утѣшенiи, которое доставляетъ Вѣра даже и тогда, когда помощь человѣка безполезна.

Гнѣвъ показался въ его взорахъ.

— А! вы опять начинаете проповѣдывать; напрасный трудъ, повторяю вамъ еще разъ, и прошу, чтобы этого впредь не было. Я не вѣрю ничему. Утѣшенiе! Я ищу его въ силѣ характера и самоубiйство есть лучшее убѣжище въ несчастiи. Мнѣ не нужны фиглярства вашихъ лицемѣровъ. Еще разъ: не говорите мнѣ объ этомъ.

Положенiе его становилось часъ отъ часу ужаснѣе; все тѣло было въ смрадныхъ, заражающихъ воздухъ язвахъ; ни одна прислужница не могла оставаться при немъ; его стенанiя тревожили сосѣдей.

Злополучный, въ цвѣтѣ лѣтъ, осыпанный дарами природы и счастiя, когда долгая будущность наслажденiй предъ нимъ раскрывалась, онъ самъ изрылъ себѣ могилу, усыпалъ ее тернiемъ и медленно въ нее опускался!

За все золото въ мiрѣ я бы не согласился лечить подобнаго больнаго. Я потерялъ аппетитъ

и сонъ; день и ночь было передо мной это отвратительное зрѣлище.

— Онъ провелъ страшную ночь, сказала прислужница.

Я хотѣлъ сѣсть у изголовья постели, какъ услышалъ шопотъ Эффингстона:

— Не садитесь, Докторъ, не садитесь на этомъ стулѣ: на немъ всю ночь сидѣло какое-то адское существо. Велите его сжечь, докторъ, велите обратить его въ пепелъ.

Послѣдніе дни его были ужасны: чрезмѣрная боль приводила его въ бѣшенство, онъ хотѣлъ бы истребить, уничтожить все, и умеръ......—

Съ богохуленьемъ на устахъ,
Съ безсильной яростью въ очахъ.

II.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

О МНѢНІЯХЪ КАСАТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.

(*Продолженіе.*)

V. Сказаніе о построеніи Кіева тремя братьями, безъ сомнѣнія, темное народное преданіе, сохранившееся донынѣ у Южныхъ Славяно-Руссовъ, можетъ быть въ основаніи своемъ имѣло истинное происшествіе, но оно обезображено придачею разныхъ вымысловъ, и внесено Кіевляниномъ въ лѣтопись едиственно по слишкомъ большой его извѣстности въ народѣ. Впрочемъ не указываетъ ли эта сказка на настоящее происхожденіе Кіевкихъ Русиновъ? Между ними и Закарпатскими Славянами почти нѣтъ ни какого различія: тотъ же языкъ (съ малыми отличіями по мѣстности,) тѣ же нравы, обычаи, преданія, повѣрья, бытъ, одежда, жилица, обряды, физіономія, тѣлосложеніе, дѣятельность, поэзія, даже религіозныя и др. церемоніи и пр. т. п. Тамъ есть и многіе города, соименные городамъ Украинскимъ: Кіевецъ, Вышгородъ, Черноградъ, Житомиръ, Кремницъ, и п. с. Какъ бы то ни было, только сказка о Кіевѣ подала поводъ Новгородцу вымыслить съ своей стороны подобную же о трехъ братьяхъ: Рюрикѣ, Синеусѣ и

Труворѣ, изъ коихъ первый тоже строитъ городъ и называетъ его Новымъ городомъ. Какъ на Югѣ Кіевляне покоряются Казарами и платятъ имъ дань, такъ и здѣсь, не приступая еще къ выдумкѣ самой сказки, Новгородецъ заставляетъ Варяговъ прежде всего порабощать своихъ соотечественниковъ, даяти дань и потомъ сіи послѣдніе изгоняютъ первыхъ, но въ скорости опять идутъ за море къ Варягамъ же и приводятъ трехъ братьевъ къ себѣ володѣти своею землею. Еще лучше: не перенесъ ли Новгородецъ сказанія Гельмольда о 9-хъ братьяхъ, призванныхъ Германскими Славянами къ себѣ для прекращенія происходившихъ у нихъ междоусобій, изъ коихъ одинъ былъ Славянскій Князь Оботритовъ и Вагровъ, а прочіе два иностранцы (Король Даковъ и Герцогъ Саксонскій)? Такимъ образомъ призваніе Рюрика, Синеуса и Трувора будетъ просто эпизодомъ изъ Исторіи Славянъ Германскихъ, искустно передѣланнымъ и принаровленнымъ къ Новогородцамъ, въ противоположность тремъ же братьямъ Южныхъ Кіевскихъ Славянъ. По крайней мѣрѣ это возможно и очень вѣроятно. Но чтобы событіе о пришествіи трехъ братьевъ въ Новгородъ дѣйствительно случилось такъ, какъ оно описано въ нашихъ лѣтописяхъ, этому, кромѣ прочаго, сильно противорѣчатъ: a) несуществованіе въ то время ни какихъ городовъ на Сѣверѣ; b) двоякое покореніе Новгорода, сперва Славянами съ Дунайскихъ береговъ, потомъ Рюрикомъ; c) самое

названіе городовъ, относимыхъ лѣтописями къ сему времени, указываетъ на подобные же города Славянъ Германскихъ: Альденбургъ, Ольденбургъ—Ладога, Магнаполисъ, Нейштадтъ—Великій Новгородъ, Иссабургъ — Изборенъ, и др., d) мгновенное царствованіе трехъ братьевъ, ничѣмъ неознаменованное, не смотря на то, что они призваны были за свои храбрыя, доблестныя дѣла, царствованіе, которое можно вполнѣ заключить въ двухъ, трехъ словахъ. Такъ или иначе составилась сказка о призывѣ трехъ братьевъ; есть ли это подраженіе сказкѣ о трехъ братьяхъ въ Кіевѣ, или вымышлена по тому образцу, какъ и послѣ у насъ выдумывались подобныя сказки, напр.: о трехъ братьяхъ, правнукахъ Афетовыхъ: Асанѣ, Іафесхасанѣ и Великосанѣ, изъ коихъ первый строитъ близь езера Илмени и великія рѣки Волхова градъ Славенскъ, онъ же и Новградъ Великій; второй Русый (Іафесхасанъ) Градъ Россія великій, а третій, премудрый, (Великосанъ), близь рѣки Нерли—градъ Суждаль; или она есть переиначеніе истиннаго происшествія у Германскихъ Славянъ; или же, наконецъ, должно въ ней искать трехъ братьевъ—родоначальниковъ трехъ главныхъ Славянскихъ племенъ —Леховъ, Чеховъ и Руссовъ (Лехъ, Чехъ и Руссъ); какъ бы то ни было, только въ словахъ: суть же Новугородци и досего дне отъ рода Варяжска, прежь бо бѣша Словѣне, словахъ, нѣсколько разъ повторяющихся и находящихся во всѣхъ спискахъ лѣтописи, Нестору приписываемой,

кажется мнѣ, содержится указаніе на истинное происхожденіе Новгородцевъ, т. е. какъ колонію Германскихъ Славянъ, именно Варяговъ, не взирая на то, что Сѣверной компиляторъ соединилъ это извѣстіе со сказкою о трехъ братьяхъ и отнесъ оное къ IX в. Отсюда станете ли глядѣть на Новгородцевъ какъ Славянъ? Они Славяне, они пришли отъ Дуная въ то время, какъ и Южные ихъ соплеменники. Какъ на Русскихъ? Они Русскіе: у нихъ-то первые Князья имѣли свое пребываніе, а съ переходомъ въ Кіевъ, принесли туда и новое имя Югу, имя Руси. Или захотите въ нихъ искать Варяговъ? Они и Варяги: суть Новгородстіи людіе и досего дне отъ рода Варяжска!... Съ какой бы стороны ни смотрѣло на нихъ потомство, они въ выигрышѣ. Они все — все!... Но въ самомъ дѣлѣ кто они таковы? Не лѣть есть вѣдати сія никомуже... Однѣ только долговременныя, глубокомысленныя соображенія всѣхъ дѣяній Новгородцевъ и ихъ отношенія къ своимъ сосѣдямъ и прочимъ народамъ, могли уяснить намъ происхожденіе Новгородцевъ, снять маску съ этого хитраго, чуднаго народа....

Здѣсь прерываю я указаніе на тѣ мѣста въ лѣтописи, приписываемой Нестору, кои, какъ видно по всему, переиначены Новгородцемъ, считая, что довольно и сихъ немногихъ для того, дабы видѣть, что мѣсто, на которомъ Байеристы основываютъ свою гипотезу, также есть вставка Новгородца, какъ и указанныя нами, и потому мѣстомъ этимъ ни въ какомъ случаѣ непозволительно доказывать существованіе, ни пространство Руси, ни Варяго-Руссовъ на Балтійскомъ морѣ. Теперь войду въ нѣкоторыя подробности того, почему Варяги не могли быть Норманнами. Доказавъ это, кажется, разрушимъ послѣднюю опору Сѣвернаго происхожденія Руси; ибо Варяги, не бывъ Норманнами, тѣмъ менѣе могли быть Руссами.

Обыкновенно тождество Варяговъ и Норманновъ основываютъ:

1. На нашихъ лѣтописяхъ. Но въ лѣтописяхъ нашихъ на это нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Въ нихъ, напротивъ, подъ Варягами разумѣются всѣ сѣверо-западные народы. Съ именемъ ихъ соединено такое же неопредѣленное, сбивчивое понятіе, какое Греки соединяли съ именемъ Скиѳовъ, и новѣйшіе Географы съ именемъ Татаръ. Принимать же подъ Варягами предпочтительно Норманновъ нельзя потому, что у Нестора сіи послѣдніе называются своимъ именемъ — Нормани, Урмани, Мурмане (Кенигсб. лѣт.). Многіе толковали, что это названіе означаетъ Норвежцевъ; но гдѣ же тому доказательства? Однѣ догадки, но догадки не доводы. Если Несторъ писалъ лѣтопись, если онъ такъ хорошо зналъ Сѣверную Географію, какъ утверждаютъ защитники его, то возможно ли, чтобы онъ пропустилъ Норманновъ, извѣстныхъ тогда вездѣ подъ настоящимъ своимъ именемъ? Слѣдственно Варяги не Норманны.

*

2. На словопроизводствѣ. Но уже одно то, что слово Варягъ производятъ отъ нѣсколькихъ словъ, взятыхъ изъ различныхъ Сѣверо-Германскихъ языковъ, говоритъ о неестественности такого словотолкованія. Можетъ ли имѣть какой-нибудь народъ названіе, составленное изъ словъ, принадлежащихъ разнымъ языкамъ? Зачѣмъ не называться именемъ, заимствованнымъ изъ своего языка? Однако Норманны не только не назывались Варягами, но и вовсе не знали онаго. Ни одинъ изъ Скандинавскихъ писателей не придавалъ имъ сего названія, исключая Снорро-Стурлезона, который тѣлохранителей Греческаго Императора, составленныхъ изъ чужеземцевъ и находившихся подъ главнымъ начальствомъ Норвежскаго Принца (въ 1040 г.), называетъ Верингами; но если бы онъ разумѣлъ подъ ними однихъ Норманновъ, то, говоря о вступленіи своихъ земляковъ въ Βαραγγοι, онъ непремѣнно далъ бы имъ это названіе, между тѣмъ у него находимъ слѣдующія только слова: illi fodus inierunt. Далѣе: одинъ Сагистъ, какъ замѣчаетъ Эверсъ, различалъ даже Верринговъ отъ Норманновъ въ Константинополѣ, (Эверсъ ч. 1. стр. 29 прим. 22 Кр. из.) и думалъ, слѣдовательно, что тамъ не всякой Норманнъ былъ Верангомъ, или не всякой Верангъ былъ Норманнъ. Barangoru et Normannoeu mos est, luctis et exercitis ladieris in dies exerceri. Равнымъ образомъ никто и ихъ сосѣдовъ Норманновъ не называлъ Варягами.

3. На свидѣтельствѣ Византійцевъ. Но слово Варягъ является у нихъ не ранѣе половины XI ст. До того же времени, тамъ совершенно его не знали. Константинъ Багрянородный первый тѣлохранителей своихъ назвалъ Φαργανοι; потомъ показалось и слово Варяги, и то у писателей меньшаго достоинства и притомъ непостоянно, напр. у Скилиція, Вріеннія, Грегоры, Анны Комниной, Хоніата, Пахамера, Коѳина и другихъ. Напротивъ въ нашихъ лѣтописяхъ о нихъ говорится еще въ VIII ст., какъ о народѣ уже сильномъ и извѣстномъ. Слѣдственно къ намъ оно не могло зайти отъ Грековъ; ибо даже и притѣхъ событіяхъ, кои и въ нашихъ и Греческихъ хронографахъ описаны и въ коихъ съ нашей стороны Варяги являются главными дѣйствователями, Греки вовсе о нихъ не упоминаютъ, чего не упустили бы они изъ виду, если бы тѣ были имъ извѣстны, а извѣсности не могло не быть при такой громкой всюду ихъ славѣ. Нѣкоторые говорятъ, что слово Варягъ есть Готѳское, потому де, что Готѳы первые вступили въ службу Грековъ (въ IV ст.), были сими названы Φοιδερατοι, что если бы они перевели на свой языкъ чрезъ Vaeringiar, измѣнившееся послѣ въ Константинополѣ весьма естественнымъ образомъ въ Βαραγγοι. Но и это невѣроятно; ибо Готѳовъ никогда не было долго въ Греческой службѣ. Мѣсто ихъ вскорости заняли выходцы разныхъ другихъ племенъ, постоянно называвшіеся Πελεκο Εφοι, δορυφοροι, cubicularii. Можно ли по-

вѣрить, чтобы слово federatus, переведенное Готѳами на свой языкъ, могло сохраниться этою толпою, состоящею изъ бродягъ всѣхъ народовъ? Какъ Багрянородный, первый назвавшій придворную сію стражу не Греческимъ словомъ, даетъ ей имя не Βαραγγοι, а Φαργανοι, словомъ совершенно отличнымъ отъ перваго, и которое не могло быть Готѳскимъ уже и потому, что другія слова, выдаваемыя имъ за Готѳскія, какъ признано основательными знатоками Готѳскаго языка, не заключаютъ въ себѣ ни одного слова, принадлежащаго къ оному (Эверсъ, стр. 33. прим. 37.)? Какъ Норманны усвоили себѣ названіе, такъ поздно сдѣлавшееся извѣстнымъ самимъ Грекамъ? Вѣроятно ли, слѣдственно, чтобы они, отправляясь въ Грецію, называли себя Варягами въ то время, когда они никому не были извѣстны подъ симъ именемъ?...

Но допуская тожество нашихъ Варяговъ и Варяговъ-Славянъ, обитавшихъ въ Германіи при Балтійскомъ морѣ, вся темнота, вся запутанность и несообразность сама собою исчезаетъ. Въ Историческихъ изслѣдованіяхъ гораздо лучше, гораздо надежнѣе искать помощи въ обдуманныхъ соображеніяхъ и догадкахъ, нежели основываться на свидѣтельствѣ лѣтописей, принадлежащихъ къ позднѣйшему времени. Другое дѣло, когда о какомъ-нибудь событіи говорятъ писатели современные или близкіе къ той эпохѣ, въ которую оно совершалось, писатели добросовѣстные, достойные всякаго вѣроятія. Такъ мы

знаемъ изъ Адама Бременскаго (De Situ Daniae capil.) и Гельмольда, что Славяне-Варяги (Варги, Вариги) нерѣдко пускались на корабляхъ въ самую Грецію; вели торгъ съ Датчанами, Норвежцами, Шведами и своими соплеменниками; нападали съ Аварами, предводительствуемыми Хаганомъ, на Римскія провинціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (см. Бенкерт. прим. на Хрон. Гельм. кн. I. гл. I. прим. V.); грабили Фаиловъ и Педицановъ, и пр. Прибалтійскіе Славяне вообще славились издревле своею торговлею. Въ вѣка общаго невѣжества и варварства, они доставляли всей Сѣверной Европѣ рукодѣлія и произведенія Греціи и Азіи и т. п. Отсюда показались у нихъ многочисленные города, славившіеся населенностію, богатствомъ и промышленностію. Извѣстно, что Карлъ Великій изъ зависти къ торговлѣ ихъ принялъ намѣреніе перевесть оную въ свои земли, на Средиземное море; для сего старался всѣми мѣрами уничтожить или, покрайней мѣрѣ, подорвать ее на Балтійскомъ морѣ (Capit. An. 805. T. I. p. 405.). Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ занимались даже и пиратствомъ. Деппингъ въ своей Histoire des expéditions maritimes, des Normands etc. (Paris 1826.) говоритъ, что одинъ Славянскій пиратъ Рѣто (Rhoeto), страшный своею жестокостію, около 600 г. опустошилъ берега Даніи. Венды подходили съ семью кораблями къ Даніи, въ намѣреніи произвести грабежъ къ ней. Въ половинѣ V ст. Славяне, подъ начальствомъ Царя своего

Исмара (Ismar) приходили на воды, окружающія острова Фіонійскія и побѣдили Короля Сивора, и многихъ другихъ. Слѣдственно Славяне сіи никому не уступали въ морскомъ дѣлѣ и посѣщали отдаленныя земли или по торговымъ сношеніямъ, или по корсарскимъ разъѣздамъ. При всемъ томъ, пока они не были впутаны въ кровопролитныя войны подъ предлогомъ вѣры и происшедшія отъ того междоусобныя распри, пока сосѣдственные народы не вмѣшивались въ ихъ дѣла, не стали гнать и истреблять, до того времени они не изселялись изъ своего отечества; теперь же принужденными нашлись для спасенія своей жизни бѣжать въ разныя стороны, преимущественно на Югъ (Helm. Lib. II. c. Vet. XXVI.). Гельмольдъ сохранилъ намъ рѣчь ихъ, сказанную ими по сему случаю Нѣмецкимъ Князьямъ: »Вы чтите вашего Бога, а мы будемъ чтить васъ, если будете поступать съ нами справедливо. Вы требуете, чтобы мы сооружали храмы и платили десятину священникамъ, а между тѣмъ обременяете насъ налогами, истощающими насъ до крайней нищеты. Остается намъ только одно: бѣжать на море и жить на водѣ. Не ставьте намъ въ вину, когда тамъ станемъ разбивать, но вините тѣхъ, которые своими насиліями изгоняютъ насъ изъ собственной нашей земли (ibd. Lib. I. c. 83 et L. II).« Въ сіе-то время безъ всякаго сомнѣнія они удалились частію въ нынѣшнюю Новгородскую Губернію, частію въ Грецію, гдѣ

вступили въ гвардію Византійскихъ Императоровъ, а частію принуждены были пиратствовать на морѣ. Но какъ самые ближайшіе къ Балтійскому морю были Варяги-Славяне, то и не удивительно, что они первые должны были оставить свою родину; слѣдственно имя ихъ сдѣлалось прежде всѣхъ извѣстнѣе и осталось нарицательнымъ и для прочихъ ихъ соплеменниковъ, какъ-то: Оботритовъ, Руяновъ, Кассубіевъ, Вилацевъ, Лутичей, Ленззаленовъ и т. п. Вотъ когда и у Византійскихъ писателей появляется названіе Варяговъ (Βαραγγοι—Вараги); вотъ когда явственно заговорили о нихъ въ Цареградѣ.... Ясно также, отъ чего позднѣйшіе Византійскіе писатели смѣшивали это названіе: они придавали его воинамъ, совсѣмъ не Славянскимъ. Это потому а) что Славяне, лишенные своего отечества, не болѣе какъ въ продолженіе только того времени, какъ ихъ гнали и утѣсняли, удалились въ Грецію и другія земли, по совершенномъ отнятіи у нихъ ихъ родины, къ оставшимся въ службѣ Византійской, не подходили уже болѣе земляки; ибо Нѣмцы различными способами выжили ихъ оттуда и завладѣли всею прибалтійскою Славіею; b) названіе Варяговъ Британцамъ (Киннамъ). Нѣмцамъ (Никита Хоніатъ), Кельтамъ (Пакишеръ), Англичанамъ (Кодинъ), давалось Греками потому, что Вараги были первые воины изъ Сѣверныхъ Европейцовъ, кои поступили въ тѣлохранители ихъ Императоровъ; послѣ подъ этимъ именемъ

спали они разумѣть и всѣхъ прочихъ выходцевъ, принадлежали ли они къ настоящимъ Варагамъ, Славянамъ и другимъ народамъ, лишь бы только пришли съ береговъ Балтійскаго или Нѣмецкаго моря. Сказать на оборотъ нельзя; ибо Британцы, Нѣмцы и подобные имъ, никогда не назывались Варягами; напротивъ Вараги-Славяне искони были Варяги, какимъ именемъ какъ сами себя они называли, такъ равно ихъ соплеменники и сосѣдственные народы. Арабскіе писатели то же самое говорятъ: всѣ они помѣщаютъ Варяговъ при Балтійскомъ морѣ, напримѣръ: Абульфеда (+1302), основываясь на словахъ Абу-Ригина, жившаго въ ½ XI ст., пишетъ въ своемъ Географическомъ Словарѣ: »Mare Warnak exit ex ambienti mari Septentrionali. Warnak est nomen gentis, gudlitom emus obsidet (Эверсъ 49, прим. 15).« Подобное находится и у другихъ Арабовъ: Назара (1274), Касвани (въ перв пол. XIV ст.), Димешки (въ нач. XIV), Бакуви (въ нач. XV ст.) и проч.

И такъ и здравая Логика, и Историческія соображенія, и свидѣтельство писателей, все это говоритъ о томъ, что подъ Варягами должно разумѣть не Варяго-Руссовъ, народъ, будто бы, Норманнскій, сообщившій въ послѣдствіи имя нашему отечеству, но Варяговъ-Славянъ, колоніею коихъ былъ самый Новгородъ. Я не опровергаю здѣсь мѣстъ изъ Нестора, приводимыхъ защитниками Скандинавскаго происхожденія Руси, довольствуясь оцѣнкою имъ, сдѣланною

другими прежде меня (Уч. Зап. NNo II, III, IV, V, VI, IX). Не стану также разбирать и иноземныхъ писателей: ничтожество ихъ сказаній показано во всей своей наготѣ Гг. Эверсомъ (Эверс. X—XI 1 ч. стр. 105 и см.) и Нейманомъ (О жил. древнѣйш. Русс., стр. 37, 39, 41 и т.). Сдѣлаю только послѣднее замѣчаніе по сему предмету. Г. Погодинъ, послѣ всѣхъ усилій произвести названіе Руси отъ Варяго-Руссовъ Норманновъ, видя, наконецъ, всю шаткость и невѣроятность такой гипотезы, прибѣгаетъ къ послѣднему средству: рѣшается выводить Руссовъ съ Юга, только все таки отъ своихъ любезныхъ Варяговъ. Вотъ что онъ говоритъ о семъ: »На берегахъ Чернаго моря находилось, можетъ быть, поселеніе Скандинавскихъ Руссовъ (?), которые поселились здѣсь точно также, какъ Аскольдъ и Диръ во время Рюрика въ Кіевѣ (?) Рогволодъ въ Полоцкѣ (?) (Крит. Разб. соч. Г. N. стр. 107 и 8).« Уступка важная! Но a) Скандинавскихъ Руссовъ, какъ мы выше сего доказали, никогда не было ни на Сѣверѣ, ни гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ; а когда ихъ не было, то слѣдственно и колоніи ихъ не существовало на Югѣ. Ссылаться въ этомъ на сказки Сагистовъ о пришествіи баснословнаго Одина съ береговъ Чернаго моря и п. т., не позволительно въ дѣлѣ Исторической критики; b) какъ Несторъ, по видимому коротко знавшій Сѣверныхъ Руссовъ, ни слова не говоритъ объ ихъ колоніи на Югѣ? Это было ему и ближе и

сручнѣе; c) Аскольдъ и Диръ, Рогволодъ и Туръ, подобно Рюрику, Олегу и пр. очевидно вымышленныя имена; d) »Чтобы Норманны поселились на Сѣверномъ берегу Чернаго моря, какъ нѣсколько позже на Сѣверномъ берегу Франціи и Западномъ нижней Италіи, — Исторія не представляетъ никакого слѣда, а безъ сего слѣда нельзя дѣлать никакихъ догадокъ (Фатеръ).«

Гдѣ же Руссы, если ихъ не было на Сѣверѣ? Откуда это названіе нашего отечества? Надобно, чтобъ была какая нибудь причина, какой нибудь къ оному поводъ. Еще прежде сказано другимъ, что имена народовъ, странъ, урочищъ, городовъ, подобно именамъ самыхъ вещей, большею частію покрыты непроницаемою завѣсою мрака: »Τὰ πρῶτα ὀνόματα τεθέντα κατακέχωσται καὶ ὑπὸ καλλω πισμȢ καὶ ὑπὸ χρόνȢ,« говоритъ безсмертный Сократъ (Πλάτ. Κρατύλ.). Слѣдовательно тутъ должно довольствоваться вѣроятнѣйшимъ; изслѣдовать первое появленіе имени народа въ Исторіи, т. е. не могло ли оно быть заимствовано или дано отъ другаго народа, прежде или послѣ жившаго съ нимъ по сосѣдству, либо повелѣвавшаго имъ, и въ силу какихъ причинъ послѣдовало такое заимствованіе? Надобно только, чтобы бытіе такого народа по всѣмъ правиламъ строгой Исторической критики, было доказано неоспоримо, а не такъ, какъ это случилось съ Варяго-Руссами, коихъ никогда и нигдѣ не существовало, о коихъ ни современные, ни

позднѣйшіе писатели не упоминаютъ и однимъ словомъ, исключая лѣтописи нашего Нестора, не имѣющей совершенно канонической важности и принадлежащей къ категоріи грубыхъ компиляцій новѣйшаго времени, лѣтописи, въ которую Новгородецъ внесъ составленное имъ по политическимъ цѣлямъ производство Руси отъ двухъ совсѣмъ различныхъ и никогда не имѣвшихъ ничего между собою общаго народовъ, т. е. Вагровъ или Вараговъ, Нѣмецкихъ Славянъ при Балтійскомъ морѣ, и Руссовъ, народа обитавшаго издревле на берегахъ Чернаго моря. Наши Критики-Историки, повѣривъ сказаніямъ такой лѣтописи, стали усердно доказывать происхожденіе имени Руси съ Сѣвера отъ этихъ небывалыхъ Варяго-Руссовъ.....

Опираясь на изысканіяхъ Гг. Эверса, Нейманна, Фатера, Гаммера, болѣе же всего на соображеніи изслѣдованій сихъ мужей, я приведу здѣсь доказательства на заимствованіе нашимъ отечествомъ вынѣшняго его названія отъ Черноморскихъ Руссовъ. Начну съ Арабовъ.

A. *Извѣстія Арабскихъ писателей.*

Эверсъ, кажется, первый обратилъ вниманіе на Восточные, особенно Арабскіе источники для Русской Исторіи. Но не зная языка Арабовъ, онъ основывалъ доказательства свои о заимствованіи имени Россіею отъ народа, обитавшаго на Югѣ ея, на свидѣтельствѣ Ибн-Гаукала,

Географическія сочиненія коего были переведены Сиромъ Узелеемъ съ Персидскаго на Англійскій языкъ; и какъ переводъ сдѣланъ во многомъ не вѣрно, то Эверсъ естественно долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибиться. Не смотря однако на то, главное его положеніе ничего не потерпѣло. Сначала было онъ Руссовъ призналъ за Казарское племя; но послѣ по зрѣломъ обсужденіи утвердился въ той мысли, что они были особенный народъ при Черномъ морѣ, не какъ вновь поселившійся, но какъ давно уже жившій при ономъ. Френъ, въ изданномъ имъ Ибн-Фоцланѣ, возсталъ противъ такого мнѣнія, вооруженный всею ученостію восточною; но вмѣсто того, чтобы опровергнуть оное, еще болѣе подкрѣпилъ собранными имъ извѣстіями другихъ Арабскихъ писателей о Руссахъ и приложенными къ поименованной книжкѣ. Г. Нейманнъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Эверсу систематически расположилъ сіи свидѣтельства. Вотъ они:

Древнѣйшее сказаніе Арабовъ о Руссахъ находится въ Коранѣ, въ коемъ между другими славными народами, говорится и о властителяхъ Раса — des Ras, Ros (Aschat-en-Rass). — Фирдуси упоминаетъ о странѣ Русской и Словенской до Китая. Шагиръ-ед-динъ (XIV ст.) повѣствуетъ что еще въ VI ст., по смерти Нуширвана Великаго, сынъ его, Фаруцъ, владѣлъ Россами, Козарами и Словенами.

Руссы сіи жили при Черномъ морѣ на од-

номъ берегу онаго (Масуди) и 7-ми островахъ этого моря (Шамсъ-ед-динъ Димешки); отъ чего Черное море и получило названіе Русскаго моря (Массуди, Димешки и Ибн-ел-Варди). Главный городъ ихъ былъ Руссія (Али-бенъ-Саидъ-Махреби). Димешка и названіе ихъ выводитъ отъ сего города, лежащаго, по словамъ его, на Сѣверномъ берегу Чернаго моря; тутъ же было озеро и областной городъ Тома, на Югъ отъ коего лежалъ торговой городъ Шаръ-ел-бакасъ, а на Востокъ Матарха (Ταματάρχα). Махреби упоминаетъ о большомъ островѣ на Черномъ морѣ, принадлежавшемъ Словенамъ, и на самомъ концѣ Океана на берегу находится городъ Руссовъ. Волга, называемая рѣкою Россовъ или Руссовъ (Ибн-Гаук. Едризи); Донъ — рѣка Словенъ и Руссовъ.

Одни Русовъ производятъ отъ Руса, сына Яфетова (Мирк.); отъ Руса, сына Туркова (Димешк.); другіе причисляютъ ихъ къ народу Турецкому (Бакув.); а иные говорятъ только, что Руссы граничатъ съ Турками и Словенами (Якут.) съ Турками и Козарами, — или же живутъ въ Булгарской, между Булгарами и Словенами, откуда одно Турецкое племя (Печенѣги) выселилось.

Руссы, по Истихри и Ибн-Гаук., состоятъ изъ четырехъ племенъ: 1, Ближайшее къ Булгару; столица Куйява; 2) Арса; съ столицею того же имени; 3) Сѣвернѣйшее — Салавъ (Челабъ-Словене) Ибн-ел-Верди и Касвани полагаютъ слѣд. 1, Керкіянъ, съ городомъ того имени; 2, Атла-

ва; и городъ Тлава; 3, Арши, и городъ также. Едризи считаетъ четыре племени: Саилабовъ: Славію, Геразію, Кератертію и Арсанію. Массуди говоритъ только, что Руссы состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ.

Руссы торгуютъ въ городѣ Булгарѣ (Ибн-Гаук. и Ибн-ел-Варди); ведутъ также торгъ съ Козаріею, Греціею и др. (Ибн-Гаук.). Они нрава дикаго, занимаются разбоями на морѣ, брѣютъ бороды, не сѣютъ и не имѣютъ стадъ, и проч. (Димешк., Маяр., Ибн-ел-Варди, Хордадъ, Мирк. Якутъ). Они велики и статны, всегда съ оружіемъ, одѣваются въ толстую одежду, нечистоплотны, покланяются идоламъ, пьютъ неумѣренно вино и пр. (Ибн-Фоцл. Кар. Т. VIII.)

Изъ воинскихъ ихъ подвиговъ сохранены слѣдственно только Арабскими писателями: Походъ къ Каспійскому морю 912 г. (Массуд.), и разореніе города Борды 944 г. (Абульфеди и Абульфар.); походъ подъ Царьградъ 940 (Эльмак.).

Руссы на островахъ Чернаго моря исповѣдуютъ Христіанство (Димешк.). Абульфараджъ крещеніе ихъ относитъ ко времени Константина Великаго, а Ибн-ел-Верди ко времени Владиміра.

Мнѣ кажется, что названія племенъ Руссовъ, находящіяся у Арабскихъ писателей можно объяснить такимъ образомъ:

a) Ибн-Гаук. (живш. въ X в.) Керсабе, Карсабе, Карсаве (иначе Куйява), вѣроятно есть отъ Корса Абульфеды, Корса или Карса; иначе Керцъ, Керчь Барбаро, Венеціанца, путешествовавшаго

въ XV ст. въ Персію; Ораія, Орая, Араія (Френъ) столица Арса, Орса: первая можетъ быть Орская или Перекопская область, а второе городъ Херсонъ; у Барбаро: Сарсона, Керсона и Сурса, Сорса-Арса; племя же Челобъ или Салавъ, безъ сомнѣнія, Славяне Кіевскіе, подданные Руссовъ и потому причисленные Арабомъ къ господствующему народу.

b) Эдриз. (пис. въ $\frac{1}{2}$ XII в.) Славія — Кіевская область, ибо онъ же на Днѣпрѣ находитъ городъ Кевъ-Кіевъ, иначе: Кеневъ-Каневъ; то и другое правдоподобно; Беразія, вѣрно, тамъ, гдѣ протекаетъ рѣка Рось, по коей она и названа: По-Росія Порозія, Берозія, Веразія (б и п у Арабовъ не различаются). Керакертія, иначе Керкетія, гдѣ городъ Черкассы, (Керкассы, Церкассы, Керакессы, Церкессы); Арсанія — Ибн-Гаук. Орсанія.

c) Ибн-ел-Варди (живш. въ $\frac{1}{2}$ XIII ст.) и Касвин. (въ $\frac{1}{2}$ XIV ст.): Керкіанъ, съ городомъ Керкіаномъ-Керкассы (Черкассы); Атлава, съ городомъ Атлавою или Тлавою, Талавою, должно полагать нынѣшнее мѣстечко Голтва (Полтав. Губ. на рѣк. Пслѣ), прежде называвшееся Олтавою, Олтвою. Въ нашихъ лѣтописяхъ Олтава въ первый разъ упоминается подъ 1171 г. и составляетъ порубежный городокъ или крѣпостцу противъ Половецкаго Хана Котяна, на рѣкѣ Ворсклѣ; но на картѣ Боплана она показана при той самой рѣкѣ, на которой и нынѣ находится, т. е. при Пслѣ; въ которую впадаютъ три рѣчки: Олтва, Олтава и Олтана и Суха-Олтва. Арабскій

писшелъ могъ измѣнишь слово Олшава или Олшва въ Ашлаву, Тлаву, или на оборошъ: Южные Руссы прежде шакъ ее называли; а послѣ немного укорошили, ибо у нихъ въ многихъ словахъ буква *а* = *о* (Ашлава, Ошлава), предъидущая замѣняешся послѣдующею (Ашлава, Ошлава, Олшава 1), *а*, *о*, выпускающся сначала и въ срединѣ (Алшава, Олшава=Тлава; Лшава, Олшава 2), *а*, *о*=*и* (Алшава, Олшава=Илшава 3); нерѣдко *г* приставляется къ *а* и *о* сначала (Алшва; Олшва=Голшва 4). Трешье племя Руссовъ называлось Арани, Орани=Араіи, Ораіи. (Ибн-Гаук.

1) Л=ш: Калмыкъ=Комлыкъ (а=о, л=ш.)

2) Агрусыня=грусына; Тараканъ=Тарканъ, оболоньня=болоньня, ополонки=Полонка, оберешокъ=берешокъ, огудына=гудына, молосно=млосно, жайворонокъ=жайвронокъ и пр.

3) Любопышно сходство сего имени съ именемъ рѣчки города Переяславля, ш. е. Альшы, въ лѣшописяхъ нашихъ называешся Олшою, Олушою, Олшвою; нынѣ же по-Малоросс. Ильша; уменьшиш., Ильшыця. Можно вспомнишь еще рѣчку Алушу въ Валахіи. Говорягшъ, что гдѣ-шо и на Кавказѣ есшь подобная; равно шамъ же: Субой Псё или Псо, а въ Малоросс. Супой, Псёлъ.

4) Арба=гарба, арбузъ=горбузъ, анысъ, онысъ=ганусъ, Анна=Ганна; армаша=гармаша и п. ш.

Безъ сомнѣнія и Полшава оттуда же ведешъ свое имя. Въ Лѣшописи Малой Россіи, изд. Рубаномъ сказано: въ 1608 году Козакъ Масло (Миргородск. полка) вышелъ съ нѣсколькими семейсшвами ихъ Голшвы и поселился на нынѣшнемъ мѣсшѣ Полшавы; слѣд. онъ

между гласными всшавляешъ н), иначе: Арши, Орши=Оръ, Оршъ (шакъ въ Малоросс. Лѣш. часшо имен. Перекопъ).

Б. ВИЗАНТІЙЦЫ.

У Визаншійцевъ гораздо болѣе сохранилось извѣсшій о Руссахъ. Такъ подъ 866 г. Левъ Граммашикъ (940), Георгій Мон. (900), Фошій (867), Никиша Давидъ (878), продолжашель Консшанш. Багряан., Логоѳ. (ок. 1140), Кедринъ (1057), Зонара (1118), всѣ они единогласно повѣсшвуюшъ о присшупѣ Руссовъ къ Консшаншинополю и пошомъ о приняшіи ими Хрисшіанской вѣры. Эшо первое досшовѣрное извѣсшіе о Руссахъ; но должно думашь, что Греки ихъ знали и прежде; ибо къ слову Rossi нѣкошорые изъ поименованныхъ писашелей прибавляюшъ слѣдующія gens Scythica cradelisima; ab Euxino Ponto digressi (Ник.), живущій при Таврѣ на Крымскомъ полуосшровѣ (Зонар.), въ сѣверной часши онаго (Кедр.), народъ дикой, грубой (Прод. Консш.), populus apud multos dre sermonib. et fama celebratus, qui postquae vicinas in circuitu gentes sub jugun misit (Фош.). Даже позднѣйшіе писашели долго называли Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, (Кинн., Ник. Хоніашъ и др.)

Подъ 941 г. упоминаешся о вшоромъ походѣ

новому своему присшанищу далъ имя прежняго, ш. е. назв. По-Олшавою, другою, новою Олшавою (а о=, =а у: Пулшава).

*

Руссовъ на Царьградъ; но не говорится, какъ и при первомъ, ни о предводителѣ, ни о какихъ-либо договорахъ.

Константинъ Багрянородный пишетъ о 700 чел. на жалованьи въ Греческомъ флотѣ (902); о 45 Руссахъ, отправленныхъ въ Италію въ 933; о 584 бывшихъ тоже въ Греческой морской службѣ (949); объ отношеніяхъ Грековъ къ Руссамъ и Печенѣгамъ; о Днѣпровскихъ порогахъ, именуемыхъ имъ по-Русски и Славянски; объ обыкновеніи Русскихъ Князей съ Ноября по Апрѣль м. осматривать свои земли; о томъ, какъ сынъ его, Романъ, долженъ поступать при требованіи Руссовъ и другихъ народовъ у него Греческаго огня и пр.; о грамотѣ съ печатью, посланной при немъ одному Русскому Князю; о пребываніи В. К. Ольги при Дворѣ Константинопольскомъ; наконецъ Конст. Багрян. (De imper. c. IX., 49 et 51) слѣд. словами означаетъ страну Руссовъ: Выше Пецинаковъ (Печенѣговъ, обитавшихъ въ то время между Прутомъ и Донцемъ) есть Руссія, въ которой главныя мѣста: Цернигора (Черниговъ?) Немогарда (?), Теліуца (Телава, Тлава?) и Вусегарда (Вышгородъ?). Въ Немогардіи Ингоръ Сфендосла — Са, сынъ Россійскаго Князя имѣетъ пребываніе.

Продолжатель Константиновъ о Руссахъ, ходившихъ съ Импер., Никифоромъ Фокою къ острову Криту (9621.).

Левъ Діаконъ, лично знавшій Святослава Игор., описалъ его войну съ Импер. Іоан. Цимисхіемъ; здѣсь называетъ онъ войска перваго

то Руссами, то Таврами, то Тавроскиѳами, на пр.: Императоръ Никифоръ отправляетъ своего Патрикія Калокира къ Тавроскиѳамъ, на простомъ языкѣ обыкновенно называемымъ Рось (ὃς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ρως ἐωτεν ὀνομάζειν) и проч. Таврами, Тавроскиѳами они называются потому, что занимаютъ тѣ мѣста, гдѣ прежде, по Византійцамъ же, жили Тавры и Скиѳы. При томъ писатели, особенно Среднихъ вѣковъ, имѣли страсть давать названія народамъ старинныя, древнія, думая этимъ блеснуть ученостію.

Кедринъ тоже пишетъ много о Руссахъ; на пр. о войнѣ Свяшослава съ Цимисх. (967—71 г.); о Руссахъ посланныхъ В. К. Владиміромъ къ Импер. Василію противъ Верда Фоки; о Руссахъ подъ начальствомъ брата Владимірова, какого-то Сфенга (?), помогавшаго Полководцу Монгу Андронику покорить Казаровъ Греч. Имперіи (1016.); о Руссахъ, участвовавшихъ во второмъ походѣ Импер. Василія въ Болгарію, гдѣ, по взятіи нѣсколькихъ городовъ, онъ раздѣлилъ всѣхъ плѣнниковъ на три части: Руссамъ, Римлянамъ (Грек.) и себѣ; о 800 Руссахъ подъ начальствомъ родственника Владиміра Хризохира (золотая рука) въ службѣ Греч. Императора, его неповиновеніи и смерти (1023 г.); о Руссахъ въ Греч. войскѣ противъ Сарацинъ (1032.); о дракѣ Руссовъ съ Цареградскими Греками, смерти знаменитаго Рус-

(*) См. В Е. N 1, 18, 23 стр. 126 и 27

сина и походѣ сына Ярославова, Владиміра, по сему случаю, на Грековъ (1043.); объ отрядѣ Руссовъ, вмѣстѣ съ двумя отрядами Франковъ, квартировавшихъ въ восточныхъ областяхъ Имперіи по причинѣ возмущенія Исаака Комнина (1057.), и пр.

В. Отечественныя извѣстія.

И по отечественнымъ лѣтописямъ Руссы на Югѣ. Мы потолику вѣримъ сказаніямъ нашихъ лѣтописцевъ о нихъ и прочихъ событіяхъ, поколику извѣсстія сіи соотвѣтствуютъ порядку вещей, возможному, по заключеніямъ здраваго ума и положенію современнаго человѣчества, въ тогдашнемъ состояніи; поколику свѣдѣнія такого рода могли быть доступны составителямъ временниковъ; поколику разсказы ихъ не противорѣчатъ по крайней мѣрѣ въ основаніи, повѣствованіямъ чужестранцевъ.

Таковы извѣстія слѣдующія. У Нестора:

1. Черное море называется моремъ Русскимъ: »А Днѣпръ втечетъ въ Понетьское море жереломъ, еже море словетъ Русьское.« Разумѣется Черное море названо Руськимъ по народу, который долженъ былъ или жить при ономъ и островахъ его, или же владѣть имъ. Арабы и Византійцы говорятъ о такомъ народѣ; слѣд. Черное море названо по имени Руссовъ. »Несторъ употребилъ при семъ случаѣ настоящее время« словетъ« и потому названіе онаго моря Русскимъ должно быть позднѣе. Но онъ и о впаденіи Днѣпра выразился настоящимъ временемъ — втечетъ—: развѣ изъ сего можно заключать, что Днѣпръ до того времени не впадалъ въ Понетьское море. Развѣ мы не употребляемъ настоящаго вмѣсто прошедшаго, разсказывая о чемъ нибудь давно случившемся? Сверхъ того, если отнесемъ названіе Чернаго моря Русскимъ къ вѣку только Нестора, то спрашивается: могли ли Русскіе того времени назвать оное симъ именемъ, не владѣя имъ? Тогда оно принадлежало Половцамъ, прежде Печенѣгамъ, а и того прежде другимъ различнымъ народамъ; однако оно нигдѣ не называется ни Половецкимъ ни Печенѣгскимъ моремъ. Для сего требовалось долговременное, непосредственное обитаніе на берегахъ и островахъ его народа, сообщившаго ему свое имя....

(Окончаніе впредь.)

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

По представленію Г. Министра Финансовъ, объ учиненномъ Черниговскою помѣщицею Капитаншею Ульяною Селивановичъ распоряженіи, чтобъ проценты съ обращающагося въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ капитала ея, въ 25 т. р., употребляемы были,

на вѣчныя времена, на уплату податей за 266 душъ крестьянъ ея, въ Сосницкомъ Уѣздѣ состоящихъ, и по удостоенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить за сіе Г-жѣ Селивановичъ Монаршее благоволеніе, и о семъ публиковать въ газетахъ

— Высочайшимъ Приказомъ, Августа 30-го, въ г. Калишѣ, Полевой Генералъ-Провіантмейстеръ упраздняемой 1-й Арміи, Генералъ-Маіоръ Ладинскій, назначенъ состоять при Военномъ Министерствѣ, съ оставленіемъ по Арміи.

— Высочайшею Грамотою, 26-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени, Вице-Президентъ Московскаго Отдѣленія Императорской Медико-Хирургической Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ.

— По засвидѣтельствованію начальства объ отлично-ревностной службѣ Губернскихъ Предводителей Дворянства: Владимірскаго, Генералъ-Маіора Акинѳова, Новгородскаго, Статскаго Совѣтника Бѣлавина, и Костромскаго, Гвардіи Полковника Купріянова, Всемилостивѣйше пожалованы, согласно удостоенію Комитета Министровъ, первый въ Тайные, а послѣдніе двое въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

— 11-го сего мѣсяца, по распоряженію Совѣта Кредитныхъ установленій, въ присутствіи составленнаго изъ Членовъ онаго Ревизіоннаго Комитета, предано сожженію еще на три милліона рублей билетовъ Государственнаго Казначейства первыхъ трехъ серій, а какъ затѣмъ въ Коммиссіи погашенія долговъ состоитъ на лице подлежащихъ окончательной повѣркѣ на 497,750 руб., то остается въ обращеніи 582,259 рублей, кои мало по малу и поступаютъ въ Казначейства.

Франція.

Палаты были созваны 11 Сентября для объявленія имъ Королевскаго повелѣнія о закрытіи собранія 1835 года. Въ Палату Перовъ это повелѣніе внесено Президентомъ Совѣта, Хранителемъ Печати, и Министрами Военнымъ и Морскимъ; въ Палату Депутатовъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Торговли и Народнаго Просвѣщенія. Въ залѣ было только около 80 членовъ и они немедленно разошлись. Нынѣшнее собраніе Палатъ началось 1 Декабря 1834 года и слѣдственно продолжалось 9 мѣсяцевъ и 11 дней; но Палата не собиралась съ 19 Іюня по 4 Августа.

Въ одномъ журналѣ сказано: Обращеніе Палаты Перовъ въ Судъ, который будетъ имѣть почти безпрестанныя засѣданія, необходимо потребуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ ея составѣ. Говорятъ, что будетъ образована всегдашняя Коммиссія, состоящая изъ 36 Перовъ, которая между собраніями Палатъ будетъ производить процессы по книгопечатанію. Каждый изъ этихъ судей будетъ получать по 10.000 фр. жалованья. Президентомъ Суда будетъ одинъ изъ Вице-Президентовъ Палаты съ жалованьемъ по 100.000 фр. Сверхъ того будутъ два Вице-Президента и Генералъ-Прокуроръ.

Королевскими постановленіями отъ 11-го Сентября возведены въ званіе Перовъ слѣдующія лица: Баронъ *Божуръ*, Г. *Бельмаръ*, Баронъ *Бренъ де Виллере*, Герцогъ *Кадоръ*, Г. *Камбасересъ*, Баронъ *Камбонъ*, Генералъ-Лейтенантъ *Кампредонъ*, Виконтъ *Роганъ-Шабо*, Маркизъ *Шатожиронъ*, Графъ *Корбино*, Маркизъ *Корду*, Графъ *Дини Данремонъ*, Баронъ *Фетріе*, Баронъ *Брето де Пени*, Генералъ-Лейтенантъ *Ледрю дезъ Эссаръ*, Графъ *Лезе-Марнезіа*, Ба-

ронъ Гекторъ *Мортье*, Баронъ *Биго де-Морогъ*, Маркизъ *де ла Муссе*, Графъ *Пернетти*, Баронъ *Прони*, Графъ *Рамбюто*, Г. *Рикаръ*, Графъ *Ларибоассіеръ*, Маркизъ *Рошамбо*, Баронъ Огюстъ *Сентъ Эньянъ*, Графъ *Серранъ*, Виконтъ *Симеонъ*, Графъ *Валле* и Баронъ *Воазенъ де Гартампъ*.

Яснымъ доказательствомъ вліянія и дѣйствія новаго закона о книгопечатаніи могутъ служить отзывы газетъ о семъ наименованіи новыхъ Перовъ. Министерскія газеты почти не находятъ въ газетахъ оппозиціонныхъ повода къ защищенію этой мѣры Правительства, которая либо вовсе не охуждается ими, либо порицается такъ слабо, что нѣтъ никакой надобности возражать на сіи порицанія. Въ сужденіяхъ газеты le Temps болѣе рѣзкости, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. »Напрасно (сказано въ ней) стали бы угадывать главную мысль, которою Правительство руководствовалось при новомъ назначеніи Перовъ; люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, видятъ въ этомъ ряду именъ новыхъ — отголосокъ нынѣшняго Парламентскаго мнѣнія, которое при прежнемъ Правительствѣ, означалось названіемъ лѣваго центра. — Всѣ имена, которыя мы находимъ въ спискѣ новыхъ Перовъ, безспорно достойны уваженія; но не должно удивляться, что нынѣшнее Правительство сблизилось уже съ тою частію Палаты Депутатовъ, которая лишь въ 1826 году отделилась отъ Г. *Виллеля*. Гг. Феликсъ *Божуръ*, *Корду*, *Симеонъ* и *Воазенъ-де-Гартампъ*, рѣдко сходились во мнѣніяхъ своихъ съ мнѣніями Депутатовъ лѣваго центра. Мы могли бы указать на другія имена, которыя еще рѣшительнѣе принадлежатъ къ правой сторонѣ Палаты. Сегодня вечеромъ говорили уже, что Г. *Виллель* нашелъ бы въ Палатѣ Перовъ рѣшительное большинство голосовъ въ свою пользу, еслибъ вступилъ теперь въ Министерство. — Назначая вдругъ столько Перовъ, Правительство не впадаетъ ли въ противорѣчіе съ кореннымъ правиломъ, требующимъ, чтобъ означались каждый разъ заслуги, за которыя дается сіе званіе?

Въ Journal des Débats извѣщаютъ, что Баронъ Барантъ наименованъ Посломъ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, на мѣсто Маршала Мезона; Графъ Рюминьи Посломъ въ Туринъ, вмѣсто Г. Баранта; Герцогъ Монтебелло — Посломъ въ Швейцарію, на мѣсто Графа Рюминьи; Графъ Морней Посланникомъ въ Стокгольмъ, на мѣсто Герцога Монтебелло; Баронъ Мортье Посланникомъ въ Гагу. Графъ А. Сень-При назначенъ Посланникомъ въ Лиссабонъ; Г. Эдуардъ де Понтоа — въ Бразилію; Г. Лагрене Министромъ-Резидентомъ въ Грецію; Г. Бакуръ, Министромъ-Резидентомъ въ Карльсруэ; Графъ Ипполитъ де ла Рошфуко Повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гессенъ-Дармштадтѣ. — Впрочемъ, въ Мониторѣ и въ Journal de Paris еще необъявлено объ этихъ назначеніяхъ.

Англія.

Въ Придворной газетѣ напечатано повелѣніе Королевскаго Тайнаго Совѣта объ исполненіи новаго Парламентскаго акта о муниципальныхъ учрежденіяхъ.

— Въ Манчестерѣ и въ Ньюкестлѣ даны были въ честь О'Коннеля обѣды, за которыми присутствовало значительное число приверженцевъ реформы.

— Въ отвѣтъ на замѣчанія, находящіяся въ Journal des Débats и въ нѣкоторыхъ другихъ Французскихъ Министерскихъ газетахъ, которыя увѣряютъ, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Испаніи, взоры всѣхъ обращены на Францію, но что Французское Правительство еще не рѣшилось ни на какія мѣры въ этомъ отношеніи, — въ сегодняшнемъ нумерѣ газеты

the Times сказано: Очевидно, что въ Испаніи ни одна изъ партій, исключая самой малочисленной, которую составляютъ приверженцы нынѣшняго Министерства, не желаетъ помощи отъ Франціи и ея непосредственнаго участія въ Испанскихъ дѣлахъ.— Изъ помѣщенныхъ во Французскихъ газетахъ замѣчаній объ этомъ предметѣ нельзя вывести другаго заключенія, кромѣ того, что единственная цѣль ихъ узнать общее мнѣніе объ этомъ. — Если Французское Правительство дѣйствительно имѣетъ намѣреніе вмѣшаться во внутреннія дѣла Испаніи, то мы увѣрены, что оно вскорѣ убѣдится, что лучше предоставить Испанцамъ самимъ привести къ концу свои внутренніе раздоры.

Испанскія дѣла.

Губернаторъ Серверы получилъ сейчасъ съ курьеромъ извѣстіе, что Карлисты удалились изъ Каталоніи и двинулись обратно въ Наварру. — Между ними и войсками сей провинціи происходило одно только сраженіе, въ которомъ Наваррскій отрядъ лишился около 45 чел.; однако, обстоятельство это должно имѣть величайшее вліяніе на положеніе дѣлъ въ Каталоніи; ибо если-бъ Карлисты успѣли склонить жителей Каталоніи въ пользу Дона Карлоса, то Правительство Королевы Испанской съ трудомъ было бы въ состояніи уничтожить это возстаніе. Теперь Карлисты не имѣютъ ни какой опоры въ этой части Испаніи и по всей вѣроятности, принуждены будутъ покориться, хотя военныя силы ихъ довольно значительны. Губернаторъ здѣшній, Бригадный Генералъ Авейре, выступилъ сегодня по утру съ 800 челов. пѣхоты и 50 конницы въ Вильяфранку, лежащую на половинѣ пути въ Тарагону, гдѣ находится около 1500 чел. Карлистовъ, отражавшихъ доселѣ всѣ войска, которыя посылались противъ нихъ.

Португалія.

Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, какъ утверждаютъ, что Британское Правительство согласилось учредить Коммиссію для разсмотрѣнія торговаго трактата съ Португаліею; полагаютъ, что Коммиссія сія будетъ имѣть свои засѣданія въ Лондонѣ. Въ слѣдствіе требованія Туринскаго Правительства, чтобы Португальскій Посланникъ оставилъ Сардинскія владѣнія, (вѣроятно, по причинѣ прекращенія переговоровъ о бракосочетаніи нашей Королевы съ Принцемъ Савойя-Кариньяна) — происходило засѣда-засѣданіе Министерскаго Совѣта о томъ, какія мѣры надлежитъ принять въ семъ случаѣ. По причинѣ болѣзни Г. *Магалъаэса* собраніе было въ его домѣ. Нѣкоторые изъ Министровъ предлагали наложить на всѣ Сардинскія суда, состоящія въ Португальскихъ гаваняхъ, амбарго; и одинъ изъ нихъ изъявилъ сожалѣніе, что отсутствіе Адмирала *Нэпира* не позволяетъ послать немедленно пять или шесть кораблей для требованія удовлетворенія. Наконецъ, Министры рѣшили предложить Королевѣ: 1) Не признавать долѣе Сардинскихъ Консуловъ и Вице-Консуловъ, находящихся въ Португальскихъ владѣніяхъ; 2) По истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ, не впускать Сардинскихъ судовъ въ Португальскія гавани; 3) Но, за всѣмъ тѣмъ, охранять всѣми мѣрами имущество Сардинскихъ подданныхъ и самихъ ихъ принять подъ особенное покровительство Португальскихъ Начальствъ и законовъ, до тѣхъ поръ, покуда дружественныя связи Сардиніи съ Португаліей не возобновятся; что, конечно, не прежде можетъ послѣдовать, какъ когда наше Правительство полу-

чишъ должное удовлетвореніе. Что касается до посылки вспомогательнаго корпуса въ Испанію, то доселѣ новаго ничего неизвѣстно, кромѣ того, что Герцогъ Терсейрскій издалъ прокламацію, въ которой вызываетъ желающихъ вступить въ службу добровольно, и предлагаетъ молодымъ людямъ, въ первой разъ опредѣляющимся, по 25 шиллинговъ единовременно, а находившимся уже когда-либо въ службѣ — двойную противу сего сумму. Полагаютъ, что вспомогательное войско сіе выступитъ въ походъ не прежде 20 Октября. Пароходъ »Royal Tar« прибылъ изъ Сантандера въ Понедѣльникъ, для перевезенія туда извѣстнаго числа солдатъ, но такъ какъ ихъ намѣреваются отправить цѣлымъ корпусомъ сухимъ путемъ, то пароходъ сей отосланъ въ Плимутъ, дабы взять оттуда еще нѣкоторое число войскъ для присоединенія онаго къ Британскому легіону.

О бракосочетаніи юной Королевы Португальской неизвѣстно ничего достовѣрнаго; Португалія находится теперь въ весьма счастливомъ положеніи, если принять въ соображеніе ея прежнее состояніе. — Въ продолженіи восьми лѣтъ страдая подъ тяжкимъ бременемъ жестокостей и опустошеній, причиненныхъ междоусобною войною, теперь она не только возстановила свой Государственный кредитъ, но и довела оный до такой степени, до какой онъ никогда еще не достигалъ; притомъ (случай безпримѣрный въ Исторіи и въ Государственномъ Хозяйствѣ) она произвела это, не прибѣгая къ новымъ налогамъ, но даже уничтоживъ обременявшую земледѣліе десятинную подать, и уменьшивъ 50-ю процентами пошлину на привозные товары изъ большей части иностранныхъ Государствъ. — Португалія вознаграждается за убытки, понесенные при прежнемъ Правительствѣ, не дѣлая для сего новыхъ займовъ; между тѣмъ

какъ Франція во время *Виллелева* управленія Министерствомъ, принуждена была произвести для сей цѣли заемъ въ 1000 милліоновъ франковъ. Здѣсь продаютъ для этого незначительную часть національныхъ имуществъ, которыя покупались въ восьмеро дороже противъ оцѣнки. — Для покупки національныхъ имуществъ образовались значительныя частныя Компаніи. — Одно Англійское общество предложило уже 75.000 фун. стерлинговъ за одинъ участокъ земли на берегахъ рѣки Таго; чѣмъ долѣе продолжается эта продажа, тѣмъ болѣе возвышается цѣна этихъ имуществъ, при быстромъ развитіи источниковъ Государственнаго богатства Португаліи.

19-*го Сентября*.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ последнею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

20-*го Сентября*.

IV.

МОДЫ.

Des robes en poult de soie vert d'eau brochés en noir, liserées en noir autour de la pélerine et du bas du jupon, sont une des premières nouveautés d'automne que nous ayons remarquées.

— Les écharpes en cachemir sont, pour la plupart, séparées en trois parties, formant trois couleurs différentes.

— Plusieurs femmes portent des velours de diverses couleurs autour du cou. Cette fantaisie sera cet hiver à la mode.

Платья изъ пу де суа зеленаго водянаго цвѣта съ ткаными черными узорами, съ черными лизере вокругъ пелеринки и внизу юбки, суть первая осенняя новость, которую мы замѣтили.

— Кашемировые шарфы, большею частію, раздѣляются на три части, трехъ разныхъ цвѣтовъ.

— Многія женщины носятъ вокругъ шеи бархатъ разныхъ цвѣтовъ. Это будетъ зимою въ модѣ.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 15 Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 39.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ОТВѢТЪ НА ПОСЛАНІЕ О ЖЕНЩИНАХЪ (*).

Высокостепенному, могущественному, совершенству вѣковъ и столѣтій, морю благоразумія, колодцу знанія и мудрости, звѣздѣ превосходства, чистѣйшему перлу въ ожерельѣ Френгистанскихъ Поэтовъ, и оси колеса всѣхъ Фейлюсуфовъ Москова, — Сиди Т-м-ѳ-ву, отвѣтъ на посланіе его, — унизанное жемчугомъ высокихъ мыслей и испещренное блестками рѣдкихъ метафоръ, — къ глупому и презрѣнному рабу его, Мирзѣ Мелику.

Аллахъ кебиръ! Великъ Аллахъ и нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха! Мы всѣ отъ Аллаха, и опять къ нему возвратимся! Что за рѣчи говорите вы, о Сиди Т-м-ѳ-вѣ? Какою грязью кормите

(*) С. О. и С. А. № 32.

вы слугу вашего, который менѣе, чѣмъ прахъ ногъ вашихъ? Вѣдь мы, Ирани, не собаки, и понимаемъ вещи! Или высокій умъ вашъ, утоляющій жажду ищущаго мудрости, какъ сладкія струи райскаго источника Сельсебиля, перевернулся вверхъ ногами, и благовонный мозгъ вашъ разливающій повсюду благоуханія, какъ пламень алоя, высохъ отъ печатной чепухи Френгистанской, какъ отъ жара въ Шамской пустынѣ? Мѣсто ваше было незанято въ нашемъ сердцѣ, и мы ждали отъ васъ посланія, какъ путникъ послѣ знойнаго дня росы освѣжающей: но, *Машаллахъ! Машаллахъ*! какова была наша горесть, когда, вмѣсто того, мы получили драгоцѣнное письмо ваше, отъ котораго душа наша чуть, чуть не выскочила, внутренности превратились въ воду, и разсудокъ ушелъ въ самыя пятки! Вай! вай! вай! Какія вещи творятся у васъ въ Френгистанѣ! Истинно это *Даруль-кюфреуаль-джигадъ* »земля вражды и невѣрія,« и нѣтъ надъ ней благословенія Аллаха! У насъ, въ Иранѣ, есть много чудныхъ чудесъ и рѣдкостныхъ рѣдкостей, такъ много, что только одинъ Аллахъ знаетъ сколько, а того, о чемъ вы пишете, и самъ Пророкъ (да благословитъ и да привѣтствуетъ его Господь!) не видалъ, даромъ что на кобылѣ въ рай ѣздилъ и мечемъ луну расколол. Слыхивали мы о *Хуржидъ-Кюлагъ* (*),

(*) Императрица Екатерина II. *Прим. ученаго оріенталиста.*

что на головѣ вмѣсто шапки солнце носила, и о *Кумпани* (*), старой вѣдьмѣ, что съ погаными Ингилизами — чтобъ имъ сквозь землю провалиться — въ Индостанѣ на престолѣ сидитъ; а о такой женщинѣ, о какой вы говорите, и бабушки наши не слыхивали! Виданное ли дѣло: построили тронъ, убрали этотъ тронъ мыльными пузырями, блестками, ленточками и цвѣтами; посадили на него женщину, дали ей скипетръ изъ соломы и надѣли на нее блондовую (**) порфиру, и потомъ бросились на колѣна и стали говорить ей: ты Царь нашъ, мы рабы твои! Это что за извѣстіе? да такія рѣчи можно говорить только правосуднѣйшему Царю Царей, Иранскому Падишаху, который есть убѣжище вселенной и тѣнь Аллаха на землѣ, а то женщинѣ!

(*) Остъ-Индская Англійская Компанія. — *Тоже.*

(**) Блонды, блонды??! думалъ я, читая и перечитывая ваше посланіе, *Инъ чи чизъ эстъ*? »Это что за вещь?« И какъ умъ мой былъ коротокъ, чтобъ рѣшить самому, что бы это такое было, то я и давай разспрашивать всѣхъ земляковъ моихъ, Ирани, которые видали свѣтъ и даже бывали въ Астрахани. Одни говорили, что это парча, другіе, что войлокъ, третьи, — Аллахъ вѣдаетъ, что такое; наконецъ одинъ Ингилизъ растолковалъ мнѣ, что это родъ тонкой рогожи, изъ которой Франкскія женщины дѣлаютъ себѣ платья, и которой обшиваютъ себѣ *кауки* »колпаки!« *Ла илагъ илъ Аллахъ*! Нѣтъ Божества кромѣ Аллаха! Тутъ есть отъ чего положить въ ротъ палецъ удивленія!

Да, ради Пророка, что такое женщина? Ничто! менѣе нежели ничто! А у васъ женщины царствуютъ, женщины ѣздятъ и ходятъ куда угодно, принимаютъ къ себѣ на домъ кого хотятъ, говорятъ со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, позволяютъ всѣмъ вашимъ голобородымъ молокососамъ смотрѣть себѣ прямо въ глаза, и—*Наузу биллахъ*! Упаси насъ Господи!—не носятъ шалваровъ и не закрываютъ лица, такъ, что порядочному правовѣрному нельзя шагу ступить въ вашихъ невѣрныхъ земляхъ, чтобы не согрѣшить и не оскверниться (*). Да какъ это мож-

(*) Всѣ эти подробности вашего житья-бытья, я узналъ отъ моего покровителя, высокостепеннаго Мирзы Хаджи-Бабы Испагани, который вдоль и поперегъ изъѣздилъ всѣ климаты земной поверхности, съѣлъ всю Френгистанскую мудрость, и даже разсказывалъ намъ, что осквернилъ всѣ гробы отцевъ вашихъ и матерей. Послѣднее восхитило до седьмаго неба всѣхъ истинныхъ Ирани. Изъ всѣхъ его разсказовъ о чудныхъ происшествіяхъ и удивительныхъ событіяхъ, случившихся съ нимъ въ то время, когда, по повелѣнію свѣтила міра, Персидскаго Шехиншаха, онъ ѣздилъ съ Мирзою Фирузомъ въ землю Ингилизовъ, чтобы узнать всѣ языки Франковъ, и перевести всѣ ихъ книги, достопамятнѣе всего кажется мнѣ то, какъ онъ обѣдалъ у ихъ Верховнаго Визиря и ѣлъ абрикосъ, съ виду такой же какъ и всѣ абрикосы, но который, безъ сомнѣнія посредствомъ волшебства, сдѣланъ былъ изъ снѣгу, и когда онъ до него дотронулся, то его самого чуть, чуть не превратилъ въ ледяную сосульку, хотя, въ тоже самое время удив-

но? Да къ чему это? И послѣ всего этого вы говорите еще, что повелѣваете женщинами, что ваши мужчины присвоили себѣ право владычествовать, распоряжаться, а имъ оставили только—повиноваться! Да чего имъ болѣе воли? Вы просто ѣдите грязь, да еще какую! Да и сами того не замѣчаете! *Эль хамду лильлахъ!* Слава Аллаху! У насъ въ благословенномъ Иранѣ этакъ не дѣлаютъ; а всякому, отъ мала до велика, извѣстно, что нѣтъ на свѣтѣ народа умнѣе и образованнѣе Иранцевъ. Душа моя, Сиди Т-м-ѳ-въ! Не умѣютъ въ Френгистанѣ водится съ женщинами, да, по правдѣ сказать, и ничего не умѣютъ дѣлать, какъ надлежало бы твореніямъ Аллаха! — Сидите вы на какихъ-то козлахъ, спустивши ноги, и ѣдите какими-то вилами, такъ, что еслибы правовѣрному предопредѣлено было посидѣть да поѣсть такимъ образомъ, такъ того и смотри, что сломилъ бы себѣ шею или проткнулъ горло. Вай! вай! вай! Бѣдный вы народъ, будутъ вами какъ щепками разжигать

леніе въ пепелъ пережгло его внутренности. О! Да въ его *рисале*, »донесеніи« объ этомъ путешествіи, которое онъ повергнулъ къ стопамъ правосуднѣйшаго убѣжища Вселенной, есть такія вещи, что и въ »Тысячѣ и одной ночи« не найдешь. Какой-то безсвязностный Франкъ, по имени Марь-херъ (Морьеръ), что на Персидскомъ значитъ змѣя-оселъ, укралъ это рисале у Хаджи-бабы, передѣлалъ его на свой ладъ, да и напечаталъ. Чтобъ ему въ Джегеннемъ (адъ) провалиться!

огонь джегеннемскій! Да и гдѣ вамъ что нибудь знать, когда вы не вѣруете въ благословеннаго Пророка и несомнѣнную книгу, не признаете, что она принесена ему Архангеломъ Гавріиломъ, и существовала прежде, чѣмъ свѣтъ стоитъ! Въ ней-то и есть вся мудрость и вѣдѣніе, безъ нея же все темнота и потемки! А въ несомнѣнной книгѣ сказано, что всѣ Кяфиры блуждаютъ во мракѣ, глухи, нѣмы и слѣпы: такъ что же и можетъ быть у васъ хорошаго? Нечему намъ правовѣрнымъ, и удивляться, что все идетъ у васъ вверхъ ногами; нечего и вамъ жаловаться, что у васъ нѣтъ ни порядка, ни благополучія! Сами валитесь въ яму, и истину узнаете только тогда, когда жемчужина жизни вашей возвратится въ раковину смерти, и Азраилъ потащитъ души ваши прямо въ джегеннемъ, гдѣ имъ не будетъ ни дна, ни покрышки.

Сердце мое со страху жмется и печенка рвется, когда подумаю, о Сиди Т-м-ѳ-въ, что пустыми рѣчами моими утруждаю умъ вашъ, который глубже пучинъ морскихъ; но надежда на вашу высокую благосклонность, подъ тѣнью которой дѣлаетъ кейфъ слуга вашъ, умывающій темныя очи свои свѣтлымъ прахомъ ногъ вашихъ, ободряетъ меня, прежде чѣмъ буду имѣть счастіе повергнуть къ стопамъ вашего понятія докладъ презрѣннаго ума моего о томъ, что такое женщина, сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на посланіе, которымъ вы почтили вашего раба.

Конецъ концевъ! Отъ чего взяли вы, что я

сердитъ на женщинъ, что я ихъ не люблю и ненавижу? *Валлахъ, биллахъ*! Клянусь Аллахомъ, что, хотя я съ виду и веду себя очень скромно, такъ, что ни одна собака не подумаетъ обо мнѣ ничего худаго, но — *Истагфиръ Аллахъ*, прости Господи! — въ самомъ дѣлѣ я великій грѣшникъ и занимаюсь женщинами болѣе, чѣмъ надлежало бы истинному псу благословеннаго Алія. Какъ не любить этакихъ газелей, этакихъ черноглазыхъ, сахароустыхъ Пери, у которыхъ волосы мягче шелка, а талья тоньше волоса, у которыхъ вмѣсто щекъ алѣютъ розы, а вмѣсто шеи бѣлѣютъ лилеи, у которыхъ зубы — ряды перловъ, станъ величественнѣе кипариса и гибче тростника, у которыхъ брови согнуты какъ лукъ, а глаза пронзительны какъ стрѣлы, у которыхъ...... но что и говорить! Душа моя, Сиди Т-м-ѳ-въ! Ужасъ какъ я люблю женщинъ; для того-то и держу ихъ у себя нѣсколько штукъ! Отъ того-то смерть какъ хочется побывать въ вашихъ невѣрныхъ земляхъ, гдѣ, говорятъ, красавицамъ, что звѣздамъ на небѣ, и числа нѣтъ. Не мудрено, что у васъ сходятъ съ ума отъ женщинъ. Да какъ тутъ не рѣхнуться! Еще какъ у васъ хоть крошка разсудка остается? Глядь на право — красавица, глядь на лѣво — другая; пойдешь впередъ — красавица; вернешься назадъ — опять красавица! *Аллахъ Кебиръ*! Да какъ не ослѣпнуть отъ этакого блеска! Вотъ, кажется, такъ бы всѣхъ и перецѣловалъ!...... Ну какъ тутъ не сдѣлаться »случаю, минутѣ

забвенія« какъ говорите вы? Да будь святъ, какъ самъ Имамъ Риза, и люби свою жену, какъ Юсуфъ Зюлейху или Меджнунъ Лейлу, такъ не хотя согрѣшишь!

Наконецъ, ради бороды Шаха!—ея еще у него нѣтъ, но скоро выростетъ, — скажите, за кого вы меня считаете, что совѣтуете, если у меня будетъ дочь, не отдавать ее на театръ, то есть въ комедію, гдѣ на канатѣ пляшутъ и разные фокусы показываютъ? Хотя я и песъ, но песъ Ирана, а не какая нибудь невѣрная собака! Конецъ концевъ! Вы скверните гробъ моего отца и моей матери, и жжете мою бороду! Развѣ я какой нибудь *Пегливанъ*, *Люти*, фигляръ, скоморохъ, чтобы мнѣ можно было подумать пустить дочь мою на такой промыселъ? Просто, душа моя, вы не знаете, что говорите! А то бы я...... знаете ли,— какъ опасно раздражать непобѣдимыхъ Иранцевъ! Всему свѣту извѣстно, какіе подвиги храбрости оказали мы въ послѣднюю войну съ вами, Московами, и теперь не остается ни атома сомнѣнія, что въ цѣломъ мірѣ не сыщешь такихъ ужасныхъ желѣзоѣдовъ и безсвязтостныхъ львовъ, какъ наши Рустемы и Эсфендіары. (*)

Теперь, о Сиди Т-м-ѳ-въ, пора разсказать вамъ, что такое женщины, для чего онѣ созданы, и какъ надо съ ними обходиться. *Иншаллахъ Теаля*! Если угодно Аллаху, это будетъ вамъ полезно, и можетъ быть, наведетъ васъ на путь правый. — Источникъ всякаго познанія есть несомнѣнная книга; поэтому во всѣхъ такихъ случаяхъ, гдѣ умъ не въ силахъ развязать узелъ затрудненія, мракъ понятій должно разгонять яркимъ свѣтомъ Корана, даннаго послѣднему Пророку, для различенія истинъ отъ заблужденій: а по словамъ этой книги выходитъ, что женщина—не то чтобы со всѣмъ человѣкъ, да и не то, чтобы не человѣкъ, ни то, ни сё, ни рыба, ни ракъ, а такъ, — что-то среднее. Создана она Аллахомъ не для того, чтобы, какъ говорите вы, быть помощницею и другомъ мужчины; *инъ чи сухенъ эстъ*? Это что за рѣчи? Для того, чтобы служить мужчинѣ, и увеселять его! Это ея обязанность и назначеніе, и она только о томъ и должна думать, чтобы угодить своему властелину, который, если освобождаетъ ее отъ служенія ему, то это съ его стороны уже милость, а не долгъ. *Эннисá харсунъ лекумъ*, женщины пашня ваша, пашите ихъ, говоритъ книга Пророка, и всякій правовѣрный долженъ непремѣнно слѣдовать этому премудрому изреченію и исполнять его, сколько можно точнѣе. Да скажите, душа моя, если не употреблять женщинъ на то, что велитъ дѣлать съ ними Пророкъ, знавшій въ нихъ не хуже насъ съ вами, толкъ такъ что же въ нихъ за прокъ? Въ Падишахи онѣ не годятся: у нихъ нѣтъ даже наружнаго величія, нѣтъ бороды! Но объ этомъ,

---

(*) Два героя древней Персидской Исторіи.

нечего и толковать; въ несомнѣнной книгѣ давно сказано: горе тому народу, которымъ правитъ женщина. Куда же! Въ Везири? Волосъ длиненъ, да умъ коротокъ! хотя, впрочемъ, у насъ, чтобы быть Везиремъ, глупость и безтолковость не послѣднее достоинство. Сами вы въ какомъ-то околдованномъ городѣ видѣли, что когда мужчины провалились сквозь землю, то женщины, рѣшившись давать судъ и расправу, то есть отсчитывать поболѣе ударовъ по пятамъ, въ чемъ и состоитъ вся мудрость правленія, начали вмѣсто того судить и рядить, въ какихъ платьяхъ и въ какія двери въ Судилище входить. — Въ солдаты, что ли? *Наузу биллахъ*, упаси Господи! Дай имъ только кинжалъ въ руки, да брось между нихъ какую нибудь тряпку, какъ разъ изъ зависти другъ друга переколютъ. Остается имъ на свѣтѣ одно — веселить мужчинъ. Это назначеніе остается ихъ удѣломъ, не только въ здѣшнемъ мірѣ, *Дари фена*, жилищѣ тлѣнія, но и переходитъ съ ними въ *Сераи-боки*, дворецъ вѣчности, рай, гдѣ посреди рѣкъ молока и горъ жирнаго пилава, въ которыхъ правовѣрные будутъ во всю мочь копаться руками, онѣ обязаны нѣжить ихъ и ласкать, какъ прежде на землѣ. И въ рай-то ихъ пустятъ для той же потребы, для которой онѣ нужны на здѣшнемъ свѣтѣ; для того, чтобы правовѣрные не умерли въ раю со скуки, что хуже джегеннемской муки; впрочемъ разсказывать подробно, какими манерами Хуріи

будутъ утѣшать правовѣрныхъ, не мое дѣло — Муллово: не нашего Муллы — чужаго. Тотъ, попивая тайкомъ дочь винограда, очень любитъ побесѣдовать о будущихъ своихъ наслажденіяхъ.

По вашему мнѣнію, Сиди Т-м-ѳ-въ, женщины »кокетничаютъ,« желаютъ нравиться и кружить головы потому, что мужчины ихъ до такой степени стѣснили, что имъ ничего кромѣ этого не остается болѣе дѣлать: *Дуругъ эстъ*, не правда! Это отъ того, что таково предопредѣленіе судьбы, которая создала женщинъ для удовольствія мужчинъ; а какое удовольствіе могли бы женщины доставить мужчинамъ, если бы имъ не нравились? А вѣтрены онѣ и кокетки отъ того, что души-то въ нихъ мало, а разсудка и не бывало. — Извѣстно, что женщина, если ей дать свободу, готова повѣситься на шею къ каждому мужчинѣ, и что согрѣшить ей ничего не значитъ: за грѣхи для нихъ нѣтъ наказанія въ будущей жизни (*)! Но, какъ не возможно, чтобы всѣ женщины равно принадлежали всякому мужчинѣ—тогда на землѣ произошла бы такая суматоха, что хоть въ адъ бѣги;—то Аллахъ и установилъ женитьбу, а мужья, чтобы не давать женамъ своимъ средствъ предаваться ихъ влеченію ко грѣху и особенному располо-

(*) Ради бороды вашей, Сиди Т-м-ѳ-въ! Не говорите объ этомъ вашимъ Френгистанскимъ женщинамъ! Бѣда будетъ!

женію ихъ дѣлать на супружескомъ лбу подпорки для шапки, стали ихъ запирать, и приставлять для храненія ихъ евнуховъ. Это единственная мѣра, которою можно сохранить добродѣтель женщины! Гаремы суть самое умное изъ всѣхъ установленій, придуманныхъ мужчинами: держите вашихъ кокетокъ взаперти, такъ онѣ не будутъ сводить васъ съ ума!

Воспитаніе женщинъ на Востокѣ отъ того такъ и хорошо, что приноровлено къ ихъ назначенію. Родятся у насъ женщины, я думаю, такимъ же образомъ, какъ и у васъ, также ростутъ и играютъ въ куклы. Когда дѣвушка начинаетъ приходить въ разсудокъ, ее учатъ рукодѣлью, читать и писать. Замѣтьте: читать и писать! Но совсѣмъ не для того, какъ говорятъ Франки, чтобы образовать ея умъ и сердце, то есть, набить ей въ голову разныхъ негодныхъ мыслей о достоинствѣ женщины, ея высокомъ назначеніи въ обществѣ и прочихъ глупостяхъ, которыми Франки, пріѣзжающіе къ намъ въ Иранъ поучиться искусству жить въ свѣтѣ, прожужжали намъ всѣ уши, а для того, чтобъ онѣ были въ состояніи читать поэтовъ и учить наизусть ихъ стихи, чтобы, когда выйдутъ замужъ, могли при звукахъ лютни распѣвать своимъ супругамъ сладостныя пѣсни Иранскихъ соловьевъ, умиравшихъ отъ любви къ розѣ. Ихъ учатъ немного, или лучше сказать, онѣ сами учатся пѣть, танцовать и играть на какомъ нибудь инструментѣ; но не для

собственнаго удовольствія и не для того, чтобъ онѣ могли кокетничать и привлекать этимъ жениховъ; онѣ не видятъ ихъ до свадьбы, и на танцы ихъ смотрятъ только близкіе родные; а потому, что эти вещи нужны дѣвушкѣ, чтобы со временемъ веселить своего супруга и властелина; но болѣе всего ихъ учатъ, и болѣе всего матушки и нянюшки заботятся, чтобъ дочки ихъ знали, какимъ образомъ . . . . Нѣтъ! не скажу! Спросите сами у кого нибудь изъ моихъ одноземцевъ, которые ѣздятъ къ вамъ жечь ваши бороды и продаютъ вашимъ ученымъ старыя денежки за рѣдкія древнія монеты; а покуда пусть это будетъ для васъ тайною! За симъ воспитаніе кончено. Видите ли, какъ оно сообразно съ цѣлію, для которой предназначена женщина!

Когда дѣвушка въ такихъ лѣтахъ, что можетъ уже выйти замужъ, и достаточно свѣдуща въ томъ, о чемъ, какъ я вамъ сказалъ, заботятся матушки и нянюшки, ее сватаютъ, и она уже супруга. Это дѣлается очень скоро, не такъ, какъ у васъ. Намъ не для чего узнавать характеръ невѣсты, ея свойства и другія, важныя, по вашему мнѣнію, обстоятельства: извѣстно, что дѣвушка можетъ быть замужней женщиной — и довольно! По выходѣ замужъ, обязанность жены состоитъ въ томъ, чтобы стараться понравиться своему супругу, всячески ему угождать, и во всемъ повиноваться. Если мужъ не любитъ жену, то она не

имѣетъ права измѣнять ему; упаси ее Господи! За такое преступленіе сажаютъ въ куль и бросаютъ въ воду! или еще хуже: обрѣютъ голову, посадятъ на стараго осла лицемъ назадъ, дадутъ въ руки хвостъ этого »отца глупости,« возятъ, возятъ по улицамъ, да и бросятъ въ степи. Вотъ какъ надо обходиться съ женщинами! Если мужъ кормитъ жену, одѣваетъ, всѣ обязанности его исполнены; если жена ему не нравится, онъ не обязанъ ее любить; женщина создана, чтобъ веселить мужчину, а не мужчина, чтобъ угождать женщинѣ!

Вы разсказываете нѣсколько *летифе*, анекдотовъ, о вашихъ знакомыхъ, которымъ жены измѣняли, и говорите объ этомъ горячемъ предметѣ очень хладнокровно; у насъ это не такъ водится. Я разскажу вамъ тоже нѣчто подобное:

Былъ у меня сосѣдъ. У этого сосѣда была жена, лучше всѣхъ Лейлъ на свѣтѣ. Мужъ ее любилъ; наконецъ она ему наскучила; не вѣчно же любить одну! — Онъ женился на другой, а тамъ и на третьей. Между тѣмъ, по прежней памяти, лелѣялъ первую жену, какъ нельзя больше; дарилъ ей пропасть подарковъ и шилъ такія шалвары, что какъ поставить ихъ на полъ, сами стоятъ, словно трубы; короче, исполнялъ всѣ ея желанія. Что же вы думаете, она умѣла оцѣнить его милости? Нѣтъ, неблагодарная стала присматривать, нельзя ли ей чѣмъ утѣшиться — и нашла себѣ какого-то

красиваго юношу. У васъ, мужъ посмотрѣлъ бы, можетъ быть, на это сквозь пальцы, и еще радъ бы былъ, что кто нибудь его женой занимается; у насъ на это глядятъ иначе. — Было ли у нихъ что такое, или ничего не было, Аллахъ лучше вѣдаетъ; только мужъ засталъ разъ голубчиковъ вмѣстѣ, и они попробовали, что за вещь такая острый кинжалъ въ рукахъ порядочнаго мужа....

Ну! *Эль хамду лильлахъ*! *Тамамъ шюдъ*. Баста! Ужъ много я нагрѣшилъ, Сиди Т-м-ѳ-въ! Пора окончить; а то того и гляди, что за болтовню въ джегеннемъ попадешь! Желаю, чтобы это письмо застало васъ на муснудѣ успокоенія, въ совершенномъ кейфѣ, когда бѣгунъ вашего воображенія рыскаетъ на поляхъ безпрепятственности или пасется на травѣ исполненія. Надѣюсь, что вы не поразите кинжаломъ гнѣва бѣднаго раба вашего за то, что долго не получали его отвѣта: вспомните только, скоро ли дойдетъ письмо изъ вашихъ странъ Яджуджа и Маджуджа, къ намъ въ Ширазъ, и оттуда обратно. Притомъ, когда письмо было получено и прочитано, глупый умъ мой многаго не могъ понять; и я долженъ былъ посовѣтоваться съ Тютюнджу-Оглу, истиннымъ Турецкимъ Философомъ. Онъ торговалъ прежде мыломъ въ Яффѣ, потомъ жилъ у васъ, въ Московіи; но побранившись съ какимъ-то Химаромъ, которому славно наплевалъ въ бороду и яснѣе солнца доказалъ, что дѣдомъ его былъ оселъ, пріѣхалъ те-

перъ къ намъ отвѣдать Ширазскаго винца. Это солитеръ своего времени, умнѣе Ифлатуна и Аристу! *Худа Хафизи шюма.* Да сохранитъ васъ Аллахъ и да не уменьшится никогда тѣнь ваша! Да исправятся ваши понятія о женщинахъ!

Мирза Меликъ.

Писано въ Ширазѣ, въ мѣсяцѣ Джумади Эльахирѣ, 1251 года Гиджры.

2.

КЪ ДЕМОНУ.

On ne donte point aprèsent de l'éxistence de substances spirituelles, mais qui ont la faculté de se revêtir et se revêtent réellement de corps subtils et déliés, d'un nuage, d'une vapeur qu'elles prennent et déposent à volonté.

Nostradamus.

Демонъ, демонъ! гдѣ ты нынѣ?.....
Ты являться рѣже сталъ.....
Въ градѣ ль ты, или въ пустынѣ,
Иль на дѣвственной вершинѣ
Ледяныхъ приморскихъ скалъ?

Иль въ поднебесьѣ широкомъ
Ты несешься, какъ стрѣла,
Или въ лѣсѣ одинокомъ
Ты глядишься надъ потокомъ
Въ влагѣ зыбкаго стекла?.....

Чѣмъ себя ты забавляешь?
Часто ль, въ тихій часъ ночной,

Надъ прохожими летаешь
И, рѣзвясь, ихъ устрашаешь,
Иль играешь ты съ луной?

Или въ станѣ, подъ шатрами
Рушишь воиновъ покой?
Иль, огнистыми зарями
Разливаясь надъ полями,
Бродишь тучей громовой?

Звѣзды ль сребряныя ловишь
Въ свѣтлой синевѣ небесъ?
Волкомъ бѣшенымъ ли воешь?
Смерть ли путникамъ готовишь
Ты при входѣ въ темный лѣсъ?

Или гонишь черны тучи,
Иль летишь быстрѣй мечты
И въ степяхъ, рукой могучей
Развѣвая прахъ летучій,
Караваны губишь ты?

Иль межъ рощами густыми
На брегу большой рѣки,
Кроткій, юный и любимый,
Пляшешь съ дѣвами младыми
И плетешь для нихъ вѣнки?

Иль усталымъ помогаешь
Земледѣльцамъ въ ихъ трудахъ?
Иль цвѣткомъ благоухаешь,
Иль зарницею сіяешь
Въ часъ вечерній въ небесахъ?

Или съ Сильфами воюешь,
Иль гнѣвишь воздушныхъ Фей,
Или горлицей воркуешь,

Иль кукушкою кукуешь,
Скрывшись въ рощѣ межъ вѣтвей?

Иль съ Ундиной бѣлоснѣжной
Ты купаешься въ росѣ?
Или тихо, безмятежно,
На листкѣ фіалки нѣжной
Ты покоишься во снѣ?......

Или, въ сладостномъ томленьѣ
Къ ложу дѣвы — красоты
Прилетѣвъ, какъ сновидѣнье,
Въ упоеньѣ, въ восхищеньѣ,
Перси ей лобзаешь ты?

Своенравный, перелетный,
Демонъ, ты забылъ меня!
Гость мой рѣдкій, мимолетный!
Мнѣ такъ сладко въ беззаботной
Нѣгѣ думать про тебя!......

Демонъ кроткій, демонъ мощный,
Чаще друга навѣщай!
На лучѣ луны полночной
Опустись, и въ часъ урочный
Прилетай же, прилетай!

Ѳ. Менцовъ.

1835. Февраль.

3.

МОЛОДАЯ АРАВИТЯНКА.

Газелъ.

Есть въ мірѣ чудесныя дѣвы—краше солнца небеснаго, быстрѣй степной газели и стройнѣе пальмы нагорной.

Аль-Мотенебби.

I.

Калемъ, калемъ! я полнъ одушевленья!
Пылаетъ грудь восторгомъ неземнымъ!
Хочу писать, и сладость упоенья
Излить стихомъ плѣнительно живымъ!
Я видѣлъ дѣву — дѣвы рая
Падутъ во прахъ предъ дивною красой!
Она—волшебница полунагая —
Покоилась въ тѣни подъ пальмой молодой.

II.

Нѣтъ! Соберите всѣ сокровища Востока,
Изъ нѣдръ морскихъ достаньте жемчугъ и кораллъ,
Сулите мнѣ блаженство, рай Пророка
За то, чтобъ я вамъ дѣву описалъ —
Я отрекусь!.... Могу ль я, дерзновенный,
Небесное земнымъ глаголомъ выражать!
Я лишь могу, въ мечтѣ одушевленной,
Восторженный, объ ней воспоминать!

III.

Ланиты свѣжія, какъ розы Кашемира,
Какъ вешніе, плѣнительные дни,

Какъ робкое дыханіе зефира,
Какъ дальній свѣтъ угаснувшей зари!
Дыханье — всѣ востока ароматы,
Цвѣты блистательныхъ Аравіи полей,
Уста алѣе спѣлыя гранаты
И персика душистаго нѣжнѣй!....

IV.

А перси юныя—какъ жемчуги морскіе,
Въ пучинѣ водъ омытыя волной,
И горъ Ирана снѣги вѣковые,
И мраморъ Греціи уступятъ бѣлизной!
На кожѣ барсовой роскошно, сладострастно
Она покоилась. Лобзаньемъ вѣтерки
Боялися нарушить сонъ прекрасной,
И пестрые кругомъ порхали мотыльки.

И я стоялъ, въ нѣмомъ самозабвеньѣ,
Забылъ весь міръ, и землю, и людей!....
Но вдругъ она проснулась, и быстрѣй мгновенья
Сокрылась отъ моихъ очей!.....

Менцовъ.

Февраль 1835.

4.

ИСКУШЕНІЕ.

Зачѣмъ склонила мнѣ на грудь свою главу,
И косу длинную роскошно распустила?..
Зачѣмъ упала ты небрежно на траву,
И грудь свою зачѣмъ такъ страстно обнажила?..
Зачѣмъ всѣ таинства дѣвицы молодой
Отъ взора жаднаго стыдливо не скрываешь?...

Агнеса! Ты молчишь, — и трепетной рукой
Меня къ груди своей съ восторгомъ прижимаешь!..

А. Булгаковъ.

5.

ЗЯБЛИКЪ И СОЛОВЕЙ.

Зябликъ.

Куда летишь, товарищъ милый?
Зачѣмъ оставилъ край родной?
О чемъ грустишь, зачѣмъ, унылый,
Ты пѣсень не поешь зарей?
Ужель подруга разлюбила
Или охотника рука
Дробиной вѣрною убила
Твоего милаго дружка?
Скажи, открой твою кручину,
Скажи, что дней твоихъ печаль?
Открой мнѣ слезъ твоихъ причину,
Повѣрь, душей тебя мнѣ жаль.

Соловей.

Весны товарищъ, жизнью сладкой
Спѣши провесть счастливы дни,
И обо мнѣ хотя украдкой
Въ родной странѣ воспомяни;
Я дней своихъ не знаю болѣ,
Я пѣсни родины забылъ;
Лечу на сѣверъ по неволѣ,
Мнѣ край родимый опостылъ.

Зябликъ.

Ахъ, милый мой! тоской глубокой
Душа знать съ сердцемъ сражены,

Что жизнью скучной одинокой
Ты хочешь кончить дни твои.
Но гдѣ найдешь пріютъ убитымъ?
Ужель въ далекой сторонѣ?
Ужель, оставивъ край забытымъ,
Ты будешь пѣть чужой веснѣ?
Вернись, пѣвецъ, заря роскошно
Взойдетъ для юныхъ дней твоихъ;
Мнѣ безъ тебя тамъ будетъ тошно,
И не увижу дней златыхъ.

Соловей.

Товарищъ пѣсень и свободы!
Куда зовешь меня? куда?
Тамъ нѣтъ ужъ дивной той природы;
Она какъ въ Сѣверѣ хладна
Любви тамъ нѣтъ уже давно.
Ее коварство замѣнило,
И чувство злобы лишь одно
Сердца знакомыя покрыло.
Оставь меня; съ моимъ желаньемъ
Хочу сродниться, какъ порой
Я раздружился съ унованьемъ
Гонимый родины грозой.

Зябликъ.

Прости жъ, товарищъ легкокрылый,
Прости на долго; но меня
Не забывай, какъ край постылый,
И знай, что помню про тебя.
(*Соловей, улетая, поетъ*).

Б-г-д-н-в.

6.

ЭПИГРАММА.

Безсмертья ради ты писалъ?...
И надоѣлъ до смерти свѣту,
На долголѣтье ты напалъ,
— Твои стихи попали въ Лету.

А. Булгаковъ.

II.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

О МНѢНІЯХЪ КАСАТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.

(*Окончаніе.*)

2. Подъ 852 говорится: »Наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля.« Замѣчаютъ, что здѣсь Несторъ ошибся въ годѣ царствованія Михаила. Пусть такъ; но главное вотъ въ чемъ: къ началу царствованія Михаила относится и начало прозванія Руси; почему это такъ, мы не знаемъ; но только видимъ, что Кіевскій лѣтописатель относитъ начало имени Руси еще до прибытія Рюрика, а Новгородскій, въ силу системы своей — вести Русь съ Сѣвера, выдумываетъ призваніе трехъ братьевъ и уже отъ прибытія ихъ начинаетъ

названіе Руси. Здѣсь очевидный подлогъ, явная несообразность. Зачѣмъ одному и тому же лѣтописцу повѣствовать дважды, различнымъ образомъ и въ разныя времена, о началѣ прозванія отечества нашего Русью? Въ первомъ случаѣ просто и ясно сказано: »Начася прозывати Руска земля;« но въ другомъ нѣсколько разъ повторяются одни и тѣ же слова въ разныхъ положеніяхъ, боясь, какъ будто что кто нибудь этого непойметъ . . .

3. Подъ 866 г. помѣщено извѣстіе о походѣ Руссовъ на Царьградъ при томъ же Михаилѣ, почерпнутое, по собственному признанію лѣтописца, изъ Греческой рукописи, теперь для насъ утраченной. Византійскіе очевидные свидѣтели сего похода: Фотій, Ник. Давидъ, позднѣйшіе: Левъ Грамматикъ, Константинъ Багрянородный, его продолжатель Кедринъ, Зонара и другіе, всѣ они говорятъ о семъ событіи, но ни одинъ изъ нихъ не называетъ Руссовъ Варягами и не навязываетъ въ предводители имъ Аскольда и Дира; слѣдовательно это послѣднее вымышлено Новгородцемъ, для того, чтобы какъ нибудь породнить Сѣверъ съ Югомъ и доставить первенство своимъ соотечественникамъ.

4. Лѣтопись Никоновская и Степенныя книги свидѣтельствуютъ тоже о Черноморскихъ Руссахъ. Для насъ извѣстіе такое важно а) потому, что оно показываетъ мысли составителей сихъ сборниковъ въ то время о мѣстѣ жительства настоящихъ древнихъ Руссовъ. Если

бы они вѣрили Сѣверному происхожденію Руссовъ, то ни коимъ образомъ не стали бы утверждать противнаго тому; между тѣмъ они ясно говорятъ: »Роди же, нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ (Никон.); съ ними же (съ Аскольдомъ и Диромъ) бяху роди, нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ (Степ. кн.).« Объ этомъ, можетъ быть, они узнали изъ древнѣйшихъ, теперь затерянныхъ для насъ лѣтописей; ибо въ Никоновской имѣются такія извѣстія, о коихъ всѣ прочіе списки умалчиваютъ; можетъ быть, оба они заимствовали это изъ какого нибудь Греческаго Хронографа, коихъ, какъ извѣстно, довольно было у насъ встарь. б) Потому, что изъ сего сказанія мы узнаемъ, за кого принимали предки наши Руссовъ. Эверсъ, отвѣчая на возраженія Шлецера, что: »Руссы не могли быть Куманами, ибо этихъ ужасныхъ дикарей Русскіе узнали только съ 1061 г., въ которомъ они сдѣлали первое нападеніе на Русь,« говоритъ: »Слова, »зовоміи также Кумани,« суть толкованіе переписчика, а должны означать для читателя только отчизну Руссовъ, сѣверный берегъ Понта, а не родъ ихъ (стр. 245).« Весьма справедливо; впрочемъ намъ кажется, что составители сихъ лѣтописей вовсе не думали считать Руссовъ и Кумановъ однимъ и тѣмъ же народомъ, а только, кромѣ одинакости мѣстопребыванія, еще происходившими отъ одного и того же племени, слѣд. единоплеменниками. Что

так и есть. Извѣстно, что Половцы и Печенѣги были одноплеменны; ибо, по свидѣтельству Анны Комниной, они говорили одинакимъ между собою языкомъ (Мет. рор. III, 908). Печенѣги же, по Ибн-ел-Варди, вышли изъ странъ Руссовъ, и были, какъ и сіи послѣдніе, Турецкаго племени (Нейм. спр. 48—9).

5. Въ Новгородской лѣтописи подъ словомъ Русь исключительно разумѣется Русь Южная. Это очень важно; ибо если бы Новгородъ прежде всего назывался Русью, или если бы названіе Руси шло съ Сѣвера, то Новгорожанинъ ни за что не уступилъ бы сего первенства Югу. Привожу мѣста:

a) Въ лѣто 6559, постави Ярославъ Ларіона *Русина* Митрополитомъ.

b) — — — 6576, гнѣвъ Божій бысть, придоша Половци, и побѣдиша *Русьскую землю.*

c) — — 6603, придоша въ *Русь* прузи Августа въ 28.

d) — — 6611, идоша вся братья *Русьскыя земля* на Половцѣ на Сутень.

e) — — 6619, иде Святопълкъ, Володимиръ, Давидъ, и вся *земля просторуская* на Половцѣ.

f) — — 6623, съвъкупишася братья (въ) Вышѣгородѣ Володимиръ, Ольгъ, Давидъ и вся *Русьская земля.*

g) — — 6640, ходи Всеволодъ въ *Русь* (къ) Переяславлю.

h) — — 6642, Изяславъ иде Кыеву: и раздрася вся *земля Русьская.*

i) — — 6643, ходи Мирославъ посадникъ изъ Новгорода мирить Кыянъ съ Церниговьцы, и приде не успѣвъ ни что же: сильно бо взмялася вся *земля Руская.*

k) — — Въ то же лѣто на зиму иде въ *Русь* Архіепископъ Нифонтъ.

l) — — 6650, Епископъ, и купцѣ и сны Новгородскыя не пущаху изъ *Руси.*

m) — — 6653, ходиша вся *Руска земля* на Галиць.

n) — — 6657, иде Архіепископъ Новгородской Нифонтъ въ *Русь,* позванъ, Изяславомъ и Климомъ Митрополитомъ; ставилъ бо его бяше Изяславъ съ Епископы *Рускыя земли,* не славъ Царюграду.

o) — — 6663, бысть тышина въ *Рустѣй земли.*

p) — — 6667, преставися Костянтинъ Митрополитъ *Рускый* Цорниговѣ.

q) — — 6673, поставленъ бысть Илія Архіепископъ Новгородскый отъ Митрополита Jo: (анна) при Князѣ *Рустѣмъ* Ростиславѣ.

r) — — Въ тож. лѣт.: ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ *Русь.*

s) — — 6675, приде Костянтинъ Митрополитъ въ *Русь.*

t) — — На тужъ зиму ходи Мстиславъ на Половце, и побѣди е; и приведе полонъ въ *Рускy землю* так сильно, яко и числа не бяше.

u) — — 6677, придоша подъ Новгородъ Суждальци съ Андреевицемъ. Романъ и Мсти-

славъ съ Смоляны и съ Торопьцяны, Муромци и Разяньци, и вся *земля просторусьская.*

v) — — 6685 (о)слѣпленъ бысть Мьстиславъ Князь съ братомъ Ярополкомъ отъ стрья (стрыя) своего Всеволода, и пусти я въ *Русь.*

x) — — 6687, послаша Новгородци по братъ его (Романа) по Мстислава въ *Русь.*

y) — — 6688, Послаша Новгородьци къ Святославу въ *Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра въ Новгородъ, и посадиша и на столѣ.

z) — — Въ томже лѣтѣ на зиму иде Князь Святославъ Всеволодицъ Олговъ внукъ изъ *Руси* на Суждаль ратью на Всеволода, а сынъ его Володимиръ съ Новгородьци изъ Новагорода.

α) — — 6689, на зиму показаша путь Володимиру Святославицю. И иде къ отцю въ *Русь.*

β) — — 6694, присляша попъ (по Гаврила, избраннаго Новгородцами въ преемники умершему Архіепископу Иліи) Митрополитъ (Никифоръ Кіевскій), и вся Князья *Русская*, и пояша и съ любовью.

γ) — — 6701, преставися Гаврила Архіепископъ Новгородскій. Новгородци же сдумавше, изволиша Богомъ избранна Мартурія, и послаша попъ и приведоша изъ *Русь.*

δ) — — 6709, Новгородци Богомъ избраннаго Митрофана введоша въ Епископью по Мартуріи. И иде въ *Русь* ставиться къ Митрополиту съ Новгородскими мужи.

ε) — — 6719, приде Дмитръ Якуницъ изъ *Руси.*

ζ) — — Тогдажъ Новгородци послаша въ *Русь* ставиться; и прежде поставленъ Архіепископъ Антоній.

η) — — 6722, изгони Всеволодъ Чьрмный, сынъ Святославль правнукъ Олговъ, внуки Ростиславле изъ *Руси,* такъ река: брат: моя есте а Князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ, и нѣту вамъ части въ *Руской земли.*

ϑ) — — Того же лѣт: присляша внуци Ростиславли съ Новъгородъ къ Мстиславу Мстиславицю, се не творитъ намъ Всеволодъ Святославицъ части въ *Руской земли;* а пойди, поищемъ своей отцины.

Новгородцы, поссорясь съ Смолняны, отказались помогать Мстиславу; но Твердиславъ Посадникъ, созвавъ вѣче особе, рече къ нимъ: »Яко, братье страдали дѣди наши и отци за *Русскую землю,* тако братье и мы пойдимъ по своемъ Князю.

ι) — — 6723, пойде Князь Мстиславъ по своей воли (къ) Кыеву, и створя вѣцѣ на Ярославли дворѣ, и рече Новгородцемъ: суть ми орудія въ *Руси,* а вы вольни въ Князѣхъ.

κ) — — 6726, пойде Мстиславль въ *Русь,* Новгородци же послашася Смольнску по Святослава по Ростиславиця.

λ) — — 6729, показаша путь Новгородци

Князю Всеволоду: Не хочемъ тебя; пойди, камо хочеши; иде къ отцеви въ *Русь*.

μ) — — 6732. Говоря о нашествіи Татаръ, лѣтописецъ такъ объясняется о родѣ ихъ: Богъ единъ вѣсть, кто суть, и отколѣ изъидоша. Премумрыи мужи видять я добрѣ, кто книгы разумѣеть; мы же ихъ невѣмы, кто суть; нъ (но) здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради *Рускыхъ* Князь, и бѣды, яже бысть отъ нихъ имъ.... Придоша близъ *Руси*, идѣже зовется валъ Половьчьскый... и приде (Котянъ) съ поклономъ Князи Половьцькыми въ зяти въ Галичь къ Мстиславу, и къ всѣмъ Княземъ *Русьскымъ*... подариша Князь *Русьскыхъ*... Мстиславь же наця молитися Княземъ *Русьскымъ*.... и поидоша съвъкупльше *землю* всю *Рускую* противъ Татарамъ... тогда же увѣдавше Татари, яже идуть *Русьтіи* Князи противу имъ, и прислаша послы къ *Руськымъ* Княземъ... того же *Рустіи* Князи не послушаша... Слышавше же князи *Рустіи* поидоша за Днѣпръ... и потъпташа бѣжаще (Половцы) станы *Рускыхъ* Князь... Иначе Татара поидоша по *Рускыхъ* Князихъ, бьюче до Днѣпра и пр. . . .

6. Въ Никоновскомъ спискѣ лѣтописи встрѣчается еще слѣдующее мѣсто: и того же лѣта приде Батый въ Переяславль *Руськый*, иже въ Кіевѣ.

7. Въ Волын. лѣтописи повѣствуется, что а) Романъ Галицкій, по взятіи Кіева, принялъ названіе Великаго Князя и самодержца *всея*

Руси (И. Г. Р. Т. III. пр. 114.); Ь) когда Кіевъ былъ разграбленъ и опустошенъ Рюрикомъ и Олеговичами вмѣстѣ съ Половцами (1204 г. Января 1.), то лѣтописецъ восклицаетъ, разсказывая объ этомъ событіи: »Сотворилося великое зло въ *Руськой землѣ*, какого не бысть отъ самаго ея крещенія!«...

8. Въ Воскрес. Послы Святополка, Владимира, Давида и Олега говорили Давиду Игоревичю, ослѣпившему Василька: »содѣяхъ зло, его же не было въ *Русской землѣ*.« Въ Радзив.:« зане ввергоша ножъ въ насъ, его же не было въ *Русской земли*.

9. Въ Кіевскомъ подъ 1141 г. Бѣжащу Святославу изъ Новагорода, идущаго въ *Русь* къ брату, и посла Всеволодъ противу ему...

— — 1149 г. Ростиславъ же, пришедъ къ отцу въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ, и рече: слышалъ есмь иже хощеть тебя вся *Русская земля* и Черныи клобуки, и тако молвять: и насъ есть обезчествованъ, а пойди нань.

— — 1153 г. Владимирко »пойде къ божници къ Св. Спасу на Вечерню, и яко же бы на переходѣхъ, и ту увидѣ Петра ѣдуща (Боярина В. К. Кіевскаго Изяслава), и поругася ему, и рече: поѣха мужъ *Рускый*, объиша вся волости.

— — 1155. Георгій (Долгорукій) посла по Ростислава къ Смоленску, река ему: сыну! мнѣ съ кымъ *Русскую землю* удържати, (аще не), съ тобою? и пойди сѣмо...

— — 1168. Послѣ пораженія Половцевъ у

Чрнаго лѣса, *Руссы* возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками: » яко всѣмъ *Рускымъ* воемъ наполнитись до изобилія,« и пр.

— — 1174. Косма, Кіевлянинъ, слуга Боголюбскаго, когда принесъ тѣло его въ церковь и крилашане долго не хотѣли отперешь дверей, »рече: тебѣ, господине, паробци твои не знають. Иногда бо если и гость приходилъ изъ Царяграда и отъ иныхъ странъ, изъ *Рускія земли*, если Латининъ, и до всего Христіанства, и до всеа погани, и пр....

— — 1176. Пріидоша Половци на *Русьскую землю* Русалное недѣли...: взяша 6 городовъ Берендичь...

— — 1179. Князи *Рустіи* поидоша за Сулу и сташа близь городища Лукомля. Половци яшась бѣгу.

— — 1180. Съ (Мстиславъ храбрый) бѣ крѣпокъ на рати; всегда бо тъсняшеся умрети за *Рускую землю*.

— — 1181. Святославъ изъ Новгорода »пусти брата своего (двоюроднаго) Всеволода и Олга, сына своего, и Ярополка въ *Русь*.

— — 1184. Пошелъ бяше трекляшый Кончакъ на *Русь* похоньса, яко плѣнити хотя грады *Рускыа* и пожеци огнемъ... Половци оборотилися протиеу *Рускымъ* Княземъ... Поѣхалъ бяше Обовлыно Стуковичь въ четырехъ стѣхъ воевать къ *Руси*... Половци же побѣгоша... и *Русь* погнаша я.

— — 1185. Святославъ же (Кіевскій) вельми

вздохнувъ, утеръ слезы свои, и рече: о любимая братіа и сынове и мужи *землѣ Руское!* далъ ми бяше Богъ притомити поганыа но не въздръжавше юности, отвориша ворота на *Рускую землю*...

— — 1190. Святославъ съ Рюрикомъ утѣтиша *землю Рускую*... Тоеже осени Святославъ ня Кунтувдѣя, Торцеского Князя, по обидѣ... и Рюрикъ жалуа пронь, зане бѣ дрязанъ и надобенъ въ Руси. Онъ же не стерпя сорома своего идѣ въ Половци; Половци же обрадовашась ему и почаша съ нимъ думати, куды бы имъ вѣхати въ *Рускую землю*.

— — 1192. Святославъ съ Рюрикомъ и съ братіею стоаша у Канева все лѣто, стерегучи *земли Рускыя*.

— — 1193. Святославъ же нелюбіемъ рече: иже ты (Рюрикъ) идешь изъ отчины своея, азъ паки иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудій, а въ *Руской землѣ* кто насъ останетъ? и тими рѣчьми изъмяше путь Рюрикова . . . Святославъ же посла къ Рюрикови, река: се твой сынъ зачалъ рать... а нынѣ пойди въ *Русь*; стережешь своея земля. Рюрикъ же оставивъ путь свой и идѣ въ *Русь* съ всѣми своими полки.

— — 1195. Сотвори же Рюрикъ Ростиславу (сыну своему) велми сильну свадбу (женивъ его на Верхуславѣ, дочери Всеволода), яко же не была въ *Руси*, и быша на свадбѣ Князи мнози, за 20 Князей.

— — 1197. Давыдъ же столъ свой далъ сыновцеви своему Мьстиславу Ром., а сына своего, Констянтина, въ *Русь* посла къ брату своему на руцѣ... и пр.

Въ 1208 г. Половцемъ стрѣляющимъ и *Руси* противу имъ; ту же Марцелъ (Венг. Воевода) хоругве своей отбѣже, и *Русь* взя ю...

— — 1217 г. Вывши сѣчи велицѣ, одолѣша Ляхове и *Русь*; Быховецъ взятъ бысть Ляхы и *Русью*...

— — 1220. Мстиславъ бѣ съ всѣми Князи *Рускыми* и Чернѣговскыми...

— — 1229 г. *Русь же* догнаша Милича и стараго Рода, и нѣколко селъ Варотиславскыхъ заняша.... Наутріе же Данилъ и Василько поидоста ко граду. Кондвату же любящу *Рускый* бой, и понужающе Ляхы...

10 Въ Пушк. Ярославъ ходи (1227 г.) изъ Новагорода за море на Емь, гдѣ же ни единъ отъ Князь *Рускыхъ* не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни.« Т. е. до Ярослава никто изъ Князей, обыкновенно Новгородцами выбираемыхъ съ Юга, не проникалъ въ Емь.

— — Посла Вел. Князь Георги сыновца своего, Всеволода Костянтиновича въ *Рускый Переяславль* на столъ...

— — 1228 г. Князь Георги посла брата своего, Святослава, въ *Переяславль Рускый* на столъ.

— — 1230. Бысть же и во иныхъ городахъ, и въ Кыевѣ велми болма того бысть потрясенье,

и въ Монастыри Печерскомъ церковь св. Богородицы каменная на 4 части раступисе..... Такожь и въ *Переяславлѣ Рускомъ* церква Св. Михаила каменная рассѣчесь на двое......

— — 1229 г.

Конечно, много еще можно пріискать въ нашихъ лѣтописяхъ подобныхъ мѣстъ; но, кажется, на первой разъ и сихъ достаточно. Всѣ они ясно, непосредственно говорятъ объ одной только Руси, Руси на Югѣ, названной такъ по имени народа, нѣкогда въ ней долго — долго обитавшаго. Здѣсь, почти на каждомъ шагу, звучитъ это имя; вездѣ встрѣчаете какъ бы свѣжіе слѣды сего народа. Такъ а) рѣка, впадающая въ Днѣпръ насупротивъ Канева, именуется *Росью* или *Русью*; мѣста, по коимъ она протекала, назывались *Порусье* (Кіев. Лѣт. 1146 г.), Поросье, а жители — *Пороссане, Поруссане, Поршаны* (1149 г.), *Пороссы*. Здѣсь, на правомъ берегу находились Торки, гдѣ имѣли и свой городокъ Торчешъ (теперь селеніе Торчища; на берегу Торчи, въ Пятигорск.), равно и близъ Переяславля (Торки Переяславстіи). Извѣстно, что они по нашимъ лѣтописямъ однородцы Печенѣгамъ, Половцамъ, Берендѣямъ, именуемые не рѣдко общимъ именемъ Черные Клобуки или Черкасы: »Идуть со Берендей и съ Торки; и съ Печенѣги (Радз.), со многими Чрънными Клобуки. (Воскр.),« названными выше такъ: еже зовуться Черкасы,« Печенѣги же и Половцы были, какъ сказано выше, единоплеменны Руссамъ; слѣд. и Торки съ

*

Берендѣями или Черкасы въ подобномъ же отношеніи были къ нимъ. Связь между Руссами, рѣкою Росью и сими Черкасами, равно какъ и съ Черкасами Кавказскими и Козаками—Черкосами, весьма очевидна. b) Есть еще и другая рѣка, впадающая въ Днѣпръ при городѣ Ямполѣ; называемая тоже *Россавою* или *Руссавою*, съ селеніемъ *Россова* (см. Карт. Укр. Боплана). c) Названіе рѣки въ Орловской Губ., на коей стоитъ теперь Трубчевскъ *Неруссою*, показываетъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ далеко на Сѣверъ простирались границы Старой Руси; все, что было далѣе, не считалось уже принадлежащимъ къ ней; слѣдственно толковать о названіи Русью Новгорода, Твери, Пскова, Полоцка, вообще всей Сѣверной и Средней части нынѣшней Россіи, значитъ не знать тогдашняго состоянія вещей, имѣть превратное понятіе о древней нашей Исторіи.

Итакъ и Восточныя и Византійскія и отечественныя извѣстія увѣряютъ насъ въ бытіи Руссовъ на Югѣ. Какъ давно они здѣсь поселились, этого съ точностію показать не возможно. По крайней мѣрѣ весьма правдоподобно, что Руссы скрывались прежде въ Роксолонахъ. Многіе не вѣрятъ сему; но сообразивши надлежащимъ образомъ сказанія о нихъ древнихъ писателей, невольно убѣждаешься въ истинѣ такого предположенія. Имя ихъ составлено изъ Роксъ, Россъ и Аланъ; это послѣднее, по словамъ Аммiана Марцелина, означаетъ горца (Al-

lani ex montiu appellatione cognomiti); гора и нынѣ у Кавказскихъ Горцевъ и Татаръ называется Тау, Тавъ; сами же себя первые именуютъ Тавли, Тавлисъ (Авлинъ, Алянъ, Аланъ); слѣд. Роксолане будутъ Горные Руссы, Россы, первоначально обитавшіе на Кавказѣ, этомъ разсадникѣ народовъ, первомъ отечествѣ всѣхъ почти Европейцевъ, или они названы потому, что были сосѣдями Аланъ, имъ единоплеменныхъ, какъ говоритъ Плиній (кн. IV, 25.), кочевавшихъ между Дономъ и Днѣпромъ, а по Моис. Хорен. близъ Кавказа. Сіи Россы-Алане еще при первыхъ Римскихъ Императорахъ сдѣлались извѣстными (Страб. кн. 11, V, кн. VII, 11.); Плиній, кн. IV XXV.; Тац. кн. I, LXXIX; Птоломея, кн. III, VIII; Діонъ-Касс., кн. XXI; Амм. - Марц., кн. XXII, VIII. Елій Спарт., Требелл. Полл. Флав. Вопискъ и Юлій Капит.); заняли Молдавію, Валахію, Мизію и пр. Въ VII ст. Авреліанъ побѣдилъ ихъ. Моис. Хор. говоритъ, что въ его время Дунай назывался Руссами Ioza (Flumen Danubiu, quod ab Russis, Ioaza appellat. Hist. Arm.); слѣдственно они тогда жили при сей рѣкѣ. Слѣды существованія ихъ въ сихъ странахъ остались до нынѣ. Такъ часть Сербіи (при рѣк. Рассѣ и Моравѣ) называется Россіею, а жители Россіяне, Рассами, что послѣ иностранцы обратили въ Рація, Раци, Расціани, Райци. Дантъ упоминаетъ въ своей Div. Com. о какомъ-то Королѣ Rascia (Ращіи, Рашіи, Россіи), составляющей часть Славоніи. Въ 1691 г. Рассіане въ чело-

битияхъ своихъ къ Леону I-му, Императору Римскому подписались Роксанами. Еще прежде Дмитаръ призывалъ сихъ Россовъ на помощь и ходилъ съ ними въ Болгарію (XIII ст.) Конечно по нимъ названы слѣдующія города: Росокастръ=Castru Rossoru (въ XIV ст. взятый Освятославомъ Королемъ Болгарскимъ), Руссіонъ (Байер. въ Алад. ком., т. VIII, 389.); Русса, нынѣ Рущукъ (Руссчукъ, Руссукъ, сс=щ), о коемъ говоритъ Грегорасъ (кн. X, стр. 340—44.) по поводу войны Болгарскаго Короля Александра съ Греческимъ Императоромъ Іоанномъ Палеологомъ. Въ послѣдствіи они смѣшались съ Славянскими племенами, подобно Булгарамъ. Но другая часть Роксоланъ оставалась, безъ сомнѣнія, на Кавказѣ. Въ этомъ увѣряетъ насъ свидѣтельство Агаѳемера (въ нач. III ст.), называющаго рѣку Волгу Ρῶς, и Клавдіана (въ к. III ст.), повѣствующаго о Персидскомъ Принцѣ Ормусѣ, который, привлекши на свою сторону Сакковъ, Руссовъ и Гелловъ, ходилъ войною на брата своего, оспаривавшаго у него престолъ (Эверсъ 201., пр. 14.). Римляне ихъ называли Аорсами (Росами) и Сиранами (Страб., Плин., Тац.), а Византійцы— Алаланами (Mem. pop. 1, 644). Думать должно что они прежде всего завладѣли Тавріею и Сѣверными берегами Азовскаго и Чернаго м.; потомъ уже двинулись вверхъ по Днѣпру, покорили обитавшихъ тутъ народовъ, можетъ быть даже мелкія Славянскія племена (остатки Антовъ) и возстановили имя Руси, данное ихъ однородцами,

Роксоланами, сей странѣ, и такимъ образомъ утвердились въ ней. Сначала Славяне были ихъ подданные, но послѣ своею многочисленностію и большею образованностію предъ Руссами, взяли перевѣсъ надъ ними, такъ что мало по малу первые слились съ послѣдними и составили одно тѣло, названное по имени прежнихъ его жителей Русью. Отсюда только объясняется, какимъ образомъ Кіевскіе Славяне могли быть страшными Греческой Имперіи своею морскою силою: она не имъ принадлежала, а состояла, большею частію, изъ Руссовъ Черноморскихъ, которые, живя въ Крыму и по берегамъ Понта, имѣли всегда въ готовности свой флотъ какъ для торговли такъ и морскихъ сраженій и опустошеній на сушѣ, и выставляли оный по требованію В. Князей Кіевскихъ, въ коихъ видѣли они и своихъ собственныхъ. Равнымъ образомъ и отданіе Владиміромъ I-мъ Тмутаракани сыну своему Мстиславу, не иначе могло послѣдовать, какъ потому что тамъ обитали Руссы, что это была ихъ собственность. Святославъ не доходилъ туда. Притомъ Арабскіе писатели, какъ упоминали мы выше, говорятъ намъ именно о жилищѣ ихъ въ сей области и главномъ областномъ городѣ — Таторха, у Грековъ Матарха, Метраха и Таматарха (Конст. Багр. въ Бандур. Т. I., 113.); что Нубійскій Географъ именуетъ Метрехою (Кар. Т. I. пр. 388.). Съ перенесеніемъ имени Руссовъ на Славянъ и ихъ землю, всякое внѣшнее различіе исчезло между ними и имъ подвла-

стными: подвиги и дѣянія одного изъ нихъ принадлежали и другому, равно и на оборотъ. Впрочемъ преимущественно Русью называлась Кіевская область, составлявшая для того времени тоже, что позднѣе Москва на Сѣверѣ: это былъ центръ Юга. Отъ него распространилось имя Руси во всѣ стороны, съ прибавленіемъ какого-нибудь характерическаго прилагательнаго, какъ-то: Русь Черная, Червоная или Красная отъ имени города Червеня (нынѣ простаго селенія близъ Хелиса на Югѣ, наб. Чернеевъ), Черная составляющая теперь часть Минской и Волынской Губерніи по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети.

Когда же сія Русь вызволилась одъ ярма Татарскаго обчею ратію Русскою и Литевскою (см. Привил. Влад. 1434 г. И. Г. Р. ч. 1.), что даже самые Великіе Князья Литовскіе, а послѣ соединенія Литвы съ Польшею, и Короли Польскіе, именовали себя Великими Князьями Русьскыми, ибо они владѣли всѣми землями Руссовъ. Польскія лѣтописи, простой народъ и не ученые Поляки подъ Русью всегда разумѣли не Сѣверныя страны нашего отечества, но южныя, называя обитавшихъ въ нихъ Русниками, Руссинами и просто Русь, которые сами себя именовали Русьскыми (какъ бы принадлежащими Руссамъ.) Нынѣшняя же Великая Россія какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ постоянно извѣстна была подъ названіемъ Московіи (особенно послѣ усиленія В. Княжества Московскаго) а жители ея подъ именемъ Москалей. Все это показыва-

етъ намъ, какъ поздно названіе Руси появилось въ ней. Но когда именно, спросятъ насъ, случилось сіе заимствованіе? Рѣшеніе этого вопроса очень важно и тѣсно соединено съ нашимъ предметомъ.

Хотя съ математическою точностію и нельзя назначить года и числа перенесенію имени Руси на Сѣверъ и его тамъ распространенію однако очень возможно указать эпоху сего событія.

Первоначально имя Руси занесено было на Сѣверъ во время распространенія на Востокъ и Сѣверъ же Удѣльныхъ Княжествъ, принадлежавшихъ къ системѣ Великаго Княжества Кіевскаго, основанныхъ Князьями Южно-Русскими, для которыхъ какъ мужей воинственныхъ, слишкомъ было тѣсно на своей родинѣ. Расширяя предѣлы своихъ Княжествъ, они нечувствительно углублялись въ самый Сѣверъ, покорили тузѣмцевъ своей власти и вошли въ соприкосновеніе съ Новгородомъ. Любя впрочемъ свою отчизну, часто мѣняли они спокойное обладаніе въ новыхъ завоеваніяхъ на бурную жизнь въ Руси, часто оставляли свои Княжескіе столы и ѣхали на Югъ, гдѣ по нѣскольку лѣтъ не имѣли оныхъ. Въ противномъ случаѣ, когда невозможно было имъ сдѣлать этого, они старались утѣшать себя въ разлукѣ съ родною землею хоть тѣмъ, что строили селенія, города, коимъ равно какъ и многимъ рѣкамъ и урочищамъ давали имена Южныя. Такъ появились на Сѣверѣ Владиміръ, два Переяславля (Залѣсскій и Рязанскій), оба при той же рѣ-

кѣ, Трубежѣ, Городецъ, Галичъ, Стародубъ, Дорогобужъ, Звѣнигородъ, Ярославль, и др. Къ этому же времени относится построеніе и города Русы въ Новгородской области. Многіе изъ городовъ и селеній были заселяемы выходцами Южными, выводимыми Князьями; отъ сего даже и донынѣ замѣтно вліяніе Южно-Русскаго языка на языкъ Сѣверныхъ Руссовъ въ тѣхъ мѣстахъ; на примѣръ языкъ Владимірской содержитъ въ себѣ нѣкоторыя слова языка Малороссійскаго и любитъ, подобно ему, частое употребленіе буквы *о*. При всемъ томъ имя Руси не могло войти еще во всеобщее употребленіе; ибо масса народа была совершенно чужда Южнымъ Руссамъ, роднясь съ ними только одною вѣрою. Правда, и тѣ и другіе были Славяне; но происшедшіе совсѣмъ отъ различныхъ племенъ. Отъ того если первые и ходили къ послѣднимъ, то это происходило не иначе, какъ по волѣ и приказанію своихъ Князей, водившихъ ихъ туда для своихъ честолюбивыхъ видовъ. Слѣдовательно до нашествія Татаръ имя Руси не могло утвердиться на Сѣверѣ. Съ сего же времени, когда Глава Духовенства, Кіевскій Митрополитъ, принужденъ былъ, по причинѣ разоренія Кіева, перенести свой престолъ на Сѣверъ, прежнее, довольно шаткое и непостоянное названіе онаго Русью, утвердилось за нимъ; ибо сіи Іерархи обыкновенно называли себя Митрополитами всея Руси, не полагая никакого различія между Сѣверомъ и Югомъ, но смотря единственно на одну вѣру. Великіе Князья, будучи

одолжены Духовенству всѣмъ своимъ образованіемъ и укрѣпленіемъ ихъ власти черезъ избраніе ими своего мѣстопребыванія въ ихъ стольныхъ городахъ, переняли этотъ обычай отъ него и стали публично именоваться Великими Князьями всея Руси, хотя въ истинномъ смыслѣ это было и не точно, поелику они не владѣли настоящею Русью. В. Московскіе Князья, извѣстные своею осторожною, хитрою политикою, тѣмъ съ большею охотою послѣдовали обычаю Митрополитовъ, что они называясь Князьями всея Руси, могли свободно подъ симъ предлогомъ при всякомъ удобномъ случаѣ предъявлять свои притязанія и права и на другія области, носящія имя Руси, какъ на такія, кои якобы отторгнуты были отъ древней Руси, составлявшей одно благоустроенное тѣло, во время смутъ и другихъ неустройствъ. Такъ были присоединены ими Новгородская и Псковская Республики и др. Только въ это время появляется имя Руси въ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ на Сѣверѣ, которое они придаютъ нѣкоторымъ Княжествамъ въ видѣ родоваго названія; на пр. Новгородскій лѣтописецъ.

a) Подъ лѣт. 6738, повѣствуя о великомъ голодѣ, говоритъ: »Се же горе бысть не въ нашей земли въ одиной, нъ по всей *области Рустѣй*, кромѣ Кыева единаго.

b) — — 6741, преставися блаженный Митрополитъ всея *Руси* Кыевскый именьмъ Кюрилъ, родомъ Грьцинъ.

c) — — 6770, пойде Князь Олександръ въ Татары, и удерже и Берка не пустя въ *Русь*, и зимова въ Татарѣхъ, и разболѣся.

d) — — 6771, дай Господи милостивый видѣти ему (Алекс. Невск.) лице твое въ будущій вѣкъ, иже потрудися за Новгородъ и за всю *Русьскую землю*.

e) — — 6778, и присла Митрополитъ граму въ Новгородъ река такъ: Мнѣ поручилъ Богъ Архіепископію въ *Русьской земли*, вамъ слушати Бога и мене, кръви не проливайте....

f) — — 6823, пойде Князь Михайло изъ Орды въ *Русь* ведый съ собою Татаръ кокальнао Такшемеря!...

g) — — 6834, преставися Митрополитъ Петръ *всея Руси* на Москвѣ.

h) — — 6835, приде рать Татарская множество много и взяша Тферь и Кашинъ и Новоторжскую волость, и просто рещи, всю *землю Рускую* подложиша пусту; только Новгородъ ублюде Богъ и Святая Софья....

i) — —Того же лѣт.: погорѣ Юрьевъ Нѣмецькый всь ... и сгорѣ Нѣмець въ палатахъ 2000 и 500, и 30, а *Руси* 4 человѣка.

k) — — 6837, приде въ Новгородъ на столъ Князь великый Иванъ Даниловичь; бяху же съ нимъ и Тферскыи Князи Костянтинъ и Василій, и Олександръ Суждальской, и иныхъ много *Русскыхъ* Князій...., и проч.

Но первое официальное исвѣстіе о названіи

Сѣвера Русью, встрѣчается въ грамотѣ Симеона Іоановича Гордаго съ своими братьями 1340 г.

Это заимствованіе, укрѣпленное и освященное привычкою, осталось за Сѣверомъ и тогда, когда онъ совершенно отдѣлился отъ Юга Русскаго. Сей же послѣдній, не смотря на свою встревоженную судьбу, на всѣ перевороты и бѣдствія, постигавшія его, не отказывался отъ своего имени.

Тогда же, конечно, послѣдовало и дальнѣйшее отличіе между Сѣверомъ и Югомъ, т. е. принятіе первымъ названія Великой Россіи, а вторымъ названія Малой. Это случилось а) потому, что Сѣверная Россія, не смотря на владычество Татаръ, удержала свой прежній образъ правленія; и такимъ образомъ, сохранила, хоть по внѣшности, свою самостоятельность, чрезъ что сдѣлалась какъ бы блюстительницею имени Русскаго; б) съ сверженіемъ же съ себя ига иноплеменнаго, они, въ особѣ Великаго Князя Московскаго, составляли что-то одно цѣлое, а по уничтоженіи Удѣловъ, и Географически стали больше Южной Руси, которой всю лѣвую сторону Днѣпра и степи Татары заняли подъ свое кочеванье. Съ другой стороны Литовцы и Поляки своими завоеваніями стѣсняли ее и уменьшали, первые оттторгнувъ всю нынѣшнюю Бѣлоруссію и Черную Россію, а вторые Червонную и Галичь. Оставалась, слѣдственно, одна только средина, Кіевъ съ Волынію и частію Подоліи, которые потому и назвались Малою Русью. Въ семъ смыслѣ

Георгій, Князь Владимірскій, въ грамотѣ своей (сохранившейся въ Кенигсбергск. Архивѣ), первый оффиціально употребилъ это названіе, разумѣя подъ онымъ преимущественно свое Княжество. Кодинъ, описывая Митрополію Кіевскую въ 1492, Южную Россію также именуетъ Russia minor, и касаясь Литвы говоритъ еще, что она сопредѣльна и съ Russia major (смотри Mem. pop.). Ѳеофанъ, Патріархъ Іерусалимскій, возвращаясь изъ Москвы въ 1620 г. и посѣтивъ Кіевъ, гдѣ тогда при Кіевопечерскомъ монастырѣ, учреждалось братство, принявшее имя Младенчества съ цѣлію сохранить въ чистотѣ Греко-Россійскую вѣру отъ напора Римскаго Духовенства, соизволилъ учрежденію сего общества и далъ ему на то свою грамоту, въ коей, между прочимъ говоритъ: »иже въ Малой Россіи.« Еще въ Грамотѣ Ливонскаго Ордена (въ концѣ XIV ст.) сказано, что у Витовта, В. К. Литовскаго, въ видѣ вспомогательнаго войска противъ Крестоносцевъ, находились дружины: Московская и Тверская, названныя Великороссами. Наконецъ Добровскій, въ предисловіи къ своему сочиненію: Institutiones Lingae Slav., пишетъ, что въ Вѣнѣ попалась ему Библія, печатанная въ Острогѣ Московской типографщикомъ Діакономъ Ив. Ѳеодоровымъ, о которомъ сказано было на Греч. языкѣ, что онъ былъ: »ἐκ Μεγάλης Ρωσσίας.« Но все это показываетъ только, что названіе Сѣверной Россіи Великою, если и современно названію Южной Малою, употреблялось большею

частію народомъ, но оффиціальнаго названія ея такимъ именемъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ при В. К. Московскихъ. Лишь при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ оно находится сперва въ границахъ, потомъ и въ Грамотахъ Михаила Ѳеодоровича, а наконецъ уже Царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю присоединенія Малой Россіи въ 1654 г., торжественно помѣщаетъ названіе Великой Руси, вмѣстѣ съ названіемъ и первой, въ своемъ титулѣ.

Точно такимъ же образомъ и тогда же произошло названіе и той части Руси, которая нынѣ извѣстна у насъ подъ именемъ Бѣлоруссіи. Она издревле заселена была племенемъ Славянскимъ, Русинами, получивъ это имя во время распространенія Княжествъ Кіевской системы. Впрочемъ они гораздо ближе къ Великоруссамъ, нежели къ Малоруссамъ: это доказывается ихъ языкомъ. Бѣлою же названа земля сихъ Русиновъ не отъ бѣлыхъ снѣговъ и не отъ бѣлыхъ шапокъ, предпочтительно употребляемыхъ тамошними жителями; ибо снѣгу въ ней не болѣе чѣмъ въ сѣверной Россіи; также много было народовъ, которые и не нося исключительно бѣлыхъ шапокъ, назывались однако же бѣлыми, напр. Бѣлые Хорваты, Бѣлые Сербы, Бѣлые Угры и п. с. Вѣрнѣе всего имя Бѣлой Руси дано странѣ сей въ противоположность другимъ частямъ Руси, покореннымъ Татарами; всякой же народъ или землю, лишившуюся своей независимости, предки наши отмѣчали словомъ Черенъ, Черный; напротивъ, сохранившій свою самостоятель-

ность и свободу, именовали Бѣлымъ. Такъ В. К. Московскій, послѣ ига Татарскаго, часто въ лѣтописяхъ нашихъ называется Бѣлымъ и Царь нашъ и по сіе время въ устахъ простаго народа и на Востокѣ, носитъ названіе Царя Бѣлаго, т. е. сильнаго, независимаго. Слѣдственно Бѣлая Русь наименована симъ именемъ потому, что она не знала тягости Татарской неволи, находясь подъ покровительствомъ В. К. Литовскихъ, кои впослѣдствіи приняли даже ея языкъ и вѣру, отъ чего, какъ мы сказали выше, именовались даже В. К. Литовскими и Рускыми; ибо они владѣли какъ Бѣлою такъ и всею Южною Русью.

И такъ вотъ генеалогія имени Русскаго. Кажется, мы показали его начало, возрастаніе и распространеніе, т. е., какимъ образомъ оно, составляя прежде всего собственное названіе народа, племени Турецкаго, обитавшаго на нашемъ Югѣ, нѣкогда сильнаго, покорившаго Славянъ туземныхъ своей власти, но наконецъ смѣшавшагося съ ними и чрезъ то самое сообщившаго имъ свое имя, имя Руси перешло въ послѣдствіи мало по малу и на прочія части нашего отечества. Представимъ же въ заключеніе нашихъ изслѣдованій тѣ выводы, кои сами собою изъ оныхъ вытекаютъ.

I. Руссовъ, какъ народа особеннаго, Нормандскаго, никогда не было на Балтійскомъ морѣ.

II. Равномѣрно не было тамъ и Варяго-Руссовъ. Названія сихъ двухъ народовъ суть чистый

вымыслъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, въ особенности Новгородскихъ, плодъ слѣпой вѣры въ древность нашихъ лѣтописей.

III. Варяги не были Норманны, но племя прибалтійскихъ Германскихъ Славянъ, въ послѣдствіи выселившееся на Сѣверъ и основывавшее Новгородскую республику.

IV. Руссы были народъ Турецкаго племени, обитавшій въ Нынѣшней Южной Россіи, по сказанію Арабскихъ и Византійскихъ писателей и по свидѣтельству достойныхъ вѣроятія мѣстъ изъ нашихъ лѣтописей.

V. Отъ сихъ-то Руссовъ, смѣшавшихся съ Славянскими племенами и составившихъ одно цѣлое, должно, по заключеніямъ здравой Логики, выводить и нынѣшнее названіе нашего отечества Россіею, сначала составлявшее собственность одного только Юга, а послѣ, съ распространеніемъ Удѣльныхъ Княжествъ системы Кіевскаго Митрополита на Сѣверъ, перешедшее и на Великую и Бѣлую Русь.

VI. Мнѣніе это подтверждается еще самыми названіями многихъ мѣстъ на Югѣ, данными онымъ Руссами.

О виновникахъ теперешняго нашего названія, сихъ Черноморскихъ Руссахъ, можно сказать словами Царя-Поэта: »И прейдоша отъ языка въ языкъ, и отъ царствія въ люди ины.« (Пс. CIV, 13.)

I. Бодянскій

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 31 день минувшаго Іюля за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено. »Для исполненія предначертаній о поземельныхъ довольствіяхъ Войска Донскаго, заключающихся въ Положеніи объ управленіи сего Войска, утвержденномъ Нами въ 26 день Мая сего года, признавъ нужнымъ учредить Межевую Коммиссію, Мы утвердили для оной штатъ и положеніе. Комиссія сія должна быть открыта немедленно по приведеніи въ дѣйствіе новаго войсковаго Положенія. Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать надлежащее распоряженіе.

— Указомъ Правительствующаго Сената, Сентября 16-го дня объявлено, что Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: признавать купца Карла Вильгельма Геккера Любскимъ Вице-Консуломъ въ Кронштатѣ.

— Высочайшимъ Приказомъ, 10-го Сентября, въ городѣ Калишѣ даннымъ, произведены за отличіе по службѣ изъ Полковниковъ въ Генералъ-Маіоры: С. Петербургскій Плацъ-Маіоръ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, Болдыревъ 1-й, съ назначеніемъ Комендантомъ въ г. Иркутскъ, съ состояніемъ по Арміи; Командиръ Санктпетербургскаго Арсенала, состоящій по Ар-

тиллеріи, Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ, со старшинствомъ съ 7-го Апрѣля 1835 года, съ оставленіемъ при прежней должности и по Артиллеріи: Командиръ Гусарскаго Принца Оранскаго полка, Дубельтъ 2-й, съ назначеніемъ Командующимъ 1-ю бригадою 4-й Легкой Кавалерійской дивизіи; Командиръ Бѣлгородскаго Уланскаго полка, Панютинъ 2-й, съ состояніемъ по Кавалеріи; Командиръ 2-й бригады 21-й Пѣхотной дивизіи, состоящій по Арміи Сверчковъ, съ оставленіемъ при прежней должности; Командиръ Сумскаго Гусарскаго полка, Кусовниковъ, съ состояніемъ по Кавалеріи; Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка, Князь Багратіонъ-Имеретинскій 1-й, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества; Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, Бутовскій 1-й съ состояніемъ при 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи; Командиръ Украинскаго Егерскаго полка, Дровецкій, съ состояніемъ по Арміи; Командиръ 3-го Саперпаго баталіона, Обручевъ 2-й, съ состояніемъ по Инженерному Корпусу и при Главномъ Штабѣ Дѣйствующей Арміи; Командиръ Эстляндскаго Егерскаго полка, Карловичъ, съ состояніемъ по Арміи; Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, Анненковъ 3-й, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величесва и съ состояніемъ при Штабѣ Главнаго Начальника Пажескаго, всѣхъ Сухопутныхъ Кадетскихъ Корпусовъ и Дворянскаго Полка; Командиръ Сибирскаго полка, Ниловъ, съ состояніемъ по Арміи; Командиръ Жандармскаго полка и исправляющій должность Коменданта Главной Квартиры Дѣйствующей Арміи, Парадовскій 1-й, съ состояніемъ по Кавалеріи; Исправляющій должность Начальника 4-го Округа Корпуса Жандармовъ, Языковъ 1-й, съ утвержденіемъ Начальникомъ сего

Округа; Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, Князь Мещерскій, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества; Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Кавалергардскаго Ея Величества полка, Лачиновъ, съ состояніемъ по Кавалеріи и при Главномъ Штабѣ Дѣйствующей Арміи; Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, Вяткинъ, съ состояніемъ при 1-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи; Директоръ Пажескаго Корпуса, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Игнатьевъ 2-й, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, и съ оставленіемъ въ той же должности. Назначены: Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій Графъ Паскевичъ-Эриванскій, Шефомъ Орловскаго Егерскаго полка, которому именоваться Егерскимъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полкомъ; Начальникъ 3-й Легкой Кавалерійской дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Графъ Ностицъ, Генералъ-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; Командиръ 1-й бригады 2-й Легкой Гвардейской Кавалерійской дивизіи и Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, Генералъ-Маіоръ Баронъ Офенбергъ 2-й, Командующимъ 3-ю Легкою Кавалерійскою дивизіею; Командиръ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, Генералъ-Маіоръ Марковъ 1-й, Командиромъ 1-й бригады 2-й Легкой Гвардейской Кавалерійской дивизіи, съ оставленіемъ въ прежней должности; Командиръ 1-й бригады 3-й Легкой Кавалерійской дивизіи, Генералъ-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, состоять по Кавалеріи; Командиръ 1-й бригады 6-й Легкой Кавалерійской дивизіи, Генералъ-Маіоръ Арсеньевъ 1-й, Командиромъ 1-й бригады 3-й Легкой Кавалерійской дивизіи; состоящій по Кавалеріи, Генералъ-Маіоръ Витте 1-й, Командующимъ 1-ю бригадою 6-й Легкой Кавалерійской дивизіи; Командиръ 1-й бригады 4-й Легкой Кавалерійской дивизіи, Генералъ-Маіоръ Баронъ Врангель 2-й, Командующимъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскимъ полкомъ; Гусарскаго Принца Оранскаго полка, Полковникъ Графъ Орурkъ 2-й, Командующимъ онымъ полкомъ.

— Въ дополненіи къ Высочайшему Приказу, отданному Сентября 10-го дня 1835 года, изображено:

»Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій Графъ Паскевичъ-Эриванскій, удостоился получить отъ Его Величества Короля Прусскаго шпагу, украшенную алмазами, при особомъ рескриптѣ. Сей рескриптъ, — свидѣтельство высокаго вниманія Его Королевскаго Величества къ подвигамъ и славѣ Русской Арміи, и къ военнымъ достоинствамъ ея знаменитаго вождя — Государь Императоръ дѣлая извѣстнымъ по Арміи, соизволитъ оставаться въ твердой увѣренности, что храбрыя войска Русскія сохранятъ и впредь неизмѣнно тѣ добрыя, отличительныя свойства Русскаго солдата, которыя пріобрѣли имъ любовь и признательность соотечественниковъ; уваженіе союзниковъ и постоянное благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій!

Маневры, при которыхъ Я здѣсь присутствовалъ, обратили Мои воспоминанія къ великимъ подвигамъ, совершеннымъ Императорско-Россійскою Арміею. Слава ея нераздѣльна съ вашею. Во вниманіе къ вашимъ военнымъ достоинствамъ, столь часто испы-

танным въ сраженіяхъ за вашего Августѣйшаго Государя и за правъ Царей и престоловъ, Я прошу васъ принять отъ Меня шпагу, украшенную алмазами.

Если обстоятельства поведутъ васъ еще на бой, Я желаю, чтобъ вы преимущественно выбрали мечь сей для защиты вашего Государя и отечества; въ другомъ случаѣ храните его, какъ залогъ высокаго уваженія Моего и искренняго благорасположенія, съ коимъ Я пребываю,

Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ, Вамъ благосклоннѣйшій

Подлинный подписалъ:

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

— Его Императорское Величество, изъ двухъ избранныхъ Волынскимъ Дворянствомъ кандидатовъ, изволилъ Высочайше утвердить въ званіи Волынскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Камергера Ленкевича.

— Изъ числа избранныхъ Дворянствомъ кандидатовъ, Высочайше повелѣно быть Предсѣдателемъ Тамбовской Палаты Гражданскаго Суда, находящемуся не у дѣлъ Бергъ Гауптману 6-го класса, Дмитрію Гаргенину.

— Статскіе Совѣтники, Старшій Докторъ С. Петербургскаго Военнаго Госпиталя, Штабъ-Лекарь Петръ Флоріо и Старшій Лекарь госпитальнаго отдѣленія въ домѣ Эгермана, Докторъ Петръ Канельскій, Всемилостивѣйше пожалованы въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

— Высочайшею Грамотою 1-го Сентября, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени, состоящій за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Статскій Совѣтникъ Никитинъ.

— По уваженію сдѣланнаго Почетнымъ Гражданиномъ и Кяхтинскимъ 1-й гильдіи купцемъ Николаемъ Игумновымъ, пожертвованія на постройку въ Кяхтѣ дома для Высочайше утвержденнаго училища Китайскаго языка, Г. Министръ Финансовъ входилъ съ представленіемъ о томъ въ Комитетъ Гг. Министровъ. Государь Императоръ, по Положенію сего Комитета, въ 27-й день Августа сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: наградить Почетнаго гражданина и 1-й гильдіи купца Николая Игумнова золотою медалью съ надписью: за полезное, для ношенія на шеѣ, на Владимірской лентѣ.

Франція.

Сегодня, на биржѣ, всѣ вообще утверждали, что Французское Правительство рѣшительно отказалось принять непосредственное участіе въ Испанскихъ дѣлахъ, по приглашенію Королевы *Христины*. — Въ Gazette de France сообщаютъ объ этомъ слѣдующія подробнѣйшія извѣстія: »Отвѣтъ на представленіе Герцога *Фріаса* Тюльерискому Кабинету, относительно вооруженнаго посредничества со стороны Франціи, послѣдовалъ немедленно: Правительство Французское отказалось отъ онаго по той причинѣ, что недостаточность пособій, которыя поданы Испаніи Французскимъ и Англійскимъ Правительствами косвеннымъ образомъ, еще не доказана; что вооруженное посредничество, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, встрѣтило бы гораздо болѣе препятствій, нежели полгода тому назадъ; что опасенія, будто бы войска *Кордовы* не въ состояніи сопротивляться арміи Дона *Карлоса* ничѣмъ не оправдываются; что сей послѣдній не овладѣлъ еще ни одною крѣпостью и, наконецъ, что недовольные въ Барселонѣ и другихъ го-

родахъ Испанскихъ, все еще признаютъ верховную власть Королевы *Игабеллы* II; кромѣ того, Французская армія, которая вступила бы теперь въ предѣлы Испаніи, была бы принуждена бороться съ обѣими враждующими тамъ партіями; — однимъ словомъ, Правительство Французское признаетъ, что требуемое участіе Франціи во внутреннихъ дѣлахъ Испаніи сопряжено съ слишкомъ многими опасностями, не представляя никакой выгоды, и послужило бы только къ увеличенію внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій.

— Въ одномъ письмѣ изъ Парижа, помѣщенномъ въ Allgem. Zeit., сообщаются слѣдующія достойныя любопытства подробности о характерѣ *Фіески*, которыя вполнѣ обличаютъ въ немъ Корсиканца: »*Фіески* составляетъ совершенно особенное психологическое явленіе, которое заслуживаетъ внимательнѣйшаго разсмотрѣнія. Идеи о добрѣ и злѣ не существуютъ въ умѣ его; онъ дитя дикой природы и обнаруживаетъ столько же коварства, сколько простоты. Главную черту его характера составляетъ неукротимое тщеславіе, которое доходитъ до смѣшнаго высокомѣрія. — Онъ питаетъ къ себѣ какое-то удивленіе и требуетъ, чтобъ и другіе удивлялись ему. Его разспрашивали о его связяхъ съ журналомъ Наполеонистовъ: »La Révolution«, коего издателемъ былъ Г. *Ленноксъ*, неудачно предпринимавшій путешествіе на аэростатѣ. — »*Ленноксъ* и я, отвѣчалъ онъ«, — не понимали другъ друга; я былъ Наполеонистомъ до смерти Герцога Рейхштадскаго; послѣ того я перестаъ быть Наполеонистомъ; но *Леннoксъ* оставался имъ не смотря ни на что». — Онъ особенно тщеславится своею хитростію и искуствомъ лгать. — Различными образами обманывалъ онъ Г. *Тьера*, и не разъ, изъ одного своевольства, разсказывалъ ему множество небывалыхъ вещей, съ видомъ величайшаго

чистосердечія, а послѣ радовался своему успѣху въ обманѣ. Иногда онъ скучаетъ допросами и людьми, подсылаемыми къ нему для развѣдыванія. Доселѣ онъ еще ни чѣмъ не измѣнилъ себѣ; ни разу не запуталея въ показаніяхъ, не впалъ въ противорѣчіе, и споритъ съ своими Судьями съ ловкостію діалектика. Вмѣстѣ съ этою чертою хвастливости и хитрости, видна въ немъ твердая преданность къ людямъ, оказавшимъ ему какія либо услуги. Онъ очень уважаетъ Г. *Лавока*, и Г. *Бода*. — »Они, — говоритъ онъ, — могли бы потребовать моей жизни—и я немедленно исполнилъ бы ихъ желаніе.« — Однажды Г. *Бодъ* повстрѣчался съ нимъ на улицѣ; *Фіески* подошелъ къ нему и сказалъ: Я *Фіески*! — »Что вы дѣлаете, *Фіески*?« — Умираю съ голоду«. — Г. *Бодъ* далъ ему 15-ть франковъ; онъ отказался принять ихъ въ видѣ дара, но взялъ въ долгъ. — Когда *Бодъ* занималъ должность Префекта Полиціи, то *Фіески* хотѣлъ быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нимъ, а не съ подчиненными его; не имѣя возможности лично относиться къ Г. *Боду*, онъ вышелъ изъ Полиціи. Это высокомѣріе при совершенной безнравственности, это честолюбіе особаго рода при чрезвычайномъ коварствѣ и злодѣйствѣ, — составляютъ явленіе необыкновенное. — »Еслибъ у меня было 200 франковъ, сказалъ онъ при одномъ изъ допросовъ«, — то ничего бы не случилось.« — Отъ него прямо узнали, что *Пепенъ*, (бывшій Капитанъ Національной гвардіи, скрывшійся отъ Полиціи) снабдилъ его деньгами на покупку ружейныхъ стволовъ; но въ то же время *Фіески* увѣрялъ, что *Пепенъ* ничего не зналъ о назначеніи ихъ. Намѣреніе *Пепена* было набрать Корсиканцевъ на случай мятежа. Говорятъ, будто бы 27 Іюля, на канунѣ событія, *Пепенъ* являлся къ Полицейскому Коммисару своего квартала и просилъ его защиты, подъ пред-

логомъ, что Національные гвардейцы въ Faubourg St. Antoine озлоблены противъ него потому, что онъ былъ обвиненъ въ стрѣлянiи по своимъ сотоварищамъ во время безпорядковъ, бывшихъ прежде въ томъ мѣстѣ. Послѣ покушенія *Фіески, Пепенъ* скрылся. — Полиція, по видимому, не производила никакихъ разысканій о *Пепенѣ,* чтобы такимъ образомъ заставить его выйти изъ убѣжища, гдѣ онъ укрывался, и *Пепенъ* дѣйствительно попалъ въ разставленныя ему сѣти: послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, онъ возвратился въ свою квартиру, гдѣ его и задержали. Говорятъ, что при допросѣ онъ совершенно потерялся; отрекался отъ знакомства съ *Фіески,* и до того запутывался въ рѣчахъ своихъ, что нѣсколько разъ повторялъ увѣренія въ преданности *Людовику-Филиппу.* — Извѣстно уже, какъ онъ скрылся. — Зналъ ли онъ дѣйствительно о намѣреніи *Фіески*? вотъ важный вопросъ. — Кажется, что оно было извѣстно двумъ ремесленникамъ, изъ которыхъ на одного, т. е. на *Море,* показала дѣвушка, *Нина Лессавъ.* — Сама она арестована въ то мгновеніе, когда, въ волненіи страха и сомнѣнія, намѣревалась лишить себя жизни. По ея показанію нашли пули, портфель и пр. на томъ мѣстѣ, гдѣ *Море* спряталъ ихъ. — Люди, съ которыми *Фіески* былъ въ союзѣ, обѣщали собрать посредствомъ подписки для нея вспомоществованіе, и такимъ образомъ поправить ея обстоятельства. Впрочемъ, нигдѣ не нашли ни запаса денегъ, ни малѣйшаго доказательства, что *Фіески* подкупленъ значительною суммою. — Напротивъ того, все заставляетъ полагать, что онъ покусился на злодѣйство въ намѣреніи воспользоваться безпорядкомъ, который произошелъ бы, еслибъ его покушеніе удалось и что онъ надѣялся вознаградить себя грабежемъ и хищничествомъ. — На вопросъ: почему въ его квар-

тирѣ повѣшенъ былъ портретъ Герцога Бордосскаго, онъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что это сдѣлано въ намѣреніи обмануть Полицію, и что онъ купилъ этотъ портретъ наканунѣ, желая увѣрить въ существованіи Карлистскаго заговора. Изъ всего этого кажется, что *Фіески* и его соучастники замышляли, пользуясь общимъ смятеніемъ, произвести грабежъ, вѣроятно, въ предмѣстьи Сенъ-Жерменскомъ. — Впрочемъ, *Фіески* упорно увѣряетъ, что никто не зналъ о его замыслѣ. — Онъ сказалъ, что предъ казнію объявитъ на эшафотѣ многое, что послужитъ въ пользу Королю *Людовику-Филиппу.* — Слѣдствія его покушенія ему неизвѣстны, но онъ сомнительно качаетъ головою при всемъ, что сообщаютъ ему объ оныхъ. Онъ говоритъ, что ни кого не хочетъ вмѣшивать въ это дѣло потому, что самому ему извѣстно очень мало; послѣднее всего вѣроятнѣе.«

Одинъ изъ Полицейскихъ Агентовъ провѣдалъ, что Г. Пепенъ скрывается на одной мызѣ въ окрестностяхъ города Мо, и поспѣшилъ увѣдомить о томъ Префекта Полиціи, который, не сообщая никому сдѣланнаго открытія, выѣхалъ изъ Парижа будто на охоту, въ сопровожденіи одного только зятя своего и Агента Полиціи, открывшаго мѣсто пребыванія Г. Пепена. Явившись на указанную ему мызу въ 5 часовъ утра, онъ арестовалъ тамъ Г. Пепена, и привезъ его немедленно въ Парижъ въ своей каретѣ. — Въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ узнали о задержаніи Г. Пепена лишь тогда, когда онъ уже находился подъ стражей.

Мониторъ, подтверждая извѣстіе объ арестованіи Г. Пепена, присовокупляетъ, что ему сдѣлана уже очная ставка съ Фіески.

Въ одной Корсиканской газетѣ находятся слѣдующія подробности о семействѣ Фіески: »Фамилія

Фіески происходитъ изъ Генуи; она основалась въ Корсикѣ въ 1786 году и состояла тогда изъ трехъ братьевъ: Іоанна Антона, Іоанна Доминика и Лудовика, прозваннаго Петти-Селко; сей послѣдній былъ отецъ Фіески, совершившаго преступленіе 28 Іюля. Всѣ три брата были пастухи, переходившіе съ одного мѣста на другое и никогда не имѣвшіе собственнаго постояннаго жилища. Убійства и грабежи вскорѣ сдѣлали имя ихъ извѣстнымъ; одинъ только Іоаннъ Антонъ съ родомъ своимъ не былъ отвергнутъ обществомъ; онъ жилъ довольно долго въ Валлекалле; двое изъ потомковъ его сдѣлались мясниками и понынѣ еще находятся въ Бастіи. У Іоанна Доминика было два сына: Микель-Анджело и Гіеронимъ; они оба умерли въ тюрьмѣ, и при жизни своей уличены были нѣсколько разъ въ воровствѣ. Одна изъ двухъ сестеръ ихъ была за мужемъ за Неаполитанскимъ разбойникомъ, убитымъ въ 1804 году жандармами; другая живетъ нынѣ въ крайней бѣдности, въ Бигульи. Что касается до отца того Фіески, который въ послѣднее время снискалъ столь плачевную извѣстность, то онъ былъ женатъ на сестрѣ двухъ преступниковъ, осужденныхъ на галеры, по имени Луціи. Отъ этой-то четы произошелъ на свѣтъ 3 Марта 1890 г. *Іосифъ Марія Фіески*; онъ получилъ прозваніе Petti-ficchello, быть можетъ, по причинѣ грубаго и нечувствительнаго характера, которымъ отличался столько же, сколько и его отецъ. Послѣдній былъ уличенъ въ 1804 году въ сношеніяхъ съ разбойниками и приговоренъ къ 20 лѣтнему заключенію въ смирительный домъ; онъ умеръ въ темницѣ; въ 1800 году онъ женился вторично на урожепкѣ изъ Ренно — Маріи-Ксаверѣ-Казальтѣ, у нихъ родился сынъ, глухонѣмой, который и доселѣ живетъ вмѣстѣ съ матерью своею въ Мурато. *Іосифъ-Марія-Фіески* (нынѣшній

убійца) съ самыхъ юныхъ лѣтъ уже обнаруживалъ особенное непостоянство характера. На 15 году своего возраста онъ оставилъ пастушескую жизнь и опредѣлился въ одинъ Неаполитанскій полкъ барабанщикомъ. Послѣ мира, заключеннаго въ 1814 году, явился опять въ Корсикѣ, украшенный Сицилійскимъ орденомъ и спустя нѣсколько времени снова опредѣлился сержантомъ въ одинъ изъ баталіоновъ, которые набиралъ Падуанскій Герцогъ. Наконецъ, когда армія была распущена, то Фіески не захотѣлъ снискивать себѣ пропитаніе честными трудами и предпочелъ послѣдовать позорному примѣру своихъ предковъ; слѣдствіемъ сего было то, что его приговорили за воровство къ десятилѣтнему заключенію въ смирительный домъ и къ пожизненному нахожденію подъ присмотромъ Полиціи. По выходѣ изъ смирительнаго дома онъ хотѣлъ сначала уѣхать къ двоюродной сестрѣ своей въ Бигулью, но такъ какъ ему не хотѣли этого позволить, то рѣшился отправиться въ Парижъ, гдѣ наклонность его къ интригамъ и преступленіямъ вскорѣ обнаружилась во всей силѣ.

Англія.

Число предложеній, которыя многіе изъ Членовъ Нижняго Парламента намѣрены сдѣлать въ будущемъ собраніи онаго, простирается до 124. — Замѣчательнѣе всѣхъ предложеніе Г-на *Гровъ-Прейса*, объ исключеніи изъ списка предложеній Гг. *Юма* и *Ребука* о преобразованіи Верхняго Парламента, какъ противныхъ Государственнымъ установленіямъ Англіи, унизительныхъ для достоинства Нижняго Парламента, и превышающихъ его права и привиллегіи.

— Въ газетѣ the Globe напечатано, что изъ дипломатическихъ сношеній, которыя происходили между

Сиромъ *Е. Вогамомъ* и Г. *Форсейтомъ*, явствуетъ, что Генералъ *Джаксонъ* — Президентъ Северо-Американскихъ Штатовъ, не соглашается принять предложенныхъ ему Англіею и Франціею мѣръ для уничтоженія торга Неграми.

Испанскія дѣла.

Въ телеграфической депешѣ изъ Мадрита отъ 15 Сентября, сообщенной изъ Байонны въ Парижъ 19 числа, увѣдомляютъ, что Графъ Торено подалъ въ отставку. — Г. Мендисабаль остался Министромъ Финансовъ и получилъ порученіе составить новое Министерство. — Президентомъ Совѣта Министерскаго наименованъ Генералъ Алава. Прочіе Министры еще не назначены.

Въ Messager напечатано: Съ чрезвычайнымъ курьеромъ получили мы изъ Мадрита письма, изъ которыхъ можемъ дополнить телеграфическую депешу: Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, по общему мнѣнію, будетъ Г. *Хиль де ла Кварда*, а Г. *Аргельесъ* отказался отъ принятія Министерской должности, обѣщавъ однако поддерживать новое Министерство. — Въ Revista отъ 15 числа находится извѣстіе, что Инфантъ *Франциско де Паула* намѣревался 12 числа отправиться изъ Валенсіи въ Мадритъ.

Въ Vapor увѣряютъ, что Графиня Торено выѣхала въ Парижъ, и что самъ Графъ Торено немедленно отправится туда же въ званіи Чрезвычайнаго Посла.

Въ другомъ нумерѣ того же журнала напечатано опроверженіе слуховъ о различіи мнѣній Генерала Алавы и Г. Мендисабаля. — Въ немъ сказано, что Генералъ Алава, въ собраніяхъ Кортесовъ, всегда подавалъ голосъ вмѣстѣ съ Гг. Аргельесомъ, Квардою и

другими Членами, имѣющими съ ними одинакія политическія мнѣнія, и что онъ, вмѣстѣ съ Г. Мендисабалемъ, принялъ на себя тяжкую отвѣтственность, замѣнить наборомъ вспомогательнаго легіона, прямое вооруженное посредничество, которое считали необходимымъ въ слѣдствіе условій, заключенныхъ между четырьмя Державами въ 1834 году. — »Возможно ли, — сказано наконецъ въ сей газетѣ, — чтобъ оба они стремились совокупными силами къ одной цѣли, не будучи движимы одинакимъ образомъ мыслей? — Еслибъ мнимое различіе въ мнѣніяхъ существовало дѣйствительно, то уступилъ ли бы Г. Мендисабаль Генералу Алавѣ председательство въ Министерскомъ Совѣтѣ и не удержалъ ли бы онаго за собою?«

Въ Придворной газетѣ содержится также декретъ о временномъ возложеніи на Дона Мартина де ласъ Герреса — должности Министра Финансовъ, и представленіе Г. Мендисабаля Королевѣ-Правительницѣ. — Въ семъ послѣднемъ, между прочимъ, сказано: ,,Прибывъ снова въ отечество, я увидѣлъ, что представляющіяся мнѣ затрудненія достигли уже до такой степени, что для преодолѣнія ихъ силы мои не будутъ достаточны. — Но люди неукоризненной честности и правдивости старались убѣдить меня, что мой личный образъ мыслей совершенно согласенъ съ общественнымъ мнѣніемъ, и что отечество вполнѣ полагается на опытность и испытанную приверженность мою къ священному дѣлу, требующему теперь защиты т. е. престолу *Изабеллы II* и тѣмъ кореннымъ законамъ, которые составляютъ единственное условіе благоденствія Испаніи. — Мнѣніе этихъ людей было для меня ободреніемъ; — а воля Вашего Величества уничтожила всѣ мои опасенія. — Ваше Величество изъявили желаніе, чтобъ составлено было Министерство, которое способно было бы

удовлетворить всѣмъ законнымъ желанiямъ Испанцевъ и которое не теряя ни одного мгновенiя, съ рѣшимостiю привело бы въ исполненiе всѣ мѣры, необходимыя для успокоенiя страстей, для примиренiя умовъ, для соединенiя всѣхъ Испанцевъ однимъ и всеобщимъ стремленiемъ къ избавленiю отечества, къ водворенiю въ немъ благоденствiя и силы. — Образовавъ сильное, твердое, единодушное, особенно же отвѣтствующее за свои дѣйствiя, Министерство, которое утвердилось бы единомыслiемъ и одобренiемъ представительныхъ Палатъ, Правительство должно употребить всѣ свои силы на славное окончанiе, безъ посторонней помощи, междоусобной войны, продолженiе коей служитъ къ стыду Испанiи; на твердое устройство духовныхъ обществъ, нуждающихся въ важныхъ преобразованiяхъ; на оживленiе, или лучше сказать, на основанiе вновь Государственнаго кредита; наконецъ на огражденiе преимуществъ Престола, обязанностей и правъ подданныхъ; безъ чего всѣ надежды на общее благоденствiе будутъ обманчивы и тщетны. — Когда всѣ мы покоримся священному владычеству закона, тогда, не принося никакихъ важнѣйшихъ жертвъ, кромѣ тѣхъ, какiя законы на насъ возлагаютъ, — мы вскорѣ будемъ въ состоянiи воскликнуть: Испанiя спасена; Престолъ *Изабеллы II* и законы Государственные утверждены!"

26-го *Сентября.*

ИЗВѢСТIЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

Въ Мадритской газетѣ отъ 16 Сентября напечатаны декреты Королевы-Регентши отъ 14 числа о наименованiи, въ слѣдствiе отставки, поданной Графомъ Торено, Просереса Королевства Дона М. Рикардо

де Алава (бывшаго Посланника въ Лондонѣ) первымъ Государственнымъ Секретаремъ, Г. С. Иностранныхъ Дѣлъ и Президентомъ Совѣта Министровъ; Дона Марiана Квироса и исправляющимъ должность Военнаго Министра на мѣсто Графа Кастро-Торено; Министра Финансовъ Донъ-Алавареса Мендисабаля исправляющимъ должность Морскаго Министра на мѣсто Дона Сарторiо и Просереса Королевства Дона Рамона Хиля де ла Квадра Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на мѣсто Дона М. Рива де Геррера. Это Министерство есть, по замѣчанiю многихъ газетъ, выраженiе Оппозицiонной партiи въ Палатахъ.

Донъ Карлосъ, узнавъ что резервныя Кастильскiя дивизiи, подъ командою Генераловъ Эспелеты, Эспартеро и Iрiарте, и съ ними корпусъ Генерала Эванса, идутъ на Витторiю, выступилъ 8 ч. изъ Мурiеты и 10 былъ уже далѣе Дуранго по дорогѣ къ Аррогарiага. Англо-Христиносскiй корпусъ занималъ эту деревню, простираясь до окрестностей Бильбао. Аттака началась 11 ч.; бой продолжался 12 часовъ. Христиносы разбиты, прогнаны и лишились 2000 убитыми и раненными; въ томъ числѣ находятся 1500 Англичанъ; сверхъ того 500 ч. изъ нихъ взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ и Генералъ Эвансъ. Увѣряютъ, что всѣ плѣнные, въ томъ числѣ и Генералъ, разстрѣляны.

27-го *Сентября.*

IV.

МОДЫ.

Il parait que cet hiver les soieries seront pour la plupart brochées, ou tracées en diverses nuances; que le noir s'entremêlera au vert, au blanc, au rouge.

— Les femmes qui aiment toujours ces petits tabliers gracieux et commodes que l'on porte chez soi doivent s'abstenir de les prendre maintenant en foulard, ou en moire. Pour qu'un tablier soit encore de mise comme il faut, il doit être pour le moins en poult de soie noire, lilas ou vert, brodé en soie noire.

— Rien surtout n'est plus original en ce genre que les tabliers brodés en petits rubans formant relief.

Кажется, что нынѣшнею зимою шелковыя матеріи будутъ большею частію затканныя или съ разноцвѣтными полосками и что черный цвѣтъ будетъ мѣшаться съ зеленымъ, бѣлымъ или краснымъ.

— Женщины, которыя любятъ еще красивыя и покойныя переднички, носимые дома, не должны дѣлать ихъ изъ фуляра или море. Изящной передникъ долженъ быть покрайней мѣрѣ изъ пу де суа чернаго, лиловаго или зеленаго, вышитый чернымъ шелкомъ.

— Ничего не можетъ быть оригинальнѣе въ этомъ родѣ, передниковъ вышитыхъ узенькими лентами, образующими выпуклые рисунки.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 20 Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 40.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

АЛЬГАМБРСКАЯ РОЗА.

Мавры лишились Гренады и чрезъ нѣсколько времени этотъ великолѣпный городъ сдѣлался любимымъ пребываніемъ Испанскихъ Государей; но частыя землетрясенія, разрушившія нѣкоторыя зданія и поколебавшія древнія основанія башенъ, принудили ихъ изъ него удалиться.

Прошло много, много лѣтъ, а Гренада не могла дождаться царственныхъ посѣтителей. Чертоги вельможъ заперты, въ нихъ мертвая тишина; какъ забытая красавица, Альгамбра задумчиво грустила среди запущенныхъ садовъ. Инфантова башня, нѣкогда жилище трехъ прекрасныхъ Мавританскихъ Принцессъ, не избѣгла общаго опустошенія; паукъ затянулъ тамъ своею тканію позолоченные карнизы, летучія мы-

ши и совы поселились въ тѣхъ покояхъ, которые были когда-то украшены присутствіемъ Заиды, Зораиды и Зорахаиды. Суевѣрныя преданія сосѣдей были отчасти причиною запустѣнія этой башни. Носились слухи, будто душа юной Зорахаиды, погибшей на этомъ мѣстѣ, часто бывала видима у фонтана при лунномъ свѣтѣ, стонала на зубчатой стѣнѣ, и путникъ, торопливо пробираясь по долинѣ въ полночь, слышалъ звуки ея серебряной лютни.

Наконецъ Гренада была утѣшена прибытіемъ Короля. Всякій знаетъ, что Филиппъ V, первый изъ Бурбоновъ владѣлъ Испанскимъ скиптромъ. Всякій знаетъ, что онъ соединился вторичнымъ бракомъ съ прекрасною Елизаветою, или Изабеллою Пармскою; слѣдственно каждому извѣстно, что по случаю сего брака Французскій Принцъ и Италіанская Принцесса возсѣли вмѣстѣ на Испанскій тронъ. Для встрѣчи сей высокой четы Альгамбра была поправлена и украшена со всею возможною скоростію. Прибытіе двора перемѣнило видъ пустыннаго замка. Трубный звукъ, топотъ коней въ аллеяхъ и дворахъ, блескъ оружія и разноцвѣтныхъ знаменъ на бастіонахъ напомнили прежнюю, воинскую славу крѣпости. Какой-то пріятный воздухъ разлился по Королевскимъ палатамъ. Залы оживились отъ шуму шаговъ, пышныхъ одеждъ и жужжанія голосовъ вѣжливыхъ царедворцевъ; въ садахъ начали мелькать рѣзвыя фрейлины, пажи; своды огласились музыкой.

Въ монаршей свитѣ находился любимый пажъ Королевы Рюицъ де Аларконъ. Назвавъ его любимымъ пажемъ Королевы, мы уже произносимъ его похвалу, ибо всѣ приближенные гордой Елизаветы отличались ловкостію, красотою и прочими достоинствами. Ему было осьмнадцать лѣтъ, онъ имѣлъ стройный, гибкій станъ, подобный стану юнаго Антиноя. Онъ былъ скроменъ, почтителенъ предъ Королевой; но въ его груди билось пылкое сердце, придворныя дамы часто за него ссорились между собою, а онъ не по своимъ лѣтамъ умѣлъ имъ угождать.

Однажды утромъ этотъ проказникъ пажъ бродилъ по рощамъ Генералифскимъ, зеленѣющимъ вблизи Альгамбры, и для развлеченія взялъ съ собою любимаго кречета Королевы. Вдругъ предъ нимъ вылетѣла изъ кустовъ птичка, онъ приподнялъ колпачекъ, которымъ былъ прикрытъ кречетъ и далъ ему свободу. Хищникъ взвился подъ облако, бросился на добычу, но не догнавъ ее, полетѣлъ вдаль, не внимая голосу Аларкона. Пажъ слѣдилъ глазами за причудливымъ полетомъ бѣглеца, пока тотъ не спустился къ зубцамъ отдаленной, пустой башни, надъ внѣшнею стѣною Альгамбры, построенной на краю оврага, отдѣляющаго замокъ отъ Генералифскихъ луговъ. Это была *башня Принцессъ*.

Пажъ спустился въ оврагъ, подошелъ къ стѣнѣ, но тутъ не было входа и нѣтъ средства взлѣсть прямо на эту грозную высоту. Увидѣвъ въ сторонѣ крѣпостныя ворота, онъ сдѣ-

лалъ большой обходъ, чтобъ войти туда. Предъ башнею находился небольшой садъ, окруженный тростниковымъ заборомъ и миртами. Отворивъ калитку, пажъ прошелъ къ двери чрезъ цвѣтникъ, между розовыми кустами. Дверь заперта на ключь. Сквозь трещину видна внутренность небольшой Мавританской комнаты съ лѣпными украшеніями на стѣнахъ; потолокъ поддерживается тонкими мраморными колонами и алебастровой фонтанъ убранъ цвѣтами. Въ срединѣ виситъ золотая клѣтка, въ ней распѣваетъ птичка; подъ клѣткой стоятъ кресла; на креслахъ нѣжится пестрая кошка среди шелковыхъ клубковъ и женскихъ работъ; подлѣ фонтана лежитъ гитара, увязанная лентами.

Рюицъ былъ пораженъ признаками присутствія прихотливой женщины въ удаленной и, какъ онъ думалъ, въ пустынной башнѣ. Это напомнило ему волшебныя Альгамбрскія сказки; и пестрая кошка показалась очарованной царевной.

Онъ постучался въ дверь. Прелестное личико выглянуло изъ окна и тотчасъ скрылось. Онъ ждалъ, чтобъ ему отворили, но ждалъ напрасно: въ комнатѣ не было слышно шаговъ — все тихо. Можетъ быть, его обманывали чувства, или прекрасное видѣніе была сама волшебница? Онъ постучалъ опять, погромче. Немного погодя опять явилось ясное лицо цвѣтущей, пятнадцатилѣтней дѣвушки.

Пажъ снялъ шляпу, осѣненную страусовымъ

перомъ, и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ позволенія взойти на башню за кречетомъ.

»Я не смѣю отворить дверь, Сенноръ,« отвѣчалъ дѣвица зарумянившись: »тетушка мнѣ запретила это.«

— »Извините меня, прекрасная—это любимый кречетъ Королевы: я не смѣю явиться во дворецъ безъ него.«

— »Вы, конечно, царедворецъ?«

— »Такъ точно, красавица; но я долженъ лишиться милостей Государыни и мѣста, если потеряю сокола.«

— »Санта Марія! для васъ-то именно, для придворныхъ и приказала тетушка покрѣпче запирать двери.«

— »Для злыхъ людей, безъ сомнѣнія, но я не изъ ихъ числа: я простой, безвредный пажъ и если вы откажете моей просьбѣ, то это огорчитъ, погубитъ меня.«

Сердце дѣвушки тронулось горестію пажа. Ей стало жаль, если бѣдняжка въ самомъ дѣлѣ погибнетъ за то, что она отказала ему въ такой бездѣлицѣ. Онъ, вѣрно, не изъ числа тѣхъ опасныхъ существъ, которыхъ тетка описывала ей людоѣдами, и не изъ тѣхъ разбойниковъ, которые похищаютъ неопытныхъ дѣвушекъ; онъ такой тихій, скромный, такъ почтительно стоитъ безъ шляпы, такъ смотритъ мило.

Хитрецъ примѣтилъ, что гарнизонъ началъ колебаться и сталъ повторять свои просьбы

столь убѣдительно, что ни одна бы смертная не рѣшилась отказать ему; и такъ стыдливая хранительница башни сошла, трепещущею рукою отворила дверь и, если пажъ былъ очарованъ однимъ только взглядомъ, брошеннымъ на него изъ окошка, то вы можете себѣ представить, что съ нимъ сдѣлалось, когда этотъ прелестный образъ предсталъ ему въ полной красотѣ.

На ней былъ Андалузскій корсетъ; прозрачная мантія обрисовывала снѣжныя, дѣвственныя плечи; шелковыя волосы съ особеннымъ тщаніемъ раздѣлялись въ разныя стороны надъ высокимъ челомъ; въ нихъ была по неизмѣнному мѣстному обычаю вплетена свѣжая роза. Хотя лице ея загорѣло отъ лучей полуденнаго солнца, но эта смуглость еще возвышала пламень ея цвѣтущихъ ланитъ и блескъ влажныхъ очей.

Рюицъ де Аларконъ взглянулъ на нее и не могъ наглядѣться, невнятно прошепталъ нѣсколько словъ и потомъ быстро побѣжалъ по винтообразной лѣстницѣ отыскивать своего кречета.

Вскорѣ онъ возвратился, держа на рукѣ ослушника. Между тѣмъ дѣвица сѣла къ фонтану и начала разматывать шелкъ; но въ сильномъ волненіи уронила клубокъ на полъ. Пажъ въ минуту схватилъ его, сталъ на одно колѣно и почтительно подалъ красавицѣ; когда она протянула руку за клубкомъ, онъ поцѣловалъ ее такъ пламенно, такъ усердно, что врядъ ли когда такіе поцѣлуи доставались прекрасной рукѣ его повелительницы.

»Аве Марія, Сенноръ!« вскричала дѣвица, еще болѣе покраснѣвъ отъ смущенія и неожиданности, ибо никогда еще не видѣла такого привѣтствія.

Скромный пажъ оправдывался какъ умѣлъ, увѣряя ее, что при Дворѣ такимъ образомъ выражаютъ самое глубокое уваженіе и преданность.

Гнѣвъ ея, если она могла только сердиться, скоро простылъ, но волненіе и замѣшательство продолжались; она присѣла, лице ея пылало, глаза опустились на работу и, вмѣсто того, чтобы наматываться, шелкъ только путался въ рукахъ.

Смѣльчакъ увидѣлъ безпорядокъ въ непріятельскомъ станѣ, готовъ былъ воспользоваться имъ, но сладкія рѣчи, которыя онъ хотѣлъ произнести замерли на его устахъ, старанія быть любезнымъ остались тщетными, недѣйствительными и къ его удивленію, ловкій пажъ, который съ такою наглостію успѣвалъ при самыхъ опытныхъ, неприступныхъ, придворныхъ дамахъ, сталъ застѣнчивымъ, робкимъ въ присутствіи простой, пятнадцати-лѣтней дѣвочки.

И точно невинность и скромность простодушной дѣвушки оказали ей болѣе защиты, чѣмъ замки и крѣпкія рѣшетки предусмотрительной тетушки. Однако, скажите въ какой странѣ женское сердце устояло противъ обольщеній первой любви? При всемъ простодушіи красави-

ца въ мигъ поняла все, чего не могли объяснить трепещущіе уста юноши, и сердце ея забилось, увидя впервые у ногъ своихъ любовника — и какого любовника!

Робость пажа была непритворная, но онъ скоро оправился; онъ опять почувствовалъ прежнюю свою развязность и самонадѣянность, какъ вдали послышался хриплый голосъ тетки.

»Тетушка пришла отъ обѣдни!« повторяла испуганная дѣвушка. »Прошу васъ, Сенноръ, уйдите.«

— »Не уйду пока не отдадите мнѣ на память эту розу съ вашей головы.«

Она торопливо отколола розу отъ черныхъ своихъ волосъ. »Возьмите,« вскричала она въ страхѣ и замѣшательствѣ: »но ради Бога, скройтесь.«

Пажъ взялъ розу и прекрасная рука, подавшая ее, была покрыта поцѣлуями. Онъ положилъ цвѣтокъ въ шляпу, посадилъ кречета на руку, выбѣжалъ изъ комнаты чрезъ садъ и унесъ съ собою сердце милой Іасинты.

Подойдя къ красавицѣ, старушка тотчасъ примѣтила ея смущеніе и какой-то безпорядокъ въ комнатѣ; но все было объяснено однимъ словомъ, что кречетъ влетѣлъ туда, преслѣдуя добычу.

»Отецъ небесный! сюда прилеталъ кречетъ. Слыхана-ли такая смѣлость? Неужели и въ клѣткѣ нѣтъ безопасности для птицы!«

Старая, хитрая Фредегонда была самая

дѣятельная дуэна. Она питала странную недовѣрчивость къ существамъ, называемымъ ею »вражескимъ поломъ,« и эта недовѣрчивость постепенно усиливалась по причинѣ долгой, дѣвственной жизни. Нельзя подумать, чтобы старушка испытала какое нибудь горе отъ злыхъ мужчинъ. — Природа наградила ее такимъ лицемъ, которое спасло ее въ молодости отъ всѣхъ искушеній; но женщины, которымъ нечего бояться за себя, обыкновенно въ двое строже наблюдаютъ за другими.

Сиротка племянница была дочь воина, падшаго на полѣ чести; воспитывалась въ монастырѣ и не за долго предъ тѣмъ, изъ святаго убѣжища перешла подъ непосредственный присмотръ тетки, подъ благодѣтельною сѣнію коей она скромно прозябала, подобно распускающейся розѣ, ростущей среди терній. Впрочемъ, это сравненіе не совсѣмъ справедливо: ибо не смотря на затворническую жизнь Іасинты, нескромные взоры сосѣдей видѣли ея свѣжую, раждающуюся красоту и поэтическое воображеніе жителей Андалузіи назвало ее *Альгамбрской розою*.

Въ продолженіе всего времени, какъ Дворъ оставался въ Гренадѣ, старушка не спускала заботливыхъ взоровъ съ опасной племянницы и льстила себя мыслію, что строгость ея не напрасна. Иногда, конечно, ее тревожилъ звукъ гитары и нѣжные напѣвы, раздающіеся въ рощахъ подъ вечеръ, напротивъ башни; но она

увѣщавала красавицу не обращать вниманія на пѣсни праздныхъ людей, увѣряя, что это одна изъ хитростей, употребляемыхъ вражескимъ поломъ для пагубы неопытныхъ дѣвушекъ. Увы! къ чему ведетъ сухое нравоученіе, когда въ ушахъ дѣвушки звучитъ еще серенада при лунномъ свѣтѣ?

Наконецъ Король Филиппъ и вся его свита неожиданно оставили Гренаду. Хитрая Фредегонда съ нетерпѣніемъ ожидала, когда пышный поѣздъ скроется за Врата Правосудія и вышла на большую аллею, ведущую въ городъ. Послѣднее знамя пропало изъ виду; она пошла домой радуясь, что отдохнетъ отъ заботы. Къ величайшему ея удивленію красивый Арабскій конь рылъ копытами землю подлѣ садовой калитки: — она ужаснулась, когда сквозь розовыхъ кустовъ, увидѣла у ногъ племянницы юношу въ богатовышитой одеждѣ. Услышавъ ея шаги, онъ нѣжно простился съ дѣвицей, стрѣлою перелетѣлъ чрезъ тронстниковый заборъ и мирты, вскочилъ на коня и въ минуту исчезъ изъ глазъ.

Нѣжная Іасинта, утопая въ горести, забыла строгость тетки; рыдая бросилась въ ея объятія и залилась слезами:

»Несчастная! онъ уѣхалъ! онъ уѣхалъ! и я никогда его не увижу!«

— »Уѣхалъ! да кто жъ уѣхалъ? Кто этотъ юноша, котораго я застала у твоихъ ногъ?«

»Пажъ Королевы, онъ приходилъ со мной проститься.«

— »Пажъ Королевы!« прошептала Фредегонда едва внятнымъ голосомъ: »а давно ли ты завела съ нимъ знакомство!«

»Въ то утро, когда къ намъ прилеталъ кречетъ. Это былъ кречетъ Королевы и онъ приходилъ искать его.«

— »Ахъ ты, глупенькая! знаешь ли, что эти молодые, щеголеватые пажи вдвое опаснѣе кречетовъ: они-то и заманиваютъ въ свои силки такихъ неосторожныхъ пташекъ, какъ ты.«

Узнавъ, что не смотря на строгій присмотръ, въ ея собственномъ домѣ, почти подъ носомъ, завелись любовныя интриги, тетка разсердилась до крайности; потомъ когда увидѣла, что хотя ни замки, ни рѣшетки не спасли простодушную племянницу отъ козней вражескаго пола, но огнь испытанія не оставилъ на ней слѣдовъ, то утѣшилась убѣжденіемъ, что она одолжена этимъ твердымъ, чистымъ правиламъ, которыя умѣла внушить своей питомицѣ.

Пока тетка веселила себя этими мыслями, племянница не переставала думать о безконечныхъ клятвахъ въ вѣрности, слышанныхъ ею отъ пажа. Но что такое любовь походнаго, кочующаго человѣка? Быстрая рѣка, которая волной ласкаетъ прибрежный цвѣтокъ; волна отхлынетъ и на цвѣткѣ останется лишь влага.

Дни, недѣли, мѣсяцы прошли, а о пажѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Уже созрѣли померанцы, виноградъ собранъ, осенніе дожди шумятъ

потоками въ горахъ; Сіерра Невада покрылась снѣжнымъ одѣяніемъ, зимній вѣтръ свиститъ въ Альгамбрскихъ чертогахъ—а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Зима прошла. Геній весны опять явился, съ веселой пѣснью, благоухающимъ зефиромъ и цвѣтами; въ горахъ растаяли снѣга, одна лишь сѣдая вершина Невады серебрится въ знойный полдень. О вѣтренномъ юношѣ не слышно ничего.

Между тѣмъ бѣдная Іасинта начала блѣднѣть, задумываться. Прежнія ея игры, занятія, забыты, шелкъ спутанъ, гитара разстроена, цвѣты завяли; глаза когда-то ясные, теперь померкли отъ тайныхъ слезъ и любимая птичка въ клѣткѣ поетъ напрасно. Если уединенное жилище можетъ питать страсть влюбленной дѣвушки, то для нее всего приличнѣе Альгамбра, гдѣ все располагаетъ къ нѣжной, милой мечтательности. Это истинный рай для любовниковъ; но какъ должно быть грустно въ такомъ раю одиночество — не только одиночество, но даже забвеніе.

»Бѣдная, неразумная дѣвица!« ворчала сквозь зубы Фредегонда, когда смотрѣла на свою племянницу, погруженную въ отчаяніе — не предостерегала ли я тебя противъ злоумышленій этихъ обманщиковъ!—мужчинъ? Чего ты ждешь отъ гордаго, честолюбиваго рода — ты сирота, потомство забытыхъ, разоренныхъ предковъ. Будь увѣрена, что если юноша и пребылъ вѣрнымъ, то отецъ его, одинъ изъ надменнѣйшихъ вельможъ, не позволитъ ему соединиться съ бѣдною, неизвѣстною дѣвушкой. Вооружись твердостію и выбрось изъ головы эти вредныя мысли!

Слова мудрой Фредегонды лишь увеличили задумчивость Іасинты, но она рѣшилась скрыть это и грустила потихоньку. Въ поздній часъ лѣтней ночи, когда тетка ушла спать, она осталась одна въ комнатѣ, и сѣла къ алебастровому фонтану. Тутъ измѣнникъ въ первый разъ преклонилъ предъ ней колѣно и цѣловалъ ея руку; на самомъ этомъ мѣстѣ онъ повторялъ ей обѣты неколебимой вѣрности. Сердце бѣдной дѣвушки было удручено грустными, но милыми воспоминаніями, изъ очей заструились слезы и по каплѣ падали въ фонтанъ. Кристальная вода начала постепенно волноваться, зажурчала, закипѣла, полилась чрезъ край и глазамъ красавицы предсталъ образъ женщины, въ богатой Мавританской одеждѣ.

Іасинта испугалась, выбѣжала изъ комнаты и не смѣла возвратиться. Утромъ разсказала теткѣ видѣнное, но старушка сочла это за причуду разстроеннаго воображенія, или подумала, что она вздремнула надъ фонтаномъ. »Ты думала о повѣсти трехъ Мавританокъ, которыя нѣкогда жили въ нашей башнѣ и это пригрѣзилось тебѣ во снѣ.«

— »Какая повѣсть? я ее не знаю.«

— »Ты, вѣрно, слышала о трехъ Царевнахъ, о Заидѣ, Зораидѣ и Зорахаидѣ, которыя были за-

ключены сюда родителемъ Царемъ, и согласисились бѣжать съ тремя Христіанскими рыцарями. Двѣ старшія успѣли въ своемъ предпріятіи, а меньшая поколебалась въ намѣреніи и, какъ говорятъ, умерла въ башнѣ.«

— »Теперь вспомнила; я такъ плакала о судьбѣ доброй Зорахаиды.«

— »Плачь, мое дитя, о ея участи; любовникъ Зорахаиды былъ твой предокъ. Онъ долго стеналъ о своей милой Мавританкѣ, но время изцѣлило его горесть и онъ женился на Испанкѣ, отъ которой ведется твой родъ.«

Іасинта подумала: »Что я видѣла не призракъ воображенія, въ этомъ я увѣрена. Если я въ самомъ дѣлѣ слышала здѣсь стонъ души юной Зорахаиды, то чего же мнѣ бояться? Я буду ждать ее ночью у фонтана—можетъ быть, она опять явится.«

Около полуночи, когда все утихло, она сидѣла еще въ комнатѣ. Альгамбрскіе часы протяжно пробили двѣнадцать, фонтанъ заколыхался, прозрачная струя всплеснулась и Мавританка опять предстала ея взорамъ. Она была молода и прекрасна; одежда ея была усыпана драгоцѣнными камнями, въ рукѣ она держала серебряную лютню. Іасинта обомлѣла, задрожала какъ листъ, но скоро унылый, сладкій голосъ и блѣдное чело призрака, на которомъ выражалась доброта и задумчивость, возвратили ей бодрость.

»О чемъ грустишь, дочь смертнаго? зачѣмъ

льешь слезы въ мой фонтанъ, зачѣмъ твои жалобы и вздохи возмущаютъ ночную тишину?«

— »Я плачу отъ невѣрности мужчины, стенаю въ одиночествѣ и забвеніи.«

— »Будь твердою; горесть твоя можетъ пройти. Ты видишь предъ собой Мавританскую Царевну, которая подобно тебѣ, была несчастлива любовью. Христіанскій рыцарь, твой предокъ, овладѣлъ моимъ сердцемъ, онъ долженъ былъ увезти меня на свою родину и научить таинствамъ Православной вѣры. Душа моя постигала уже небо, но у меня не достало рѣшимости исполнить обѣтъ, я поколебалась. За то злой духъ получилъ власть надо мною, и я осталась очарованною въ этой башнѣ пока непорочная Христіанка не удостоитъ разрушить волшебство. Желаешь ли принять на себя эту обязанность?«

— »Желаю,« отвѣчала съ трепетомъ дѣвушка.

— »И такъ подойди ко мнѣ безъ страха; погрузи руку въ фонтанъ, окропи меня водою и окрести меня по обряду твоей вѣры; тогда очарованіе исчезнетъ и моя унылая душа найдетъ спокойствіе.

Дѣвица приблизилась робкими шагами, опустила руку въ фонтанъ, почерпнула воды ладонью и оросила ею блѣдное чело призрака.

Царевна улыбнулась съ невыразимымъ благоговѣніемъ: положила къ ногамъ Іасинты серебряную лютню, крестомъ сложила на груди свои бѣлоснѣжныя руки, стала превращаться въ тон-

кій паръ и наконецъ разсыпалась росистыми каплями въ фонтанѣ.

Іасинта вышла изъ комнаты, волнуемая страхомъ и удивленіемъ. Едва сомкнула глазки во всю ночь и когда на разсвѣтѣ опомнилась отъ безпокойнаго забытья, то сочла видѣнное тяжкимъ сномъ. Однако жъ утромъ ея видѣніе оказалось справедливымъ, ибо у фонтана лежала серебряная лютня и солнечные лучи весело играли на ея блестящей поверхности.

Она побѣжала разсказать теткѣ свое приключеніе и привела посмотрѣть на лютню, какъ на достовѣрное доказательство разсказа. Если старушка и колебалась въ сомнѣніяхъ, то они разсѣялись когда Іасинта взяла инструментъ и стала извлекать изъ него такіе очаровательные звуки, что даже тѣсная душа мудрой Фредегонды, это постоянное жилище холода, забилось свѣтлою радостію. Одни лишь сверхъестественные звуки могли произвести подобное явленіе.

Необыкновенное могущество лютни день ото дня усиливалось. Проходя мимо башни, путникъ останавливался и не смѣлъ перевести дыханія отъ восторга; даже птицы слетались на ближнія деревья, слушали въ очарованіи и забывали свои пѣсни.

Слава этого обстоятельства скоро разпространилась по окрестностямъ. Жители Гренады толпами приходили въ Альгамбру слушать восхитительную музыку, раздающуюся подъ сводами Инфантовой башни.

Наконецъ молодая музыкантша стала показываться въ свѣтъ изъ своей уединенной обители. Богатые и сильные вельможи на перерывъ приглашали ее къ себѣ и угощали; или каждый старался привлечь въ свой замокъ рой щеголей и модныхъ дамъ, помощію ея очарованной лютни. Куда бы она ни поѣхала, тетка являлась за ней конвоемъ, страшась толпы влюбленныхъ слушателей, которые были внѣ себя отъ юной волшебницы. Извѣстіе о ея необычайномъ искусствѣ передавалось изъ города въ городъ: Малага, Севилла, Кордова оспоривали ее между собою; во всей Андалузіи только и разговора было, что о прекрасной Альгамбрской дѣвицѣ-артисткѣ. Могло-ли быть иначе съ такимъ музыкальнымъ, страстнымъ народомъ, каковы жители Андалузіи, когда могущество лютни было волшебно, а сама обладательница оной одушевлена любовью?

Пока Андалузія сходила съ ума отъ музыки, иныя событія занимали Испанскій Дворъ. Извѣстно, что Филиппъ V былъ подверженъ странной ипохондріи и разнымъ причудамъ: иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ сряду не вставалъ съ постели, охая отъ какой нибудь мнимой болѣзни; иногда ему приходило въ голову отречься отъ престола, къ крайнему неудовольствію супруги, которая имѣла большую привязанность къ блеску Двора и короны и твердою, опытною рукою управляла скиптромъ слабоумнаго Короля.

Ничто такъ не разсѣевало недуговъ Короля, какъ дѣйствіе музыки; по этой причинѣ Елиза-

вета отвсюду собирала лучшихъ артистовъ и держала при Дворѣ славнаго Италіанскаго пѣвца Фаринелли, въ званіи Королевскаго врача.

Около того времени, которое мы описываемъ, разумъ знаменитаго ученостію Бурбона былъ отуманенъ причудою, превзошедшею всѣ его прежнія проказы. Послѣ продолжительной, мнимой болѣзни, предъ которой искусство Фаринелли и всего придворнаго оркестра оказалось тщетнымъ, Монархъ въ воображеніи отдалъ Богу душу и почиталъ себя совершенно умершимъ.

Еслибъ онъ оставался спокойнымъ какъ точно умершій человѣкъ, это бы еще ничего не значило, даже было бы нѣсколько удобно для Королевы и придворныхъ; но къ ихъ сожалѣнію онъ неотступно требовалъ, чтобы надъ нимъ совершили погребальный обрядъ, и къ невыразимому затрудненію сталъ горько жаловаться на ихъ безпечность, неуваженіе, что они его не хоронятъ. Ну что тутъ дѣлать? Ослушаться строгихъ приказаній Короля казалось непростительно для покорныхъ, безпрекословныхъ приближенныхъ — повиноваться и зарыть его живаго въ землю невозможно.

Среди общаго затрудненія, при Дворѣ пронесся слухъ о дѣвицѣ-артисткѣ, которая вскружила головы всей Андалузіи. Королева немедленно отправила посольство пригласить ее въ С. Ильдефонсъ, гдѣ тогда находилась Царская Фамилія.

Чрезъ нѣсколько дней, когда Королева прогуливалась съ придворными дамами по великолѣпнымъ садамъ, коихъ аллеи и террасы, украшенныя фонтанами, затмѣвали славу Версальскихъ садовъ, знаменитая музыкантша была ей представлена. Елизавета взглянула и удивилась, что такое скромное, юное существо могло надѣлать въ свѣтѣ столько шуму. Она робко стояла въ своей живописной Андалузской одеждѣ, съ серебряною лютнею въ рукахъ и опустивъ глаза въ землю; но свѣжесть ея красоты и кроткій видъ оправдывали ея названіе *Альгамбрской розы*.

Неизбѣжная Фредегонда по обыкновенію была при ней и на вопросъ Королевы изложила подробную исторію ея родства и происхожденія. Если прекрасной Елизаветѣ понравилась наружность Іасинты; то она приняла въ ней еще большее участіе, когда услышала, что она происходитъ отъ знатнаго, но разорившагося рода и что храбрый отецъ ея умеръ на Царской службѣ. »Если твое искуство согласно съ твоею извѣстностію, и ты можешь изгнать злаго духа, овладѣвшаго Государемъ, то я беру на себя устроить твое благополучіе; почести и богатство тебя ожидаютъ.«

Горя нетерпѣніемъ подвергнуть испытанію ея даръ, она повела ее въ покои грустнаго Монарха.

Іасинта стыдливо слѣдовала между рядовъ стражи и царедворцовъ. Наконецъ онѣ вступили

въ огромный покой, увѣшанный черною тканью. Чрезъ окна, заколоченныя на глухо, не проникалъ лучь солнца; множество желтыхъ восковыхъ свѣчь, въ серебрянныхъ канделабрахъ, разливали печальный свѣтъ, мрачно отражавшійся на безмолвныхъ лицахъ придворныхъ, которые въ траурной одеждѣ, съ поникшими главами, мелькали взадъ и впередъ. По срединѣ стоялъ смертный одръ, на которомъ лежалъ проказникъ Филиппъ, сложа крестомъ руки и только кончикъ его носа торчалъ изъ гроба.

Королева тихо взошла въ залъ, показала Іасинтѣ табуретъ въ темномъ углу и приказала начать. Сперва рука ея задрожала надъ струнами, но потомъ, укрѣпившись смѣлостію и увѣренностію, извлекла она такіе сладкіе, воздушные звуки, что присутствующіе съ трудомъ вѣрили, что предъ ними играетъ смертная. Король, полагая себя уже въ обители усопшихъ, принялъ эти звуки за пѣснь ангеловъ, или за надзвѣздную гармонію. Мало по малу мотивъ перемѣнился и дѣвица начала сопровождать игру свою голосомъ. Она запѣла старинную балладу о древней славѣ Альгамбры и Мавританскихъ временъ; вся душа ея перешла въ пѣснь, ибо воспоминанія объ Альгамбрѣ были связаны съ повѣстію ея любви. Траурный чертогъ огласился живыми звуками, которые проникли въ сердце печальнаго Филиппа. Онъ приподнялъ голову, посмотрѣлъ кругомъ, сѣлъ на одръ; глаза его запылали—наконецъ онъ

всталъ на ноги и громко требовалъ щита и оружія.

Торжество музыки, или скорѣй очарованной лютни, имѣло полный успѣхъ; демонъ задумчивости былъ изгнанъ, мертвецъ былъ возвращенъ къ жизни. Окна чертога отворились; яркій свѣтъ Испанскаго солнца разлился въ комнатѣ, незадолго предъ симъ наполненной мракомъ; всѣ взоры обратились на милую волшебницу, но лютня выпала изъ ея рукъ, сама она лежала распростертою на полу и чрезъ минуту находилась въ объятіяхъ Аларкона.

Вскорѣ послѣ того великолѣпно праздновался бракъ счастливой четы. Но... спроситъ читательница — чѣмъ оправдалъ Рюицъ свое долгое забвеніе? О, всему причиной гордый, несговорчивый отецъ. Знайте, что юноши, истинно любящіеся, тотчасъ поймутъ другъ друга и забудутъ всѣ прежнія вины при первой встрѣчѣ.

Да какъ же гордый старикъ отецъ согласился на этотъ бракъ?

Его затрудненія были побѣждены однимъ словомъ изъ устъ Королевы, особливо когда почести и награды посылались на ея цвѣтущую любимицу. Къ тому же лютня Іасинты, какъ вамъ извѣстно, обладала волшебною силою и могла привести къ покорности самую упрямую голову, самое нечувствительное сердце.

А что сдѣлалось съ лютней?

Вотъ это обстоятельство всего любопытнѣе и вполнѣ подтверждаетъ достовѣрность

моей повѣсти. Нѣкоторое время лютня оставалась въ семействѣ, но великій пѣвецъ Фаринелли похитилъ ее, какъ полагаютъ изъ зависти. По смерти его въ Италіи, она досталась въ другія руки, которыя, не вѣдая ея таинственной силы, перетопили ее въ слитокъ серебра; изъ этого серебра были сдѣланы струны старой Кремонской скрыпки. Въ струнахъ сохранился остатокъ очарованія. Шепну на ушко милой читательницѣ; только, чуръ секретъ — эти струны очаровываютъ свѣтъ на скрыпкѣ Паганини и какъ бы я желалъ, чтобъ онѣ перешли въ ваше форшепьяно!

Съ Анг. 9...: 11.....

II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ШИЛЛЕРЪ.

Домашній бытъ и образъ жизни, въ которомъ Шиллеръ провелъ первые годы своей юности, не благопріятствовали раннему развитію природныхъ способностей; но имѣли благодѣтельное вліяніе на расположеніе души его. Отецъ его былъ человѣкъ простой и безъ дальняго образованія, но съ душею сильною и благородною, съ характеромъ твердымъ и способнымъ къ практической жизни. Въ 1745 году онъ отправился фельдшеромъ съ Болгарскимъ Гусарскимъ полкомъ въ Нидерланды, и по недостатку надлежащихъ занятій отправлялъ въ тогдашнюю войну должность унтеръ-офицера, въ случаѣ назначенія небольшихъ отрядовъ на какое нибудь предпріятіе. По заключеніи Ахенскаго мира, часть полка, въ которомъ онъ служилъ, была распущена и онъ возвратился въ свое отечество, Виртембергское Герцогство, получилъ здѣсь новое мѣсто и въ 1757 году сдѣланъ былъ знаменоносцемъ и Адъютантомъ въ тогдашнемъ полку Принца Людовика. Этотъ полкъ принадлежалъ къ Виртембергскому вспомогательному корпусу, составлявшему въ походахъ семилѣтней войны часть Австрійской арміи. Въ Богеміи онъ претерпѣлъ зна-

чительный уронъ отъ сильной заразительной болѣзни, но отецъ Шиллера, ведя умѣренную и дѣятельную жизнь, остался здоровымъ и въ случаѣ нужды исправлялъ всякую должность, къ какой только былъ способенъ. Когда недоставало фельдшеровъ, онъ ухаживалъ за больными, когда не было духовныхъ, онъ заступалъ мѣсто чтеца и управлялъ при богослуженіи хоромъ.

Съ 1759 года онъ находился въ другомъ Виртембергскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Гессенѣ и Тюрингенѣ, гдѣ онъ употреблялъ все свободное время на то, чтобы собственными своими трудами, безъ всякой посторонней помощи, вознаградить недостатокъ тѣхъ свѣдѣній, которыхъ онъ не могъ пріобрѣсти по причинѣ неблагопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ. Онъ съ ревностію занимался Математикою и Философіею, но особенную прелесть имѣли для него занятія сельскимъ хозяйствомъ. Разсадникъ деревъ, разведенный имъ въ Людвигсбургѣ, гдѣ онъ по окончаніи войны стоялъ на квартирѣ въ званіи Капитана, имѣлъ самое счастливое для него послѣдствіе. Онъ подалъ поводъ тогдашнему Виртембергскому Герцогу препоручить ему надзоръ за гораздо большимъ заведеніемъ сего рода, устроеннымъ въ одномъ увеселительномъ Герцогскомъ замкѣ. Занимая это мѣсто, онъ вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ Герцога, пользовался его уваженіемъ, пріобрѣлъ любовь своихъ знакомыхъ, достигъ до глубокой старости и имѣлъ счастіе дожить до славы своего сына. Въ одномъ, сох-

ранившемся еще досель, своеручномъ сочиненіи его находится слѣдующее мѣсто объ этомъ сынѣ: »И ты, существо всѣхъ существъ! Я умолялъ тебя послѣ рожденія единственнаго сына моего, надѣлить его тѣми духовными дарами, которыми я не могъ пользоваться по недостатку воспитанія, и ты услышалъ меня. Благодарю меня, существо всеблагое, что внемлешь молитвамъ смертныхъ!«

Мать Шиллера, по описанію достовѣрныхъ лицъ, была кроткая, но умная и благородная женщина. Она мало имѣла времени заниматься чтеніемъ, но Геллертъ, какъ поэтъ духовный, былъ любимымъ ея поэтомъ. — Таковы были родители Шиллера! Сынъ ихъ, *Іоаннъ Христофъ Фридрихъ Шиллеръ*, родился 10 Ноября 1759 года въ Марбахѣ, небольшомъ Виртембергскомъ городкѣ на Неккарѣ. Отдѣльныя черты, сохранившіеся изъ юныхъ лѣтъ его, были доказательствами его чувствительности, набожности и скромности. Первое воспитаніе получилъ онъ отъ Пастора Мозера въ Лорхѣ, Виртембергскомъ пограничномъ селеніи, въ которомъ родители Шиллера находились въ продолженіи трехъ лѣтъ съ 1765 года. Сынъ сего Пастора, сдѣлавшійся въ послѣдствіи времени проповѣдникомъ, былъ первый другъ юности Шиллера и вѣроятно эта связь возбудила въ немъ наклонность къ духовному состоянію.

Семейство Шиллера переселилось 1768 года въ Людвигсбургъ. Здѣсь въ первый разъ девяти-

лѣтній юноша увидѣлъ театръ, и въ такомъ блестящемъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ находиться при пышномъ дворѣ Герцога Карла. Театръ сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе; предъ нимъ открылся новый міръ, къ которому стремились всѣ юношескія мечты его и уже тогда онъ замышлялъ планы для трагедій; но наклонность его къ духовному состоянію не уменьшилась.

До 1773 года онъ учился въ публичной Людвигсбургской школѣ, и тогдашніе товарищи его, безъ сомнѣнія, помнятъ веселый, рѣзвый и даже дерзкій характеръ Шиллера, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благородный его образъ мыслей и прилежаніе. Лестные отзывы объ немъ учителей обратили на него вниманіе Герцога, который основалъ тогда новое учебное заведеніе и искалъ для него воспитанниковъ между дѣтьми своихъ офицеровъ.

Принятіе Шиллера въ сіе заведеніе было такою милостію Государя, отъ которой отказываться отцу его было бы неблагоразумно; но онъ откровенно признался Герцогу, что намѣренъ посвятить своего сына состоянію, къ которому онъ не можетъ приготовиться въ семъ новомъ заведеніи. Герцогъ не оскорбился этимъ, но требовалъ чтобъ для сына его избранъ былъ другой предметъ занятій. Семейство Шиллера поставлено было въ большое затрудненіе, и самъ Шиллеръ колебался пожертвовать своею наклонностію отношеніямъ своего родителя; но наконецъ онъ рѣшился избрать Факультетъ Юриди-

ческій и 1773 года былъ принятъ въ это новое заведеніе. Еще въ слѣдующій годъ, когда назначено было каждому изъ воспитанниковъ сдѣлать описаніе своего собственнаго характера, Шиллеръ откровенно признавался: »что онъ считалъ бы себя гораздо счастливѣйшимъ, если бы могъ служить отечеству въ званіи Пастыря.«

И онъ уловилъ въ 1775 году случай, оставить покрайней мѣрѣ юридическія науки, не имѣвшія для него ничего привлекательнаго. Въ Институтѣ открытъ былъ новый Факультетъ —Медицинскій; Герцогъ предоставилъ на волю каждаго воспитанника выборъ онаго и Шиллеръ не замедлилъ воспользоваться своею свободою.

Въ Карловской школѣ явился первый опытъ его стихотвореній. Тщетно бы мы старались изъяснить надлежащимъ образомъ характеръ этихъ произведеній изъ духа тогдашняго времени. Причины, давшія такое направленіе уму его, остались по большей части неизвѣстны для насъ и только слѣдующія извѣстныя обстоятельства заслуживаютъ наше вниманіе въ семъ отношеніи.

Въ Карловской школѣ, равно какъ и въ большей части тогдашнихъ учебныхъ заведеній въ Германіи, мало занимались чтеніемъ Нѣмецкихъ Поэтовъ, почему Шиллеръ былъ еще не знакомъ съ большею частію отечественной Литературы; но тѣмъ съ большимъ усердіемъ онъ занимался твореніями нѣкоторыхъ любимыхъ своихъ писателей. Клопштокъ, Лессингъ, Гёте и Фонъ Герстенбергъ были друзьями его юности

На Нѣмецкомъ театрѣ начинала тогда проявляться новая жизнь. Лучшіе изъ писателей возстали на деспотизмъ моды и стремленіе къ холодной отдѣлкѣ. Они требовали, чтобы живое изображеніе страсти и характера, глубокій взоръ во внутренность души, богатство фантазіи и языка были главнымъ основаніемъ поэтическаго достоинства. Поэтъ, говорили они, долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ бы существомъ явившимся изъ горняго міра, не заботящимся о томъ, скоро ль или поздо онъ найдетъ достойный его пріемъ у своихъ современниковъ. Поэзія Нѣмецкая должна развиваться не чрезъ постороннее вліяніе, но сама собою, изъ внутренняго существа своего. Примѣры такаго образа мышленія должны были сильно подѣйствовать на юношу съ дарованіями Шиллера. Посему онъ особенно восхищался Гетевымъ Гецомъ фонъ Берлихингеномъ и Герстенберговымъ Уголино. Въ послѣдствіи времени онъ обратилъ вниманіе на Шекспира по совѣту тогдашняго своего учителя Абеля, оказавшаго ему вообще большія услуги. Съ поэтомъ Шубертомъ Шиллеръ не имѣлъ никакихъ тѣсныхъ связей; однажды только изъ участія къ судьбѣ его, онъ сдѣлалъ ему посѣщеніе въ Гогенаспергской крѣпости.

Эпическое стихотвореніе, *Моисей*, принадлежитъ къ числу самыхъ первыхъ опытовъ Шиллера 1773 года; нѣсколько позже явилась первая его трагедія, *Косьма Медицисъ*, по сюжету сходная съ Юліемъ Тарантскимъ Лейзевитца; нѣкоторыя мѣста изъ ней взошли послѣ въ трагедію *Разбойники*. Изъ сего періода, простирающагося до 1780 года мы не имѣемъ ничего болѣе изъ произведеній Шиллера, кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Швабскомъ Магазинѣ. Шиллеръ занимался тогда, по собственному своему побужденію, не однимъ только чтеніемъ поэтовъ; Біографіи Плутарха, сочиненія Гердера и Гарве были также любимымъ его занятіемъ, и замѣчательно, что онъ изучалъ Нѣмецкій языкъ преимущественно въ Лютеровомъ переводѣ Библіи.

Медициною занимался онъ съ ревностію, и желая исключительно посвятить ей два года, онъ отказался на это время отъ всѣхъ поэтическихъ занятій. Тогда онъ написалъ разсужденіе подъ названіемъ: *Философія Физіологіи*. Это сочиненіе послѣ переведено было имъ на Латинскій языкъ и представлено въ рукописи начальству, но оно не было напечатано. По окончаніи курса, 1780 года, онъ защищалъ другое разсужденіе: *Объ отношеніи Физической природы человѣка къ духовной*. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ немедленно опредѣленъ былъ полковымъ лекаремъ въ полкъ Augé, и современники его утверждали, что онъ отличался ловкостію и смѣлостію практика, но не пользовался въ равной мѣрѣ счастіемъ.

По прошествіи означеннаго времени, въ которое строгій обѣтъ разлучалъ его съ поэзіею,

онъ возвратился къ ней съ новою любовію. *Разбойники* и многія отдѣльныя стихотворенія, вскорѣ выданныя вмѣстѣ съ произведеніями нѣкоторыхъ друзей его подъ названіемъ Антологіи, написаны были въ 1780 годахъ. Эти годы принадлежатъ къ самымъ рѣшительнымъ годамъ жизни его.

Шиллеръ не могъ найти ни одного издателя для своихъ Разбойниковъ и долженъ былъ отпечатать ихъ ни свое иждивеніе. Тѣмъ пріятнѣе были для него первыя доказательства одобренія ихъ внѣ своего отечества. Надворный Совѣтникъ и книгопродавецъ Мангеймскій Шванъ просилъ его передѣлать это твореніе для тамошней сцены. Вскорѣ потомъ онъ получилъ подобное предложеніе, относящееся вмѣстѣ и до будущихъ драматическихъ произведеній его, отъ самаго Директора Мангеймскаго Театра Фрейгерна фонъ Дальберга. Отвѣтъ Шиллера на сіе предложеніе сохранился еще доселѣ: изъ него видно, какъ строго онъ судилъ самаго себя и какъ охотно соглашался на всякую перемѣну, въ необходимости коей убѣждали его; но эта уступчивость нисколько не походила на слабость, и при всемъ своемъ уваженіи къ лицу, съ коимъ имѣлъ дѣло, онъ сильно защищалъ въ главныхъ пунктахъ права своего творенія.

Письменные переговоры кончились къ взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ, и въ Генварѣ 1782 года Разбойники представлены были на Мангеймскомъ театрѣ. При первомъ и второмъ

представленіи, послѣдовавшемъ въ Маѣ того же года, присутствовалъ самъ Шиллеръ; но какъ онъ уѣхалъ въ Мангеймъ тайно, то это скоро открылось и онъ наказанъ былъ за это двухнедѣльнымъ арестомъ.

Въ тоже самое время Шиллеръ огорченъ былъ еще болѣе другимъ обстоятельствомъ въ Штутгардѣ. Это мѣсто въ Разбойникахъ оскорбило честь жителей Градбиндена и подало поводъ къ жалобамъ; посему Герцогъ запретилъ Шиллеру выдавать что либо въ свѣтъ, кромѣ однихъ только Медицинскихъ сочиненій. Это запрещеніе было для него тѣмъ тягостнѣе, что счастливый успѣхъ первой трагедіи его обѣщалъ ему лестную будущность. Онъ уже согласился съ Профессоромъ Абелемъ и Штутгардскимъ Библіотекаремъ Петерсономъ на изданіе Журнала подъ названіемъ: *Виртембергскій Репертоpіумъ литературы* и уже выдалъ въ первыхъ книжкахъ онаго нѣкоторыя свои сочненія, какъто: *О настоящемъ состояніи Нѣмецкаго театра*; *Прогулка подъ липами*; *Великодушный поступокъ изъ новѣйшей Исторіи* и разные разборы, особенно весьма строгій и пространный разборъ своихъ Разбойниковъ. Впрочемъ для Шиллера оставалось еще средство, ускользнуть отъ сего запрещенья, но онъ не рѣшился на это.

Въ послѣдствіи времени онъ сказывалъ самъ, что Герцогъ былъ недоволенъ тогда, не занятіемъ его поэзіею вообще, но особеннымъ только родомъ ея. Какъ Государь образованный во всѣхъ

отношеніяхъ, Герцогъ уважалъ каждый родъ искусства и ему безъ сомнѣнія пріятно было видѣть отличнаго поэта, вышедшаго изъ Карловской школы. Но онъ не рѣдко находилъ въ произведеніяхъ Шиллера мѣста соблазнительныя, не согласныя съ чистымъ вкусомъ. Впрочемъ онъ не оставилъ поэта безъ вниманія, но призвалъ его къ себѣ, увѣщевалъ его отечески и требовалъ только того, чтобы онъ показывалъ ему всѣ поэтическія свои произведенія. Шиллеръ не могъ не тронуться его увѣщаніями, но ему трудно было согласиться на такое условіе; онъ отказался и этотъ отказъ естественно не понравился Герцогу. При всемъ томъ Герцогъ и послѣ сего, кажется, принималъ еще живѣйшее участіе въ судьбѣ Шиллера; по крайней мѣрѣ онъ не употреблялъ никакихъ строгихъ мѣръ противъ него. Шиллеръ въ послѣдствіи тайно удалился изъ Штутгарда и это удаленіе не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій для отца его; равнымъ образомъ онъ еще при жизни Герцога прибылъ опять на свою родину, видѣлся съ своими родителями и не встрѣтилъ никакихъ препятствій со стороны правительства.

Представленіе Разбойниковъ на Мангеймскомъ театрѣ, гдѣ сценическое искуство казалось на высокой степени, и особенно игра Ифланда въ роли Франца Мора, воодушевили Шиллера. Лестный пріемъ его въ семъ городѣ обѣщалъ ему прекрасную поэтическую будущность и онъ не могъ противостоять ея прелестямъ. Но

ему хотѣлось оставить Штутгардъ съ позволенія Герцога. Онъ надѣялся исходатайствовать сіе позволеніе посредствомъ Фрейгерна фонъ Дальберга, и просилъ его объ этомъ въ письмахъ своихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ. Но тутъ встрѣтились затрудненія; нетерпѣніе же Шиллера часъ отъ часу увеличивалось, и наконецъ онъ рѣшился оставить отечество свое тайно. Для сего избралъ онъ въ Октябрѣ 1782 такое время, когда все въ Штутгардѣ занято было торжествомъ, происходившимъ по случаю прибытія тогдашняго Россійскаго Великаго Князя, а въ послѣдствіи Императора Павла I-го.

Подъ чужимъ именемъ Шиллеръ пробрался въ Франконію, и остановился въ Бауербахѣ недалеко отъ Мейнунгена, въ одномъ помѣстьѣ Тайной Совѣтницы фонъ Вольцогенъ, радушнымъ пріемомъ которой онъ обязанъ былъ прежнимъ связямъ своимъ съ ея сыномъ, учившимся вмѣстѣ съ нимъ въ Штутгардѣ. Со всею безпечностію и съ ненарушимымъ спокойствіемъ предался онъ здѣсь своимъ поэтическимъ занятіямъ и плодами настоящей дѣятельности его были: *Заговоръ Фіеско*, *Коварство и Любовь*, твореніе начатое еще подъ арестомъ въ Штутгардѣ и первая идея *Донъ Карлоса*. Наконецъ въ Сентябрѣ 1783 года онъ оставилъ сіе жилище, переѣхалъ въ Мангеймъ и вступилъ въ тѣснѣйшую связь со здѣшнимъ Театромъ.

При всякомъ вступленіи своемъ въ новыя связи, Шиллеръ любилъ заниматься обширными

планами. Въ Мангеймѣ онъ ожидалъ большихъ успѣховъ на поприщѣ искусства. Онъ сдѣланъ былъ членомъ тогдашняго Курфальцскаго общества, окруженъ людьми, подававшими большія надежды на дѣятельное участіе и уже начертанъ былъ планъ для большаго усовершенствованія Мангеймскаго Театра при помощи драматургическаго общества. Но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе; по крайней мѣрѣ Шиллеръ одинъ стремился къ сей цѣли и для сего назначилъ часть періодическаго изданія, предпринятаго имъ въ 1784 году подъ названіемъ: *Рейнская Талія.* Въ объявленіи сего періодическаго изданія онъ съ дѣтскою довѣренностію бросается въ объятія публики и выражается слѣдующими словами: »Всѣ связи мои съ сихъ поръ рушились. Публика теперь для меня все, моя школа, мой повелитель, мой другъ. Ей одной я принадлежу теперь; ея суду одному подлежу, ее только спрашусь, ее уважаю и больше никого. Что то великое возбуждается въ душѣ моей при одной мысли, быть свободнымъ отъ всѣхъ узъ и внимать одному только приговору свѣта, — не имѣть надъ собою никакого высшаго суда и судиться только предъ трономъ души человѣческой. — Пусть потомство презритъ писателя, который не былъ тѣмъ что его творенія — и я признаюсь, что при изданіи сей Таліи главная цѣль заключить *союзъ дружбы* между мною и публикою.

Къ числу драматическихъ предметовъ, занимавшихъ Шиллера во время пребыванія его

во Франконіи и Мангеймѣ, принадлежитъ Исторія Конрадина Швабскаго и вторая часть Разбойниковъ, долженствовавшая согласить разногласія сей трагедіи. Въ это же время родилась въ немъ мысль, переработать Шекспирова Макбета и Тимона для сцены Нѣмецкой. Но наконецъ онъ принялся за своего *Донъ Карлоса* и нѣкоторыя сцены изъ него явились въ первой книжкѣ Таліи.

По случаю сихъ сценъ, читанныхъ при Дворѣ Гессенъ-Дармштадскаго Ландграфа, Шиллеръ сдѣлался извѣстнымъ Саксенъ-Веймарскому Герцогу и удостоенъ былъ отъ него титломъ Совѣтника. Эта честь, оказанная Государемъ, любимцемъ музъ, отличавшимся превосходнымъ вкусомъ къ изящному, послужила Шиллеру большимъ одобреніемъ и въ послѣдствіи времени имѣла самыя важныя для него послѣдствія.

Въ Мартѣ 1785 года онъ прибылъ въ Лейпцигъ. Здѣсь ожидало его общество друзей, пріобрѣтенныхъ прежними его произведеніями и находившихся въ счастливомъ положеніи. Въ числѣ сихъ друзей находился и Губеръ, столь рано похищенный смертію. Шиллеръ самъ развеселился въ этомъ пріятномъ обществѣ и прожилъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцовъ въ Голисѣ, деревнѣ близъ Лейпцига. Въ это время написана была *Пѣснь радости.*

Съ наступленіемъ осени Шиллеръ переселился въ Дрезденъ и оставался здѣсь до Іюля 1787 года. Донъ Карлосъ не только былъ здѣсь

доконченъ, но и получилъ совершенно новый видъ. Шиллеръ часто разскаявался, что помѣстилъ нѣкоторыя сцены въ Таліи до окончанія всего творенія. Въ продолженіе сего труда онъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ искусствѣ, требованія сдѣлались строже и первоначальный планъ сего творенія столь же мало удовлетворялъ его, какъ и самый образъ исполненія его въ первыхъ напечатанныхъ сценахъ.

Очеркъ трагедіи: *Врагъ людей* и нѣкоторыя изъ сценъ относятся также къ сему періоду. Мелкихъ стихотвореній его явилось тогда немного. Шиллеръ слишкомъ занятъ былъ частію своимъ періодическимъ изданіемъ, частію возбудившимся въ немъ желаніемъ, положить прочное основаніе своему независимому существованію на другомъ какомъ нибудь поприщѣ дѣятельности, кромѣ области поэзіи. Онъ колебался нѣсколько времени между Медициною и Исторіею, и наконецъ избралъ послѣднюю. Приготовляясь къ творенію Донъ Карлоса, онъ замѣтилъ богатый предметъ для Историка въ *отпаденіи Нидерландовъ при Филиппѣ II*; почему онъ началъ собирать матеріалы для обработанія сего предмета. Тогда же онъ рѣшился издать исторіи замѣчательныхъ революцій и заговоровъ; но онѣ вышли въ свѣтъ въ одной только части, гдѣ есть статьи и самаго Шиллера.

Въ это время игралъ важную роль во Франціи Каліостро, этотъ чудный человѣкъ, о которомъ было столько разсказовъ, что Шиллеръ рѣшился избрать его героемъ своего Романа и составилъ себѣ идею о *Духовидцѣ*. Хотя не было никакой вѣрной исторіи, которая бы могла служить основаніемъ въ семъ случаѣ и Шиллеръ не былъ знакомъ ни съ однимъ тайнымъ обществомъ; но онъ хотѣлъ испытать свои силы въ этомъ родѣ. Впрочемъ сіе сочиненіе скоро наскучило ему и осталось неоконченнымъ, вѣроятно потому, что онъ не хотѣлъ раздражить любопытство публики, ибо цѣлію его было высшее вліяніе на публику.

Въ 1787 году прибылъ онъ въ Веймаръ. Гёте путешествовалъ тогда по Италіи, но вмѣсто него приняли его съ радостію Гердеръ и Виландъ. Первый для него былъ чрезвычайно привлекателенъ, но дружеское расположеніе къ нему втораго произвело еще сильнѣйшее дѣйствіе на чувствительное сердце Шиллера. Онъ писалъ тогда къ своему другу: »Мы заживемъ прекрасно, Виландъ не старъ, когда онъ любитъ.«

Столь тѣсныя отношенія подали поводъ къ приглашенію Шиллера участвовать въ продолжавшемся изданіи Нѣмецкаго Меркурія. Мысль, дать болѣе новый и занимательный видъ сему новому періодическому изданію, принята была Виландомъ съ величайшею радостію. У Шиллера не было недостатка въ дѣятельности, и онъ отдалъ въ Меркурій за 1788 и 1789 годы *Боговъ Греціи*, *Художниковъ*, отрывокъ Нидерландской Исторіи, письма о Донъ Карлосѣ и нѣко-

торыя другія прозаическія сочиненія: сіи годы принадлежали къ самымъ обильнымъ жатвою и въ то же время отличавшимся статьями Гёте, Канта, Рейнгольда и Гердера.

Еще въ 1787 году Шиллеръ приглашенъ былъ въ домъ своей благодѣтельницы, такъ радушно принявшей его къ себѣ по удаленіи его изъ Штутгарда. На пути, предпринятомъ имъ по чувству искренней благодарности и уваженія къ сей особѣ, онъ провелъ нѣсколько времени съ большимъ удовольствіемъ въ Рудольфштадтѣ, свелъ здѣсь интересное знакомство и въ первый разъ увидѣлъ дѣвицу Ленгефельдъ, свою будущую супругу.

Спустя нѣсколько недѣль по возвращеніи своемъ оттуда, онъ писалъ своему другу: »Мнѣ нуженъ проводникъ, посредствомъ котораго бы я могъ наслаждаться иными удовольствіями. Дружба, вкусъ, истина и красота будутъ дѣйствовать на меня сильнѣе, когда непрерывный видъ кроткихъ семейныхъ чувствованій будетъ располагать меня къ удовольствіямъ и когда снова растаетъ застывшее существо мое. До сихъ поръ я блуждалъ съ одного мѣста на другое одинъ одинёхонекъ, жилъ какъ чужой на землѣ и не имѣлъ у себя ничего кромѣ собственности.— Теперь я жажду быть гражданиномъ, человѣкомъ семейственнымъ. — Съ давняго времени я уже не ощущалъ никакого полнаго счастія и не ощущалъ не потому, чтобы недоставало средствъ къ сему, но потому, что я болѣе гонялся за

удовольствіями, нежели наслаждался ими, ибо мнѣ недоставало той постоянной, той тихой пріемлемости удовольствій, которая есть плодъ спокойствія семейственной жизни.«

Окрестности Рудольфштадта такъ плѣнили Шиллера, что онъ рѣшился провести тамъ все лѣто 1788 года. Съ Мая и до Ноября онъ жилъ въ Фольксштадтѣ, наслаждаясь сельскою жизнію, частію въ самомъ Рудольфштадтѣ, гдѣ домъ семейства Ленгефельдъ было почти ежедневнымъ мѣстомъ его посѣщеній. Въ Ноябрѣ писалъ онъ: »Для меня трудно разстаться съ Рудольфштадтомъ. Я провелъ здѣсь столько прекрасныхъ дней и заключилъ столь священный союзъ дружбы.«

Во время пребыванія своего въ Рудольфштадтѣ, Шиллеръ въ первый разъ увидѣлся съ Гёте. Нетерпѣніе его доведено было до высшей степени, частію отъ прежнихъ впечатлѣній, сдѣланныхъ на него твореніями Гёте, частію отъ той молвы, которой онъ наслышался въ Веймарѣ объ его личности. Гёте явился въ одномъ многочисленномъ обществѣ съ веселымъ челомъ и съ разсказами о своемъ путешествіи по Италіи, изъ которой онъ лишь только возвратился; но его спокойствіе, его равнодушіе къ Шиллеру, сидѣвшему противъ него съ чувствомъ непреодолимаго влеченія къ нему, было нѣсколько обидно для перваго.

(Окончаніе впредь.)

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Комитетъ Гг. Министровъ, выпискою изъ журналовъ своихъ, отъ 30-го Іюля и 28-го Августа сего года, далъ знать Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что согласно Положенію онаго, въ слѣдствіе представленія Г. Министра состоявшемуся, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: »1) Всѣмъ воспитанникамъ Благородныхъ Пансіоновъ при Гимназіяхъ, которые содержатся на счетъ Государственнаго Казначейства, если они не перейдутъ въ Университетъ для дальнѣйшаго образованія, поставить въ обязанность прослужить шесть лѣтъ по гражданской части, въ той самой губерніи, гдѣ находится Гимназія. 2) Распространить сіе же правило на тѣхъ воспитанниковъ Пансіоновъ при Гимназіяхъ, которые содержатся на счетъ пожертвованныхъ дворянствомъ капиталовъ и денежныхъ отъ сего сословія взносовъ съ требованіемъ, чтобы въ случаѣ перехода ихъ въ Университетъ, съ содержаніемъ изъ того же источника, они возвращались, по окончаніи полнаго курса, въ свои губерніи, для вступленія въ гражданскую службу и продолженія оной въ теченіе по крайней мѣрѣ *шести* лѣтъ.« Сентября 23 дня, 1835 года.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, объявленномъ Правительствующему Сенату Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Сентября 16-го числа, изображено: »Прусскій

подданный Шведерскій, представивъ, въ прошломъ году, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, проектъ объ учрежденіи въ Россіи Общества на акціяхъ, для застрахованія пожизненныхъ и другихъ срочныхъ доходовъ и денежныхъ капиталовъ, испрашивалъ дозволенія приступить къ открытію сего Общества, съ присвоеніемъ оному нѣкоторыхъ исключительныхъ преимуществъ. Дѣло о семъ предположеніи Шведерскаго, вмѣстѣ съ представленнымъ имъ проектомъ Устава означеннаго Общества, внесено имъ Г. Министромъ на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, который въ Департаментѣ Экономіи и Общемъ Собраніи разсмотрѣвъ представленіе его, и принявъ въ уваженіе пользу, какую въ видахъ государственныхъ могутъ приносить подобныя частныя компаніи — возбужденіемъ движенія капиталовъ, Мнѣніемъ положилъ: 1-е, дозволить Шведерскому учредить по акціямъ помянутое Общество на правилахъ Устава, Государственнымъ Совѣтомъ разсмотрѣннаго и по замѣчаніямъ его исправленнаго; 2-е, даровать Обществу сему нижеслѣдующія, въ Уставѣ его включенныя, преимущества: а) исключительное право въ продолженіе двадцати лѣтъ, со дня утвержденія Общества, принимать въ Имперіи помянутыя выше страхованія, съ тѣмъ однако, чтобы кассы собственно сберегательныя, равно какъ и существующія нынѣ при Евангелическихъ церквахъ и приходскихъ училищахъ Общества, выдающія пенсіи и единовременныя пособія вдовамъ, а также другія подобныя симъ, имѣющія впредь учредиться, безпрепятственно производили свои дѣйствія, и б) изъятіе въ теченіе означеннаго срока капиталовъ Общества отъ всякаго налога, за исключеніемъ токмо пошлины въ пользу казны, по двадцати пяти копѣекъ (считая на ассигнаціи) въ годъ съ каждой тысячи рублей единовременныхъ, пла-

шимыхъ Обществомъ капиталовъ, и полупроцента съ производимыхъ имъ ежегодно пожизненныхъ доходовъ. На таковомъ Мнѣніи Государственнаго Совѣта собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „*Быть по сему.*" Въ Калишѣ, 4-го Сентября 1835. — Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, донося о семъ Правительствующему Сенату, для учиненія со стороны онаго распоряженія объ обнародованіи вышеизъясненнаго Высочайше утвержденнаго Мнѣнія Государственнаго Совѣта, присовокупилъ, что по сдѣланному Шведерскимъ приглашенію, изъявили согласіе на принятіе званія Директоровъ въ учреждаемомъ имъ Обществѣ: Гг. Генералъ-Адъютанты Графы Бенкендорфъ и Строгановъ, Тайный Совѣтникъ Булгаковъ и С. Петербургскіе купцы 1-й гильдіи Плиттъ и Карръ, и какъ, по силѣ особаго Постановленія Государственнаго Совѣта, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія 15-го Апрѣля текущаго года, представленный Шведерскимъ Уставъ Общества долженъ быть подписанъ имъ и прочими учредителями, принявшими на себя званіе Директоровъ, то и дано имъ, Г. Министромъ, знать Шведерскому объ учиненіи таковой подписи означенными лицами, по исполненіи чего, онъ, Г. Министръ, не замедлитъ представить сей Уставъ въ Правительствующій Сенатъ, для опубликованія онаго во всеобщее извѣстіе.

— Высочайшимъ Приказомъ 12-го Сентября, въ Калишѣ, уволенъ въ отпускъ Генералъ-Адъютантъ, Генералъ Лейтенантъ, Графъ Ностицъ, къ Теплицкимъ минеральнымъ водамъ, для излеченія болѣзни.

Англія.

Въ засѣданіи Муниципальнаго совѣта города Лондона, Г. Вильямсъ представилъ докладъ Коммитета объ издержкахъ, требуемыхъ разными муниципальными должностями. Въ этомъ докладѣ сказано, что одна должность Лорда-Мера стоитъ городу 25.000 или даже 30000 ф. ст. (750.000 р.) Лордъ-Меръ отвѣчалъ, что это ложное обвиненіе; что если бы захотѣли разсмотрѣть этотъ вопросъ тщательно, то убѣдились бы, что Лордъ-Меръ не стоитъ городу и половины этой суммы, и что эти слухи распространяютъ только для того, чтобы уронить въ общемъ мнѣніи званіе Лорда Мера. Гг. Тайлоръ и Виллямсъ защищались отъ этого обвиненія и первый сказалъ, что никто не думалъ о томъ, чтобы унизить или уничтожить званіе Лорда-Мера, но что желательно, чтобы на эти мѣста были опредѣляемы люди честные, которые не тратили бы болѣе того, что нужно для выполненія должностей ихъ.

Войска, находящіеся въ Ирландіи, и оставшіяся безъ командира, по случаю возведенія Сира Гуссея Вивіана въ званіе Гросмейстера Артиллеріи, поступятъ, какъ говорятъ, подъ начальство Генералъ-Лейтенанта Лорда Эльмера, котораго ожидаютъ изъ Канады.

Въ Гибралтарѣ умеръ тамошній Комендантъ, Генералъ Графъ Чатамъ. Онъ былъ старшій братъ знаменитаго Вилльяма Питта и съ нимъ пресѣклось титло Графовъ Чатамовъ.

Государственные доходы, собранные въ годъ, окончившійся 5 Іюля 1835, составляютъ сумму, которая 1.758.886 фунтами стер. менѣе такой же суммы предыдущаго года. Отмѣненіе разныхъ таксъ есть главная причина этого недобора, предвидѣннаго и столь мало ослабившаго средства Казначейства, что въ текущемъ году могутъ быть сдѣланы новыя умень-

шенія подашей. Съ другой стороны общественныя тягости облегчены также сокращеніемъ долга; это сдѣлано посредствомъ операцій, обыкновенныхъ въ Англійскомъ Казначействѣ: превращеніемъ части пятипроцентныхъ займовъ въ четырехпроцентные и сихъ послѣднихъ въ тѣ, за которые платится по 3, 10 ш. на сто, произведенныя каждые четыре года, именно въ 1822, 26, 30 и 34 годахъ, проценты государственнаго долга уменьшены важною суммою 2.355.845 ф. ст. (58.896.195 р.). По случаю преній о пошлинѣ съ оконъ, сдѣлано было изсчисленіе домовъ въ Англіи и Южномъ Валлисѣ и оказалось, что домовъ, имѣющихъ отъ 10 до 15 оконъ 137.082; отъ 15 до 20-ти, 54.616; отъ 20 до 30-ти, 38.610; отъ 30 до 40-ка 10.946; отъ 40 до 50-ти 4.355; отъ 50 и болѣе 5.311.

Общая сумма объявленной цѣны вывезенныхъ изъ Англіи товаровъ составляла съ 1833 по 1834 годъ 34.489.384 ф. ст. съ 1834 по 1835-ый 36.541.916 ф. ст. (913.548.350 р.).

Франція.

Въ газетѣ Bon Sens говорятъ слѣдующее о дѣлѣ Фіески: »Constitutionnel увѣряетъ, будто Морей не разъ покушался лишить себя жизни и наконецъ рѣшился уморить себя голодомъ; можемъ поручиться, что свѣдѣнія, полученныя этою газетою, несправедливы; Морей ѣстъ, пьетъ и спитъ какъ нельзя лучше; онъ изъявляетъ полную надежду, что Судъ Перовъ не положится на показанія такого человѣка, каковъ Фіески.« Въ той же газетѣ утверждаютъ, что процессъ Фіески начнется не прежде Декабря, по окончаніи суда надъ Апрѣльскими обвиненными, потому что не смотря на арестованіе Г. Пепена, слѣдствіе по дѣлу Фіески нисколько не подвинулось впередъ.

26 Сентября сдѣлана была очная ставка Фіески съ Г. Пепенемъ, въ присутствіи Гг. Пакье и Порталиса, одного офицера муниципальной гвардіи и нѣсколькихъ Полицейскихъ чиновниковъ.

Въ Ториньи данъ былъ, въ честь Г. Одилона-Барро обѣдъ, на которомъ присутствовали 300 ч. тамошнихъ избирателей. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой изъявилъ надежду, что всѣ оппозиціонныя партіи соединятся противъ нынѣшняго Министерства.

Обсерваціонная армія на Пиренейской границѣ, сосредоточившаяся у хребта горъ, когда носились слухи о вооруженномъ посредничествѣ со стороны Франціи, теперь снова заняла прежнія свои позиціи.

Испанскія дѣла.

Увѣряютъ, что Королева-Регентша получила донесеніе Генерала Алавы о согласіи его принять званіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ и о томъ, что онъ отказывается отъ званія Президента Совѣта.

Въ Мадритѣ господствуетъ совершенное спокойствіе. Генералъ Квирога и Депутатъ Чаконъ отправлены для переговоровъ съ войсками, посланными подъ начальствомъ Графа де ласъ Наваса противъ Мадрита Провинціяльными Юнтами. Они уполномочены признать Юнты, въ качествѣ сословій совѣщательныхъ. Г. Мендисабаль требуетъ немедленнаго вступленія въ Испанію вспомогательнаго Португальскаго Корпуса. — Королева-Регентша наименовала Генералъ-Капитанами и комендантами войскъ: въ Каталоніи Мину; въ Гренадѣ Квирогу; въ Картагенѣ О'Дали; въ Андалузіи Эспиносу; въ Аррагоніи Палафокса; въ Галиціи Кордову; въ Эстремадурѣ Родиля; въ Валенсіи Караталу. — Юнта, учредившаяся въ Валенсіи и принявшая назва-

ніе Правительственой, уничтожена по возстановленіи городовою милиціею порядка, нарушеннаго ультра-либеральною партіею, которая принудила Графа Альмодавара скрыться на кораблѣ, чтобы избѣжать ея неистовствъ. — Губернаторы въ Альбаестѣ, Куэнсѣ, Сіудадреалѣ, Толедѣ, Бадахосѣ, Салересѣ, Валладолидѣ, Саламанкѣ, Соріи, Севиллѣ, Леонѣ, Сеговіи, Сантандерѣ и Аликантѣ, прислали донесенія о полученіи отношенія Г. Мендисабаля и увѣряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей покорности правительству Королевы Регентши. Въ Мадритѣ надѣются, что и прочіе города послѣдуютъ этому примѣру.

3-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

4-го Октября.

IV.

МОДЫ.

Il n'est guère de changemens notables dans la forme des robes. Ce sont toujours des jupons longs et amples, des manches larges, des corsages le plus souvent croisés et drapés, et pardessus tout cela, des pélerines rondes, carrées, à pointe, ouvertes ou fermées, selon le degré d'élégance de la toilette.

— Il faut observer au reste à propos de pélerine que cet accessoire n'est point un objet de rigueur, ni une exigence de la mode. Les femmes dont les formes sont parfaites ou la taille mince se dispensent de ces pélerines.

— Les nuances les plus adoptées pour douillettes et redingotes sont bleu Haïti, marron, cendre de chêne, ardoise, vert myrte, suie, etc.

— Le blanc roux est à la mode et se soutiendra pour les chapeaux en satin. Il parait que les chapeaux seront cet hiver larges, evasés, tombant asses bas sur les joues pour se rejoindre sous le menton.

Въ покроѣ платьевъ не замѣтно большихъ перемѣнъ. По прежнему видны все длинныя и широкія юбки, широкіе рукава, корсажи большею частію перекрещенные и драпированные и сверхъ всего этого пелеринки круглыя, четыреугольныя, съ уголками, открытыя или закрытыя, смотря по степени изящности туалета.

— Въ отношеніи къ пелеринкамъ надобно однакожъ замѣтить, что эта принадлежность туалета не

есть необходимость, и не принадлежитъ къ непремѣннымъ требованіямъ моды. Женщины, которыхъ формы совершенны и талія тонка, не носятъ пелеринокъ.

— Для платьевъ на ватѣ и редингошовъ приняты цвѣта: синій Гаитскій, каштановый, дубоваго пепла, аспида, зеленый миртовый, сажи, и проч.

— Рыжевато-бѣлый цвѣтъ въ большой модѣ и будетъ употребляться на атласныхъ шляпкахъ. Кажется, что шляпки будутъ нынѣшней зимою широкія, разкрытыя, низко спускающіяся по щекамъ и соединяющіяся подъ бородою.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 30 Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.
1835. № 41.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМО О СМЕРТИ.

(Къ ***.)

Думали ли вы когда о смерти? — Вопросъ этотъ не долженъ казаться вамъ ни мало страннымъ. Кто думаетъ о смерти? Положимъ, я, вы, третій, четвертый, десятый; положимъ, сотый, положимъ еще во столько разъ болѣе: что же все это значитъ предъ неисчислимою массою народа, наполняющаго всѣ ущелья земнаго шара? Кто думаетъ о смерти? — Скажите *никто*; скажите—немного болѣе, нежели *никто*;—скажите какъ вамъ угодно, только не удаляйтесь отъ того слова; иначе вдавите въ орѣховую скорлупу всю вселенную. Но опять, — *думать* и *ду-*

мать, два слова, которыя, столкнувшись вмѣстѣ, часто не узнають другъ друга.

Умереть!.. Вникните въ эту мысль; вызовите ее изъ черной бездны вашего воображенія; взгляните на нее, ежели можете, — и вы тотчасъ, поблѣднѣвъ, отвернетесь въ сторону. Умереть!.. Прочь всѣ эти мнимые ужасы; прочь это чувство, что закупорятъ васъ въ душный гробъ, что зароютъ въ сырую могилу и закидаютъ на два аршина землею; что по этому, теперь свѣжему, цвѣтущему лицу, котораго не смѣетъ коснуться и самое крыло бабочки, поползутъ холодные, мохнатые черви; что все это прекрасное, стройное тѣло разрушится, истлѣетъ и оставитъ по себѣ одинъ безобразный остовъ, что ваша могила можетъ сдѣлаться добычею хищнаго звѣря... прочь всѣ эти ужасы, достойные пугать одно разстроенное воображеніе меланхолика. Но представьте себѣ одну эту мысль: »я перестану существовать!«

Что же эта жизнь заключаетъ въ себѣ столько драгоцѣннаго, столько великаго, что мы такъ страшимся потерять ее? — Славу, — число ея избранныхъ весьма ограничено; честь — условіе, безъ котораго она легко обойтись можетъ; любовь, дружба, — часто она никогда не видитъ ихъ; добродѣтель, — порочный дорожитъ своею жизнію еще болѣе; богатство, — любовь къ жизни такъ же сильна и въ нищемъ; наслажденія, — больной, дрожа надъ склянкою отвратительнаго лекарства, желаетъ жить

менѣе; надежда, — надобно имѣть въ виду что нибудь; Вѣра, — должна бы заставлять насъ желать смерти еще болѣе; страхъ, — болѣзнь, противъ которой достаточно одного совѣта Религіи; самый здѣшній міръ, — мы только рабы его; счастіе, — гдѣ оно?

Вотъ мы сорвали съ этого чародѣя все волшебство, — разоблачили его до послѣдней нитки; но онъ остается все тѣмъ же чародѣемъ, мы любимъ его не менѣе прежняго. Кого же? — Это слабое, непостоянное существо; этого робкаго, подозрительнаго ребенка, ежеминутно пугающагося даже себя самого; этого жаднаго, ненасытимаго ростовщика, который, обирая насъ кругомъ для поддержанія своего существованія, въ замѣнъ даетъ однѣ горести и несчастія; эту тяжелую, желѣзную цѣпь, которая, приковавъ нашу жажду безсмертія къ чернымъ стѣнамъ душной темницы, обвивается подобно змѣѣ вокругъ самой души и давитъ ее своими ржавыми, облитыми ядомъ и слезами, кольцами.

Но за всѣмъ тѣмъ, какъ чувство жизни сладостно! Одно только это чувство — вдыхать и выдыхать ароматическій воздухъ весны; просыпаться и засыпать подъ открытымъ окномъ, навѣвающимъ на васъ тихое дыханіе зефира; приводить въ движеніе свои члены какою нибудь механическою работою... Одно только это! Тутъ нѣтъ ни славы, ни чести, ни добродѣтели, ни богатства, ни надежды, ни любви, ни дружбы; тутъ только чувство жизни, и какъ это чув-

ство сладостно. Но неужели только въ немъ одномъ заключаются всѣ ея очарованія? До какой степени мы унижены природою, ежели только въ немъ одномъ; и до какой степени жизнь уже обезпечена въ правахъ своихъ отъ нашего эгоизма, ежели мы не прибавимъ къ этому и ничего болѣе!

Одѣнемъ ее опять въ прежнія позолоченныя лоскутья, чтобы видѣть ее во всей пестротѣ и смѣяться надъ своимъ ребячествомъ! Прикройте себя любымъ изъ этихъ лоскутьевъ и скажите: я живу! Что вы себѣ выбрали? Любовь. Посторонитесь теперь не много и проникните ее вашими глазами! Изъ чего соткана эта драгоцѣнность? Подозрѣнія, ревность, разлука, злорѣчія, интриги, слезы, безпрерывное безпокойство, безпрерывная боль сердца и, въ заключеніе, непостоянство. Но это безбожно, желая насладиться жизнію, выбрать одни страданія! Вы ошиблись въ вашемъ выборѣ, или иначе не хотите сознаться въ томъ; вы десять, сто, тысячу разъ хотите отказаться отъ этого выбора, и не имѣете силы; хотите ли же теперь умереть? Но обдумайте основательнѣе: мертвые не оживаютъ. Зачѣмъ же вы поблѣднѣли? Вы хотите испытать еще что нибудь въ жизни. Избирайте! тихую, спокойную дружбу. Положимъ, вы нашли ее. Что же станете теперь дѣлать, чтобы наполнить все пространство жизни? — Смотрѣть на вашего друга? Ѣздить вмѣстѣ въ театръ? Радоваться чужимъ

радостямъ? Смѣяться надъ чужими глупостями? Раскаяваться въ своихъ? Читать новые романы? Садить гвоздику, и желать, чтобы три мѣсяца пролетѣли однимъ днемъ, чтобы скорѣе имѣть удовольствіе подарить первый цвѣтокъ вашему другу? Заниматься хозяйствомъ? Вышивать канву? — Благоговѣю передъ вами!!! Что же мнѣ дѣлать? говорите вы, наконецъ, съ нетерпѣніемъ. Я объ этомъ-то и спрашиваю: что же вамъ дѣлать? Одна дружба не можетъ наполнить всѣ минуты вашего досуга; а ваша жизнь требуетъ, чтобы вы *жили*. Но передъ вами всѣ цѣли жизни; выбирайте еще! Слава. Слѣдовательно жизнь получитъ новую пищу, когда нѣсколько человѣкъ, встрѣтясь на Невскомъ проспектѣ или на вершинѣ С. Готарда, повторятъ раза три ваше имя; или какое нибудь заведеніе напишетъ его золотыми литерами въ своемъ залѣ. Или ваше честолюбіе желаетъ оставить это имя потомству? хорошо, желаніе это исполнено; хотите ли умереть? — Да! — Стало быть для этой-то пустой цѣли хотѣли вы продлить свое существованіе? Нѣтъ! — Выбирайте другое! творить добро ближнему? — Какое?.. Что такое добро? Учить его, — онъ умнѣе каждаго изъ насъ; кормить его, защищать, помогать ему? Посмотримъ ваши средства! — Сколько въ силахъ... Посмотримъ эти силы! Но вы можете еще умножить ихъ; вы можете быть властелиномъ, быть Крезомъ! Превосходно. Вотъ цѣлый міръ въ вашей власти. Что прикажете?

праздновать ваше новое преобразованіе.... позвольте, вотъ толпа подчиненныхъ, которымъ ѣсть нечего. Вы отдаете назначенную на празднество сумму имъ въ пособіе.... Погодите, тѣ, которымъ поручили это исполнить, раздѣлили деньги между собою, а нищимъ осталось только благодарить васъ за ваши милости. Вы хотите показать всю строгость вашего правосудія; виноваты вы одни,—зачѣмъ окружили себя людьми подобнаго разбора? Въ раскаяніи хотите просить у Бога прощенія; вамъ докладываютъ, что возмутилась одна изъ вашихъ областей и требуетъ немедленно вашего присутствія. Вы летите туда на крыльяхъ вѣтра; васъ окружаетъ толпа подкупленныхъ убійцъ. Не желая болѣе подвергаться опасностямъ, возвращаетесь домой; вашъ поваръ готовитъ вамъ отравленное кушанье. Заговоръ открытъ; вы хотите окружить себя вѣрными людьми,—блескъ вашего золота привлекаетъ однихъ лицемѣровъ. Вы хотите испытать ихъ; они сбрасываютъ маску и первые устремляютъ противъ васъ свои кинжалы. Вы отказываетесь наконецъ отъ всего. Что вамъ еще угодно? »Какъ!« возражаете вы въ недоумѣніи: »еще ли не все? Я уже утомлена однимъ исчисленіемъ этихъ страданій, гдѣ же возьму силъ перенести ихъ!« Положимъ, вы имѣете эти силы; положимъ, подходитъ къ вамъ грозный призракъ смерти, и своимъ гробовымъ, потрясающимъ грубѣйшія нервы сердца голосомъ спрашиваетъ: могилу или еще

какую нибудь цѣль? Вы избираете уединеніе: здѣсь вы станете заниматься *великимъ*! Здѣсь вы станете писать Нравственную Философію; станете доказывать, что дважды два—четыре, что человѣкъ — существо мыслящее; станете бесѣдовать съ своимъ воображеніемъ; исчертите все небо на бумагѣ; напишете цѣлую исторію рода человѣческаго.... Къ чему же вдругъ горькая улыбка?—Да, закроемъ скорѣе эту кукольную комедію, въ которой каждый изъ насъ безъ грѣха можетъ поставить себя дѣйствующимъ лицемъ, и, смѣясь надъ другими, восхищаться своею ролею. Однако все это, что мы вычисляли сейчасъ — только бѣлая сторона жизни, наши цѣли, наши стремленія, наши надежды, наше все. Говорить ли теперь о страданіяхъ?.. Мы должны говорить о нихъ; иначе упустимъ главное, иначе упустимъ то самое, что дѣлаетъ насъ *людьми*. Что же оплакиваемъ мы, разставаясь съ жизнію? — Эти страданія? — Гдѣ же тогда общее намъ всѣмъ стремленіе къ спокойствію! Только чувство жизни? — Гдѣ же тогда божество души, ея величіе, ея стремленіе къ безсмертію! Третьяго нѣтъ; выбирайте любое! Я беру и первое и послѣднее!

»Но, скажете вы, не эта ли неизвѣстность, которой ожидаемъ мы за гробомъ, дѣлаетъ смерть столь ужасною?« — Какая? можетъ ли сдѣлать подобное возраженіе Христіанинъ; можетъ ли сдѣлать подобное возраженіе душа, чувствующая свое безсмертіе? Можетъ ли сдѣ-

лашь подобное возраженіе самый невѣрующій, увѣренный въ ничтожествѣ? — То или другое; мысль передъ вами, нѣтъ болѣе ни какой неизвѣстности!

Видите ли же теперь, что за пустой узелъ привязываетъ насъ къ жизни? И кто, между тѣмъ, взглянувъ со стороны на наши поступки, не подумаетъ, что мы надѣемся прожить здѣсь цѣлую вѣчность? Кому же научить насъ, какимъ образомъ издержать это наслѣдство жизни, которое мы получаемъ отъ предковъ? Кому? Загляните безпристрастно въ себя самихъ; неужели ничего не слышите?

Наслажденіе!... Но какъ? Не сейчасъ ли говорили мы о ничтожности наслажденій жизни; не сейчасъ ли нашли ихъ ложными, обманчивыми, безплодными; и снова прибѣгать къ ихъ пособію, снова одѣваться въ платье, которое сію минуту передъ всѣми осмѣяли? Однако разсмотрите безпристрастно, кто ихъ дѣлаетъ такими, — не мы ли же сами со всѣми нашими системами, отлагательствами, страхами, сомнѣніями и предразсудками! Виноваты ли они, бѣдныя, что мы не умѣемъ ими пользоваться; что, имѣя ихъ всегда подъ руками, ищемъ по большимъ дорогамъ; и, отыскавъ наконецъ, все еще страшимся подойти ближе, не обведя себя прежде магическимъ кругомъ разныхъ церемоній, какъ сумасшедшій искатель кладовъ. Неужели природа, сотворивъ человѣка властелиномъ вселенной, давъ ему всѣ способы обладать ею, вдохнувъ стремленіе къ пріятному и отвращеніе отъ противнаго, сдѣлала все это безъ всякой цѣли или только съ цѣлію терзать! Откроемъ хоть разъ глаза, какъ слѣдуетъ! Смотрите на наслажденія, какъ на обязанности; они будутъ обязанностями. Смотрите на нихъ, какъ на мертвыя права свои, которыми вы жертвуете обществу, они будутъ только мертвыми правами, — стаканомъ мороженаго подъ хрустальнымъ колпакомъ; смотрите глазами невольника, они убьютъ васъ; смотрите, какъ на средства угодить другому, — будете смѣяться надъ собой; смотрите на нихъ, какъ на наслажденія, они будутъ наслажденіями!

Что же такое наслажденіе? Боже мой, играйте весь свой вѣкъ въ лото, ежели это васъ занимаетъ; переводите съ Французскаго, ежели не находите ничего лучше; катайте съ мѣста на мѣсто шарики, ежели все прочее наскучило. Можно ли ограничить безпредѣльность желанія? Можно ли сказать человѣку: наслаждайся этимъ и оставь все остальное! — Не опасайтесь быть мелочною въ этомъ случаѣ: занятія героя, занятія мудреца ни чѣмъ не лучше вашего лото или вашихъ шариковъ. Повелѣвайте наслажденіемъ, какъ прихотливый властелинъ своими невольниками, — мѣняйте его, возобновляйте его, какъ вамъ угодно, какъ находите пріятнѣе. Не смѣйтесь надъ этимъ безумцемъ, который, сидя за роскошнымъ столомъ, смѣется надъ славою; не смѣйтесь надъ этимъ сорокалѣтнимъ ребенкомъ, который, за-

бавляясь лошадинымъ бѣгомъ, презираетъ все прочее! Смѣйтесь болѣе надъ политикомъ, который, проигравъ цѣлый вечеръ въ карты, плачетъ, что потерялъ время; смѣйтесь болѣе надъ мудрецомъ, который, утопая въ наслажденіи, рвется отъ зависти, слыша о чужихъ глупостяхъ..... »Но какъ все это низко, бездушно!« говорите вы. Кто же васъ сковываетъ? Выбирайте, *что угодно.* Неужели кругъ этого дозволенія еще такъ малъ, что вы не можете умѣститься въ немъ, когда онъ умѣщаетъ въ себѣ цѣлую вселенную?

Сдѣлайте изъ наслажденія одно препровожденіе времени; но и не болѣе, иначе оно превратится въ обязанность; и вы пойдете на равнѣ съ прочими. — Съ пустотою въ сердцѣ, съ безпокойствомъ въ душѣ и съ страшною ношею за плечами. Представьте себѣ, что жизнь — поле, усѣянное цвѣтами и терніемъ. Сравненіе довольно старинное; пора извлечь изъ него пользу. Вы владѣтельница этого поля; ваши возрасты — четыре времени года, смерть — зима. Вы ожидаете ее послѣ осени; но, живя въ Петербургѣ, знаете также, что снѣгъ иногда посѣщаетъ насъ и въ Маѣ мѣсяцѣ. Будьте осторожны! Не оставляйте ни одного цвѣтка—въ жертву этого холоднаго, оледеняющаго привидѣнія. Нѣтъ ни одной болѣзни смертельной, кромѣ старости; или по крайней мѣрѣ, не должно быть, если бы мы знали всѣ лекарства отъ нихъ. Что такое мудрость? — Искуство жить пріятно! Если вы опредѣлите ее иначе, завтра же отступитесь отъ своего опредѣленія. Философія и педантство такъ близки другъ отъ друга, что мудрость часто плачетъ горючими слезами, смотря, какъ они подъ ея именемъ обкрадываютъ одна другаго. Не заботьтесь о томъ, что оставите по себѣ. Чтобы вы ни оставили, оставите неблагодарнымъ. А имя!.. Воскреситъ ли оно васъ? Какая нужда камню, что зовутъ его камнемъ или жемчугомъ?

Является смерть . . . Съ какою горестію взглянете тогда на поле жизни, на ваши розы и нарцисы, ежели не успѣли сорвать ихъ; съ какою горестію посмотрите тогда на свое прошедшее, ежели не успѣли похитить у него ни одного сладостнаго воспоминанія! Гдѣ тогда всѣ ваши завтра?

»Но какъ сдѣлать эти непостоянныя, скоропреходящія, наскучивающія наслажденія постоянными?« спрашиваете вы. Зачѣмъ? — »Что же замѣнитъ ихъ, когда они всѣ наскучатъ?« Велика ли наша жизнь, чтобы они успѣли дойти до этого! Не учитесь жить у больнаго ипохондріею; для него и на небѣ нѣтъ ни одной звѣзды. Не учитесь жить у нашихъ философовъ, — они растянутъ ее на такіе пяльцы, что и у самаго воображенья не достанетъ силъ вышить по ней ни одного узора. Не учитесь жить у Французской моды, — у нея столько корсетовъ, что вы задохнетесь прежде, нежели ихъ износи-

те. Будьте сами властелином своихъ желаній! Они безчисленны, милліонны, удобоисполнимы. Не заботьтесь, что будетъ по смерти; вопросъ рѣшенъ. Взгляните на эти милліоны людей, толпящіеся передъ вами среди вѣчныхъ ничтожныхъ трудовъ и заботъ своихъ, — они умрутъ точно также; взгляните потомъ на эти города, кипящіе дѣятельностію, гордящіеся своими дворцами и монументами, — они умрутъ точно также; взгляните, наконецъ, на всю нашу землю, вертящуюся съ быстротою мысли, вокругъ самой себя.... какой путешественникъ заѣдетъ отрывать ея сѣдыя древности, когда она распадется на части и повиснетъ въ безпредѣльности эѳира громадою развалинъ? Кто тогда скажетъ: »здѣсь было нѣкогда что-то, и теперь нѣтъ болѣе ничего!« Слова, для которыхъ мы жертвуемъ всею нашею жизнію!

И такъ?... Что же стану отвѣчать я! Sauve qui peut!

Т-м ф-ъ.

2.

ГРЕЗЫ СЧАСТІЯ.

Я засыпалъ подъ свистомъ бури,
Дремалъ подъ плескомъ ярыхъ волнъ,
И часто—мыслей свѣтлыхъ полнъ —
Подъ сводомъ чистыя лазури
Вкушалъ отрадный, сладкій сонъ.
Нерѣдко — думой отягчёнъ,

Я отдыхалъ подъ тѣнью ивы;
Игривой юности порывы,
Какъ бурный, огненный потокъ,
Мнѣ грудь тревожно волновали...
Желанный часъ уже протекъ,
А мнѣ мечты его шептали,
Что терновъ нѣтъ на жизненномъ пути,
Что веселъ этотъ путь, весь розами усѣянъ;
Но вдругъ всѣ радости мнѣ говорятъ: прости!
И счастіемъ не буду я взлелѣянъ,
И не мечтать ужъ мнѣ о немъ,
Я лишній гость въ пиру земномъ.

3.

ПОСЛАНІЕ КЪ N. N.

Взгляни какъ дня взойдетъ свѣтило,
И неба край позолотитъ;
Взгляни тогда, о другъ мой милый!
Какъ небо яхонтомъ горитъ!
Не такъ ли жъ я — когда весельемъ
Заблещетъ ликъ прелестный твой, —
Восторга полонъ упоеньемъ,
И весь какъ будто бы не свой?
Когда жъ печаль — твоихъ завѣтныхъ
Очей — туманитъ свѣтлый взоръ,
Я забываю участь смертныхъ
И дерзкій — шлю судьбѣ укоръ.
Зачѣмъ же ты еще сомнѣньемъ
Волнуешь дней моихъ покой,
Не вѣришь нѣжнымъ увѣреньямъ
И возмущаешься тоской?

М. Богдановъ.

II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

ШИЛЛЕРЪ.

(Окончаніе.)

»Говоря вообще,—писалъ онъ объ этомъ свиданіи,—мое высокое понятіе о Гёте не уменьшилось послѣ личнаго знакомства съ нимъ; но я сомнѣваюсь, познакомимся ли мы съ нимъ когда нибудь тѣснѣе. Многое, что для меня интересно теперь—мои желанія, мои мечты, ужели улетѣли для него съ лѣтами. Все существо его сосоставлено, по видимому, изъ различныхъ элементовъ со мною; его міръ не мой міръ; его понятія, кажется, существенно отличны отъ моихъ. Впрочемъ, изъ одного свиданія нельзя еще заключить ничего рѣшительнаго. Время покажетъ, что будетъ далѣе.«

И время показало чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что Гёте умѣлъ цѣнить Шиллера; по крайней мѣрѣ онъ не пропускалъ ни одного случая дѣйствовать въ пользу его. Въ то самое время, когда Профессоръ Эйхгорнъ оставилъ Іену, явилось въ свѣтъ сочиненіе Шиллера объ отпаденіи Нидерландовъ и обѣщало въ немъ превосходнаго преподавателя Исторіи. Посему Гёте и Тайный Совѣтникъ Фохтъ ходатайствовали о

назначеніи его Профессоромъ въ Іенѣ. Конечно, такое предложеніе было лестно для Шиллера; но оно случилось сверхъ всякаго чаянія его, ибо для прохожденія сей должности онъ считалъ нужнымъ приготовиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ самаго возвращенія своего изъ Дрездена до весны 1789 г. т. е. до того времени, какъ онъ вступилъ въ должность Профессора при Іенскомъ Университетѣ, Шиллеръ въ особенности занимался своимъ историческимъ сочиненіемъ. Вотъ что писалъ онъ объ немъ своему другу: »Ты не повѣришь, какъ я доволенъ своимъ новымъ занятіемъ. Видъ обширныхъ, невоздѣланныхъ еще полей имѣетъ для меня необыкновенную прелесть. Съ каждымъ шагомъ я пріобрѣтаю новыя идеи и душа моя расширяется съ своимъ міромъ.«

Нѣсколько позже писалъ онъ объ историческомъ стилѣ слѣдующимъ образомъ: »Интересъ, который имѣла Исторія Пелопоннезской войны для Грековъ, должно стараться сообщить каждой новѣйшей Исторіи, сочиняемой для временъ новѣйшихъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать и расположить матеріялы такъ, чтобы они не имѣли нужды въ украшеніи для интереса. Мы, новѣйшіе, чувствуемъ интересъ, котораго не зналъ ни Грекъ ни Римлянинъ и съ которымъ ни какъ не можетъ сравниться интересъ *отечественный*. Послѣдній важенъ только для націй несозрѣлыхъ, только для

дѣтства человѣчества. Чтобы изобразить замѣчательное происшествіе, случившееся въ человѣческомъ родѣ со всею важностію его для *человѣка*, для сего требуется совсѣмъ иной интересъ. Писать исторію для одной націи — это скудный, жалкій идеалъ; такая ограниченность несносна для ума философствующаго. Онъ не можетъ успокоиться на этой преходящей, случайной и произвольной формѣ человѣчества, на одномъ только отрывкѣ (и что иное значитъ самая важная нація!) онъ восхищается націею или національнымъ происшествіемъ только по толику, по колику оно служило ступенью для дальнѣйшаго шага человѣчества.«

Впрочемъ столь одушевленное занятіе Исторіею не охладило жара его къ поэзіи. Поэтическія произведенія его въ этомъ періодѣ хотя не многочисленны, но значительны, и успѣхи какъ въ разсужденіи формы, такъ и содержанія, весьма ясно видны въ *Богахъ Греціи* и *Художникахъ*. Его занимали также планы для будущихъ поэтическихъ занятій, и именно онъ хотѣлъ выбрать нѣсколько ситуацій изъ Виландова Оберона и составить изъ нихъ Оперу; но эта идея не была приведена въ исполненіе. Еще долѣе занимала Шиллера мысль, взять для эпическаго стихотворенія предметъ изъ жизни Короля Фридриха Втораго. Касательно сего находятся слѣдующія мѣста въ письмахъ Шиллера:

»Мысль, составить эпическую поэму изъ какого нибудь замѣчательнаго дѣйствія Фридриха Втораго, мысль весьма достойная, но она слишкомъ рано пришла мнѣ въ голову. По прошествіи шести или осьми лѣтъ я не устрашился бы ни какихъ трудностей, происходящихъ отъ близости къ намъ предмета, и ни какой мнимой несообразности эпическаго тона съ современнымъ происшествіемъ. — Эпическая поэма XVIII столѣтія должна быть не то, чѣмъ была она въ дѣтствѣ міра. И сіе-то самое влечетъ меня къ этой мысли. Наши нравы, нашъ духъ философіи, наша гражданская и семейственная жизнь, наши искусства, словомъ, все должно быть помѣщено здѣсь естественнымъ образомъ, все должно быть оживлено въ гармонической свободѣ, какъ въ Иліадѣ всѣ отрасли Греческой образованности и проч., оживлены въ естественной, нагой простотѣ своей. Я вовсе не почуждаюсь и изобрѣтенія завязки для этой поэмы, ибо мнѣ хотѣлось бы въ точности удовлетворить и всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ эпическаго поэта со стороны формы. Эта завязка, по видимому, представляющая величайшую трудность въ такой новой матеріи и въ такомъ прозаическомъ вѣкѣ, можетъ возвысить интересъ въ высшей степени, если только онъ будетъ сообразенъ съ настоящимъ духомъ времени. Въ головѣ моей толпятся касательно сего темныя идеи, но изъ нихъ составится еще что нибудь свѣтлое. — И угадаете ли, какой я изберу для сего метръ? не иной, какъ octave rime. Всѣ прочіе, кромѣ Ямбическаго, мнѣ не

нравятся до смерти; и какая тутъ будетъ пріятность, когда важное, высокое будетъ облечено въ столь легкую одежду; какую выгоду получитъ эпическое содержаніе отъ этой нѣжной, мягкой формы прекрасныхъ риѳмъ! Надобно пѣть, какъ Греческіе мужики пѣли Иліаду, какъ Венеціанскіе *Gondoliere* пѣли стансы Освобожденнаго Іерусалима. Я уже думалъ и о томъ, какую мнѣ избрать эпоху изъ жизни Фридриха. Мнѣ хотѣлось бы избрать какой нибудь несчастный моментъ времени, который бы позволилъ развить геній его несравненно болѣе поэтическимъ образомъ. Главное дѣйствіе должно быть какъ можно простѣе и менѣе запутано, чтобъ легче было обозрѣть цѣлое, не смотря на многочисленность эпизодовъ. Посему я хотѣлъ бы, чтобы въ сей поэмѣ отражалась вся жизнь Фридриха и его столѣтія. Лучшаго образца здѣсь нѣтъ, кромѣ Иліады.«

Изученіе Грековъ вообще было тогда пріятнымъ его занятіемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ изъ Рудольфштадта: »Я теперь почти ничего не читаю, кромѣ Гомера; древніе доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Къ тому же изученіе ихъ необходимо мнѣ для очищенія собственнаго моего вкуса, который по причинѣ искусственности и утонченности началъ уклоняться отъ истинной простоты своей.«

Въ это же время перевелъ онъ Ифигенію въ Авлидѣ и часть Финикіянки Еврипида. Засимъ послѣдовалъ переводъ Эсхилова Агамемнона, доставлявшаго Шиллеру величайшее удовольствіе. Наконецъ явились переводы изъ Виргиліевой Энеиды, происшедшія большею частію по особенному тогдашнему расположенію его къ стансамъ. Въ 1789 году прибылъ въ Веймаръ Бюргеръ, и вступилъ съ Шиллеромъ въ состязаніе. Оба они рѣшились перевести одну и ту же статью изъ Виргилія и каждый своимъ собственнымъ размѣромъ.

Какъ много уважалъ Шиллеръ въ этотъ періодъ своей жизни истинную критику и какъ строго судилъ онъ самого себя, это видно изъ слѣдующихъ писемъ его: »Будущее сочиненіе мое, пишетъ онъ, которое едва ли можетъ явиться въ теченіе двухъ лѣтъ, произведетъ рѣшительный приговоръ о моемъ драматическомъ талантѣ. Впрочемъ я болѣе всего довѣряю себѣ въ Драмѣ и знаю, на чемъ основывается сія довѣренность. Доселѣ крайне затрудняли меня планы, составляемые мною по какому-то слѣпому случаю; составъ ихъ былъ слишкомъ смѣлъ и обширенъ. Теперь я составлю себѣ планъ попроще и посижу надъ нимъ.«

Виландъ упрекалъ его въ недостаткѣ легкости и Шиллеръ отвѣчалъ на это: »Я чувствую, что онъ говоритъ правду, но я знаю, отъ чего происходитъ этотъ недостатокъ и надѣюсь исправиться. Идеи текутъ у меня не очень обильно, не смотря на обильные труды мои и онѣ не ясны у меня, когда я сажусь за

перо. Полнота души и сердца, занятаго предметомъ, раздѣльное представленіе идей, прежде нежели садишься излить ихъ на бумагу и свѣтлый взоръ суть необходимыя условія для легкости, и когда я достигну до того, что пріобрѣту и сіи три принадлежности, то буду писать съ легкостію.

Впрочемъ столь сильное стремленіе къ удовлетворенію всякаго высшаго требованія никогда не превращалось у него въ мелочную робость. Вотъ что писалъ онъ тогда о свободѣ поэта въ выборѣ матеріи. »Я увѣренъ, что каждое произведеніе искусства можетъ дать отчетъ только себѣ самому, то есть своему собственному образцу изящнаго и не подлежитъ никакимъ инымъ правиламъ. Впрочемъ я также твердо увѣренъ, что и въ этомъ случаѣ долженъ удовлетворять *посредственно* всѣмъ прочимъ правиламъ, потому что всякое изящное сливается же наконецъ въ единую всеобщую истину. Поэтъ, который полагаетъ себѣ цѣлію одно только изящное, и прямо стремится къ сей священной цѣли своей, наконецъ достигнетъ не хотя, безъ сознанія, какъ бы въ добавокъ всѣхъ другихъ нижнихъ цѣлей, по видимому пренебрежныхъ имъ. Напротивъ тотъ, который колеблется между изящнымъ и нравственнымъ, или чѣмъ либо другимъ, который вьется около того и другаго, ничего недостигаетъ.«

Въ другомъ тогдашнемъ письмѣ своемъ говоритъ онъ слѣдующее: »Вы, господа критики, или какъ иначе называете вы себя, вы страшитесь мгновенной мимолетной мечты, родящейся въ головѣ творческой, мечты, которой долговременное или краткое существованіе отличаетъ мыслящаго художника отъ мечтателя. Ваши жалобы на безплодную жатву происходятъ отъ того, что вы слишкомъ рано и скоро вѣете на гумнѣ вашемъ.«

Счастливое расположеніе духа, въ которомъ мы видимъ Шиллера изъ тогдашнихъ писемъ его, еще болѣе увеличилось въ первыя два года его пребыванія въ Іенѣ. Стеченіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ освободило его отъ тягостной заботы о настоящей и будущей жизни; милая супруга принесла ему давно желанное счастіе. Профессорская должность его начата была блистательнымъ образомъ; болѣе четырехъ сотъ слушателей стекалось на его лекціи. Предпринятое имъ изданіе Записокъ и продолжающаяся Талія обезпечивали ему доходы, достаточныя для нуждъ его. Къ тому жъ у него оставалось еще время для рецензій, помѣщаемыхъ имъ во Всеобщей Литературной Газетѣ, въ которой онъ участвовалъ еще съ 1787 года. Книгопродавецъ Гетенъ предложилъ ему на будущее время заняться тридцатилѣтнею войною для Историческаго Альманаха и трудъ *Нѣмецкаго Плутарха* былъ отложенъ до слѣдующихъ лѣтъ. Саксенъ-Веймарскій Герцогъ съ величайшею охотою содѣй-

ствовалъ, сколько позволяли ему обстоятельства, къ доставленію Шиллеру извѣстныхъ доходовъ. Особенное расположеніе къ нему Майнцкаго Коадъютора и Эрфуртскаго Штатгалтера, бывшаго потомъ великимъ Герцогомъ Франкфуртскимъ, открывало для Шиллера лестные виды въ будущемъ. Для домашняго счастія своего, казалось, ему нечего было желать болѣе; сердце его избрало дѣвицу Ленгефельдъ и въ Февралѣ 1690 года Шиллеръ получилъ ея руку. Вотъ что писалъ онъ тогда въ своихъ письмахъ: »Жить подлѣ милой супруги не то, что одному — хотя и лѣтомъ. Теперь лишь только я вполнѣ наслаждаюсь прекрасною природою и живу въ ея объятіяхъ. Вокругъ меня все облекается въ поэтическую одежду и все отзывается въ груди моей. — Какую прекрасную жизнь я веду теперь! Я смотрю на все, окружающее меня, съ радостнымъ взоромъ; сердце мое встрѣчаетъ всюду тихое наслажденіе, душа моя вездѣ равно вкушаетъ прекрасную пищу и отдохновеніе. Существо мое слилось въ какую то гармонію; дни мои текутъ спокойно и ясно, но не бурно и страстно. — Съ радостнымъ челомъ улыбаюсь я будущей судьбѣ своей; теперь же, стоя у самой цѣли желаній своихъ, я изумляюсь самъ, какъ все это случилось сверхъ моихъ ожиданій. Судьба преодолѣвала трудности для меня и какъ бы влекла меня къ цѣли. Отъ будущности я надѣюсь всего. Нѣсколько лѣтъ, и я буду чувствовать себя въ полномъ сознаніи силъ своихъ, да-

же я надѣюсь, что снова возвращусь къ моей юности; внутренняя жизнь поэта возвратитъ мнѣ эти годы.«

Но скоро одинъ сильный ударъ нарушилъ его счастіе. Въ началѣ 1791 года онъ почувствовалъ жестокую боль въ груди и эта болѣзнь разстроила весь организмъ его на всю послѣдующую жизнь. Частые припадки заставляли страшиться еще худшаго; ему нужно было непремѣнно беречь свое здоровье; публичныя лекціи сдѣлались ему обременительны и всѣ трудныя занятія должны быть отложены. Дѣло дошло до того, что нужно было прожить ему по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ въ беззаботномъ состояніи, и въ Германіи не было недостатка ни въ готовности, ни въ силахъ оказать ему эту услугу; но прежде нежели составилось для сей цѣли нѣкоторое общество, неожиданно явилась помощь изъ Даніи. Тогдашній наслѣдный Принцъ и Графъ фонъ-Шиммельманъ прислали ему годовое жалованье, состоящее изъ тысячи талеровъ на три года, безъ всякихъ условій, единственно только для его поправленія; и это сдѣлано было съ такою тонкою и деликатною политикою, что Шиллеръ былъ тронутъ ею, какъ онъ самъ пишетъ объ этомъ, гораздо болѣе, нежели самымъ благодѣяніемъ. Данія же была благодѣтельницею, даровавшею нѣкогда и Клопштоку средство къ независимому его существованію и окончанію Мессіады. Да будетъ благословенъ столь благо-

родный образъ мыслей, увѣнчанный и въ семъ случаѣ счастливѣйшими успѣхами!

Совершенное выздоровленіе Шиллера было ненадежно, но сила души его, чувствовавшей себя свободною отъ впечатлѣній внѣшнихъ отношеній, одержала верхъ надъ слабостію тѣлесною. Онъ забывалъ мелочную боль свою, когда занималъ его какой нибудь важный предметъ, и часто въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ свобождался отъ сильныхъ припадковъ. Онъ видѣлъ еще прекраснѣйшіе дни жизни своей, наслаждался ими съ веселою душею и нація его пожала плоды сего расположенія на полѣ превосходнѣйшихъ его твореній.

Въ первые годы своего пребыванія въ Іенѣ, Шиллеръ съ большею частію здѣшнихъ ученыхъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ самой тѣсной связи съ Рейнгольдомъ. Посему онъ не могъ не обратить вниманія на Кантову Философію и не полюбить ея. Особенно онъ изучалъ Критику Разума и это изученіе повело его къ философскимъ изслѣдованіямъ, результаты коихъ онъ показалъ въ статьѣ *О прелести и важности*, въ различныхъ сочиненіяхъ, помѣщенныхъ въ Таліи и вообще въ письмахъ *Объ эстетическомъ воспитаніи человѣка*.

Изъ періода сихъ теоретическихъ занятій его мы находимъ слѣдующія мысли въ письмахъ его: »Я читалъ недавно книжку Аристотеля, и она не только не обременила и не стѣснила меня, но еще дала новую силу и легкость.

Судя по тому жалкому понятію, какое имѣютъ Французы объ этомъ Аристотелѣ, я думалъ, что найду въ немъ холоднаго, строгаго и суроваго законодателя, но нашелъ совершенно противное. Онъ останавливается со всею строгостію и опредѣленностію на сущности предмета, о постороннемъ же онъ такъ болтливъ, какъ только можно вообразить себѣ. То чего требуетъ онъ отъ поэта, долженъ требовать поэтъ отъ себя самаго, если только пойметъ мысль его; его требованія вытекаютъ изъ самой сущности предмета. Въ Піитикѣ своей онъ почти исключительно разсуждаетъ о Трагедіи, какъ любимомъ своемъ предметѣ изъ всѣхъ родовъ поэзіи. Замѣтно, что всѣ эти правила почерпнуты имъ изъ обильнаго источника наблюденій и опытности; вѣроятно, онъ имѣлъ предъ собою огромный запасъ трагическихъ произведеній. Во всей книгѣ его нѣтъ рѣшительно ничего умозрительнаго, ни малѣйшаго слѣда какой нибудь теоріи; здѣсь все опытное; безчисленное множество случаевъ и счастливый выборъ образцевъ, находящихся у него предъ глазами, даютъ эмпирическимъ правиламъ его общее значеніе и полную силу законовъ.«

Съ 1790 по 1794 годъ не вышло въ свѣтъ ни одного оригинальнаго стихотворенія Шиллера, и одни только переводы изъ Виргилія являются въ это время. Впрочемъ онъ занимался планами для будущихъ поэтическихъ занятій своихъ. Особенно тогда занимала его мысль о гимнѣ

свѣту и о Теодицеѣ. »Я восхищаюсь при одной только мысли объ этой Теодицеѣ; ибо новѣйшая Философія въ сравненіи съ Лейбницевою имѣетъ несравненно болѣе поэтическаго и высокаго.«

Особенно подала ему богатѣйшую матерію для поэтическихъ занятій Исторія тридцатилѣтней войны, обрабатываемая имъ для Историческаго Альманаха Гешека. Нѣсколько времени занимала его также мысль, избрать героемъ своего эпическаго стихотворенія Густава Адольфа, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его: »Изъ всѣхъ Историческихъ лицъ, соединяющихъ въ себѣ интересъ Историческій съ національнымъ и поэтическимъ, лице Густава Адольфа есть самое первое. — Исторія человѣчества принадлежитъ, какъ необходимый эпизодъ, къ Исторіи Реформаціи, а сія послѣдняя неразрывно соединена съ тридцатилѣтнею войною. И такъ одинъ только творческій геній поэта въ состояніи изобразить безъ всякой натяжки цѣлую Исторію человѣчества въ Героической Поэмѣ, простирающейся отъ Лейпцигскаго до Люценскаго сраженія и изобразить съ гораздо большею занимательностію, нежели какой можно ожидать отъ самой Исторіи человѣчества, какъ главнаго предмета.«

Въ это же время родилась у Шиллера первая идея о *Валленштейнѣ*. Надѣясь привести ее въ исполненіе еще 1792 года, онъ писалъ объ этомъ слѣдующее: »Собственно говоря, я чувствую свои силы только въ самомъ искуствѣ; въ теоріи я долженъ всегда мучиться съ началами, ибо я не болѣе какъ только дилетантъ. Но для самой практики я люблю философствовать о теоріи. Таже самая критика, которая причинила мнѣ столько вреда, должна теперь вознаградить за него. И она въ самомъ дѣлѣ причинила мнѣ большой вредъ; ибо уже съ давняго времени я не чувствую въ себѣ той смѣлости, той пылкости, которою обладалъ я прежде, нежели познакомился съ правилами. Я вижу теперь, что природа моя установилась, процессъ образованія ея совершился; теперь я спокойно смотрю на игру моего одушевленія и воображеніе мое играетъ съ меньшею свободою, зная, что оно не безъ свидѣтеля. Но когда я достигну до того, что правила искуства обратятся мнѣ въ навыкъ, также какъ правила воспитанія обращаются въ природу; то и фантазія получитъ прежнюю свою свободу, будетъ парить не въ предписанныхъ, но въ своихъ собственныхъ, свободныхъ границахъ.«

Но протекло уже семь лѣтъ, а Валленштейнъ еще не былъ оконченъ, и иногда въ часы досады Шиллеръ почти готовъ былъ вовсе оставить это твореніе. Вотъ одно мѣсто изъ письма его 1794 года: »Я очень боюсь за это сочиненіе (Валленштейнъ), ибо съ каждымъ днемъ я увѣряюсь болѣе и болѣе въ томъ, что собственно я не могу ничего сдѣлать болѣе поэта и что даже тамъ, гдѣ я хочу философствовать, увлекаюсь поэтическимъ духомъ. Что дѣлать мнѣ? Я жертвую на сіе предпріятіе отъ семи до ось-

ми мѣсяцевъ моей жизни, которая по всѣмъ причинамъ требуетъ съ моей стороны сбереженія, и подвергаюсь опасности произвести неудачное твореніе. Въ собственномъ смыслѣ слова я вступаю теперь на путь вовсе для меня неизвѣстный, по крайней мѣрѣ на путь доселѣ не испытанный; ибо въ послѣдніе три или четыре года я сдѣлался совершенно новымъ человѣкомъ въ отношеніи поэтическомъ.«

Не задолго предъ симъ отзывомъ о себѣ, Шиллеръ предпринялъ сдѣлать разборъ своимъ стихотвореніямъ, и изъ тогдашняго образа мыслей его видно, какъ строго разбиралъ онъ прежнія свои произведенія. Но нельзя думать, что будто бы болѣзни произвели въ немъ вообще ипохондрическое расположеніе. Многія мѣста изъ писемъ его доказываютъ, что въ это самое время онъ еще не умеръ для одушевленія и благороднѣйшаго наслажденія жизнію.

Когда вспыхнула Французская революція и судьба Людовика XVI должна была рѣшиться, Шиллеръ писалъ своему другу слѣдующее: »Не можешь ли ты мнѣ найти человѣка, который бы могъ хорошо переводить на Французскій языкъ; можетъ быть, онъ мнѣ нуженъ будетъ. Мнѣ крайне хочется вступиться за дѣло Короля и написать объ немъ Записки. Это предпріятіе, кажется, довольно важно для пера человѣка благоразумнаго, и Нѣмецкій писатель, разсуждающій свободно, сильно объ этомъ спорномъ предметѣ, вѣроятно сдѣлаетъ впечатлѣніе на эти

буйныя головы. Когда одинъ изъ цѣлой націи произноситъ публично сужденіе, то по крайней мѣрѣ первое впечатлѣніе заставляетъ насъ смотрѣть на него, какъ на представителя сословія, если не цѣлой націи его, и я думаю, что Французы именно въ этомъ дѣлѣ не останутся вовсе хладнокровны къ постороннему сужденію. Сверхъ сего именно *этотъ* предметъ весьма легко можетъ быть защищенъ какъ доброе дѣло, которое не подлежитъ никакому злоупотребленію. Писатель, вступившійся торжественно за дѣло Короля, можетъ высказать нѣкоторыя важныя истины съ большимъ безпристрастіемъ, нежели кто либо другой и онъ уже имѣетъ нѣсколько болѣе довѣренности къ себѣ. Можетъ быть, ты посовѣтуешь мнѣ молчать, но я думаю, что при такихъ случаяхъ нельзя оставаться холоднымъ и бездѣйственнымъ зрителемъ. Если бы каждый свободно мыслящій человѣкъ не обнаруживалъ своего мнѣнія, то родъ человѣческій никогда бы не сдѣлалъ шага впередъ на пути къ своему совершенству. Бываютъ времена, когда надобно говорить торжественно, и такое время, мнѣ кажется, настоящее, ибо есть сердца, готовыя принять истину.« Въ половинѣ 1793 года писалъ онъ: »Любовь къ отечеству сдѣлалась во мнѣ весьма живою страстію.«

Шиллеръ предпринялъ путешествіе въ Швабію, жилъ съ Августа до Мая слѣдующаго года частію въ Гейльброннѣ, частію въ Людвигсбур-

гѣ, и имѣлъ удовольствіе видѣться съ своими родителями, сестрами и друзьями юности. Изъ Гейльбронна писалъ онъ къ Виртемберскому Герцогу, котораго прогнѣвалъ своимъ удаленіемъ изъ Штутгарда. Хотя онъ не получилъ никакого отвѣта, но былъ увѣдомленъ, что Герцогъ торжественно говорилъ о пріѣздѣ Шиллера въ Штутгардъ и о прощеніи его. По этому Шиллеръ рѣшился продолжать свое путешествіе, и въ послѣдствіи узналъ, что онъ напрасно опасался. Этотъ Государь, вскорѣ послѣ сего скончавшійся, оплаканъ былъ имъ съ искреннимъ чувствомъ благодарности и уваженія.

Наконецъ Шиллеръ возвратился въ Іену съ давно уже начертаннымъ, но тогда лишь только созрѣвшимъ планомъ, соединить отличнѣйшихъ писателей Германіи для періодическаго изданія, долженствовавшаго превзойти *все, что только ни существовало когда либо въ семъ родѣ.* Для сего найденъ былъ предпріимчивый издатель и положено издавать *Гурій.* Талія прекратилась съ 1793 годомъ. Для новаго періодическаго изданія открывались весьма благопріятные виды, и приглашеніе къ участію въ немъ сопровождалось со всѣхъ сторонъ лестными отвѣтами.

Іена получила въ глазахъ Шиллера новую прелесть, когда переселился въ нее Вильгельмъ Гумбольдтъ, старшій братъ знаменитаго путешественника; онъ былъ въ самой тѣсной связи съ Шиллеромъ. Къ этому же времени и относится начало прекраснаго, въ послѣдствіи бо-

лѣе твердаго союза между Гете и Шиллеромъ, возвышавшаго для обоихъ цѣну жизни. Касательно повода къ сему находятся слѣдующія мѣста въ письмахъ Шиллера: »По возвращеніи моемъ (изъ тогдашняго небольшаго путешествія) я получилъ весьма дружественное письмо отъ Гете. За полтора мѣсяца предъ симъ мы разговаривали съ нимъ объ искусствѣ и теоріи, сообщали другъ другу свои главныя идеи, до которыхъ мы доходили со временемъ различными путями. Между ними находилось неожиданное согласіе, которое тѣмъ занимательнѣе, что происходило съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Каждый изъ насъ сообщалъ нѣчто другому, чего онъ не имѣлъ, и получалъ въ замѣнъ что нибудь отъ другаго. Съ того времени сіи разбросанныя идеи уже успѣли укорениться въ головѣ Гете, и онъ чувствуетъ теперь нужду соединиться со мною и продолжать вмѣстѣ путь, по которому онъ шелъ доселѣ одинъ безъ всякаго ободренія. Я весьма радъ столь полезному для меня взаимному сообщенію идей.« —

»На будущей недѣлѣ я отправляюсь въ Веймаръ на 14 дней и буду жить у Гете. Онъ наговорилъ столь много лестнаго, что я не могъ отказаться, ибо найду у него всю возможную свободу и всѣ удобства. Ближайшее наше соединеніе будетъ имѣть рѣшительныя послѣдствія для насъ обоихъ, и я искренно радъ этому.« —

»Мы рѣшились вести переписку другъ съ другомъ о различныхъ матеріяхъ, которыя бу-

дутъ источникомъ статей для *Гурій*. Такимъ образомъ, думаетъ Гёте, наша дѣятельность получила бы опредѣленное направленіе и мы, не замѣчая трудовъ своихъ, скопили бы довольно матеріаловъ. И какъ, при всемъ нашемъ согласіи въ главныхъ предметахъ, мы имѣемъ совершенно различные индивидуальные взгляды, то эта переписка можетъ быть дѣйствительно занимательною.«

Съ слѣдующимъ, 1795 годомъ, начинается для Шиллера новый періодъ поэтической жизни. Сколько ни занятъ былъ онъ новымъ періодическимъ изданіемъ, но не смотря на то явились очень многія стихотворенія, которыя помѣщены были частію въ *Гуріяхъ*, частію въ Альманахѣ Музъ, также издаваемомъ Шиллеромъ. *Царство тѣней* или идеалъ и жизнь, *Элегія* или прогулка и *Идеалы*, были произведеніями сего года. Элегію считалъ онъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ своихъ произведеній.

»Мнѣ кажется, писалъ онъ объ немъ, самое вѣрнѣйшее эмпирическое доказательство истинно поэтическаго достоинства сего произведенія состоитъ въ томъ, что оно не ожидаетъ расположенія, въ которомъ можетъ нравиться, но производитъ его и слѣдовательно нравится во всякомъ расположеніи духа. Этого еще не удавалось мнѣ ни въ одномъ моемъ стихотвореніи, кромѣ сего послѣдняго.

Объ *Идеалахъ* находится слѣдующій отзывъ его: »Это стихотвореніе, какъ назвалъ бы его

Гердеръ, есть голосъ природы, голосъ скорби, простой, безъискуственный и какъ бы безформный. Оно слишкомъ индивидуально, и потому нельзя судить объ немъ, какъ обыкновенномъ поэтическомъ произведеніи; ибо человѣкъ удовлетворяетъ въ ней своей потребности, оно облегчается отъ бремени чувствованій своихъ и вмѣсто того, чтобы изливать оныя въ пѣсняхъ другаго рода, онъ, увлекаясь быстрымъ потокомъ своихъ чувствованій, предается стремленію своей творческой силы. Онъ сообщаетъ свое чувствованіе, изъ котораго излилось это твореніе другимъ и не желаетъ ничего болѣе.«

»*Царство тѣней*, пишетъ онъ далѣе, въ сравненіи съ Элегіею, есть не что иное, какъ только поучительное стихотвореніе. Если бы содержаніе его было изложено такъ же поэтически, какъ содержаніе Элегіи, то это былъ бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, верхъ искусства. — И я попробую сдѣлать это когда нибудь на досугѣ. Я хочу написать *Идиллію* въ такомъ же духѣ, въ какомъ написана эта Элегія. Всѣ мои поэтическія силы напрягаются для сей энергіи—осуществить идеалъ изящества *объективно* и составить изъ него Идиллію *по моему* понятію. Я раздѣляю всю область поэзіи на область наивную и сентиментальную. Первая не имѣетъ ни какихъ подраздѣленій (относительно образа чувствованія), вторая же имѣетъ три рода: Сатиру, Элегію и Идиллію. Въ сентиментальной поэзіи Идиллія есть самая высшая и труднѣйшая задача: имен-

но здѣсь требуется безъ пособія страсти произвести высокій, даже высочайшій эффектъ поэтическій: *Царство тѣней* есть одинъ только образчикъ сего; стихотвореніе, составленное по оному, было бы Идиллія по моему понятію. Я рѣшительно намѣренъ продолжать тамъ гдѣ кончается Царство тѣней. Бракъ Геркулеса съ Гебою будетъ содержаніемъ моей Идилліи. Этотъ предметъ самый приличный для поэта, ибо онъ не можетъ оставить природы человѣческой, а этотъ переходъ человѣка въ Бога и составляетъ предметъ Идилліи. Главныя лица хотя и будутъ Боги, но я свяжу ихъ еще узами съ человѣчествомъ и приведу въ *движеніе* эту группу. Если мнѣ удастся это предпріятіе, то я надѣюсь съ сентиментальною поэзіею одержать верхъ надъ самою наивною.«

»Такая Идиллія собственно соотвѣтствовала бы высокой Комедіи; съ одной стороны — со стороны формы, она была совершенно близкимъ подобіемъ ея, съ другой—со стороны матеріи, — совершенною противоположностію. Именно, Комедія также исключаетъ все патетическое, но предметъ ея *дѣйствительность*, предметъ же Идилліи есть *идеальное*. Если окажется, что такой образъ понятія объ Идилліи не осуществимъ, то Комедія будетъ самымъ высшимъ поэтическимъ твореніемъ, каковымъ я всегда считалъ ее, прежде нежели началъ вѣрить въ возможность такой Идилліи.«

»Представьте же себѣ, что въ поэтической

картинѣ нѣтъ ни малѣйшей тѣни смертнаго, все чистый свѣтъ, чистая свобода, чистое богатство, ни тѣни, ни границъ, ни земли—какое наслажденіе! — Я внѣ себя отъ восхищенія. И я не совсѣмъ отчаяваюсь въ этомъ, если только душа моя совершенно освободится и, такъ сказать, стряхнетъ съ себя эту бренность дѣйствительности; тогда я соберу всѣ силы мои и всю эфирную часть существа моего, если и она должна быть очищена. Но не спрашивайте меня ни о чемъ. Въ головѣ моей еще одни только мерцающіе призраки, только отдѣльныя черты этой картины. Долговременное изученіе предмета и сильное стремленіе къ нему покажутъ, можетъ ли выйти изъ этого что нибудь прочное, пластическое.«

Но стихіею Шиллера была Трагедія, и къ ней-то обратился онъ опять въ тогдашнемъ расположеніи духа. Онъ избралъ предметъ для трагедіи изъ Исторіи Турецкой осады Мальты и ожидалъ большихъ успѣховъ отъ введенія хора. Планъ сей Трагедіи—*Мальтійскіе Рыцари*— остался въ рукописяхъ Шиллера; исполненіе онаго отложено было до другаго времени, потому что въ Маѣ 1796 года онъ рѣшительно принялся за *Валленштейна*.

»Я иду теперь, писалъ онъ тогда, весьма счастливымъ путемъ; стоитъ только продолжать его, и я произведу что нибудь доброе, хорошее. Это уже много значитъ, и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе нежели, чѣмъ я могъ похв-

литься прежде на этомъ поприщѣ. Прежде я полагалъ всю важность во множествѣ частностей; теперь у меня все основано на цѣлости, и я буду стараться скрывать это богатство частностей съ такимъ же искуствомъ, съ какимъ прежде старался выставить его на видъ. Самое свойство предмета заставляетъ меня избирать именно этотъ путь, а не другой какой нибудь, хотя бы и желалъ того; ибо характеръ Валленштейна есть характеръ чисто *реалистическій*, и потому онъ интересенъ только въ цѣлости, а не въ частности. — Валленштейнъ не имѣетъ въ себѣ ничего благороднаго; онъ не является ни въ одномъ моментѣ жизни своей великимъ, почтеннымъ и пр. — но тѣмъ не менѣе и въ этомъ чисто реалистическомъ характерѣ я надѣюсь изобразить характеръ драматически-великій, имѣющій въ себѣ истинное начало жизни. Прежде я старался, какъ напр. въ Позѣ и Карлосѣ, замѣнить недостатокъ истины изящною идеальностію; теперь въ Валленштейнѣ попробую замѣнить недостатокъ идеальности (т. е. поэзіи сентиментальной) голою истиною.«

»Задача трудная, но интересная потому что реалисту необходимъ успѣхъ, между тѣмъ какъ идеалистъ можетъ и не имѣть его; но къ счастію Валленштейнъ не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ. Предпріятіе его дурно нравственно, но оно неудается ему физически. Въ частности онъ никогда не торжествуетъ, но вообще всегда идетъ къ своей цѣли. Онъ не можетъ, какъ идеалистъ,

погрузиться въ себя самаго и возвыситься надъ матеріею, но онъ хочетъ покорить ее своей власти и не успѣваетъ.«

»Я думаю, вы съ робостію взираете на меня, скользящаго по этому новому пути, неизвѣстному мнѣ; но не опасайтесь. Вы не повѣрите, какъ много опытности приходитъ съ лѣтами, какъ много развило во мнѣ понятій продолжительное обращеніе съ Гёте и изученіе древнихъ, которыхъ я узналъ только послѣ Карлоса. Правда, на этомъ пути, пролагаемомъ теперь мною, я попадаю на путь Гёте, долженъ буду помѣряться съ нимъ силами и навѣрно уступить ему; но и для меня остается еще многое на этомъ поприщѣ, чего онъ не можетъ исполнить собственными своими силами; посему преимущество его предо мною не можетъ повредить ни мнѣ, ни моему произведенію и я надѣюсь, что мы разочтемся съ нимъ съ честію. Наши сочиненія подойдутъ, какъ я думаю иногда, подъ различные роды, но эти роды не подчинены другъ другу, а находятся подъ однимъ высшимъ идеальнымъ родовымъ понятіемъ.«

По прошествіи осьми мѣсяцевъ, Шиллеръ писалъ объ этомъ же слѣдующее: »Несчастное твореніе все еще лежитъ предо мною безъ конца и формы. Ни одно изъ прежнихъ моихъ произведеній не имѣетъ столько цѣли и формы, сколько Валленштейнъ теперь уже имѣетъ, но я знаю слишкомъ твердо, что дѣлаю, и потому не могу такъ скоро отдѣлать сіе твореніе. —

У меня теперь отнято почти все, съ чѣмъ бы я могъ, по прежнему обыкновенію своему, приступить къ этому предмету; я почти ничего не ожидаю отъ содержанія, но всего надѣюсь отъ одной счастливой формы.«

»Послѣ сего ты, можетъ быть подумаешь, что у меня прошла охота къ занятію, или что занимаясь вопреки своему собственному расположенію, я теряю только время. Но не безпокойся; моя охота ни сколько не ослабѣла, равно какъ и моя надежда на удачный успѣхъ въ занятіи. Только на такомъ предметѣ я и могъ раскрыть свою новую драматическую жизнь. Здѣсь, гдѣ я скольжу, такъ сказать, по одному лезвію бритвы, гдѣ малѣйшее уклоненіе испортило бы все дѣло, словомъ, гдѣ я могу достигнуть цѣли своей только единственнымъ путемъ истины, необходимости, постоянства и опредѣленности, здѣсь долженъ произойти рѣшительный кризисъ въ моемъ поэтическомъ характерѣ. И этотъ кризисъ приближается уже быстрыми шагами, ибо я занимаюсь теперь своимъ предметомъ со всѣмъ не такъ, какъ прежде обыкновенно занимался имъ. Предметъ, мною избранный, такъ далеко находится внѣ меня, что я едва могу имѣть къ нему расположеніе: онъ заставляетъ меня быть почти холоднымъ, равнодушнымъ къ нему, и не смотря на то, я тружусь съ одушевленіемъ. Исключая два лица, привязывающія меня къ себѣ, всѣ прочія, и особенно главный характеръ я обработываю съ од-

ною только чистою любовію Художника и ручаюсь тебѣ, что они ни сколько не будутъ хуже. Но для сего объективнаго представленія предмета мнѣ необходимо подробное и безпрестанное изученіе источниковъ, ибо я долженъ заимствовать дѣйствіе, равно какъ и характеры изъ того времени, мѣстности и всей совокупности происшествій; что менѣе нужно было бы для меня, если бы я былъ знакомъ собственнымъ своимъ опытомъ съ людьми сихъ классовъ и ихъ занятіями. Я нарочно ищу въ Историческихъ источникахъ такихъ очерковъ, которые бы могли охарактеризовать и осуществить мои идеи современностію обстоятельствъ. Я увѣренъ, что Историческое не унизитъ и не стѣснитъ меня. Я хочу этимъ *только оживить* мои лица, одушевитъ же ихъ та сила, которую я обнаруживалъ во всѣхъ случаяхъ, и безъ которой даже подумать бы нельзя было объ этомъ сочиненіи.«

Съ того времени, какъ это было писано, протекло еще два года и почти четыре мѣсяца, прежде нежели успѣлъ Шиллеръ кончить своего Валленштейна. Въ продолженіе же сего времени явились многія мелкія стихотворенія и между ними *Ксеніи*. Исторія сего произведенія, можетъ быть, послужитъ къ исправленію многихъ сужденій, произнесенныхъ объ немъ.

Со времени тѣснаго дружества съ Гете, началась для Шиллера новая, прекраснѣйшая юность. Пламенное одушевленіе ко всему высокому, сильное отвращеніе отъ всего поддѣльна-

го вообще и отъ всякаго ограниченія искусства и науки, гордое сознаніе въ себѣ силъ, едва только предощущаемыхъ прежде, — были господствующимъ расположеніемъ его духа. Все это способствовало къ соединенію его съ Гете на предпріятіе, о которомъ Шиллеръ самъ пишетъ слѣдующимъ образомъ:

»Единство въ такомъ произведеніи можетъ быть только въ извѣстной безпредѣльности, въ полнѣ превышающей всякую мѣру, а чтобы не замѣтно было различія обоихъ Авторовъ въ отдѣльныхъ частяхъ его, сіи послѣднія должны быть самыми малѣйшими частицами (minimum); короче, дѣло состоитъ въ извѣстномъ цѣломъ составѣ эпиграммъ, изъ коихъ каждая составляетъ одностишіе. Большею частію это есть грубая сатира, особенно на писателей и ихъ произведенія, перемѣшанная съ нѣкоторыми поэтическими и философическими блестками. Такихъ одностишій будетъ не менѣе 600, но по числу ихъ должно быть до 1000. Когда будетъ приготовлено ихъ значительное число, то весь этотъ запасъ раздѣлится на различные сорты, чтобы выходило нѣчто единое, согласное, и тогда уже каждый будетъ стараться нѣсколько жертвовать своимъ манеромъ, чтобъ болѣе приблизиться къ другому.«

Но этотъ планъ не былъ исполненъ. Въ Іюлѣ 1796 года Шиллеръ писалъ объ немъ слѣдующее: »При изданіи *Xenien* оказалось, что еще нужно было чрезвычайное множество новыхъ одностишій, для того чтобы собраніе имѣло хотя нѣкоторое единство цѣлаго. Поелику же нѣсколько отъ новыхъ замысловатыхъ мыслей, особенно касательно предметовъ науки, не такъ-то легко достаются, при томъ же Гёте сильно задержанъ отдѣльно своимъ *Meister*; то мы согласились помѣщать *Xenien* въ Альманахѣ не какъ цѣлое, но въ отрывкахъ. Напередъ помѣщены будутъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ отрывки важные, Философскіе и поэтическіе; Сатирическіе жа выйдутъ послѣ подъ именемъ *Xenien*.«

Можетъ быть, по этому многія изъ эпиграммъ вошли въ составъ такія, которыя при строгомъ разборѣ, по первому плану, были бы выброшены. Шиллеръ конечно былъ раздраженъ тогда, не замѣчаніями на недостатки своихъ произведеній, — ибо онъ самъ былъ проницательнѣе всѣхъ, какъ это доказываютъ его письма, и онъ требовалъ отъ каждаго изъ друзей своихъ откровенныхъ сужденій — но тою холодностію и тѣмъ неуваженіемъ, съ коими принято было повсюду сочиненіе, писанное съ такимъ одушевленіемъ. Тоже самое случилось и съ Гуріями: надѣясь на пособіе самыхъ первыхъ писателей, онъ думалъ сдѣлать большое впечатлѣніе на публику, и напротивъ того весьма часто встрѣчалъ нечувствительность и мелочные разсчеты. Можетъ быть, въ жару негодованія случалось съ нимъ тогда что нибудь и человѣческое, но духъ *Xenien* вообще весьма

ясно выражается для беспристрастнаго читателя.

Сочувствованіе съ Гёте подало Шиллеру поводъ къ первой балладѣ. Оба Поэта согласились избрать предметы, и раздѣлили ихъ между собою. Въ этомъ любимомъ своемъ родѣ, Шиллеръ выдалъ еще нѣсколько стихотвореній въ послѣдующіе годы, когда другія мелкія сочиненія его являлись уже рѣже.

Съ 1799 года онъ посвятилъ себя совершенно занятіямъ драматическимъ. Альманахъ Музъ кончился; Гуріи были прекращены еще прежде, и одни только *Пропилеи* Гете, весьма интересовавшіе Шиллера, получали еще статьи его.

Въ это же время онъ перемѣнилъ и свое мѣстопребываніе. По любви своей къ театру, Шиллеръ хотѣлъ сначала жить въ Веймарѣ только зимою, а лѣтомъ въ Іенѣ, гдѣ онъ купилъ себѣ садикъ. Но въ послѣдствіи времени Веймаръ сдѣлался постояннымъ его мѣстопребываніемъ. При семъ случаѣ тамошній Герцогъ весьма благороднымъ образомъ сдѣлалъ ему пособіе, и вообще сей Государь оказывалъ ему при всякомъ случаѣ самые явные знаки своего благоволенія. Ему обязанъ былъ Шиллеръ въ 1795 году, по полученіи званія Профессора въ Тюбингенѣ, обезпеченіемъ двойнаго содержанія въ случаѣ болѣзни, если бы она попрепятствовала ему продолжать свои занятія; ему же обязанъ въ 1789 году дальнѣйшею прибавкою жалованья, и наконецъ въ 1804, еще

большимъ увеличеніемъ онаго. Этотъ же самый Герцогъ Саксенъ-Веймарскій исходатайствовалъ Шиллеру въ 1802 году и дипломъ на дворянство.

Пребываніе Шиллера въ Веймарѣ доставляло ему, кромѣ тѣснаго обращенія съ Гёте, еще другія значительныя выгоды. Особенно здѣшній клубъ способствовалъ ему къ веселому препровожденію времени, и онъ сочинялъ для него, вмѣстѣ съ Гёте, дружескія пѣсни. Такъ написаны *Четыре вѣка* и *Пѣснь къ друзьямъ*. Театръ также доставлялъ ему большое наслажденіе, и онъ любилъ заниматься высшимъ образованіемъ здѣшнихъ Артистовъ.

Взглядъ его на искусство и критику, въ сей послѣдній періодъ жизни, виденъ изъ слѣдующихъ отрывковъ тогдашнихъ писемъ его: »Не удивляйтесь, если я представляю себѣ науку и искусство въ большемъ отдаленіи другъ отъ друга и въ большей взаимной ихъ противоположности, нежели какъ представлялись они мнѣ въ прежніе годы. Вся моя дѣятельность теперь именно обращена на упражненіе, и я съ каждымъ днемъ узнаю, какъ ничтожны для поэта всѣ общія *чистыя понятія* при его упражненіи. Въ такомъ расположеніи духа я хотѣлъ бы иногда промѣнять всѣ свои собственныя и чужія понятія объ элементарной Эстетикѣ за одну эмпирическую выгоду, за одинъ искусный пріемъ ремесленника. Вы признаете сами недостаточность теоріи касательно творчества; но мое невѣріе простирается и на самое *сужденіе* объ немъ; я готовъ утверждать, что ни одно воображеніе не

можетъ обнять произведенія такъ, какъ обнимаетъ его само воображеніе, произведшее оное.

»Если разсматривать искусство, равно и философію, какъ нѣчто такое, что всегда творится и никогда не созидается, слѣдовательно какъ процессъ динамическій, а не атомистическій; то можно быть справедливымъ къ каждому произведенію и не ограничиваться онымъ. Но ужъ таковъ характеръ Нѣмцевъ, что они хотятъ все подвести подъ твердыя, неизмѣнныя правила, и самое безпредѣльное искуство, равно какъ Богословіе во время Реформаціи, хотятъ заключить въ подобный символъ вѣры. Посему самыя превосходныя творенія служатъ имъ камнемъ претыканія, потому что они признаются всегда священными, вѣчными и выспренній Художникъ всегда ссылается на нихъ. Не вѣрить въ сіи творенія значитъ у нихъ быть еретикомъ, не смотря на то, что искусство выше всѣхъ твореній. Конечно есть въ искусствѣ *механика*, но не въ искуствѣ новѣйшемъ, которое можетъ найти спасеніе свое въ одной только усовершимости.« —

»На дняхъ читалъ я Неистоваго Роланда, и не могу выразить тебѣ, какъ пріятно, какъ усладительно было для меня это чтеніе. Вотъ гдѣ жизнь, движеніе, краска и полнота; здѣсь выходите вы изъ самаго себя на лоно жизни и возвращаетесь опять въ себя самаго; здѣсь вы плаваете, такъ сказать, въ роскошной, безпредѣльной стихіи, разрѣшаетесь отъ своего

вѣчнаго тождественнаго *я*, и существуете болѣе полною жизнію, потому что вы исторгаетесь изъ нѣдръ себя самаго. И при всемъ томъ, при всей этой безбрежности, вы чувствуете въ себѣ неутомимость, нетерпѣніе; здѣсь есть планъ и форма, но вы не замѣчаете ихъ при всегдашней пріятности и веселости вашего состоянія. Правда, здѣсь нельзя искать *глубины* и важной истины; но намъ нужна и поверхность также какъ и глубина; касательно же истины разумъ и судьба доставляютъ достаточную пищу нашей фантазіи.« —

»Я надѣюсь, что еще не сдѣлалъ шага назадъ на поэтическомъ моемъ поприщѣ; но, можетъ быть, шагнулъ въ сторону, принаравливаясь иногда нѣсколько къ матеріальнымъ требованіямъ и свѣта и времени. Творенія драматическаго поэта быстрѣе всѣхъ увлекаются потокомъ времени; онъ самъ невольно соприкасается съ большею массою, изъ которой не всегда выходитъ чистымъ. Сначала нравится быть иногда и рабомъ своихъ рабовъ, чтобы удержать надъ ними свое владычество! Это же самое, можетъ быть, случается и со мною: наполнивъ Нѣмецкія сцены шумомъ піесъ своихъ, я вынесъ что нибудь и со сценъ Нѣмецкихъ.«

Послѣ того, какъ Шиллеръ пріобрѣлъ уже творческій навыкъ работою надъ Валленштейномъ, прочія драматическія творенія его слѣдовали быстро одно за другимъ, хотя дѣятельность его и была прерываема не рѣдко болѣзня-

ми, и особенно, въ 1799 году, печалію о любезной супругѣ его, страдавшей тогда опасною болѣзнію. *Валленштейнъ* вышелъ въ свѣтъ 1799 года; *Марія Стуартъ* 1800; *Орлеанская дѣва* 1801; *Мессинская Невѣста* 1803; *Вильгельмъ Телль* 1804. Въ этотъ же годъ онъ торжествовалъ прибытіе Великой Княгини Россійской, вступившей въ бракъ съ Наслѣднымъ Принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ, *Клятвою вѣрности искусству*. Всѣ сіи творенія оставляли ему еще время переработать для Нѣмецкаго Театра *Макбета* Шекспира и *Турандоту* Гоцци. Въ послѣдствіи онъ перевелъ еще *Федру* Расина и двѣ Французскія Комедіи. Въ промежуткахъ времени занимался многими драматическими планами, изъ коихъ нѣкоторые найдены между его бумагами.

Онъ нашелъ матерію и для Комедіи, но узналъ, что не былъ рожденъ къ сему роду сочиненій. »Хоть я и могу сочинять Комедіи, писалъ онъ своему другу, которыя состоятъ болѣе въ комическомъ соединеніи происшествій, нежели въ комическихъ характерахъ и въ юморѣ, но моя природа настроена слишкомъ важнымъ тономъ и не можетъ долго плѣняться тѣмъ, что не имѣетъ глубины.«

Окончивъ переводъ Федры, онъ началъ было новое драматическое сочиненіе, предметомъ котораго была исторія Русскаго Лжедимитрія. На этомъ то твореніи застигла смерть Шиллера, еще во всемъ полномъ сознаній духовныхъ силъ его. Жестокій припадокъ обыкновенной бо-

лѣзни его прекратилъ дни жизни великаго поэта 9-го Мая 1805 года.

Послѣ него осталась жена, два сына и двѣ дочери. Самая меньшая изъ сестеръ скончалась еще прежде Шиллера; старшая сдѣлалась супругою Надворнаго Совѣтника Рейнвальда, средняя же вышла за Городскаго Микмильскаго Пастора Франка.

Черты лица Шекспира весьма вѣрно и живо изображены въ колоссальномъ бюстѣ Штутгардскимъ Профессоромъ Даннеккеромъ, на основаніи прежняго бюста, сдѣланнаго съ самаго Шиллера во время послѣдняго его пребыванія въ Швабіи. Благородный Художникъ рѣшился на сіе произведеніе въ самую трогательную минуту извѣстія о смерти своего друга.

Съ Нѣмецк. Арсеньевъ.

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Высочайшія грамоты.

Божіею милостію
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

I.

Нашему *Генералу отъ Инфантеріи, Генералъ-Адъютанту Графу Остерману-Толстому.*

Съ чувствами глубокаго благоговенія къ подвигамъ Русскаго войска въ незабвенную отечественную войну, присутствовавъ сегодня при заложеніи памятника, сооружаемаго Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ, въ исполненіе воли покойнаго Императора Франца I-го, Русскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ сраженіи при Кульмѣ, Мы переносились воспоминаніемъ въ день знаменитой Кульмской битвы, когда вы, въ минуту, рѣшительную для дѣла всей Европы, противуставъ съ малыми силами многочисленному непріятелю, повели Русскихъ на рѣшительный бой, и кровію своею указали храбрымъ, вѣрный путь къ побѣдѣ. Подъ Кульмомъ вы стяжали неувядаемую славу предпріимчиваго вождя, вполнѣ постиг-

шаго духъ и сердце Русскаго солдата. Помня всегда заслуги незабвенной войны, совершенной подъ личнымъ предводительствомъ въ Бозѣ почившаго Брата Нашего, и желая въ сей торжественный день почтить въ лицѣ вашемъ всѣхъ храбрыхъ воиновъ Россійской арміи, которые, подвигами непоколебимаго мужества, увѣнчали геройскую рѣшимость вашу столь блистательнымъ успѣхомъ, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

II.

Нашему *Генералу отъ Инфантеріи Ермолову.*

Участвовавъ столь блистательно въ знаменитомъ сраженіи подъ Кульмомъ, вы поймете чувства, съ какими Мы присутствовали сегодня при заложеніи памятника, сооружаемаго Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ въ исполненіе воли покойнаго Императора Франца I-го, Русскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ при Кульмѣ. Слава Кульмской побѣды неразлучна съ вашимъ именемъ. Подъ начальствомъ вашимъ, полки Лейбъ Гвардіи явили здѣсь опытъ того примѣрнаго мужества и неизмѣнной твердости, которыя стяжали имъ справедливую признательность отечества и всѣхъ народовъ, учавствовавшихъ въ священномъ подвигѣ освобожденія Европы. Помня всегда заслуги незабвенной войны, совершенной подъ личнымъ предводительствомъ въ Бозѣ почивающаго Брата Нашего, и желая, въ сей торжественный день, въ лицѣ бывшаго начальника, почтить войска Гвардіи, дѣйствовавшія въ славный день Кульмскаго боя, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при

семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинномыхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ городѣ Теплицѣ, въ Богеміи.
Сентября $\frac{12}{25}$ дня, 1835 года.

Высочайшій Рескриптъ,

на имя Оренбургскаго Военнаго Губернатора, Генералъ-Адъютанта Перовскаго.

Господинъ Оренбургскій Военный Губернаторъ, Генералъ Адъютантъ, Генералъ-Лейтенантъ Перовскій! Возложивъ на васъ званіе Оренбургскаго Военнаго Губернатора, Я былъ совершенно увѣренъ, что всѣ многоразличныя и трудныя обязанности, по управленію обширнаго Оренбургскаго края, будутъ исполнены вами съ тѣмъ пламеннымъ, отличнымъ усердіемъ, которымъ всегда была ознаменована примѣрно-полезная служба ваша. Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что вы вполнѣ оправдали всѣ ожиданія Мои. Вашимъ благоразуміемъ, вашею отличною распорядительностію и неутомимою дѣятельностію приводятся въ исполненіе всѣ мѣры, къ пользѣ и благосостоянію жителей Оренбургской Губерніи предначертанныя, и рѣшительно устранены всѣ препятствія, притомъ встрѣтившіяся. Одобряя вполнѣ всѣ распоряженія ваши къ водворенію строгой дисциплины и порядка въ Башкирскихъ кантонахъ, Я вмѣняю Себѣ въ пріятный долгъ изъявить вамъ за сіи новые опыты усердія вашего Мою особенную признательность. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ г. Калишѣ.
30-го Августа, 1835 года.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе ходатайства Конференціи Императорской Академіи Наукъ, всеподданнѣйше представлялъ Государю Императору объ отправленіи Экстраординарнаго Академика Шегрена въ путешествіе на Крымскій Полуостровъ, въ Грузію и на Кавказъ, для лингвистическихъ изслѣдованій, на полтора или на два года, съ производствомъ сверхъ штатнаго содержанія по званію Экстраординарнаго Академика и указныхъ прогоновъ, еще до 1600 рублей въ годъ на расходы по ученымъ изслѣдованіямъ.

На сіе представленіе послѣдовало 2-го Іюля Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

— По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, во 2-й день Іюля Высочайше соизволилъ на покупку въ Мюнхенѣ рефрактора для новой Обсерваторіи Казанскаго Университета, съ употребленіемъ для сего тридцати шести тысячъ рублей, и сколько окажется нужнымъ, на доставленіе его въ Казань, изъ Ларинскаго капитала.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по донесенію Директора Дерптской Обсерваторіи, Профессора Струве, находя весьма полезнымъ привести въ исполненіе трудъ, который послужитъ важнымъ источникомъ для географическаго описанія отдаленнаго и малоизвѣстнаго края Имперіи, всеподданнѣйше представлялъ Его Императорскому Величеству о продолженіи путешествія Кандидата Ѳедорова по Сибири до истеченія 1836 года, съ употребленіемъ какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ году, по 4500 рублей изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

*

На сіе представленіе послѣдовало 24 Іюля Высочайшее Государя Императора согласіе.

— Во исполненіе Высочайше утвержденной Его Императорскимъ Величествомъ, 24-го Августа (5-го Сентября) сего года, всеподданнѣйшей докладной записки Г. Министра Финансовъ, назначенъ Предсѣдателемъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта Членъ сего Совѣта, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, состоящій въ Свитѣ Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Графъ Сергѣй Строгановъ.

— Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 2-го Октября, объявлено, что Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ признавать купца Геккера Бременскимъ Вице-Консуломъ въ Кронштатѣ, а купца Таля, Любскимъ Консуломъ въ С. Петербургѣ.

— Высочайшимъ Приказомъ, $\frac{18}{30}$ Сентября въ Теплицѣ, уволенъ въ отпускъ, Начальникъ Штаба 3-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Графъ Толстой 2-й, для излеченія болѣзни, на одинъ годъ, съ отчисленіемъ отъ званія Начальника Штаба, и съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества.

— По поводу составившагося въ Санктпетербургѣ Общества, на акціяхъ, для содержанія пароходовъ, для плаванія по Россійскимъ портамъ Балтійскаго моря, Директоры онаго входили въ Министерство Финансовъ съ просьбою объ исходатайствованіи утвержденія таковаго Общества и основныхъ его правилъ. Правилами сими предполагалось: 1) Обществу таковому называться: Компаніею содержанія пароходовъ, для плаванія по Россійскимъ портамъ Балтійскаго моря. 2) Акцій установляется на первый разъ до 600, каждая 250 руб. ассигнаціями, для пріобрѣте-

нія пароходовъ, содержанія ихъ, шкиперовъ и на прочіе расходы. 3) Для непосредственнаго управленія дѣлами Компаніи избираются ежегодно на первый годъ дѣйствія два, а на слѣдующіе, три Директора изъ акціонеровъ, съ тѣмъ что сначала изъ Директоровъ одинъ, а потомъ два оставляются на другой годъ. 4) Если представятся случаи особенные, то разрѣшающія ихъ статьи должны быть утверждаемы большинствомъ подписей акціонеровъ. 5) Споры разрѣшаются окончательно большинствомъ голосовъ Директоровъ, съ приглашаемыми къ тому тремя акціонерами. 6) Пароходамъ изыскиваются всякія занятія, дозволенныя закономъ и не противныя выданнымъ привилегіямъ. 7) Для избѣжанія частыхъ трансфертовъ акцій Компаніи, съ каждой акціи взыскивается за сіе не болѣе одного рубля въ пользу Директоровъ, сверхъ особаго имъ за труды вознагражденія, какое опредѣлится оною. Другія же статьи, какъ-то: объ отчетѣ, раздѣлѣ прибылей, храненіи кассы и проч., имѣютъ быть на основаніи существующихъ Компаній. Г. Министръ Финансовъ, принимая въ соображеніе пользу отъ усиленія, посредствомъ пароходства, торговой дѣятельности между Россійскими портами Балтійскаго моря, и доставленіе оной чрезъ сіе вѣрности въ срокахъ перевозки разныхъ грузовъ, а также, что означенная Компанія не испрашивала себѣ никакихъ исключительныхъ привилегій или преимуществъ и согласуется съ существующими сего рода учрежденіями, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Г. Министровъ, испрашивая утвержденія оной на предположенномъ основаніи, на что, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Франція.

Всѣ Французскіе журналы наполнены подробностями преній въ Генеральныхъ Совѣтахъ, которые нынѣ собраны; эти подробности, касающіяся большею частію до мѣстныхъ дѣлъ, были бы не занимательны для нашихъ читателей.

Въ одномъ журналѣ напечатано исчисленіе законовъ, декретовъ, повелѣній и опредѣленій, изданныхъ во Франціи съ 1789 года по сіе время; число ихъ простирается до 76.758; въ томъ числѣ издано: Учредительнымъ Собраніемъ 3 402; Законодательнымъ Собраніемъ 2.078; Національнымъ Конвентомъ 14.034; Директоріею 2.749; Консульскимъ правленіемъ 3.844; Императорскимъ 10.254; Людовикомъ XVIII (съ 1 Апрѣля 1814 по 19 Марта 1815) 841; Наполеономъ по возвращеніи съ острова Эльбы и временнымъ правленіемъ 318; Людовикомъ XVIII (съ 25 Іюня 1815) 17.812; Карломъ X, 15.801; Людовикомъ Филиппомъ, съ 20 Сентября 1835, 6.323.

По исправленнымъ спискамъ избирателей и присяжныхъ въ Парижѣ и Сенскомъ Департаментѣ оказывается, что избирателей, подающихъ голосъ при выборѣ Депутатовъ въ Парижѣ 15.701; избирателей, подающихъ голосъ при выборѣ Депутатовъ въ Департаментѣ и членовъ Генеральнаго Совѣта въ Парижѣ 2.347; присяжныхъ не избирателей 835; всего 18.881.

Врачи, пользовавшіе Фіески, объявили 3 Октября, что онъ совершенно выздоровѣлъ. Г. Пененъ боленъ. Морей очень ослабленъ покушеніемъ своимъ уморить себя голодомъ, но не могъ вынести мученій, причиненныхъ ему этимъ, и отказался 4 ч. отъ своего намѣренія.

Графъ Себастіани, Французскій Посланникъ въ Лондонѣ, прибылъ въ Парижъ.

Англія.

Кромѣ Газеты the Globe, въ которой съ нѣкотораго времени стараются доказать необходимость реформы Верхней Палаты, — Газета the Courier, принадлежавшая къ числу умереннѣйшихъ изданій партіи Виговъ, также начала поддерживать эту мѣру. Поводомъ къ тому служитъ составленный, по опредѣленію Нижней Палаты, списокъ биллей, принятыхъ оною въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, и отвергнутыхъ Верхнею Палатою. — Число ихъ простирается до 52.

Въ Газетѣ the Standard утверждаютъ, что Лордъ *Мельбурнъ* приглашалъ Графа *Спенсера* (Лорда Альторпа) вступить въ нынѣшнее Министерство, но что Графъ *Спенсеръ* отказался, ибо не желаетъ имѣть съ *О'Коннелемъ* ничего общаго.

Англія и Шотландія никогда не наслаждались большею тишиною, какъ теперь; въ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ извѣстія, получаемыя изъ внутреннихъ областей сего Государства. Даже тамъ, гдѣ появлялся Г. *О'Коннель* съ своими пламенными рѣчами, и тамъ волненіе происходило, такъ сказать, только на поверхности. Нѣтъ сомнѣнія, что къ уменьшенію вліянія Г. *О'Коннеля* не мало содѣйствовало стараніе Министровъ и Виговъ отдаляться отъ него. — Во всякомъ случаѣ Министерство осталось чрезъ это въ выигрышѣ, ибо весьма многіе убѣдились теперь въ неосновательности увѣреній партіи Тори: будто бы Правительство находится въ зависимости отъ него. Система Министровъ состоитъ въ томъ, чтобы располагать свои законодательныя мѣры такъ, что *О'Коннель* принужденъ бываетъ поддерживать оныя; въ этомъ случаѣ оно дѣйствуетъ почти такъ же, какъ нѣкогда поступалъ *Каннингъ* и даже самъ

Герцогъ *Веллингтонъ*, чтобъ пріобрѣсть содѣйствіе Виговъ. — Увѣряютъ, что около 30 Членовъ Нижняго Парламента намѣрены воспользоваться этимъ кажущимся отреченіемъ Министерства отъ *О'Коннеля*, какъ поводомъ къ принятію Министерской стороны въ будущемъ Парламентскомъ собраніи, и что Министерство будетъ чрезъ то приведено въ возможность дѣйствовать нѣкоторымъ образомъ въ духѣ партіи консервативной. — Но 30-ти новыхъ приверженцевъ недостаточно для этого, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что Министры охотно стали бы дѣйствовать согласно съ видами Консервативныхъ Членовъ Нижней Палаты. Если бы они имѣли на своей сторонѣ около 400 или 500 Виговъ и Тори, и еслибъ Верхняя Палата поступала не столь непріязненно съ большею частію ихъ предположеній, то они, хотя и не стѣснили бы себя въ тѣхъ предѣлахъ, которыми нѣкоторые Тори хотятъ ихъ ограничить, однако положили бы оплотъ необузданной демагогіи и утвердили бы Государственныя учрежденія Англіи на основаніи непоколебимомъ. — Но надлежитъ опасаться, что Ультра-Тори не оставятъ управленія государствомъ во власти Виговъ, пока будутъ имѣть надежду пріобрѣсть власть себѣ; а доколѣ будетъ продолжаться борьба между ними и Вигами, дотолѣ радикалы и Ирландскіе Католики будутъ въ выигрышѣ. Достойно, однако, замѣчанія, что между тѣмъ какъ Г. *О'Коннель* съ торжествомъ объѣзжалъ Шотландію и Англію, и во многихъ мѣстахъ учреждаемы были празднества въ честь принадлежащихъ къ партіи Виговъ Членовъ Нижняго Парламента, — въ одномъ только Девонширѣ происходило собраніе приверженцевъ партіи Тори, въ честь Г. *Паркера*, выбраннаго тамъ на мѣсто Лорда *Джона Русселя*. — Притомъ, собраніе это чрезвычайно незначительно въ отношеніи къ числу и къ извѣстности участвовавшихъ въ немъ лицъ.—Въ вышедшемъ теперь нумерѣ Quarterly Review —главномъ представителѣ мнѣній партіи Тори — нѣтъ ни одной статьи о настоящихъ политическихъ дѣлахъ Англіи; изъ сего многіе заключаютъ, что главнѣйшіе изъ членовъ этой партіи убѣдились въ необходимости дать дѣламъ другой оборотъ, но еще не согласились между собою въ томъ, какимъ образомъ приступить къ этому. Хотя изъ числа газетъ партіи Виговъ, the Morning Chronicle и нѣкоторыя другія продолжаютъ доказывать необходимость преобразованія Верхняго Парламента; однако и со стороны Виговъ слышны также голоса въ защиту этой вѣтви законодательства. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь Г. *Вильде*, которую онъ произнесъ на данномъ въ честь его обѣдѣ, и въ которой не только опровергалъ въ сильныхъ выраженіяхъ всѣ клеветы, взводимыя на это достойное уваженія сословіе; но и показалъ, какимъ образомъ можно возстановить согласіе между нимъ и Нижнею Палатою безъ всякихъ насильственныхъ измѣненій. — Если обратить вниманіе, въ сколь многихъ случаяхъ Верхняя Палата показывала уже свою уступчивость, въ продолженіи послѣднихъ 6 или 7 лѣтъ, то можно раздѣлять съ Г. *Вильде*, его надежды и въ настоящемъ случаѣ. — Графъ *Мюльгревъ* совершилъ поѣздку въ Бельфастъ, гдѣ, какъ слышно, избѣгали его всѣ важнѣйшіе изъ Протестантовъ, что однакожъ, служитъ болѣе къ стыду сихъ послѣднихъ, нежели Лорда-Намѣстника, котораго и самые злѣйшіе враги не могутъ упрекнуть ни въ чемъ, кромѣ того развѣ, что онъ есть представитель Министерства Виговъ, покровительствующаго Католиковъ на счетъ Протестантовъ. Нельзя однако не согласить-

ся, что Католики ничего болѣе не требуютъ, какъ сравненія ихъ въ правахъ съ прочими сектами. — Парламентскій актъ объ эманципаціи Католиковъ, постановивъ, чтобъ такое неравенство впредь не существовало, далъ Католикамъ власть требовать, чтобъ сравненіе правъ приведено было въ исполненіе на самомъ дѣлѣ. — Министерство, дѣйствующее въ смыслѣ этого узаконенія, навлекаетъ на себя ненависть Протестантовъ, а партія Тори старается обратить ее въ свою пользу, хотя эманципація Католиковъ прежде допущена ею. — Въ будущее Воскресенье будутъ въ разныхъ церквахъ праздновать трехсотлѣтній юбилей перевода библіи на Англійскій языкъ; но какъ со стороны Епископовъ не сдѣлано никакихъ приглашеній къ этому торжеству, то все, вѣроятно, кончится нѣсколькими проповѣдями противъ Католицизма и благопріятствующаго ему Министерства.

Испанскія дѣла.

Извѣстія изъ Мадрита отъ 25 Сентября довольно неблагопріятны для дѣлъ Королевы-Регентши. Г. Мендисабаль боленъ и очень огорченъ безпрерывными требованіями своей партіи. Между тѣмъ Графъ Ласъ-Навасъ продолжаетъ итти на Аранжуецъ, отъ котораго онъ уже только въ шести льё и не хочетъ слушать представленій Квироги. Впрочемъ войско его весьма уменьшилось, потому что урбаносы, повинуясь приказаніямъ Королевы, оставили его.

Съ другой стороны, Генералъ Родиль и Г. Доносо отправились въ Труксилью, гдѣ находится Кассерессій Губернаторъ, братъ Г. Доносо, и Г. Караско, членъ Кассерессой Юнты, пользующійся большимъ вліяніемъ. Они должны имѣть совѣщаніе объ останов-

леніи войскъ, посланныхъ Эстремадурскими Юнтами и уже занимающихъ оба берега Тага на 30 льё отъ Мадрита.

Въ Mémorial Bordelais увѣряютъ, что Г. Мендисабаль отказался отъ званія Министра, видя что Юнты не хотятъ ни покориться центральному правительству, ни разойтись, не смотря на всѣ обѣщанія Министерской программы. Говорятъ, что 25 ч. Королева-Регентша приняла его отставку.

Въ Мониторѣ содержатся слѣдующія извѣстія изъ Испаніи. Изъ Хакки пишутъ отъ 25 Сентября, что въ разныхъ мѣстахъ взято въ плѣнъ болѣе тысячи человѣкъ изъ Наваррской арміи, и что составлявшія оную войска совершенно разсѣяны, такъ, что едва ли треть оныхъ возвратится въ Наварру. — Шедшій изъ Сокои Испанскій военный ботъ захваченъ Карлистскими шлюпами при Фуэнтарабіи. — — 4000 Карлистовъ угрожаютъ Фигверасу, оставленному безъ войска и провіанта; они тѣсно обложили также Льядо, Систелью и Дарнуисъ.

— Въ газетѣ Le Temps напечатано слѣдующее: Министерство, опасаясь, чтобы вредный примѣръ Испаніи не увлекъ Португаліи, старается воспрепятствовать вступленію Португальскихъ войскъ въ предѣлы Испаніи. — Вчера увѣряли, что это безпокойство не совсѣмъ неосновательно, и что Англія также опасается, чтобъ тишина въ Лиссабонѣ и Опорто не была нарушена.

10-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

11-го Октября.

IV.

МОДЫ.

Parmis beaucoup d'autres nouveautés nous avons remarqué des étoffes en cachemire uni, semées de dessins en relief de velours. Pour petit deuil, le cachemire gris à feuilles de velours noir est charmant.

— Pour soirées d'hiver on prépare des écharpes en gaze or, qui feront un brillant effet sur les toilettes blanches.

— Selon toute apparence les chapeaux d'hiver auront des formes un peu elevées et des passes assez grandes.— Les fleurs de velours, qui se confectionnent déjà, font présumer que cet ornement sera de mode sur les chapeaux en velours ou satin.

В числѣ множества другихъ новыхъ тканей, мы замѣтили гладкій кашемиръ, усѣянный выпуклыми бархатными рисунками. Для полутраура весьма хорошъ сѣрый кашемиръ съ черными бархатными листочками.

— Для зимнихъ вечеровъ готовятся шарфы изъ золотаго газа, которые должны производить блестящій эффектъ на бѣлыхъ платьяхъ.

— По всей вѣроятности, зимнія шляпки будутъ дѣлаться съ довольно высокими формами и довольно большими полями.

— Бархатные цвѣты, которые уже изготовляются, заставляютъ предполагать, что это украшеніе

будетъ самымъ моднымъ на бархатныхъ и атласныхъ шляпкахъ.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 5 Октября.)

V.

СМѢСЬ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ (*).

Сирійскіе ханы. Въ Очеркахъ Востока (С. О. и Сѣв. Арх. No 18) мы приводили изъ Г. Мишо короткое описаніе и хотя хорошее; но, можетъ быть, слишкомъ короткое, чтобъ дать ясное понятіе читателю объ этого рода строеніяхъ. Г. Ламартинъ въ своемъ Путешествіи сообщаетъ болѣе обстоятельное описаніе Сирійскихъ Хановъ, и мы приводимъ изъ него эту картину, желая тѣмъ пополнить уже сказанное нами о сараяхъ.

»Ханомъ (*ханъ*) называется въ Сиріи, какъ и на всемъ Востокѣ, квадратное строеніе безъ крыши, котораго стѣны такъ худо выложены изъ камня, какъ будто бы это было рѣшето: вѣтеръ и дождь свободно проходятъ сквозь скважины стѣнъ, обыкновенно закопченныхъ внутри дымомъ отъ очага, который тамъ безпрестанно пылаетъ. Стѣны имѣютъ отъ семи до осьми футовъ высоты; покрыты сырыми досками, корою и вѣтвями деревьевъ, и отѣняются единственно сухими фашинами, прикрѣпленными къ ихъ оконечно-

(*) Сообщено *М. А. Мурманскимъ*.

сти; крыши и пола нѣтъ; полъ замѣняютъ, смотря по времени года, грязь или пыль. Два или три столба служатъ подпорою этой фашинной полукрышѣ; на нихъ вѣшаютъ плащъ и оружіе путника. Въ одномъ углу находится небольшой очагъ, устроенный на нѣсколькихъ каменьяхъ, всегда пылающій огнемъ, на которомъ варятъ кофе,—это необходимое питье Турка и Араба. Въ ханахъ обыкновенно двѣ подобныя комнаты, если ихъ можно назвать этимъ именемъ.

»Одинъ или два Араба обыкновенно откупаютъ себѣ у Паши монополію торговать въ Ханѣ; они продаютъ въ немъ кофе и хлѣбныя лепешки. Подъѣхавъ къ дверямъ хана, путникъ слѣзаетъ съ верблюда или лошади; отвязываетъ соломенную рогожку и свой Дамасскій коверъ, которые должны служить ему постелью, и разстилаетъ ихъ въ одномъ изъ угловъ дымной комнаты; потомъ онъ садится, спрашиваетъ себѣ кофе, закуриваетъ свою трубку или кальянъ, въ ожиданіи пока рабы не соберутъ дровъ для приготовленія ему обѣда. Обѣдъ обыкнокенно состоитъ изъ двухъ или трехъ лепешекъ, едва испеченныхъ и почти сырыхъ и изъ нѣсколькихъ кусковъ изрубленной баранины, которую варятъ въ мѣдномъ котлѣ вмѣстѣ съ рисомъ. Всего чаще въ ханѣ нельзя достать ни рису, ни барана, и должно довольствоваться одними лепешками, да чистой водой, въ которой никогда не бываетъ недостатка въ окружности этихъ хановъ. Слуги, рабы, мукры (вожатые верблюдовъ) и лошади остаются на открытомъ воздухѣ около хана.

Обыкновенно въ сосѣдствѣ бываетъ какое нибудь извѣстное, старое дерево, которое изъ далека служитъ гостепріимнымъ вѣстникомъ каравану; всего чаще это бываетъ огромное фиговое дерево, какихъ я никогда не видалъ въ Европѣ; толщиною оно съ самый толстый дубъ, и живетъ еще долѣе его; его стволъ иногда отъ тридцати до сорока футовъ въ окружности, чаще еще болѣе; его вѣтви, которыя показываются на пятнадцать или двадцать футовъ отъ земли, идутъ горизонтально, сперва на большомъ протяженіи, потомъ мало по малу уменьшаются, такъ, что вершина представляетъ видъ почти правильнаго конуса.

Тѣнь этихъ деревъ, которыхъ Провидѣніе разбросало тамъ и сямъ, подобно гостепріимному облаку, лежащему надъ горячей землею пустыни, идетъ на большое разстояніе отъ ствола, и не удивительно видѣть десятковъ шесть верблюдовъ, лошадей и столько же Арабовъ, расположившихся во время дневнаго жара подъ защитою одного изъ этихъ благословенныхъ деревьевъ. Но здѣсь какъ и вездѣ съ досадой встрѣчаешь вѣчное Восточное нерадѣніе: эти деревья, которыя должно бы сохранять съ большею заботливостью какъ убѣжища, предлагаемыя самою природою усталой цѣпи каравановъ, предоставлены глупой недальновидности тѣхъ самыхъ, которые находятъ защиту подъ ихъ тѣнью. Арабы разводятъ огонь при самой подошвѣ смоковницы, и потому большая часть этихъ прекрасныхъ деревьевъ имѣютъ стволъ черный, закопченный дымомъ ихъ очаговъ. Нашъ маленькій караванъ расположился подъ одною изъ этихъ величественныхъ смоковницъ, и мы провели ночь, завернувшись въ плащи и лежа на соломенной постелѣ въ одномъ углу хана. (*Souvenirs, impressions etc. de l'Orient* par M. de Lamartine.)

=

Мехеммедъ-Али. Путешествія для Англичанъ также необходимы, какъ ростбифъ, портеръ и портвейнъ, — это ихъ стихія, какъ вода. Они толпою всякій годъ выѣзжаютъ изъ своего туманнаго

острова на Югѣ, чтобы погрѣться на его великолѣпномъ солнца, подобно тому, какъ выходятъ грѣться изъ Нила крокодилы. Вотъ Г. Сентъ-Джонъ, очень умный туристъ, для прогулки, какъ мы выходимъ на Невскій проспектъ, отправился на берега Нила; онъ очень умно гулялъ по Нильской долинѣ, потому что издалъ объ ней довольно любопытную книгу. Одинъ отрывокъ показался намъ интереснѣе прочихъ, потому что даетъ понятіе о характерѣ необыкновеннаго человѣка, въ рукахъ котораго находится Египетъ.—

,,Меня представили Пашѣ; онъ обошелся со мной очень ласково и учтиво. Поздравляю съ пріѣздомъ, сказалъ онъ, мнѣ очень пріятно видѣть васъ въ Египтѣ. Что думаете вы о моемъ отечествѣ? нравится ли оно вамъ? Мнѣ желательно, чтобы путешественники были такъ же безопасны въ моихъ владѣніяхъ, какъ у себя дома.

— Благодарю Вашу Свѣтлость, отвѣчалъ я; Александрія меня очень интересовала. Но и здѣсь, въ Каирѣ, я только еще на порогѣ Египта. Съ вашего позволенія, я посѣщу всю страну; теперь, кажется, путешественники здѣсь не болѣе подвергаются опасностямъ, чѣмъ въ самой Европѣ.

— Справедливо, очень справедливо; покровительствовать путешественникамъ составляетъ мое величайшее удовольствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что вы не встрѣтите ни какой опасности во весь проѣздъ вашъ черезъ мои владѣнія во всю ихъ длину. До котораго мѣста намѣрены вы проѣхать?

— До Донголье, если обстоятельства и время мнѣ будетъ благопріятствовать.

— Вы пріѣдете туда безъ всякой опасности. Вы будете дѣлать свои замѣчанія, и опишите ваше путешествіе, не такъ ли?

— Ваша Свѣтлость проникли мои намѣренія.

— Очень хорошо! Въ такомъ случаѣ я буду радъ доставить вамъ всѣ возможныя средства. На что хотите вы обратить ваши изысканія?.... На развалины, памятники искусства, остатки древнихъ временъ?

— Главное мое намѣреніе состоитъ въ томъ чтобы получить точное понятіе объ образѣ правленія Вашей Свѣтлости и настоящемъ положеніи государства.

При этихъ словахъ Паша измѣнился. Его лице приняло другое выраженіе, и онъ сказалъ мнѣ съ гордымъ видомъ.

— И такъ вы не за древностями сюда пріѣхали? Ваше намѣреніе чисто политическое.

— Не со всѣмъ такъ; но признаюся Вашей Свѣтлости, что зная уже древній Египетъ изъ описаній историковъ, мнѣ любопытнѣе было узнать, какіе настоящіе его источники и начала могущества и благоденствія, его военныя силы; и въ этомъ отношеніи мнѣ было бы очень лестно, еслибъ Ваша Свѣтлость дозволили мнѣ сдѣлать вопросъ.

— Охотно, государь мой, говорите.

— Ваша Свѣтлость, безъ сомнѣнія, знаете, что Мальтійская газета напечатала исчисленіе силъ.......

— Очень ложное, прервалъ Паша съ видомъ довольно благосклоннымъ. Я могу вооружить болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ; у меня флотъ хорошо устроенъ. Сужденіе газеты не есть сужденіе цѣлой Европы; я уважаю мнѣнія Европы, сударь, (онъ болѣе и болѣе разгорячался;) я уважаю только мнѣнія тѣхъ, кто меня лучше знаетъ; я уже давно занимаюсь Исторіей своей жизни. Въ свободное время отъ общественныхъ и народныхъ дѣлъ, я диктую ее самъ особенному секретарю, который ее пишетъ. Не подумайте, чтобы Исторія, занимающая такой длинный періодъ, и основанная только на моихъ воспоминаніяхъ, имѣла недо-

статокъ въ точности; природа одарила меня большею памятью, я ничего не забываю; я могу описать все, какъ будто бы это вчера только что было, всѣ происшествія, которыя случились тому уже сорокъ лѣтъ. Моя біографія будетъ полная; она будетъ заключать въ себѣ исторію моей юности, прежде моего прибытія въ Египетъ; я опишу состояніе государства до моего прибытія, и всѣ послѣдствія моихъ военныхъ экспедицій въ Нубію, въ Сеннааръ, въ Кордофанъ, Лидоразъ и Сирію.

Подъ конецъ этого исчисленія я замѣтилъ, что Паша болѣе и болѣе одушевлялся; голосъ его имѣлъ энтузіазмъ; онъ улыбался съ гордостью. Сколько еще времени, сказалъ я ему, потребно Вашей Свѣтлости, для окончанія своей Исторіи?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ; трудъ продолжителенъ, а свободныхъ часовъ у меня бываетъ очень мало.

— Какъ бы я былъ счастливъ, прибавилъ я, еслибъ могъ получить нѣкоторыя подробности?

— Послушайте, надо васъ удовлетворить въ этомъ отношеніи. Я родился въ одной Албанской деревнѣ; мой отецъ имѣлъ еще десятерыхъ сыновей; они всѣ умерли; но когда мы вмѣстѣ жили, никто изъ нихъ мнѣ никогда не противорѣчилъ. Когда я покинулъ мои горы, я былъ еще не взрослыхъ лѣтъ, но уже въ странѣ не производилось ни одного важнаго дѣла безъ совѣта со мною. Пришедши сюда, я былъ безвѣстнымъ иноземцемъ; я былъ еще только Бимбаши (тысячникъ, капитанъ).

Однажды, Коммисаръ долженъ былъ раздавать палатки Бимбашамъ; мы толпились около него; всѣ прочіе, превосходившіе меня лѣтами службы и жизни, конечно, должны были итти прежде меня. Отойдите всѣ, сказалъ имъ офицеръ; Мехеммедъ-Али пусть идетъ первый. Мнѣ дали первую палатку. Я постепенно подвигался

впередъ, какъ Богу угодно было, и вотъ что я теперь.

Сказавши это, онъ не много поднялся со стула и смотрѣлъ въ окно, на которомъ покоилась его рука, и изъ котораго видъ простирался на озеро Маріутъ.

— Вы видите до чего я достигъ, надо мной не было никогда властелина!

Въ это время его пламенные глаза устремились на свертокъ, содержавшій въ себѣ фирманъ Султана. (*Travel in the vallry of the Nile.* By M. St. John.)

═

Бухарскій Ханъ. Библіотека для чтенія уже приводила во многихъ изъ своихъ нумеровъ выписки изъ любопытнаго путешествія Англійскаго Поручика Бернса въ Узбекистанъ. Заимствуемъ изъ его сочиненія описаніе ханствующаго теперь Бухарскаго повелителя православныхъ и его жизни. Бернсъ встрѣтилъ его на улицѣ въ священномъ Бухарѣ. Онъ хотѣлъ увидѣть Хана въ главной мечети, построенной Тамерланомъ, и отправился туда въ одну пятницу; но его Свѣтлость уже вышелъ изъ нее и попался на встрѣчу путешественнику.

»Хану кажется не болѣе 30 лѣтъ; по лицѣ у него непріятное, маленькіе глаза и блѣдное и тощее лице. Онъ былъ въ простомъ шелковомъ халатѣ и въ бѣлой чалмѣ; иногда на чалмѣ бываетъ султанъ, украшенный алмазами. Передъ нимъ несли Алкоранъ, впереди и позади котораго шли по два жезлоносца и кричали по Турецки: »Молите Бога, да будетъ всегда справедли ъ Глава Правовѣрныхъ!« Въ свитѣ было не болѣе 100 человѣкъ; многіе одѣты были въ парчу и имѣли при себѣ золотыя сабли, которыя скорѣй можно назвать ножами: это почетный и отличный знакъ вельможи. Нынѣшній Ханъ имѣетъ гораздо многочисленнѣйшую свиту, чѣмъ кто либо изъ его

предмѣстниковъ, но онъ полагаетъ, что надо показывать упущеніе въ храмѣ въ присутствіи Аллаха. Народъ поклонился ему: я послѣдовалъ его примѣру Характеръ Багадуръ-Хана заслуживаетъ величайшія похвалы. При вступленіи на престолъ, онъ раздавалъ все, что ни имѣлъ. Онъ строго соблюдаетъ предписанія своего закона, не будучи при томъ фанатикомъ какъ его отецъ, Миръ Гайдеръ, и подданные говорятъ даже, будто бы онъ живетъ только податями, взносимыми Жидами и Индѣйцами; а мечети и муллы обираютъ остальной доходъ. Я думаю напротивъ того, что при такомъ воинственномъ и честолюбивомъ характерѣ, Багадуръ-Ханъ собираетъ и копитъ сокровища для прочнѣйшаго утвержденія своей власти.

Жизнь Бухарскаго Хана вовсе не достойна зависти. Вода, которую ему приносятъ для питья изъ рѣки въ ушатахъ, находится подъ отвѣтственностью и печатью двухъ особенныхъ чиновниковъ. Визирь распечатываетъ ихъ, и давши напиться своей свитѣ, отвѣдываетъ самъ, и тогда только кладетъ свою печать на ведра, чтобы отправить ихъ прямо къ своему государю. То же самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніи кушаньевъ. Министръ отвѣдываетъ ихъ, давши напередъ отвѣдать окружающимъ его людямъ, и подождавъ часа два, чтобы увидѣть ихъ дѣйствіе, отсылаетъ къ Хану въ особыхъ коробкахъ подъ государственною печатью. У Хана есть ключикъ отъ этихъ коробокъ, а у Визиря другой. Такимъ же образомъ испытываютъ и плоды, сласти и все съестное, такъ что государь Узбековъ обреченъ ѣсть всегда холодное. Эти испытанія, составляющія одну изъ обязанностей государственнаго Министра, доказываютъ какъ не рѣдко употребленіе яда и Ханъ, быть можетъ, потому такъ страшится его, что его самаго подозрѣваютъ въ употребленіи этого сред-

ства при вступленіи на престолъ. (*Travels into Bokhara, being an account of journey, from India ta Cabool, Tartary and Persia. By lieutenant Alexander Burns.*)

=

Кафры. Какъ мы уже начали обирать новѣйшія путешествія, то вотъ и еще небольшой отрывокъ изъ путешествія по Африкѣ Англійскаго джентльмена, котораго имя, какъ увѣряетъ *Библ. для Чтенія*, нельзя выразить Русскими буквами. Вотъ что говоритъ этотъ невыразимый путешественникъ о любопытномъ народѣ, — о Кафрахъ.

Мы были поражены благородною и легкою поступью этихъ дикихъ. Обыкновенная одежда ихъ состоитъ въ одной бычачьей кожѣ, немного смягченной, овальной и небрежно накинутой на плечо. У нихъ прекрасный станъ, и вовсе негрубые пріемы. Почтительные безъ низости, они обладаютъ врожденною смѣтливостью и деликатностью, которая препятствуетъ имъ кого нибудь обижать, не только поступкомъ, но даже словами. Отъ начальника до послѣдняго изъ племени, всѣ отличаются этими драгоцѣнными качествами, столь рѣдкими между самыми образованными народами.

Однакожъ женщины почитаются ниже мужчинъ. Это происходитъ отъ того, что онѣ занимаются работой своихъ мужей; тогда какъ мужчины помогаютъ имъ только доить коровъ и межевать поля, которыя онѣ засѣваютъ, пашутъ и пр. Сѣять, пахать землю, строить хижины, и другія еще тягостнѣйшія работы, составляютъ обязанность женщинъ. И потомъ, какъ у Готентотовъ и другихъ Африканскихъ племенъ, онѣ обѣдаютъ отдѣльно. Многоженство въ обыкновеніи между Кафрами, но только между богатѣйшими изъ нихъ, то есть тѣми, которые об-

ладаютъ большимъ количествомъ скота и полей. Женъ покупаютъ прямо у будущаго своего тестя. Молодой мужчина, имѣющій избытокъ въ скотѣ, отдѣляетъ изъ него нѣсколько штукъ для покупки себѣ жены, одной или многихъ; и купивши ее, смотритъ уже за нею какъ своею собственностью. Невѣрность строго наказывается, нерѣдко даже смертью.

Кафрское племя раздѣляется на *краалы*, или улусы, которые состоятъ обыкновенно изъ десяти до двадцати хижинъ и стольнихъ же семействъ, находящихся подъ властію одного наслѣдственнаго главы. По обычаю, уже укоренившемуся, вся земля и весь скотъ почитаются собственностью этого главы; но только почитаются, потому что ему не даютъ пользоваться этимъ правомъ.

Когда Кафръ занеможетъ, и лекарства, данныя лекаремъ, или вѣрнѣе лекаркою, потому что здѣсь женщины исполняютъ эту должность, не производятъ никакого дѣйствія, то приписываютъ это обыкновенно недоброжелательству котораго нибудь сосѣда. И потому здѣсь очень боятся, чтобъ не заболѣлъ сосѣдъ: въ случаѣ его невыздоровленія мнимый сосѣдній колдунъ тотчасъ приговаривается къ смерти, и его скотъ раздѣляется на половину между семействомъ больнаго и главою поколѣнія.

Не смотря на эти и многія другія признаки суевѣрія, Кафры отличаются своею понятливостью, вѣрностью, цѣломудріемъ, гостепріимствомъ, и также скупостью Они говорятъ языкомъ богатымъ, пріятнымъ, обильнымъ. Миссіонеры увѣряютъ, что у нихъ есть пять или шесть разныхъ словъ для означенія высшаго существа. Превосходя Готентотовъ во многихъ качествахъ, они не имѣютъ однако жъ ихъ дара къ музыкѣ. Пѣсни ихъ, полныя чувства и поэзіи,

имѣютъ мелодію самую монотонную, которая всегда содержитъ въ себѣ только двѣ или три ноты.

Окончимъ выписки еще двумя чертами нравовъ этого народа.

Когда начальникъ хочетъ отправиться на охоту, то назначаетъ своему поколѣнію сборное мѣсто, куда всѣ должны отправиться; изъ этой точки они разливаются на большое пространство вокругъ нея, и отступаютъ мало по малу къ сборному мѣсту, загоняя дичину. Тогда употребляютъ они въ дѣло свои острые дротики, *ассегей*, которые кидаютъ съ большимъ искусствомъ въ разстояніи отъ пятидесяти до шестидесяти саженъ. У нихъ есть еще другое оружіе, —*кюрье*, дубина съ большимъ узломъ на оконечности, которою они также владѣютъ чрезвычайно искусно.

Для ловли слоновъ, они собираются въ большомъ числѣ, и лишь только замѣтятъ одного изъ этихъ умныхъ животныхъ, отставшаго отъ стада, тотчасъ мечутъ въ него всѣ вдругъ свои дротики, и раненый сотнями *ассегей*, онъ вскорѣ истекаетъ кровью и околѣваетъ. Во время этой охоты всегда двое или трое бываютъ растерзаны раздраженнымъ слономъ; но что это за потеря для начальника, который предписалъ такую славную охоту?....

Кафры имѣютъ необыкновенное отвращеніе отъ мертвыхъ тѣлъ. Лишь только кто изъ нихъ заболѣетъ такъ, что лекарки уже отчаяваются въ его жизни, тотчасъ вырываютъ для него яму въ порядочномъ разстояніи отъ его дома и кладутъ туда страдальца съ нѣкоторыми съѣстными припасами; его оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, покуда голодъ, болѣзнь, и лишенья не умертвятъ его совершенно. Когда Кафръ умретъ въ своей хижинѣ, то цѣлый крааль, (деревня) навсегда покидается. Дѣлаютъ исключеніе только для начальниковъ. Эти почти всегда погре-

баются въ оградѣ, въ которой запирается скотъ. Съ церемоніей хоронятъ только начальниковъ, убитыхъ на сраженіи: ихъ тѣла покрываютъ маленькими камнями. Въ этомъ и состоитъ вся церемонія. (*Ten years in southern Africa.* By lieutenant Moodie.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 42.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ оригинальной Комедіи:

БѢДА отъ БЕНЕФИСА,

или

УСЛУЖЛИВЫЙ ДУРАКЪ ОПАСНѢЕ ВРАГА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I-е.

МОРЕНИНЪ (1) въ халатѣ, НАДИНЬКА (2) и КАТЯ (3) за чайнымъ столикомъ; НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА (4) разливаетъ чай; НИКОНОРУШКА (5) на другой сторонѣ театра сидитъ у столика за книгой.

Моренинъ, (*Катѣ*).

Ну, вотъ твои враги!... замолкли, уннлись,

---

(1) Заслуженый танцоръ.
(2) Актриса, дочь его.
(3) Танцовщица, племянница его.
(4) Фигурантка, сестра его.
(5) Сынъ его.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты со мной совѣтываться стала.
Вчера вѣдь хлопать принялись
И вызвали за то, что хуже танцовала!

Надежда Николаевна.

А хлопаетъ-то кто?.. Повѣришь ли, — все онъ!..
Все наше солнышко, нашъ Фениксъ, Аполлонъ!
Вотъ, истинно скажу, фанатикъ театральный!..

Моренинъ.

Услужливый дуракъ!..

Надежда Николаевна.

За то крикунъ нахальный!
Намъ дѣло ль до того, что онъ городитъ вздоръ,
Что онъ въ сужденіяхъ рѣшителенъ и скоръ,
Что по уши въ долгу,
Что дядю разорилъ?.. Ей, ей! тебѣ не лгу:
Настроилъ старика театръ домашній строить;
Ужъ этотъ балаганъ чего ему не стоитъ!
Костюмы вѣдь одни въ пять тысячь обошлись,
А сколько полотна потратилъ для кулисъ!
Старикъ то сердится. А онъ не унываетъ;
На немъ себѣ одинъ за семерыхъ играетъ!

Надинька.

Въ театрѣ насъ всегда онъ со смѣху моритъ;
На мѣстѣ на одномъ ни какъ не посидитъ!
Вертится, морщится, и шепчетъ, и вздыхаетъ,
Вслѣдъ за актерами всѣ роли повторяетъ!
Залезетъ въ первый рядъ!
Всѣ на него глядятъ,
А онъ и въ усъ не дуетъ,

Всѣхъ меньше слушаетъ, и больше всѣхъ бушуетъ!

Моренинъ.

За то ему и честь: проявится-ль актеръ,
Иль злую оперу напишетъ Дирижеръ,
Или изъ Нижняго пожалуетъ актриса,
Иль водевиль кому спекутъ для бенефиса;
Хоть будь онъ шутъ не шутъ
А всѣ къ нему идутъ:
Отецъ нашъ помоги!., Журналы нынче строги,
(Тутъ всѣ просители раскланяются въ ноги!)
Заставь насъ за себя ты Господа молить!
Нельзяль пріятелей въ партеръ понасадить? —
Его лишь попроси, — онъ гвалтъ такой подыметъ,
Что Боже упаси! — На откупъ креслы сниметъ,
Засядетъ въ первой рядъ,
И всѣхъ перекричитъ, — а ужъ его наврядъ!
Объѣзди цѣлый свѣтъ,—такой не сыщешь глотки.
Для славы не щадитъ ни денегъ онъ, ни водки,
Ужъ онъ на томъ стоитъ! И вотъ
Четвертый годъ,
Разинуть рта въ театрѣ не даетъ!
Всѣмъ аплодируетъ, стучитъ и вызываетъ,
Короче, онъ одинъ судьбу піесъ рѣшаетъ!
Да, нечего сказать,
Андрей Андрѣича со свѣчкой поискать!

Надежда Николаевна.

Одно лишь худо въ немъ. Онъ вѣчно всѣхъ ругаетъ.
И Лерскаго всегда злословитъ, унижаетъ!

Моренинъ.

Намъ что до этого?

Надежда Николаевна.

Враговъ не наживать!..
За что его ругать?
Онъ человѣкъ прекрасный;
И ловокъ и остеръ,
Притомъ ведетъ всегда прекрасный разговоръ,
А скромность я люблю ужасно!
Всегда задумчивъ онъ, застѣнчивъ и угрюмъ,
Словца не скажетъ на обумъ.

Моренинъ.

Иванъ Петровича ты съ жаромъ защищаешь!
Ужъ нѣтъ ли тутъ чего?..

Надежда Николаевна.

Ты насъ не понимаешь;
Онъ мнѣ понравился, не красотой, — умомъ,
Что ни спроси его, — все выучилъ, все знаетъ,
Стихи печатаетъ, — и книги сочиняетъ,
Имѣетъ на Фонтанкѣ домъ,
Въ Изюмѣ душъ пятьсотъ, — да выгодное мѣсто..
Авдей Михайловичъ!.. Вѣдь я еще невѣста!

Моренинъ, (*въ сторону*).

Смотри ей въ зубы, а она
Ни какъ ужъ влюблена!
Поди тутъ, вразуми чудиху!..
(*Надеждѣ Николаевнѣ*).
Смотри, — вѣдь я скажу и Штриху.

Надежда Николаевна.

Пожалуй говори!.. я Штриха не боюсь,

Вѣдь онъ за мной, не я за Штрихомъ волочусь!

Катя, (*въ полголоса Надинькѣ*).

За мной волочится Химеровъ, — только скрыто!
И дядюшка его престрашный волокита!

Надежда Николаевна.

Кто, Князь?.. Поди-ка съ нимъ!.- Хоть нѣтъ во рту зубовъ,
А онъ на все готовъ!
Вчера какъ Катинька носилась въ первой парѣ,
Смотрю.... А бѣдной Князь чуть дышетъ въ бенуарѣ!..
А кончился спектакль... Химеровъ уморилъ,
И въ кресла и въ балконъ людей понасадилъ,
Да и давай кричать изъ всей дурацкой мочи!
Все Катю вызывалъ!.. Какъ грудь не надсадилъ!
Когда бъ не вывели, — кричалъ бы до полночи!..
Да что ни говори,
А онъ необходимъ! (*Катѣ*) Его благодари,
Когда прійдетъ сюда. Смотри, принарядися
И лишній разъ взгляни, кивни, да улыбнися.

Моренинъ.

Ахъ, полно, помолчи
Пожалуста ее хоть въ этомъ неучи!
Нашла кого учить!...

Катя.

Какъ будто я не знаю!
Вѣдь я ужъ третій годъ любовницъ представляю.

Никонорушка.

И представляете на славу!

Надинька, (*иронически*)

Какъ умно!

Никонорушка.

Вѣдь противъ васъ итти другимъ то мудрено:
Вы представляете любовницъ такъ прекрасно,
Что мнѣ страхъ нравится, ужасно!

Надежда Николаевна.

А ты, сударь, смотри, — смотри, да замѣчай,
Вѣдь попадешь и ты на сцену невзначай!

Никонорушка.

Я, тетенька, играть все буду офицеровъ,
Да только съ саблями, съ усами, да съ перомъ.

Моренинъ.

Сегодня вѣдь прійдетъ Химеровъ,
Ты роль-то выучилъ?

Никонорушка.

Ужъ не запнусь ни въ чемъ,
И пропорю на славу!

Моренинъ.

Ну, вотъ нашелъ забаву!
Ты лучше не спѣши,
Важнѣе выступай, поболѣе души,
Да громче говори — играешь ты тирана.
Тебя въ Трагедію пускать хотя-бъ и рано,
Но дѣлать нечего: иди на что пошелъ!
Въ тебѣ способности къ Трагедіи нашелъ

Андрей Андреевичь, а онъ знатокъ извѣстный
Учитель мимики и дикціи чудесный!

Никонорушка.

Да что и говорить! На дикцію мастакъ!
Ему какъ хошъ читай,—онъ все кричитъ: »не такъ!»
Онъ хоть кого собьетъ, уходитъ и замучитъ,
Я, тетенька, боюсь, что онъ меня заучитъ!

Моренинъ.

И по дѣломъ тебѣ!... А ты перенимай!
Да интонацію и жесты замѣчай.

Никонорушка.

Замѣтишь чорта съ два. Онъ какъ-то все чудеситъ,
И Физика моя его ужасно бѣситъ!
Онъ говоритъ, что я неловокъ, мѣшковатъ,
Что будто хохочу я вѣчно не впопадъ.
Дерется по рукамъ! — А я по чемъ же знаю!
Я въ первый разъ еще тирана представляю!
(*Плачетъ*).

Моренинъ.

Ну, вотъ разхныкался! Нельзя и пошутить,
Вѣдь онъ же для тебя хлопочетъ...

Никонорушка.

Можетъ быть!
Да скоролъ онъ отстанетъ?....
Смотрите, онъ меня, ей Богу, истиранитъ!

Моренинъ.

А ты бы думалъ какъ?

Вѣдь слава дешево нигдѣ не достается!
Вѣдь встарь и я игралъ. Насъ мучили не такъ.
Вашъ балетмейстеръ простъ, за то онъ не дерется!
А прежній взбѣсится, — такъ Боже упаси!...
Да вотъ у тетушки спроси!
Не въ тѣхъ ужъ лѣтахъ,
А знаетъ какого участвовать въ балетахъ.

Надежда Николаевна.

Охъ, братъ, не говори!
Что голова цѣла, судьбу благодари;
Отъ балетмейстеровъ чего не испытала:
Срамилась, падала, — и сколько разъ летала!
А все причиной ты. Вѣдь угораздилъ Богъ
Въ балеты сунуться, — чуть не лишился ногъ!

Моренинъ.

Да, нечего сказать. Была тогда потѣха
Бѣда! Хоть волкомъ вой, — ужъ дѣло не до смѣха!
Я помню, какъ теперь: играли мы Балетъ
Сумбеку. Я тогда танцоръ былъ не зазорный,
А все однако же Артистъ придворный!
Назадъ тому лѣтъ шесть
Османомъ былъ — *Медокъ*; *Сумбекою* — *Апорта*;
А я взялся за ролю чорта.
Сыграли актъ, другой, — дошло и до чертей,
(Другихъ же у меня и не было ролей)
Мы и давай бѣситься!... Да машины
Ужасно скверно шли; — и то не безъ причины:
Французъ Мусье Дюте... (чтобъ чортъ его побралъ!)
Передъ пiесою чертей въ буфетъ зазвалъ;
Мы тамъ напились славно!
А въ представленiи все было неисправно.
Мы скачемъ; А Дюте забылъ....

(Провалъ его возьми!).... Провалъ и не закрылъ;
А я вѣдь этаго всего не знаю
И дьявольскую роль усердно отдираю:
Скакалъ себѣ, скакалъ,
Да въ яму и попалъ!!..
И ногу вывихнулъ, — вотъ пятый годъ хромаю!

Надежда Николаевна.

Да ништо, по дѣломъ;
Вѣдь чѣмъ ты не скакалъ?... И чортомъ и козломъ,
Въ отставку бы пора!.. Боишься ли ты Бога!...
На свѣтѣ жить тебѣ осталось ужъ не много,
Пора покаяться, — ты много нагрѣшилъ:
Предъ честными людьми душой кривилъ...

Моренинъ.

Ну, перестань, сестра, кто старое помянетъ.....

Надежда Николаевна.

Ты перекрестишься когда ужъ громъ прогрянетъ!
О томъ не думаешь...... —

Моренинъ.

Да полно же, сестра.

Надежда Николаевна.

Нѣтъ.

Моренинъ.

За молчишь ли ты?

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Не кончу до утра,
Ты самъ всему причиной!

МОРЕНИНЪ.

Вѣдъ это страсть твоя....

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Скрывайся подъ личиной!
Морочь честныхъ людей! Актерствуй! Приглашай
Зоиловъ на обѣдъ, — за славу угощай!
Предъ Журналистами гни спину, унижайся.....

МОРЕНИНЪ.

Ей, лучше не ругайся!...

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Тебѣ не сдобровать,
На площадь выйду я. — Тамъ буду всѣмъ кричать...

МОРЕНИНЪ, (*замахиваясь*).

Молчи же, а не то, накостыляю шею!.....

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

Попробуй, подойди..... Себя не пожалѣю!....
(*Никоноръ помираетъ со смѣху*):

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ТѢЖЕ и ХИМЕРОВЪ.

ХИМЕРОВЪ, (*входя*):

Вотъ это я люблю! И шумъ, и смѣхъ, и споръ!

Что за исторія?.... О чемъ былъ разговоръ?....

МОРЕНИНЪ.

Такъ-съ, — это ничего.... Мы роли проходили...
Приватно.... межъ собой...
Готовять водевиль, — мы Надиньку учили!....

ХИМЕРОВЪ, (*скоро*).

Какъ, водевиль?.... Какой?
Ну, такъ, — для Бенефиса?
Я тотчасъ отгадалъ... (*Обращаясь къ Надеждѣ Николаевнѣ*):
Вы славная Актриса,
Умѣли мастерски вы гнѣвъ изобразить.
А кто переводилъ? (*къ Надинькѣ*):
Позвольте васъ спросить?

НАДИНЬКА, (*иронически*)

Не помню автора, — у тетушки спросите.

ХИМЕРОВЪ, (*Надеждѣ Николаевнѣ*):

Здоровье ваше какъ?.. (*Увидя Катю*):
Не видѣлъ, извините!
Васъ видѣть очень радъ...
(*Обращаясь къ Надинькѣ*)
Какъ вы въ своемъ здоровьи?

НАДИНЬКА.

Охота время вамъ терять на пустословье!

ХИМЕРОВЪ.

Вы шутите?

Надинька.

О, нѣтъ.

Химеровъ, (*разсѣянно*):

Я ѣздилъ на парадъ,
Народу чудо тамъ... Меньшой мой служитъ братъ...
Такъ я ходилъ смотрѣть....
(*Къ Катѣ.*)
Здоровы?

Катя.

По немногу.

Химеровъ.

Здоровы? — Слава Богу.
(*Къ Надинькѣ.*)
Хорошъ ли водевиль?

Надинька.

Да такъ-съ. . . .

Химеровъ.

На вѣрно гиль.
А сочинитель кто?... Иванъ Петровичъ Лерской?....
Ну, такъ! — Я это зналъ; онъ сочинитель мерзкой.
Не знаетъ грамоты и любитъ воровать;
Двухъ словъ порядочно не можетъ написать.
(*Молчаніе.*)
Давали въ бенефисъ піесы наши вмѣстѣ; —
Я подарилъ, — онъ продалъ...

Моренинъ.

Какъ?

Химеровъ.

За двѣсти.
Все это ничего... Онъ бѣдный человѣкъ!..
Я съ мужиковъ беру, — онъ служитъ цѣлый вѣкъ,
Такъ пишущая тварь! Вѣдь вы его видали?
Неужли никогда въ театрѣ не встрѣчали!
Меня ужасно онъ смѣшитъ,
Представьте, никогда со мной не говоритъ!
И тонкій, и сухой, — душа въ немъ ели, ели!
(Его еще въ Пчелѣ не такъ давно задѣли!)
И подѣломъ ему... Ужаснѣйшій нахалъ.
Представьте, какъ меня недавно разругалъ:
Вхожу себѣ въ буфетъ . . . .

Надинька.

Вы, вѣрно, позабыли,
Что начали разсказъ о вашемъ водевилѣ?—

Химеровъ.

Ахъ, да, я и забылъ,
Напомните-ка мнѣ, — о чемъ я говорилъ?

Катя.

О пьесахъ начали вы свой разсказъ сначала.

Химеровъ.

Его-то вызвали . . .

Катя.

А васъ?

Химеровъ.

Моя — упала!
(Обращаясь къ Надинькѣ.)
Ну, что вашъ бенефисъ?...

Надинька.

Бѣда! издержекъ тма! кричи, и суетись,
А толку нѣтъ . . .

Химеровъ.

Нашли ли вы піесу?

Надинька.

Прислали изъ Москвы, да мало интересу,
Другая хороша, — да слишкомъ солона!

Химеровъ.

Что? вѣрно, черезъ чуръ игрива, нескромна?

Надинька.

Да-съ. Знаете, совсѣмъ въ особомъ родѣ,
Ужъ черезъ чуръ вольна . . .

Химеровъ.

Чтожъ? Это нынче въ модѣ.
А въ сколькихъ дѣйствіяхъ?

Катя.

Три дѣйствія.

Химеровъ, *(рѣшительно.)*

Длинна.
(Катѣ.)
Признаться, не люблю я нѣжности поддѣльной,
До вольностей я самъ охотникъ пресмертельный.
(Заигрываетъ съ нею.)
Вы милы, comme un ange! Я право вамъ не лгу,
Простите, позабылъ, вѣдь я у васъ въ дому!

Моренинъ, *(съ радостію.)*

Неужели? . . .

Химеровъ, *(разсѣянно).*

Ей, ей! *(Катѣ)* Вчера вы какъ играли!
Меня своей игрой совсѣмъ очаровали,
За мною поцѣлуй . . . .
(Хочетъ ее поцѣловать.)

Никонорушка.

Ну, Катя, поцѣлуй!

Химеровъ.

Что жъ дѣлать! У меня такое заведенье...
Вы мнѣ позволите безъ всякаго сомнѣнья
Себя поцѣловать? . . .

Катя, *(съ притворнымъ гнѣвомъ.)*

Охота приставать!
Ахъ, полноте, — какъ это вамъ не стыдно!

Химеровъ.

И вы противитесь?... Вѣдь это пребидно.
(*Цѣлуетъ ее.*)
(*Къ Надеждѣ Николаевнѣ.*)
Ну, и піеса чтожъ?...

Надежда Николаевна.

Не знаешь какъ и быть,
Надежа отдала одну переводить.

Химеровъ, (*къ Катѣ.*)

Кому же?..

Катя.

Лерскому, пусть трудится для пробы.

Химеровъ, (*въ сторону.*)

Я тресну, кажется, отъ зависти и злобы!..
(*Ей.*)
Да онъ испортитъ вамъ....

Катя.

Пускай его кряхтитъ,
У насъ піесы нѣтъ, — а время вѣдь летитъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е

ТѢЖЕ и ЛЕРСКОЙ, (*съ піесой.*)

Моренинъ, (*встрѣчая его.*)

Иванъ Петровичь! Вы ли?
А мы только сейчасъ о васъ здѣсь говорили.

Химеровъ, (*раскланиваясь*).

Таланту вашему дивились и уму,
И легкости стиховъ и живости разсказа...
Повѣрьте слову моему.
Прочли четыре раза:
Вы мнѣ не вѣрите? — Вамъ честію божусь,
Вотъ я на нихъ пошлюсь!
За вашъ талантъ я васъ люблю и уважаю.

Лерской, (*сухо*).

Я Литераторамъ не слишкомъ довѣряю.

Химеровъ.

Напрасно. Я давно всѣмъ это говорилъ,
Талантъ рѣшительный всегда въ васъ находилъ,
Съ Антомъ Антонычемъ за васъ мы побранились.

Лерской.

Напрасно вы трудились
Его разувѣрять. Я просто вамъ скажу:
Хвалой такихъ людей со всѣмъ не дорожу.

Химеровъ.

Онъ человѣкъ пустой, — объ этомъ нѣтъ и спора,
И написалъ довольно вздора,
Не знаетъ ничего, а судитъ обо всемъ.
А надо честь отдать, вѣдь онъ съ большимъ умомъ!
Какъ онъ *остро острит*ъ, какъ славно разбираетъ,
(И разбираетъ то, чего не понимаетъ!..)
Вы помните какъ онъ чудесно разобралъ?...

Лерской.

Его разборовъ я давно ужъ не читалъ!

Моренинъ, (*Лерскому*).

Да чтожъ вы, батюшка?.. Вы словно насъ боитесь!
Изволите стоять.... (*подаетъ ему стулъ*).
Садитесь!
Не жестко ли сидѣть?...
(*придвигаетъ кресла*).
Не нужно ли чего?..
Винца прикажете?.. иль рюмочку ликеру?..
Или рябиновки отличнаго разбору?..
Для васъ добудемъ мы всего,
Хоть птичье молоко спросите!

Лерской.

Я ничего не пью....

Моренинъ.

Здѣсь дуетъ, — не сидите.
(*Лерской отодвигается отъ окна*).

Надежда Николаевна.

Не нужноль трубочку?

Лерской.

Позвольте...

Моренинъ.

Эй, Архипъ!
Архипъ! Живѣй!.. Да позовите!..
Ей, человѣкъ! Архипъ!
(*Звонитъ*).

ЯВЛЕНIЕ 4-е.

ТѢЖЕ и АРХИПЪ.

Моренинъ.

Кричавши я охрипъ.
Иванъ Петровичу подай скорѣе трубку;
Возьми тамъ у меня черешневой чубукъ!
Рябиновки подай!... (*Архипъ ворчитъ*),
(*Обращаясь къ Лерскому*).
Держи вотъ этихъ слугъ,
Вѣдь что не говори я этому обрубку,
Онъ вѣчно какъ шальной!..
(*Архипъ уходитъ*)

ЯВЛЕНIЕ 5-е.

ТѢЖЕ, кромѣ АРХИПА.

Моренинъ, (*Лерскому*).

А это что у васъ?...

Лерской.

Мой переводъ.

Химеровъ, (*подбѣгая къ нему*).

Какой?

Лерской, (*Надинькѣ*).

Я *Стеллу* перевелъ по вашему желанью,
Позвольте почитать . . .

Моренинъ.

Мы вѣримъ дарованью;
Вы такъ легко умѣете писать,
Что вамъ нельзя соперника сыскать.

Химеровъ.

Да, надо честь отдать,
Съ Иванъ Петровичемъ здѣсь некому тягаться,
*

Его Сатиръ всѣмъ надо опасаться!
Я вамъ объ немъ скажу: для остраго словца
Не пощадитъ ни друга ни отца!
(*треплетъ его по плечу*).

Лерской.

Отъ вашихъ нѣжностей пожалуйста избавьте!..

Химеровъ, (*обращаясь къ дамамъ*).

Онъ обижается!.- Представьте!
Нельзя и пошутить... Позвольте посмотрѣть!
(*беретъ у него тетрадь и перелистываетъ*).

Никонорушка, (*подбѣгая къ Химерову*).

Ахъ, дайте поглядѣть.
Какъ это сочиняютъ?
(*беретъ у Химерова тетрадь и разсматриваетъ*).
Какъ сочинители черкаютъ все, мараютъ!

Надежда Николаевна.

Тебя кто спрашивалъ! За чѣмъ піесу взялъ,
Не видя ни чего ужъ ты ее измялъ!
(*Отнимая тетрадь у Никонора, перелистываетъ ее и находитъ записку.*)
Надеждѣ!.. Это мнѣ...
(*поспѣшно прячетъ.*)

Надинька, (*Лерскому*).

Все ваше одолженье,
Я чувствую вполнѣ....

Лерской.

Я въ восхищеньи.
Что могъ вамъ услужить!

Надежда Николаевна. (*присѣдая и потупляя глазки*).

Не знаю право я чѣмъ васъ благодарить!

Лерской, (*застѣнчиво*).

Помилуйте, мой долгъ . . . .

Надинька.

Ахъ, еслибы вы знали,
Какъ въ этотъ бенефисъ мы бились, хлопотали!..

Надежда Николаевна.

Мнѣ, право, совѣстно теперь и вспоминать,
Что переводомъ мы васъ смѣли утруждать!

Лерской, (*Надинькѣ*).

Вамъ не просить, — приказывать мнѣ надо.

Надинька.

Но я просила васъ . . .

Лерской, (*съ жаромъ*)

Довольно было взгляда,
Намека тонкаго, улыбки не земной,
Чтобъ я покинулъ сонъ, и службу, и покой......

Моренинъ, (*тихо Химерову*).

Никакъ стихи читать онъ Надинькѣ пустился!

Надежда Николаевна. (*въ сторону*).

Ей Богу, онъ въ меня безъ памяти влюбился!

Надинька.

О водевилѣ васъ просить еще хотѣла
Но не смѣла...

Надежда Николаевна, (*про себя*):

Не знаю и сама, какъ въ этомъ я успѣла!

Моренинъ.

Да что же, Господа, не лучшель закусить,
Да къ дѣлу приступить?....
Вѣдь время мы теряемъ,
А послѣ завтрака и Стеллу прочитаемъ!

Лерской.

Прошу меня простить,
Ужъ я закусывалъ....

Моренинъ.

Не ужели.....

Химеровъ.

Ей Богу....
Вы вѣрно скушали пулярку на дорогу.
Безъ этого ни какъ я выйти не могу.

Лерской.

Я между тѣмъ займусь, — піесу пробѣгу.....

Химеровъ, (*отходя Моренину*):

Онъ церемонится.... Себя высоко ставитъ!....

Моренинъ. (*отходя, Химерову*).

Вѣдь честь приложена, — убытку Богъ избавитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лерской, (*одинъ*):

Ушли. Душѣ моей раздолье и просторъ!...
Я чувствую опять поэзіи призванье,
Вдохни въ меня восторгъ прелестное созданье!...
(*Садится къ столу и пишетъ*):
»Очаровательна!... Ея волшебный взоръ,
»Какъ солнца яркій блескъ глаза мнѣ ослѣпляетъ,
»Онъ сердцу говоритъ,
»Блаженство мнѣ сулитъ,
»И искрами любви мнѣ въ душу западаетъ.«
(*По нѣкоторомъ молчаніи*:
»Безумецъ!.... Ты влюбленъ!... Нѣтъ, страсть моя пройдетъ,
»Теперь душа моя любви какъ пищи проситъ,
»Но время этотъ чадъ разгонитъ, разнесетъ,
»—Такъ Майскіе цвѣты свирѣпый вихрь разноситъ!«

А. Булгаковъ.

II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

ОБЪ УСТРОЕНІИ
желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Un auteur bien connu s'excusait en disant qu'il n' avait pas eu le temps d'être plus court; quant à moi, je puis dire que je n'ai pas eu le temps d'être plus long: — il y avait urgence....

8 Сентября 1835 года.

Удачное дѣйствіе Манчестеръ-Ливерпульской желѣзной дороги и въ особенности предначертанія къ устроенію таковыхъ же дорогъ на болѣе значительныхъ разстояніяхъ, сдѣланныя въ послѣднее время въ Англіи, Франціи, Нидерландахъ и Австріи, возродили нынѣ у насъ сужденія — о *пользѣ устроенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.*

Сужденія эти, составляя и увлекая общественное мнѣніе, содѣлались такъ сказать, всеобщи, занимая и стремящихся къ пользамъ государственнымъ и общественнымъ и желающихъ помѣстить капиталы свои и наконецъ спекуляторовъ.

При направленіи умовъ къ предмету столь важному, какъ по огромности требуемаго капитала, такъ и по предлагаемому имъ умноженію государственнаго и частнаго благосостоянія, — я также чувствую потребность высказать мнѣніе свое, надѣясь, что если оно не

представитъ вполнѣ доказательствъ собственнаго моего убѣжденія, то по крайней мѣрѣ, можетъ споспѣшествовать къ болѣе положительнымъ изслѣдованіямъ.

Я болѣе чѣмъ кто либо признаю важность этого способа сообщенія; болѣе чѣмъ кто либо благоговѣю предъ оказываемыми имъ послѣдствіями; однимъ словомъ, я пламенный поборникъ желѣзныхъ дорогъ, устраевываемыхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. — Притомъ я вполнѣ сознаю полезность улучшенія путей сообщенія въ Россіи, искренно убѣжденъ въ благотворности имѣющихъ произойти отъ того послѣдствій, при облегченіи обмѣна произведеній сѣверныхъ съ южными и западныхъ съ восточными губерніями; однимъ словомъ я совершенно увѣренъ, что употребленіе на этотъ предметъ самыхъ огромныхъ капиталовъ, принесетъ непосредственную и прямую пользу отечеству. Со всѣмъ тѣмъ не могу не сознать, что *предполагаемое нынѣ на великомъ пространствѣ устроеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи совершенно не возможно, очевидно безполезно и крайне не выгодно.* —

Неоспоримо, что для основательнаго изслѣдованія степени полезности этихъ дорогъ, необходимо имѣть хотя общія понятія *о свойствахъ ихъ*, дабы явственно видѣть: что представляютъ онѣ по мѣстности возможнаго и невозможнаго, удобнаго и затруднительнаго, выгоднаго и невыгоднаго.

По сему прежде чѣмъ приступлю къ предположеннымъ изысканіямъ, нахожу необходимымъ упомянуть здѣсь о главнѣйшихъ свойствахъ и принятыхъ нынѣ къ устроенію желѣзныхъ дорогъ правилахъ.

Главное и неотъемлемое свойство желѣзной дороги есть прямое и горизонтальное ея проложеніе. — Въ крайнихъ только случаяхъ и при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, допускается не большое и притомъ не чувствительно-постепенное *отклоненіе дороги* отъ совершенно горизонтальной линіи, а еще менѣе *склоненіе* ея отъ совершенно прямой линіи всего *проложенія.* Степень таковаго *отклоненія и склоненія* вычислена нынѣ, какъ мы увидимъ ниже, математически, устроиваясь сверхъ того на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и въ перемежку съ прямыми и горизонтальными линіями проложенія.

По таковому свойству, для соединенія двухъ избранныхъ пунктовъ, на примѣръ С. Петербурга и Москвы, посредствомъ желѣзной дороги, должно:

Поручить надежнымъ Инженерамъ означить совершенно прямую линію разстоянія С. Петербурга отъ Москвы и за тѣмъ снять подробные планы мѣстамъ, по которымъ она проходитъ. Потомъ слѣдуетъ нарѣзать дорогу по означенной прямой линіи проложенія. Для чего необходимо пріобрѣсти покупкою отъ частныхъ лицъ и Обществъ, то пространство зем-

ли, а равно тѣ дома и другія зданія, которыя встрѣтятся по ея направленію.

Наконецъ устроиваютъ уже по означенному проложенію самую дорогу т. е. такую *земляную насыпь*, которая бы вездѣ и на всемъ пространствѣ между С. Петербургомъ и Москвою, представляла почти совершенно горизонтальную линію или высоту. Для чего необходимо самые малые холмы, а и того болѣе горы,— срывать или прорывать въ уровень проложенія; надъ самыми малыми лощинами и долинами — дѣлать насыпи, а иногда выводить на значительныхъ пространствахъ сплошные каменные своды; при встрѣчѣ проложенія дороги съ низменными мѣстами, — проводить отводные каналы; наконецъ при ручьяхъ и большихъ рѣкахъ,— строить прочныя и въ уровень съ насыпью мосты; или отводить русла самыхъ рѣкъ или же, если судоходство или иныя причины не дозволятъ этого сдѣлать, — подводить подъ ними подземные ходы, начиная устроеніе ихъ съ постепеннымъ склоненіемъ на протяженіи 2, 3, 5, а иногда и болѣе верстъ. — Всѣ эти препятствія съ большими или меньшими затрудненіями представляются при построеніи всякой желѣзной дороги. Тамъ гдѣ они, какъ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, преодолимы и вознаграждаемы, можетъ быть устроена желѣзная дорога; гдѣ же непреодолимы, или крайне стѣснительны, тамъ пожертвованіе самыхъ огромныхъ капи-

таловъ не сдѣлаетъ ихъ ни употребительными ни полезными.

Приготовивши упомянутую прямо-идущую и горизонтальную *насыпь*, приступаютъ къ укрѣпленію ея грунта. Таковое укрѣпленіе бываетъ различно, смотря по грунту самой насыпи, требуя иногда, на примѣръ на песчаномъ грунтѣ, кирпичнаго фунтамента и т. п. Но какъ постоянное сохраненіе установленной горизонтальности дороги необходимо, то особенно въ мѣстахъ, подверженныхъ дѣйствію частыхъ перемѣнъ и рѣзкимъ переходамъ атмосферы, на этотъ предметъ обращаютъ нарочитое вниманіе. Почему нѣкоторые полагаютъ, что въ мѣстахъ, гдѣ земля подвержена глубокому замерзанію и частымъ оттепелямъ, необходимо укрѣплятъ насыпь каменною настилкою.—

Проложивши и укрѣпивши *насыпь*, приступаютъ къ устройству собственно *желѣзнаго пути* т. е. къ накладкѣ вдоль по насыпи особымъ образомъ выкованныхъ желѣзныхъ брусьевъ, называемыхъ *рельсами* и имѣющихъ въ длину около 6 аршинъ.

Накладка *рельсовъ* производится слѣдующимъ образомъ: вдоль по насыпи, въ растояніи другъ отъ друга не далѣе какъ на одинъ аршинъ, вдѣлываются *каменные борова*. — У концевъ *рельсовъ* непремѣнно долженъ быть *боровъ* и *перемычка* съ противоположнымъ *боровомъ*. Къ каждому *борову* прикрѣпляется, посредствомъ двухъ плотныхъ *загоновъ*, чугунная, осо-

бымъ образомъ отлитая *подушка*, въ прорѣзъ которой вставляется *рельсъ*, такъ притомъ, чтобы нижняя часть его входила во впадину *подушки*, а верхняя выходила наружу.—*Рельсы* въ концахъ своихъ имѣютъ *скосы*, нѣсколько похожіе на букву S — При соединеніи *рельсовъ* скосами, они не скрѣпляются непосредственно, но утверждаются въ означенной чугунной *подушкѣ*, вставляя по бокамъ небольшіе куски чугуна. Таковое соединеніе требуетъ большой точности и наблюденія: ибо малѣйшая не ровность у соединенія *рельсовъ* или малѣйшая ихъ раскачка, много уменьшаетъ скорость движенія экипажа, производя иногда остановки и даже несчастія. — По этому очевидно, что въ нашемъ климатѣ едва ли можно было бы обойтись безъ прочной каменной или по крайней мѣрѣ кирпичной подстилки по всему протяженію дороги.—

Экипажи, на желѣзныхъ дорогахъ употребляемые, имѣютъ особое устройство, установливаясь на 4-хъ совершенной одинаковой высоты колесахъ, которые идутъ по двумъ *рельсамъ* дороги. Слѣдовательно разстояніе между *рельсами* должно быть совершенно одинаково съ разстояніемъ колесъ экипажа. Выходящая вверхъ сторона *рельса* дѣлается совершенно гладкою и съ *боковымъ отваломъ*. По ней-то идетъ колесо экипажа, которое для постояннаго удержанія хода по верху *рельса*, снабжено идущею вдоль его обода *закраиною*, — заходящею за *отвалъ рельса*.

Я не упоминаю здѣсь о системѣ *плос-*

кихъ рельсовъ, т. е. такихъ желѣзныхъ брусьевъ, которые не выдаваясь вверхъ, идутъ плоско по дорогѣ, имѣя съ боку, для удержанія колеса экипажа выходящій вверхъ *валикъ.* — Это устройство желѣзныхъ дорогъ, даже въ мѣстахъ гдѣ прежде было введено, нынѣ оставляется: ибо набивающіяся въ полосы пыль и грязь, дѣлаютъ большія затрудненія и представятъ по той же причинѣ, еще большія неудобства въ Россіи.

Экипажи, по желѣзнымъ дорогамъ употребляемые, бываютъ двухъ родовъ: *фургоны* для товаровъ и *дилижансы* для пассажировъ. Въ обоихъ случаяхъ экипажи везутся по дорогѣ или подвижною пароходною машиною, или же лошадьми. Колеса ихъ не вертятся на осяхъ, какъ у обыкновенныхъ экипажей; но утверждены на нихъ неподвижно, вертясь вмѣстѣ съ осями.—Притомъ эти экипажи вовсе не имѣютъ *колеснаго передка* и все вообще устройство передней и задней части ихъ, совершенно одинаково. По чему они съ равною удобностію могутъ итти взадъ и впередъ по дорогѣ; но не могутъ дѣлать поворота въ сторону, подобно какъ *коллсочки лѣтнихъ Русскихъ горъ.* — Подвижность *передка,* доставляя экипажу способность удобнаго поворота на обѣ стороны, а слѣдовательно допустивъ бы давать дорогѣ желаемое *склоненіе,* подвергала ыб экипажъ, идущій по столь скользкой и узкой желѣзной полосѣ, безпрерывной и неизбѣжной опасности сойти къ *рельсовъ.* Но ли-

шивши экипажъ *передка,* вовсе поставили въ невозможность давать дорогѣ и экипажу желаемой поворотъ въ сторону. — А изъ этого само собою слѣдуетъ очевидная *необходимость прямаго проложенія желѣзной дороги.*

Это коренное свойство строго соблюдается при ихъ построеніи. Такъ напримѣръ Манчестерская дорога, представляя на всемъ протяженіи своемъ почти совершенно прямую линію, имѣетъ только нѣсколько небольшихъ и въ весьма дальнемъ другъ отъ друга разстояніи склоненій, не превосходящихъ отъ 1.500 до 2.000 единицъ радіуса.—Во всякомъ случаѣ склоненіе дороги ни коимъ образомъ не можетъ быть менѣе 500 единицъ радіуса. Даже при столь незначительномъ *склоненіи* дороги отъ совершенно прямой линіи, къ дѣйствію экипажа не только требуется приложенія большой силы, но и ходъ его становился медленнымъ, затруднительнымъ, а часто и весьма опаснымъ: ибо для поворота экипажа, при самомъ маломъ *склоненіи* дороги, необходимо заставить одну сторону колесъ его, итти впередъ, а другую скользить или вертеться назадъ; а слѣдовательно терять силу, время, и подвергаться безпрерывной возможности или сломить *закраину колеснаго обода* или заставить неодинаковымъ движеніемъ одной стороны скользящихъ колесъ сбросить самый экипажъ съ дороги. — По сему при малѣйшемъ *склоненіи,* принимаютъ тщательныя предосторожности, напримѣръ, возвышая нѣсколько одну сторону

линіи *рельсовъ* или безпрерывно обливая скользящую сторону колесъ водою.

Изъ особеннаго притомъ устройства колесъ экипажей, дѣлающихся всегда изъ желѣза или чугуна, и идущихъ по желѣзнымъ же брусьямъ или *рельсамъ*, произтекаетъ особенное ихъ свойство, которое состоитъ въ томъ, что экипажи при извѣстномъ небольшомъ *наклоненіи дороги*, получаютъ чрезмѣрную и опасную скорость; а при извѣстномъ небольшомъ *поднятіи* и *возвышеніи* дороги, вовсе перестаютъ дѣйствовать и самая сильная машина заставила бы колеса ихъ только вертеться вокругъ себя, не подвигаясь съ мѣста.—А по этому очевидно, что для надлежащаго дѣйствія экипажей, *необходимо давать желѣзной дорогѣ почти совершѣнно горизонтальную линію* или одинаковую *на всемъ* въ уровень *протяженіи высоту*. Даже позволяемое по сему въ крайнихъ случаяхъ отступленіе, весьма незначительно: ибо изчислено, что при *наклоненіи желѣзной дороги*, свыше 5-ти милиметровъ на метръ, фургоны могутъ итти уже собственною тяжестію, не требуя посторонней силы къ движенію; при *наклоненіи* до 14 милиметровъ на метръ, ходъ ихъ можетъ еще умѣряться придѣлываеми *тормасами*; но при большомъ *наклоненіи*, скорость собственнаго движенія экипажей становится чрезмѣрна и часто производитъ ужасныя послѣдствія. — Съ другой стороны при *поднятіи* или *возвышеніи* желѣзной дороги, отъ нуля горизонтальности

до 8 милиметровъ на метръ, можно употреблять къ перевозкѣ фургоновъ и дилижансовъ *подвижныя пароходныя машины* (*machines locomotives*)—при поднятіи отъ 8 до 12 и даже до 14 милиметровъ, возможно еще тащить экипажи лошадьми; но при большемъ *возвышеніи*, необходимо уже употреблять *неподвижныя паровыя машины* (*machines fixes*, *stationaires*). Эти машины дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: утвердивъ впереди направленія дороги и на крайней точкѣ ея возвышенія *неподвижную машину*, прикрѣпляютъ одинъ конецъ каната къ ней, а другой къ экипажамъ, которые хотятъ тащить впередъ. *Неподвижная машина*, навертывая тотъ канатъ на барабанъ, притягиваетъ къ себѣ экипажи.

Употребленіе *неподвижной машины* вообще неудобно: ибо при дѣйствіи ея къ надлежащей установкѣ и движенію экипажа, теряется много времени и въ особеенности требуется бдительнаго надзора за канатомъ, разрывъ котораго повлекъ бы гибель пасажировъ и разбитіе экипажа. Совсѣмъ тѣмъ приспособленіе *подвижныхъ пароходныхъ машинъ*, столь еще ново, устройство ихъ столь еще несовершенно, что на всѣхъ имѣющихъ нѣсколько значительное протяженіе желѣзныхъ дорогахъ, не могутъ обойтись безъ пособія *подвижныхъ машинъ*.—Что же касается до приведенія экипажей въ дѣйствіе лошадьми, въ тѣхъ случаяхъ, когда *подвижная пароходная машина* (*machine loco-*

motive), *при возвышеніи* дороги отъ 8 до 12 и 14 милиметровъ, не можетъ быть употреблена, то по важнымъ неудобствамъ, о которыхъ упомянемъ ниже, этотъ способъ дѣйствія нынѣ вовсе оставленъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ прежде введенъ.

Имѣвшіе случай видѣть планы Манчестеръ-Ливерпульской дороги, знаютъ сколь мѣстоположеніе между этими двумя городами, дозволило сохранить требуемыя желѣзною дорогою *прямость и горизонтальность линіи проложенія*. Вотъ числовое имъ означеніе: отъ подземнаго хода въ Ливерпулѣ находящагося.

2.400 м.	наклоненіе 0.0021.
1.600	уровень. — — —
8.800	наклоненіе 0.001
2.400	возвышеніе 0.0105.
2.400	уровень. — — —
2.400	наклоненіе 0.0105.
4.000	наклоненіе 0.0005.
4.000	уровень. — — —
10.400	наклоненіе 0.0011
8.800	возвышеніе 0.00085.
7.200	уровень. — — —

Но и при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могли однако же избѣжать употребленія у Ливерпульскаго подземнаго хода *неподвижныхъ паровыхъ машинъ*; а при единственномъ не большомъ, встрѣченномъ дорогою *возвышеніи* (см. 0.0105.) должны постоянно прилагать *подсобную паровую машину*, всякой разъ при ходѣ по оному экипажей.

Преодолѣвши всѣ препятствія, болѣе или менѣе, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ, проложенію желѣзной дороги природою противуоставляемыя, не должно полагать, чтобы сообщенія по ней могли быть отправляемы *безостановочно*, *съ точностію*, *въ опредѣленное время* и въ особенности, чтобы можно было отправлять *желаемое число экипажей*. Напротивъ, для каждой желѣзной дороги назначается положительнымъ изчисленіемъ, сколько именно можетъ она держать экипажей и сколько изъ нихъ и по какой очереди отправлять въ путь.

Это обстоятельство, составляя важный недостатокъ свойства желѣзныхъ дорогъ, заслуживаетъ болѣе подробнаго поясненія.

Кромѣ особыхъ случаевъ, какъ напримѣръ, для спуска каменнаго угля съ мѣста добыванія до мѣста его отправленія, желѣзныя дороги обыкновенно устроиваютъ въ *два пути*: одинъ изъ нихъ назначается для отхода, а другой для возврата фургоновъ и дилижансовъ. По этому можно только или отправлять по дорогѣ фургоны и дилижансы въ одно время, давая имъ притомъ возможность итти съ одинакою *скоростію*; или же отправлять сперва фургоны, болѣе медленнымъ ходомъ и выждавши извѣстное время, дабы не застать ихъ въ пути, отправлять потомъ дилижансы, ѣдущіе вообще болѣе скорымъ ходомъ.

По закону механики скорость движенія

пропорціональна дѣйствующей на нее тяжести; т. е. дабы при извѣстной силѣ итти скорѣе, нужно уменьшить тяжесть; или дабы такою же силою вести большую тяжесть, нужно итти медленнѣе. А какъ по этому поспѣшная или дилижансовая доставка обходится несравненно дороже медленной или фургонной, то почти всѣ товары, не могши платить за перевозъ свой цѣны поспѣшной доставки, отправляются обыкновенно въ фургонахъ. Въ слѣдствіе чего нѣкоторыя желѣзныя дороги назначены исключительно только для фургонной перевозки; но другія устроены, какъ для фургонной, такъ и для дилижансовой, при установляемой *очерди отправленія* ихъ.

Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній способъ дилижансоваго и фургоннаго отправленія, какъ самый выгодной, полагается учредить по желѣзной С. Петербургъ-Московской дорогѣ; — и на него то обратимъ здѣсь особое вниманіе. — Но прежде необходимо упомянуть о способахъ *нагрузки* и *выгрузки экипажей*. —

Нагрузка и *выгрузка* требуетъ всегда значительнаго времени и крайне затрудительна: сперва фургоны или партію къ отправкѣ приготовляемую располагаютъ на особо для того устроенныхъ *пристаняхъ*; потомъ каждый фургонъ по одиначкѣ подгоняется къ складочному мѣсту или *магазину*; наконецъ нагрузивши поодиначкѣ же устанавливаютъ на проложеніи желѣзной дороги. Причемъ почти всегда фургоны или вообще

экипажи должны дѣлать поворотъ. Но какъ мы видѣли выше, что они стоятъ плотно на *рельсахъ* и не имѣютъ *передка*, то въ нужныхъ къ повороту случаяхъ употребляютъ особую машину называемую *въѣзднымъ воротамъ*, которой есть не что иное какъ утвержденный въ извѣстномъ мѣстѣ вокругъ себя вертящійся плоскій кругъ. — Поставивъ на этотъ кругъ экипажъ, поворачиваютъ его такъ, что бы экипажъ, повернувшись вмѣстѣ съ кругомъ, пришелся бы колесами противъ *рельсовъ*, и что бы за тѣмъ можно было подвинуть его по направленію дороги.—Тоже самое дѣлается при вводѣ каждаго экипажа съ *постороннихъ дорогъ* на *главную желѣзную дорогу*. — Причемъ должно замѣтить, что *постороннія желѣзныя* дороги представляютъ еще большое неудобство, затрудняя расчетъ *очереди отправленія* между двумя главными пунктами дороги.

Наконецъ нагрузившіеся экипажи отправляются въ путь. Но какъ по одному и тому же пути идутъ и поспѣшные дилижансы и медленно тянущіеся фургоны, то для поддержанія надлежащаго порядка, должно производить безпрерывныя соображенія, не только объ оборотахъ экипажей, о числѣ накопленія на пристаняхъ и о скорости хода ихъ на пространствѣ всего пути, но и о точности и дѣйствіяхъ долженствующихъ войти, во время шествованія, съ *постороннихъ на главную дорогу экипажей*. — Очевидно, что въ столь сложной

операціи, малѣйшая задержка одного экипажа останавливаетъ всю партію, а весьма часто нарушаетъ даже весь порядокъ *очереди отправленія*. Избѣгать же таковыхъ нарушеній столь трудно, что при заведеніи даже особыхъ сигналовъ,— передающихъ извѣстіе о случившихся остановкахъ, Правленіе Ліонскою желѣзною дорогою, при многолѣтнемъ стараніи, не могло до сего времени на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, установить безостановочной и точной очереди отправленія.

Если пространство желѣзной дороги не велико, если экипажи пробѣгаютъ его въ полчаса, часъ и даже въ часъ и при четверти, какъ по Манчестерской дорогѣ, — то пуская всякой часъ, или всякія два часа экипажи, попремѣнно съ пасажирами и съ товарами, можно еще, при большихъ усиліяхъ, соблюсти нѣкоторый порядокъ отправленія, буде притомъ не произойдетъ чего либо неожиданнаго съ экипажемъ или съ дорогою, что случается даже въ самыхъ благорастворенныхъ климатахъ. —

Но если пространство желѣзной дороги значительно и даже огромно, какъ на примѣръ между С. Петербургомъ и Москвою, то не возможность соблюсти безпрерывность сообщенія и точность *очереди отправленій* становится весьма важною, и по этому уже одному неудобству, дѣлаетъ самое учрежденіе желѣзной дороги совершенно безполезнымъ. Ибо при пространствѣ 600 верстъ не только маловажная

починка дороги, но и самая кратковременная задержка одного только фургона, произведетъ остановку всѣхъ партій и дилижансовъ въ путь пущенныхъ; а по сему совершенно разстроитъ, на многія недѣли, всю *очередь* отправленія. Остановка по Манчестерской дорогѣ, на примѣръ одной партіи или отправленія, сдѣлаетъ разницу въ *очереди*, положимъ, равную времени прохожденія всего пути, т. е. равную полутору или $1\frac{3}{4}$ часамъ; слѣдовательно остановка десяти отправленій, составитъ разницу 15 или 17 часовъ, т. е. назначенные къ перевозкѣ изъ Манчестера въ Ливерпуль товары и пасажиры будутъ доставлены позже однимъ днемъ. — Но одна подобная, кратковременная задержка по С Петербургъ — Московской желѣзной дорогѣ, требующая времени, также равнаго прохожденію всего пути, составитъ уже остановку въ *очереди* — трое или четверо сутокъ; а слѣдовательно задержка десяти подобныхъ отправленій, заставитъ опоздать назначенные товары и пасажировъ 30 или 40-ка днями. — Конечно устроиваемые по желѣзнымъ дорогамъ, такъ называемые *объѣзды*, доставляютъ иногда возможность объѣхать остановившійся экипажъ. Но представляя одинаковыя съ склоненіемъ дороги не удобства, они много увеличивая опасность ѣзды, допускаются только на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, и могутъ быть нѣсколько полезны только тогда, когда остановка или задержка случится близь или у самаго *объѣзда*; ина-

че остановившійся экипажъ нѣкуда будетъ отогнать, а и того менѣе снять съ дороги.—

Но возразятъ, что большія пространства, представляя для желѣзной дороги непреоборимыя препятствія, можно отстранить, если вмѣсто прямаго сообщенія С. Петербурга съ Москвою, будутъ проложены *отдѣльныя* желѣзныя дороги отъ С. Петербурга до Новгорода, отъ Новгорода до Твери и отъ Твери до Москвы.

Но при такихъ также весьма значительныхъ разстояніяхъ, свойство желѣзныхъ дорогъ и представляемыя имъ препятствія, почти ни сколько не измѣняясь, произведутъ только новые по дѣйствіямъ перевозки стѣсненія: ибо извѣстно уже, что перегрузка и установка экипажей при всякомъ начальномъ отправленіи ихъ крайне затруднительна; что послѣдующая отъ того меньшая извѣстность количества отправленій, тѣмъ больше произведетъ промедленіе, что не только для изготовленія лошадей, но единственно для приведенія пароходной машины въ движеніе, нужно топить ее около полутора часа. Принявъ все это въ соображеніе, легко было бы доказать числами, что для доставленія по таковымъ *отдѣльнымъ дорогамъ* пасажировъ и товаровъ изъ С. Петербурга въ Москву, потребно было бы въ полтора и даже въ два раза болѣе времени, нежели при непосредственномъ между ими сообщеніи.—

Но, возразятъ можетъ быть, что отъ этого выиграла бы торговля Новгорода и Твери. — Торговля есть обмѣнъ произведеній и промышленности. — Что же Новгородъ можетъ дать С. Петербургу, кромѣ тѣхъ скудныхъ и громоздныхъ товаровъ, которыми онъ и безъ того съ удобствомъ уже снабжаетъ Столицу? — Однимъ словомъ подобное устроеніе *отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ*, отстранивъ только прямую цѣль предположенія, состоящаго въ доставленіи облегченія и ускоренія сообщеній промышленныхъ Столицъ нашихъ, лишитъ тѣмъ самое предположеніе одного и единственнаго повода, заставляющаго производить по этому предмету какіе либо труда и времени заслуживающія соображенія.—

Но оставивъ первоначальное предположеніе прямаго соединенія С. Петербурга съ Москвою, не ясно ли, что одно уже разстояніе ихъ, не допуская безостановочнаго, хотя нѣсколько точнаго отправленія, не только не обѣщаетъ доставить выгодъ отечественной промышленности и общему благосостоянію, совершенно должно лишить возможности производить какое либо по нимъ сообщеніе? Ибо кто поѣдетъ по желѣзной дорогѣ, когда ни коимъ образомъ нельзя назначить дойдетъ ли отправившійся дилижансъ изъ С. Петербурга въ Москву въ 3 или 4 дня или же въ 10 и 12 дней; а равно и товары доставятся ли они въ 10 и 12 или въ 30 и 40 дней, а иногда и долѣе?

Нужно ли наконецъ упоминать, что къ означеннымъ выше препятствіямъ, должно присовокупить еще непреоборимыя препятст-

вія климатомъ къ учрежденію желѣзной между С. Петербургомъ и Москвою дороги представляемые? —

Даже утверждающіе возможность устроенія таковой желѣзной дороги, не полагаютъ что бы она могла дѣйствовать въ году болѣе 9 или 10 мѣсяцевъ. — Но развѣ зимнее время продолжается когда либо въ С. Петербургскомъ и Московскомъ климатѣ только два мѣсяца? Напротивъ, зная, что малѣйшее накопленіе на *рельсахъ* постороннихъ веществъ, а того болѣе замерзающаго снѣга, дѣлаетъ употребленіе желѣзныхъ дорогъ не только опаснымъ, но и совершенно не возможнымъ, навѣрное должно полагать что съ Ноября по Мартъ т. е. около 5-ти мѣсяцевъ, зимнее время ни коимъ образомъ не дозволитъ ѣзды по нимъ. А слѣдовательно желѣзныя дороги, единственно уже по этому, не представили бы въ отношеніи къ намъ ни малѣйшей пользы. Къ тому же должно имѣть еще въ виду, что послѣ обильныхъ снѣговъ, сильныхъ морозовъ и частыхъ оттепелей, всегда производящихъ значительное расширеніе или сжатіе желѣзныхъ *рельсовъ*, причиняющихъ вредъ чугуннымъ *подушкамъ* и въ особенности размягчающихъ къ веснѣ грунтъ земляной *насыпи*, желѣзная дорога, если не потребуетъ ежегодной сплошной перестройки, то по крайней мѣрѣ значительной поправки; на что должно полагать не менѣе мѣсяца времени. Слѣдовательно желѣзная С. Петербургъ-Московская дорога, даже безъ прочихъ препятствій, не могла бы быть употребляема болѣе шести мѣсяцевъ въ году.

Но скажутъ, быть можетъ: почему же устроеніе желѣзныхъ дорогъ нашли полезнымъ въ другихъ государствахъ? *Во первыхъ*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до сего времени желѣзныя дороги были устроены, или предполагаются къ устроенію, нѣтъ ни суровости нашего климата, ни другихъ изложенныхъ выше не совмѣстныхъ съ свойствомъ ихъ препятствій. *Во вторыхъ*, ни гдѣ не устроено еще до нынѣ желѣзныхъ дорогъ на большихъ разстояніяхъ, ибо протяженія извѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ суть:

		верст.
въ Англіи	Манчестеръ-Ливерпульской . . .	48
	Лондонъ-Гренвичской	6
	Дублинъ-Кинезгтоунской . . .	10
во Франціи	Сентъ-Этьенъ-Ліонской	56
	Андьеской	64
въ Австріи	Леопольдштадтской.	54

Но, скажутъ еще, почему же нынѣ во многихъ Государствахъ приступаютъ къ построенію желѣзныхъ дорогъ на пространствахъ, болѣе значительныхъ. Такъ напримѣръ, въ Англіи, Бирмингамъ-Лондонской, на 168 верстъ; въ Пруссіи, особой системы дорогъ, между пятью или шестью городами, и наконецъ во Франціи —Парижъ-Гаврской на протяженіи 240 верстъ?

Во-первыхъ непреодолимыя препятствія къ устроенію желѣзныхъ дорогъ представляющія-

ся, не суть повсемѣстныя принадлежности только значительныхъ разстояній. — Могутъ иногда случиться два въ нѣкоторомъ растояніи другъ отъ другъ отстоящихъ пункта, напримѣръ, Лондонъ и Бирмингамъ, къ соединенію которыхъ желѣзною дорогою представится возможность и въ отношеніи климата, и въ отношеніи мѣстоположенія, и наконецъ въ отношеніи взаимной и огромной ихъ промышленности. Съ другой стороны есть множество пунктовъ въ весьма близкомъ разстояніи находящихся, къ соединенію которыхъ желѣзною дорогою, даже при благопріятствующихъ обстоятельствахъ торговли и климата, встрѣтились бы непреодолимыя препятствія. Но если при малыхъ разстояніяхъ таковыя препятствія случайны, то при разстояніяхъ огромныхъ, какъ на примѣръ С. Петербурга отъ Москвы, Стразбурга отъ Бордо или Марсели, они неизбѣжны.

Во вторыхъ, всѣ сдѣланныя нынѣ къ построенію желѣзныхъ дорогъ въ Нидерландахъ, Австріи, и Пруссіи, предположенія, хотя представляютъ довольно большія протяженія; но въ сущности суть только постороннія или *отдѣльныя* и едва ли превосходящія 20, 30, и много 50 верстъ дороги. Въ особенности предначертанная для Германіи система желѣзныхъ дорогъ, принадлежитъ къ числу весьма малыхъ дорогъ, сходящихся у одного пункта, или отдѣльно соединяющихъ не далеко отстоящія другъ отъ

друга города, которые имѣютъ при томъ большое населеніе и обширную промышленность.

Что же касается до составленнаго для Франціи, обращающаго нынѣ на себя всеобщее вниманіе, *проэкта*, по которому предполагалось соединить желѣзными дорогами—Парижъ съ Страсбургомъ, Ліономъ, Марселью, Бордо, и Гавромъ, т. е. Сѣверные Департаменты съ Южными, и Западные съ Восточными городами—то должно вспомнить, что тамошнее правительство въ теченіи уже десяти лѣтъ занимается надлежащими изслѣдованіями; что оно нарядило двѣ особыя Коммиссіи, призвавъ въ члены извѣстнѣйшихъ Инженеровъ и издержавъ на составленіе нужныхъ по этому плановъ и совершенія другихъ работъ, около милліона рублей; и что наконецъ собранныя мѣстныя свѣдѣнія и соображенія убѣдили только въ невыгодности и невозможности привести въ исполненіе проложенія, почти по всѣмъ назначеннымъ проэктомъ линіямъ. — Хотя за всѣмъ тѣмъ Правительство, уступивъ увлеченному общественному мнѣнію, изъявило нынѣ согласіе на построеніе желѣзной дороги между Парижемъ и Гавромъ; по крайней мѣрѣ выборъ пунктовъ палъ на единственно возможное проложеніе, не представляющее впрочемъ большихъ выгодъ: ибо вышедшіе въ свѣтъ и заслуживающіе полнаго довѣрія мѣстныя по сему изслѣдованія неоспоримо доказываютъ, что перевозка по желѣзной Парижъ-Гаврской дорогѣ товаровъ, особенно громоздныхъ и тяжелыхъ, обойдется до-

роже нынѣшней сухопутной, а и того болѣе судоходной перевозки. Но какъ Парижъ-Гаврская желѣзная дорога, съ тремя своими отраслями будетъ пролегать по самымъ населеннымъ, промышленнымъ и торговымъ Департаментамъ Франціи, и какъ при томъ число отправляющихся изъ Гавра чрезъ Парижъ и обратно (*) простирается уже нынѣ до 60.000 человѣкъ, то столь большое число пассажировъ, при нѣкоторомъ количествѣ поспѣшныхъ товаровъ, если не покроетъ вполнѣ расхода, то по крайней мѣрѣ не преминетъ доставить значительную выручку.

Изъ введенія къ закону, дозволяющему составившейся Компаніи приступить къ построенію Парижъ-Гаврской желѣзной дороги, введенія произнесеннаго въ Палатѣ Депутатовъ, въ Августѣ сего 1835 года Министромъ Внутреннихъ дѣлъ Г. Тьеромъ, видно, что Правительство, давая дозволеніе на построеніе желѣзной дороги, мало надѣялось, что бы выгоды, ею представляемыя могли вознаградить употребленный капиталъ.

По чему желая по крайней мѣрѣ дать возможность совершить предпріятіе и спасти назначаемые къ тому частные капиталы, оно положило взять для казны четвертую часть акцій т. е. внести четвертую часть всего ка-

(*) Преимущественно иностранцевъ, и въ особенности Англичанъ.

питала, не предоставляя себѣ даже права требовать непремѣннаго его возвращенія. Относительно же остальныхъ означенныхъ выше проложеній желѣзныхъ дорогъ во Франціи, то конечно они никогда не будутъ приведены въ исполненіе: ибо даже при возможности устроенія, цѣна перевозки по нимъ наивыгоднѣйшихъ товаровъ, обойдется въ полтора и даже въ два раза дороже существующей. —

Относительно Россіи, къ числу многихъ блестящихъ обѣщаній, которыми утверждающіе возможность устроенія С. Петербургъ-Московской желѣзной дороги, щедро надѣляютъ исполненіе этого предпріятія, принадлежатъ увѣренія, что оно не только сильно будетъ споспѣшествовать къ умноженію внѣшней торговли и внутренней промышленности всего государства, но и чрезмѣрно увеличитъ доходы помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ вдоль всего проложенія желѣзной дороги, а съ тѣмъ вмѣстѣ много понизитъ цѣны предметовъ народнаго продовольствія обѣихъ Столицъ.

Къ сожалѣнію предположенія эти равно не имѣютъ ни какого основанія: ибо единственное и возможное назначеніе желѣзной дороги, есть *установленіе сообщенія преимущественно только тѣхъ двухъ городовъ* или *пунктовъ, между которыми она устроена*. Въ слѣдствіе сего желѣзная дорога, не только не допускаетъ принимать на всѣхъ точкахъ протяженія своего товаровъ и пассажировъ; но едва дозволяетъ уст-

роеніе небольшаго числа особыхъ на этотъ предметъ *пристаней*, которыя со всѣмъ тѣмъ даже при маломъ протяженіи дороги, крайне стѣсняютъ дѣйствія и конечно при огромности разстоянія С. Петербурга отъ Москвы, неминуемо должны остановить всякое по ней движеніе. А какъ по сему назначеніе оборота экипажей производится единственно на соображеніяхъ отправленія ихъ изъ двухъ крайнихъ пунктовъ главной дороги, то изъ С. Петербурга, равно какъ и изъ Москвы, будутъ пускаться въ путь именно столько экипажей, сколько окажется нужнымъ по ихъ взаимному *обороту*, разсчету объ *очереди* и по наличному требованію *отправленія* пассажировъ и товаровъ. Но конечно не будутъ посылать порожнихъ экипажей, съ предположеніемъ найти гдѣ либо клажу по пути. —

Если же хотятъ дать въ сторонѣ лежащему мѣсту средства сообщенія съ крайними пунктами или городами желѣзной дороги, то проводятъ отъ него къ главной желѣзной дорогѣ особую *постороннюю желѣзную же дорогу*, по которой она производитъ сообщеніе на собственно устроенныхъ для этого пути экипажахъ, долженствующихъ итти при томъ безъ остановокъ и перегрузокъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ *постороннею* желѣзною дорогою равно пользуются только два пункта, изъ коихъ одинъ находится у начала *главной* а другой у начала *посторонней* дороги, ни сколько не облегчая сношеній вдоль проложенія ихъ лежащихъ

мѣстъ. — Со всѣмъ тѣмъ, даже при рачительнѣйшихъ распоряженіяхъ, *постороннія дороги* такъ стѣсняютъ обороты главной дороги, что устроеніе ихъ весьма рѣдко допускается, и по Манчестерской дорогѣ устроено только три *постороннія* дороги; и таковое же число предполагается устроить по Парижъ-Гаврской и по Петербургъ-Московской желѣзнымъ дорогамъ. —

Но положимъ, что при отправленіи всякой партіи изъ С. Петербурга до Москвы,— постановлено было бы пускать по одному, по два и даже по три порожнихъ экипажа, въ предположеніи найти нужную для нихъ клажу по пути. — Какое же вліяніе можетъ сдѣлать множество перевезенныхъ товаровъ на огромность потребленія столицъ и на доходы великаго пространства вдоль дороги лежащихъ земель, когда притомъ необходимое для назрузки этихъ экипажей время, произведетъ остановку разстроивающую очередь главнаго отправленія?

Для означенія же точнаго вывода объ относительной выгодности перовозки тяжестей, мы приведемъ слѣдующія опредѣленія, принятыя знаменитѣйшими Инженерами; означимъ вѣсъ груза, который можетъ везти по различнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ, средней силы лошадь, работая въ день по 8 часовъ и дѣлая по 4 версты въ часъ.

Одна лошадь можетъ везти по совершенной горизонтальной дорогѣ, глинистой, 12 пудъ

— Тоже, по особенной нѣсколько твердаго грунта дорогѣ . . . . 16 пудъ

— Тоже, по мостовой или убитой не ровнымъ щебнемъ дорогѣ . . . . 40 пудъ

— Тоже, по дорогѣ убитой и укатаной мелкимъ щебнемъ . . . . 50 пудъ

— Тоже, но весьма хорошо устроенному шоссе . . . . 80 пудъ

— Тоже, по весьма хорошо устроенной и гладкой изъ плитника для хода колесъ сдѣланной дорогѣ . . . . 100 пудъ

— Тоже, по весьма хорошо построенной желѣзной дорогѣ . . . . 350 пудъ

— Тоже, по каналу въ бичеву . 3.100 пудъ

Но какъ всякая шоссейнная и даже лучшая желѣзная дорога не можетъ быть вездѣ горизонтальна и какъ малѣйшія возвышенія ея много уменьшаютъ уже силу везущей лошади,— то для безостановочнаго на нѣсколько значительномъ разстояніи хода фургоновъ и возовъ полагается тяжесть на каждую лошадь при тѣхъ же условіяхъ.

По шоссейной дорогѣ подвозной отъ 30 до 35 пудъ.

— весьма хорошей, отъ 40 до 50 пудъ.

по *желѣзной дорогѣ*, имѣющей возвышеніе на каждый аршинъ.

$\frac{3}{6}$ вершка . . . . 62 пуда

$\frac{2}{6}$ вершка . . . . 100 пудъ

$\frac{1}{8}$ . . . . 140 пудъ

Средній грузъ посему можно принять; но

какъ каждый фургонъ, употребляемый по желѣзнымъ дорогамъ имѣетъ, собственной тяжести отъ 60 до 70 пудъ, то затѣмъ средній грузъ будетъ отъ 100 до 110 пудъ.

По водяному пути:

— По рѣкѣ скораго теченія, бичевою вверхъ . . . . 450 пудъ

— по рѣкѣ тихаго теченія, бичевою вверхъ . . . . 1.600 пудъ

— по каналу бичевою 4.500

Но какъ лошадь, таща грузъ по водяному пути, не можетъ дѣлать 4 верстъ въ часъ, проходя только отъ 2 до 3 верстъ, — то для доставленія этимъ выгодамъ надлежащей точности, относительно къ предыдущимъ, для которыхъ полагается ходъ по 4 версты въ часъ, должно принимать:

по рѣкѣ скораго теченія . . . 280 пудъ.

по рѣкѣ тихаго теченія . . . 1000 пудъ.

по каналу . . . . 3.100 пудъ.

Слѣдовательно средняя лошадь, полагая по 4 версты въ часъ, можетъ везти по шоссе до 30 пудъ; по желѣзной дорогѣ до 100 пудъ; по водяному пути отъ 300 до 3000 пудъ; т. е. *лошадь свезетъ по шоссе втрое менѣе противъ желѣзной дороги*; но таже лошадь свезетъ по водяному пути отъ трехъ до тридцати разъ большую тяжесть противъ желѣзной дороги.

При этихъ выгодахъ мы не брали въ расчетъ препятствій, встрѣчающихся при упо-

требленіи желѣзныхъ дорогъ, а равно и огромности издержекъ построенія ихъ, противъ шоссейныхъ дорогъ. Принявши же все это въ разсчетъ, окажется, какъ мы увидимъ въ подробности ниже, что при дѣйствіи по желѣзной дорогѣ лошадьми, упомянутая выше способность ихъ къ возкѣ тяжести втрое большей противъ шоссейной дороги, вовсе уничтожается, не представляя затѣмъ ни какой выгоды. При дѣйствіи же по нимъ пароходныхъ машинъ, желѣзныя дороги, даже при возможности построенія ихъ по мѣстоположенію и климату, могутъ представить нѣкоторыя выгоды только тогда, когда: *во-первыхъ*, онѣ служатъ къ исключительному соединенію въ высшей степени промышленныхъ, торговыхъ, имѣющихъ преимущественно взаимное и дѣятельное сношеніе двухъ городовъ и когда притомъ *во-вторыхъ*, это сношеніе обращено главнѣйше на перевозку пасажировъ, не затрудняющихъ нагрузкою и выгрузкою экипажей и доставляющихъ большую противъ товаровъ выгоду или же на перевозку предметовъ цѣнныхъ и поспѣшныхъ; или *въ третьихъ*, когда они исключительно назначаются къ перевозкѣ одного какого либо производства, напримѣръ каменнаго угля, или рудъ, имѣющаго огромное потребленіе и доставляющаго дорогѣ постоянное и опредѣлительное занятіе.

Но и при всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, построеніе не только одной, но даже двухъ и больше желѣзныхъ дорогъ между торговыми городами, напримѣръ С. Петербургомъ и Москвою, ни коимъ образомъ не избавляютъ отъ необходимости содержать между ими и обыкновенную дорогу: *во-первыхъ* потому, что громоздные, тяжелые, и вообще всѣ непоспѣшные товары, ни коимъ образомъ не могутъ быть перевозимы по желѣзнымъ дорогамъ, по относительно выгоднѣйшимъ цѣнамъ, существующихъ во всѣхъ государствахъ для прочихъ путей сообщенія; ибо построеніе желѣзной дороги, стоя дороже, требуетъ по содержанію большихъ расходовъ, а слѣдственно и высшей платы; и главнѣйше *во-вторыхъ* потому, что желѣзныя дороги не доставляютъ, какъ мы уже видѣли, средствъ къ сообщенію, кромѣ двухъ своихъ пунктовъ, прочимъ мѣстамъ по проложенію ея находящимся; такъ, что предполагаемая желѣзная дорога доставила бы только нѣкоторыя средства къ сношеніямъ С. Петербурга и Москвы и трехъ не значительныхъ и весьма не отдаленныхъ отъ проложенія ея пунктовъ, — тогда какъ Петербургъ-Московская шоссе, открывая свободные въѣзды на всѣхъ точкахъ своего протяженія, не только служитъ къ соединенію двухъ торговыхъ Столицъ, но и много облегчаетъ сношенія всѣхъ лежащихъ вдоль нея городовъ и цѣлыхъ Губерній.

(Окончаніе впредь.)

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Государь Императоръ, въ 20-й день Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-е, Иностранцамъ, въ Россійской военной службѣ состоящимъ, но на вѣрность подданства не присягнувшимъ, при увольненіи отъ службы, производить пенсіоны и единовременныя пособія наравнѣ съ подданными Россійскими, на основаніи Устава о пенсіяхъ, только тогда, когда они остаются въ Россіи, и прекращать оные коль скоро они переселяются въ чужіе края. 2 е, Правило сіе распространить, на семъ же основаніи, на вдовъ ихъ и сиротъ. 3-е, Но если они за ранами и увѣчьями имѣютъ право на пенсіи, по правиламъ Комитета Высочайше учрежденнаго въ 18-й день Августа 1814 года, то таковыя пенсіи производить имъ и въ случаѣ переселенія за границу, равно и вдовамъ ихъ, но не дѣтямъ. 4-е, Повышеніемъ чина, ихъ ни въ какомъ случаѣ не награждать; и 5-е, Право ношенія мундира предоставить имъ только въ Россіи, а отнюдь не за границею, что и оговаривать въ указахъ ихъ объ отставкѣ.

— Въ 18-й день Января минувшаго 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы находящихся въ Оренбургскомъ краѣ отставныхъ казаковъ, Уральскихъ и Оренбургскихъ, Калмыкъ, Тептярей, Башкиръ и Мещеряковъ (кромѣ лицъ женскаго пола), подлежавшихъ дотолѣ суду уголовному, впредь за всѣ роды

преступленій судить военнымъ судомъ. Нынѣ, по представленію Командира Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, Государь Императоръ, 28-го минувшаго Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъясненное Положеніе 18-го Января 1834 года, распространить и на отставныхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ военнымъ сословіямъ Оренбургскаго края.

— Состоящій при Ея Императорскомъ Высочествѣ, Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, Статскій Совѣтникъ Шиферли, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

— Высочайшею Грамотою 22-го Сентября, въ Теплицѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла, Генералъ-Лейтенантъ, Генералъ-Адъютантъ Исленьевъ.

— Высочайшею Грамотой 22-го Сентября Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшеннаго, Свиты Его Императорскаго Величества, Генералъ-Маіоръ Микулинъ.

— Предводители Дворянства: Воронежской Губернской, Маіоръ Василій Тулиновъ, Уѣздные: Городищенскій, Поручикъ Николай Всеволожскій и Митавскій, Отто-фонъ-Марбахъ, и чиновникъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Гвардіи Штабсъ Ротмистръ Николай Хорватъ, Всемилостивѣйше пожалованы: первый въ званіе Каммергера, а послѣдніе въ званіе Камеръ-Юнкеровъ Высочайшаго Двора, съ позволеніемъ Хорвата переименовать въ Коллежскіе Ассессоры.

— Правительствующимъ Сенатомъ, званія потомственнаго Почетнаго Гражданства удостоены: первостатейные купцы: С. Петербургскіе, Густавъ Шульцъ съ семействомъ, Фридрихъ Вальцъ ; Москов-

скіе, 1-й гильдіи купецъ, Коммерціи Совѣтникъ Лука Козновъ съ семействомъ, 2-й гильдіи купецъ, Мануфактуръ Совѣтникъ Николай Рогожинъ съ семействомъ; купцы 1-й гильдіи: С. Петербургскіе, Павелъ, Артемій, Эрастъ и Иванъ Пономаревы; Рыльскій, Иванъ Филимоновъ; Фатежскій, Павелъ Харичковъ; купцы 2-й гильдіи: Московскій, Николай Пищальниковъ съ семействомъ; Ростовскій, Николай Балашевъ съ семействомъ; Харьковскій, Сергѣй Карповъ съ семействомъ; Угличскіе, Иванъ и Николай Зимины, съ братьями Василіемъ, Аркадіемъ и Иваномъ и ихъ семействомъ, Плесскій, Степанъ Каретниковъ съ сыномъ Василіемъ; Ярославскій, Ѳедоръ Баловъ съ семействомъ; Московская, купеческая вдова Марѳа Часовникова съ сыновьями Петромъ и Иваномъ.

— 8 го сего мѣсяца, по распоряженію Совѣта Кредитныхъ Установленій, въ присутствіи составленнаго изъ Членовъ онаго Ревизіоннаго Комитета, предано сожженію еще на пять сотъ тысячь рублей билетовъ Государственнаго Казначейства первыхъ трехъ серій. А какъ за тѣмъ въ Коммиссіи Погашенія Долговъ состоитъ на лице, подлежащихъ окончательной повѣркѣ, на 128,750 руб., то остается въ обращеніи 371,250 руб., кои мало по малу поступятъ въ Казначейства.

Англія.

По донесенію Коммиссіи, наряженной для изслѣдованія состоянія народнаго образованія въ Ирландіи, тамъ существуетъ нынѣ 5653 школы, содержимыя на счетъ платы, собираемой за ученіе и 4004 школы, которыя содержатся вполнѣ или отчасти изъ суммъ назначенныхъ на эти школы по духовнымъ завѣщаніямъ, или по подпискѣ. Число учениковъ во

всѣхъ этихъ школахъ простирается до 633.946 ч. слѣдовательно на 100 жителей приходится по 8 учащихся, потому что въ 1834 г. народонаселеніе въ Ирландіи простиралось до 4.954.900 душъ.

Король пожаловалъ командорскій крестъ ордена Гвельфовъ Генералу Сиру Джемсу Кокбурну.

Комендантъ Бэкъ, извѣстный путешествіями, которыя предпринималъ онъ для отысканія друга своего Капитана Росса, произведенъ въ Капитаны, повелѣніемъ Тайнаго Совѣта.

Сиръ Эдуардъ Кромвель Дисбровъ, находящійся Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Шведскомъ Дворѣ, переходитъ въ томъ же званіи въ Гагу, гдѣ доселѣ былъ только Повѣренный въ дѣлахъ.

Франція.

Президентъ Палаты Перовъ пригласилъ всѣхъ Перовъ возвратиться въ Парижъ, чтобы присутствовать при производствѣ процесса Фіески, который начнется въ первыхъ числахъ Ноября. Чрезвычайно огромный докладъ о первоначальномъ слѣдствіи, составляемый Г. Порталисомъ, будетъ готовъ въ концѣ этого мѣсяца. Слухъ о томъ, будто бы Фіески не знаетъ слѣдствій своего преступленія и будто бы для него печатали особое изданіе Journal de Paris, совершенно несправедливъ.

Герцогъ Немурскій возвратился во Францію.

Парижскій Уголовный Судъ, въ засѣданіи своемъ 10 Октября разсматривалъ процессъ Графа де Кергорле и журнала La Quotidienne, преданныхъ суду за напечатанное въ этомъ журналѣ письмо Г. Кергорле о процессѣ бѣглыхъ рекрутъ въ Ніорѣ. Г. де Кергорле и Г. Діеде, Отвѣтственый, Издатель Quotidienne

объявлены виновными и приговорены каждый къ четырехъ-лѣтнему заключенію въ тюрьму и уплатѣ 2.000 фр. пени.

Замокъ Bagatelle, бывшее лѣтнее мѣстопребываніе Герцога Бордосскаго, былъ подвергнутъ публичной продажѣ и не купленъ за 180.000; нынче за него дали 313.000 фр. Покупщикъ есть Лордъ Ярмутъ, братъ Лорда Сеймура.

Испанскія дѣла.

Въ Мадритской Газетѣ отъ 28 Сентября напечатанъ декретъ, которымъ исправленіе должности Предсѣдателя Совѣта возлагается на Г. Мендисабаля, потому что Генералъ Алава отказался отъ этого мѣста, принявъ однако же званіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Двумя другими декретами Графъ Альмодаваръ (бывшій Президентъ Юнты, составившейся въ Валенсіи) наименованъ Военнымъ Министромъ; Донъ Іоахимъ Діесъ Канеха Министромъ Милостей и Правосудія; а Г. Мартинъ де Ласъ Геросъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Четвертымъ декретомъ, отъ 25 Сентября, отмѣняются постановленія декрета 3 Сентября противъ Провинціальныхъ Юнтъ, предписывается прекратить всѣ начатыя по сему предмету слѣдствія и объявляется всепрощеніе за политическія преступленія.

Въ Декретѣ Королевы-Регентши о созваніи Кортесовъ, сказано: »Желая тѣснѣе соединить узы, связующія доблестный, вѣрный и великодушный народъ Испанскій съ престоломъ возлюбленной Дочери моей, — я положила, внявъ представленію Совѣта Регентства и Совѣта Министерскаго, призвать для совѣщаній Кортесовъ, избранныхъ на основаніи обширнѣйшей, чѣмъ нынѣ существующая, и болѣе со-

отвѣтственной выгодамъ націи, системы выборовъ.— Кортесы эти должны будутъ собраться, по возможности, въ самомъ непродолжительномъ времени и подвергнуть новому разсмотрѣнію Королевскій Статутъ, дабы утвердить на прочномъ и безопасномъ основаніи исполненіе коренныхъ законовъ Испанской Монархіи во всей ихъ обширности. Они должны будутъ дать полное развитіе правительственнымъ началамъ, которыя изложены въ представленіи Президента Министерскаго Совѣта и Министра Финансовъ Д. Х. *Альвареса Мендисабаля*, отъ 14 Сентября, и на которыя я признаю за благо согласиться, — и чрезъ то дать Государству Испанскому окончательное устройство. — Но важныя обстоятельства содѣлываютъ необходимымъ собраніе нынѣшнихъ Кортесовъ не только для начертанія правилъ, на основаніи коихъ должны быть созваны Кортесы, которые соберутся непосредственно за тѣмъ; но и для совѣщаній о другихъ предметахъ величайшей важности, и именно о мѣрахъ къ утвержденію Государственнаго кредита. По сему повелѣваю Просересамъ и Прокурадорамъ собраться 16 Ноября въ столицѣ Королевства и открыть засѣданія Кортесовъ.« — Этотъ Декретъ подписанъ Королевой въ Прадо, 27 Сентября 1835 года.

Г. *Мендисабаль* уведомилъ 28 Сентября Дона Х. М. *Калатраву*, Министра Высшаго Судилища для Испаніи и обѣихъ Индій, что Королева-Регентша назначила его Президентомъ Юнты, для начертанія проэкта закона о выборахъ, который долженъ быть поднесенъ предварительно на одобреніе Ея Величества, а потомъ предложенъ на утвержденіе Кортесовъ.

Декретомъ Королевы, отъ 2 Октября, наименованы въ пособіе Г. *Калатравѣ* при составленіи закона о

выборахъ, — Донъ М. Х. *Кинтана*, Просеръ Королевства, Донъ *Алькала Галіано*, Прокурадоръ въ собраніи Кортесовъ, Д. Х. *де Мадритъ-д'Авила*, Министръ Королевскаго Совѣта для Испаніи и обѣихъ Индій, и Донъ Х. *Ортигоса*, Архидіаконъ Каоронскій.

Учрежденная въ Бадахосѣ Правительственная Юнта Провинціи Эстремадуры увѣдомила Президента Министерскаго Совѣта о совершенномъ согласіи своемъ съ системою правленія Ея Величества. При этомъ она объявила: 1, что отдаетъ въ распоряженіе Правительства всѣ способы, какими обладаетъ сія провинція, 2, что находящіяся въ оной роты охраннаго войска и баталіоны стрѣлковъ, съ одной батареей полевой артиллеріи и однимъ эскадрономъ кавалеріи, будутъ посланы въ Мадритъ и поступятъ въ распоряженіе Правительства; 3, что военная и финансовая Коммиссія немедленно соберутся для назначенія потребныхъ суммъ на то, чтобъ Эстремадурскую армію увеличить до 10,000 чел.

Португалія.

Здѣсь ожидаютъ вскорѣ бракосочетанія Королевы съ Принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ; утверждаютъ, что не только бракъ сей рѣшенъ, но что и надлежащія по сему предмету инструкціи уже отправлены ко всѣмъ дипломатическимъ Агентамъ Португаліи.

27-го числа по распоряженію Министра Финансовъ *Сильвы Карвальо* вновь предано сожженію на 557,950,765 рейсовъ облигацій Государственнаго долга. Говорятъ, что въ Декабрѣ нынѣшняго или въ Январѣ будущаго года гавани Португальскія вновь будутъ открыты для свободнаго привоза опредѣленнаго количества хлѣба. Впрочемъ напередъ будетъ позволено продать весь находящійся теперь въ казнѣ запасъ.

Португальское Правительство, какъ слышно, предложило Великобританскому слѣдующія условія для возобновленія торговаго трактата между обоими Государствами: 1) Торговля съ обѣихъ сторонъ будетъ свободная; Британскимъ подданнымъ позволяется жить и вести торгъ въ Португаліи, а Португальскимъ подданнымъ въ Великобританіи; они пользуются защитою своихъ собственныхъ Начальствъ, но подчиняются законамъ страны, въ которой живутъ. 2) Англійскіе товары и мануфактурныя издѣлія подлежатъ тѣмъ же правиламъ, въ отношеніи къ таможеннымъ пошлинамъ, какъ товары прочихъ дружественныхъ съ Португаліею Государствъ; пошлина съ Португальскихъ товаровъ, вывозимыхъ въ Англію, не должна превышать пошлину, взимаемую съ оныхъ при вывозѣ въ другія земли. 3) Оба Государства прекращаютъ взаимно всякія запрещенія на произведенія и мануфактурныя издѣлія той и другой страны. 4) Англійскіе корабли платятъ въ портахъ равную пошлину съ Португальскими. 5) Англійскія произведенія или мануфактурныя издѣлія могутъ быть привозимы въ Португалію только на Англійскихъ или Португальскихъ кораблях; съ тѣмъ же ограниченіемъ допускаются въ Великобританію произведенія и мануфактурныя издѣлія Португаліи. 6) Береговый торгъ предоставляется исключительно кораблямъ обѣихъ націй. 7) Консулы обоихъ договаривающихся Государствъ вступаютъ въ права свои не иначе, какъ по признаніи ихъ Правительствомъ той страны, въ которую они назначаются; и могутъ быть удалены изъ оной, если подадутъ поводъ къ справедливымъ жалобамъ, но о причинахъ удаленія Консула, Правительство его каждый разъ увѣдомляется въ подробности.

17-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

18-го Октября.

IV.

МОДЫ.

Les gants longs que l'on porte avec des robes blanches à manches courtes sont blancs ou rosés. Cette nuance se maintiendra longtems pour toilettes habillées.

— Aux theâres les eventtils auront, à ce qu'il parait, la préférence sur les bouquets.

— Les mousselines de laine ne sont point tombées et grâce à de nouveaux dessins on en fait de jolies toilettes négligées et des robes de matin que ne réprouve point la mode.

Длинныя перчатки, носимыя съ бѣлыми платьями съ короткими рукавами, бываютъ бѣлыя или нѣжно-розовыя. Этотъ цвѣтъ поддержится на долго въ нарядныхъ туалетахъ.

— Въ театрѣ опахала начинаютъ брать преимущество передъ букетами.

— Шерстяная кисея не *упала и*, благодаря новымъ рисункамъ, изъ нея дѣлаютъ красивые наряды неглиже и утреннія платья, не отвергаемыя модою.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 10 Октября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 43.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ второй части романа Княгини де Кранъ (Craon)

ГЕНРИ ПЕРСИ,

ГРАФЪ НОРТУМБЕРЛАНДЪ.

(*Переводъ съ Французскаго.*)

Послѣ этихъ грустныхъ дней, протекъ цѣлый годъ.

Снова земля покрылась всею роскошью весны, растенія зазеленѣли, деревья зацвѣли новыми листьями; съ каждымъ часомъ почки ихъ раскрывались и пускали изъ себя вѣтви и пуки цвѣтовъ; птицы пѣли; вся природа являлась съ новымъ великолѣпіемъ, съ новою радостію..... Все изглаживается: смерть, война, язва, опус-

тошенія, пожары; но сердце человѣческое, если разъ оно было разбито, накогда уже не живетъ прежнею жизнію.

Лордъ Перси чувствовалъ себя грустнѣе, нежели когда либо. Блистательные лучи новаго солнца казались ему блѣднѣе и холоднѣе, неизмѣримая потребность будущаго волновала безпрестанно отягощенное сердце его. Когда онъ увидитъ ее? когда минетъ срокъ его жизни?

Разлука съ милымъ намъ существомъ тѣмъ болѣе бываетъ намъ тягостна, чѣмъ болѣе протекаетъ времени со дня разставанія. И потому воспоминаніе объ Аннѣ Болейнъ съ каждымъ днемъ становилось грустнѣе и грустнѣе сердцу Лорда Перси. Это безпокоило стараго Гарри; часть древняго имѣнія фамиліи Перси была продана, и никто не зналъ на что употреблены были вырученныя деньги. Участь всѣхъ старыхъ служителей была обезпечена частными актами, и никто не зналъ цѣли этой предосторожности. Гарри боялся, чтобы Лордъ Перси не рѣшился на что нибудь важное. Напрасно старался онъ прервать грустное молчаніе Графа, своего господина.

По возвращеніи изъ путешествія, когда Гарри растворилъ двери Анльвика своему возлюбленному господину, Лордъ Перси произнесъ только одно слово, и это слово старый слуга заключилъ въ своемъ сердцѣ.

Анна умерла прежде этого добраго старика; съ тѣхъ поръ уединеніе Анльвика не было нарушаемо ни малѣйшимъ звукомъ.

. . . .

. . . .

Она прошла тихо; босыя ноги ея, ступая по накатинамъ моста, не извлекали изъ него никакого шума. Когда юный птенецъ перелетаетъ съ сучка на сучокъ, то гибкая вѣтвь едва едва колеблется подъ нимъ; такъ Элія на этомъ прочномъ мосту, назначенномъ для перехода страшной арміи, казалась легкимъ цвѣткомъ, вѣтромъ на него нанесеннымъ.

Однако, колеблясь нѣсколько, она сѣла у порога дома.

— Наконецъ я дошла, сказала она; я еще живу!..... Перстень этотъ будетъ ему врученъ. Я сдѣлала что хотѣла, не умерла на соломѣ трактирной конюшни.

Тутъ она постучалась.

Спустя долгое время явился Гарри.

Онъ посмотрѣлъ на молодую дѣвицу.

»Ты просишь милостыни? сказалъ онъ.

— Да!

»На, вотъ.

И онъ бросилъ ей монету.

»Во имя Анны Болейнъ, прибавилъ онъ.

— Во имя Анны Болейнъ, повторила молодая дѣвица, да будетъ проклята она; и оттолкнула ногою монету, которая покатилась, чрезъ другой конецъ моста, въ яму, полную воды. Гарри стоялъ въ изумленіи! Какъ! ты бросаешь деньги

*

Графа Нортумберланда; ты могла бы купить на нихъ пару башмаковъ, да юбку. И глаза его остановились на ветхомъ и изношенномъ платьѣ молодой дѣвицы.

— Я не нуждаюсь болѣе ни въ хлѣбѣ, ни въ одеждѣ, сказала Элія; я не нуждаюсь болѣе ни въ чемъ въ этомъ свѣтѣ, старикъ, и выйду изъ него прежде тебя; я жила быстро: я много страдала. Я прошла сквозь толпу людей; слѣдовала за ними на улицахъ и въ дорогахъ; толкалась межъ нихъ на публичныхъ мѣстахъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать, что читалъ въ моемъ сердцѣ.

Они съ презрѣніемъ смотрѣли на мою одежду, когда она была подобна этой, и съ завистью, когда блистала на ней ничтожная мишура.

Нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать: у Эліи не было тайны для меня!..... Но, старикъ, силы мои истощаются, жизнь улетаетъ; мнѣ должно поспѣшить, нечего мнѣ болѣе говорить съ тобою..... Гдѣ господинъ твой? Я пришла только для того, чтобъ его видѣть..... Иди, скажи ему: Благородный Графъ, Элія у вашихъ дверей, она спрашиваетъ васъ..... Иди же, сказала она повелительно; ибо видѣла, что Гарри смотритъ на нее съ какимъ-то безсмысленнымъ видомъ. Прежде это, можетъ быть, разсердило бы его, но теперь онъ искалъ отвѣта въ памяти, которая начинала измѣнять ему.

»Иди, повторила молодая дѣвушка съ пылкостію; иди, потому что дыханіе мое останавливается. Онъ не откажетъ мнѣ...... Еслибъ я могла еще любить, онъ одинъ былъ бы достоинъ моей любви..... одинъ онъ въ жизни, исполненней случайностей, бѣдствій, лишеній и горестей, онъ одинъ сжалился надъ моею молодостію и надъ его будущностію; онъ одинъ сказалъ мнѣ однажды сладостнымъ голосомъ, который до сихъ поръ еще раздается въ ушахъ моихъ: Элія, долгъ мой — быть покровителемъ сиротъ, защитою покинутыхъ и кормильцемъ умирающаго съ голоду. Пойдемъ, Элія, слѣдуй за мною, я заступлю тебѣ мѣсто отца!..... Отца! повторила молодая дѣвица, съ дикимъ взоромъ. Онъ думалъ быть мнѣ отцемъ, когда я только что потеряла мать! мою единственную мать, единственное сокровище мое въ этомъ мірѣ.

Иди же, закричала она Гарри, который все еще стоялъ, пораженный этими странными словами.

— Иду, иду, прошепталъ старикъ; еще новая безумная, сказалъ онъ, уходя. . . . .

. . . .

— Какъ! Элія! воскликнулъ Лордъ Перси, когда Гарри исполнилъ свое порученіе. Элія! не ошибаешься ли ты! Гарри, ты тяжелъ на ухо!.. Неужели эта несчастная дѣвушка нуждается въ помощи? Ужель рѣшилась она жить въ тишинѣ и уединеніи?«

Лепеча эти отрывистыя слова, какъ бы силой исторгнутыя у мыслей, которыя толпились въ сострадательномъ и разбитомъ сердцѣ

его, Лордъ Перси приблизился къ порогу дверей и сталъ противъ молодой дѣвицы.

Она смотрѣла на него съ маланхолическимъ и сладостнымъ видомъ; она силилась встать при его приближеніи, но не могла. Подобно раненной газеллѣ, умирающей отъ жажды въ пустынѣ, нѣжныя и гибкія члены ея оставались безъ движенія.

»Лордъ Генри, сказала она мелодическимъ голосомъ, вы узнаете меня? Я Элія.

— Конечно, любезное дитя мое, я узнаю тебя, и онъ наклонился къ ней, чтобы помочь ей встать.

— Нѣтъ, я не могу!.....- Я не въ силахъ уже, сказала молодая дѣвица, я умираю..... Но вотъ перстень, вотъ онъ, вы можете передать его Леди Маріи, дочери моей матери.

Сказавъ это, она сняла съ груди своей кожаный кошелекъ, и подала его Лорду Перси.

»Тутъ вы найдете перстень Королевы; теперь я спѣшу къ ней туда, сказала молодая дѣвица, указывая пальцемъ на небо, тамъ я увижусь съ нею и не буду болѣе имѣть нужды въ ея перстнѣ.

— Элія! сказалъ Графъ Нортумберландъ, тронутый, ты самая необыкновенная дѣвушка.

— Думайте, какъ вамъ угодно! — Я желалабъ лечь возлѣ нея; но это не возможно: скорѣе согласятся положить мертвую собачку въ гробъ Англійской Королевы, нежели похоронить съ нею найденыша! Найденыша, прошептала она съ

горестію; я умираю тамъ, гдѣ родилась — на порогѣ дверей.

— Элія! сказалъ Перси, поднявъ молодую дѣвицу на руки, ты войдешь въ мой домъ, и не иначе выйдешь изъ него, какъ по моему желанію.

— Богъ, благословитъ васъ, Милордъ, за добро, которое вы хотите сдѣлать бѣдной дѣвушкѣ; но теперь ни кто не властенъ располагать ея свободой; Господь придастъ огненныя крылья ея душѣ и она полетитъ къ матери, которая бодрствовала надъ нею. Элія оставитъ тѣло свое на этой землѣ и имя ея не будетъ запечатлѣно ни на одномъ камнѣ, не будетъ произнесено ни чьими устами.

Когда говорила она такимъ образомъ, длинныя волосы ея, которыми играла когда-то Королева Екатерина, распустились по плечамъ; глава ея склонилась; она стала блѣдна подобно поблекшему листу и Перси положилъ руку на ея сердце, боясь не перестало ли оно биться.

Нортумберландъ поспѣшилъ перенести Элію. Когда она пришла въ себя, то лежала на просторной и великолѣпной кровати, посреди большаго, вызолоченнаго зала. Вездѣ богатая мебель, превосходные обои, бархатные и шелковые занавѣсы, драгоцѣнныя вазы. Глаза ея слѣдовали на минуту за всѣми этими богатствами; потомъ остановились на докторѣ, который сидѣлъ въ широкихъ креслахъ, у ногъ ея кровати, держа

въ рукахъ трость, украшенную слоновою костью и играя ею.

»Старанія мои были не напрасны и сбылось, что я предвидѣлъ!.... вскричалъ докторъ съ глубокомысленнымъ видомъ; Милордъ, больная приходитъ въ себя такъ, какъ я докладывалъ вашей милости.

При сихъ словахъ доктора, за которымъ посылалъ Лордъ Перси, этотъ подошелъ къ кровати.

»Какъ ты себя чувствуешь теперь? спросилъ онъ.

— Благодарю васъ, сказала молодая дѣвица, за добрыя попеченія ваши; но они мнѣ уже безполезны: я совѣтовалась въ Лондонѣ съ докторомъ Клеманъ.

Услышавъ это имя, провинціальный докторъ наклонилъ свою четырехугольную шапку и трость изъ яблоннаго дерева.

»Онъ говорилъ мнѣ, продолжала молодая дѣвица, все, чему я должна была слѣдовать для избѣжанія смерти, я ничего этого не исполняла . . . . Теперь уже слишкомъ поздно, прибавила она съ томной улыбкой.

— Для чего жъ ты совѣтовалась съ нимъ тогда? сказалъ Графъ Нортумберландъ нѣсколько строго.

— Потому что, Милордъ, отвѣчала Элія ни мало не смутясь, въ этотъ день, не знаю отъ чего мнѣ хотѣлось жить. Конечно я не была счастливѣе, но докторъ Клеманъ выходилъ изъ

больницы, построенной Королевой Екатериной; какой-то изувѣчанный, котораго онъ вылечилъ, слѣдовалъ за нимъ, осыпая его благословеніями: Да наградитъ васъ Богъ. сударь, говорилъ онъ, вы вылечили меня, я могу ходить, работать теперь; какое счастіе! Слова: какое счастіе! удивили меня; я въ задумчивости остановилась. Слѣдовательно очень тяжко, говорила я сама себѣ, покинуть этотъ свѣтъ, эту жизнь и чувствовать себя не способнымъ къ движенію, когда этотъ старикъ, не смотря на все свое безобразіе, счастливъ, снова найдя все это! . . . . Вотъ какова была мысль моя! Тогда я приближилась нѣсколько къ доктору Клеманъ; онъ тотчасъ замѣтилъ меня. Что угодно тебѣ, бѣдное дитя мое? сказалъ онъ мнѣ, услаждая сколько можно грубый свой голосъ. Я отвѣчала, сама не зная для чего отвѣчала я. Онъ началъ разсматривать меня, и изъявилъ желаніе имѣть обо мнѣ попеченіе. Я вступила въ больницу; но вскорѣ она мнѣ опротивѣла. Я вышла изъ нея безъ хлѣба, безъ одежды, безъ пристанища; болѣзнь сильнѣйшая овладѣла мною, и чувствуя близкій свой конецъ, я отправилась сюда, чтобъ доставить вамъ этотъ перстень. Теперь доброта ваша простирается до того, что вамъ угодно призрѣть меня; но Г. докторъ скажетъ вамъ, если захочетъ быть правдивымъ, что это совсѣмъ безполезно.

— Я этого не говорю, проворчалъ сквозь зубы провинціальный докторъ Нортумберландъ.

шейрскій. У меня, сударыня, есть элексиры, бальзамы, декокты, пластыри, сиропы, которые вылечивали больныхъ гораздо труднѣе васъ.

— Труднѣе меня, сказала молодая дѣвица, улыбаясь; о, не думаю.

— Милордъ, сказала она, возвысивъ голосъ, я еще разъ благодарю насъ за всѣ ваши попеченія, но тѣло мое не имѣетъ больше ни въ чемъ нужды. Велите прочитать надо мною нѣсколько молитвъ и призовите священника Божія, чтобы онъ благословилъ меня передъ отшествіемъ моимъ изъ этого міра. Вотъ единственная милость, которую вы еще можете сдѣлать для меня; остальное уже не существуетъ; не нужно болѣе думать о немъ.

Лордъ Перси поспѣшилъ послать за священникомъ Анльвикскимъ. Это былъ старый и святой служитель церкви, помогавщій Архіепископу Іорку и бѣдному кардиналу Вольсею возстановить порядокъ во всей Епархіи. Долгое время занимая высшія мѣста, зная свѣтъ, его недостатки и гнусность людей, усталый и состарѣвшійся, онъ выбралъ, для уединеннаго житья этотъ небольщой городокъ. Его церковная паства любила его. Простой и человѣколюбивый, свѣдущій въ медицинѣ, любя замледѣліе добрый старецъ этотъ жилъ счастливо посреди бѣдныхъ, которыхъ Графъ Нортумберландъ кормилъ почти всѣхъ щедрымъ подаяніемъ, предоставленнымъ въ распоряженіе этого добраго пастыря. Онъ не замедлилъ явиться къ больной

и взоръ его остановился надъ этой еще столь молодою жертвой.

Онъ подошелъ къ ней, тронутый нѣжностію почти родительскою и глаза его устремились на горестно-наклоненную голову молодой дѣвицы.

Увидѣвъ его, взоры Эліи воспламенились; она приподнялась и сѣла на своей кровати.

«Здравствуйте, добрый отецъ мой, сказала она, благодарю васъ за вашъ приходъ... Видъ вашъ утѣшаетъ меня, блогодарю васъ!...«

Потомъ она посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла, что находившіеся тутъ удалились во уваженіе священнаго обряда, который собирался совершить священникъ.

»Они уходятъ, сказала она; пусть будетъ какъ имъ угодно; я могла бы говорить и при нихъ.

— Любезное дитя мое, сказалъ добрый пастырь, развѣ ты не хочешь исповѣдать предо мною грѣхи свои, что бы получить прощеніе имъ отъ Бога?

— Хочу, отецъ мой, сказала молодая дѣвица; но прежде нежели буду говорить о грѣхахъ своихъ, я хочу разсказать вамъ мою жизнь; выслушайте меня, отецъ мой, выслушайте меня, пока я не отошла еще къ Господу....«

Здѣсь овладѣла ею слабость, и она остановилась; но сила воли воодушевила тѣло, въ которомъ угасала жизнь, и владычица--душа, одна торжествуя посреди развалинъ вещества, ее окружающаго,

сильная мыслію и разумѣніемъ, заставляла еще повиноваться и покоряться органы, которыя даровалъ ей Творецъ, какъ рабовъ, опредѣленныхъ для сообщенія внѣшнимъ предметамъ своихъ чувствованій, своихъ ощущеній. Элія снова сѣла на своей кровати, голосъ ея сталъ чистъ и свѣтелъ и гармоническіе звуки снова излетали изъ устъ, которыя столько разъ прельщали слухъ проходящихъ, когда молодая дѣвица, аккомпанируя себѣ на теорбѣ, пѣла баллады менестреловъ.

»Всякій разъ какъ видѣла я приближеніе осени, сказала она, и когда, въ бродящей жизни моей смотрѣла, какъ деревья лѣсовъ сбрасывали съ себя листья и какъ они, поблекшіе, падали мнѣ подъ ноги, всякій разъ сердце мое стѣснялось въ груди. О! мой отецъ! прекрасная природа, которая сохла и умирала въ глазахъ моихъ, наводила на меня грусть; птицы уже не пѣли, земля становилась тверда и холодѣла, легкіе инеи покрывали ее; все чахло; и радость, и свѣтъ; все блекло: и листъ и цвѣтокъ. Для меня, мой отецъ, уже нѣтъ болѣе осени; я умираю!..

Едва прожила я одно утро, а сколько уже страдала я! Выслушайте меня, мой отецъ, и пожалѣйте о бѣдной сиротѣ прежде, нежели простите ее во имя Всемогущаго.

Я найденышъ, призрѣнный человѣколюбіемъ Королевы Екатерины; до тринадцати лѣтъ жила я въ Воспитательномъ домѣ; тамъ черпала

изъ источника жизни религію и вѣру. Щедрая рука, божескимъ подаяніемъ, скрывала отъ насъ нищету нашу. Мы называли другъ друга сестрами и до слуха нашего доходили только сладостныя названія дочерей.... Но вдругъ Анна Болейнъ свергаетъ Королеву Екатерину съ трона и вытѣсняетъ ее изъ сердца Короля; и съ ней изчезаетъ всякое сострадание; отвергаютъ голоднаго; оставляютъ безъ крова дрожащаго отъ холода, отступаются отъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ ни родителей, ни пристанища. Идите, дѣти! двери растворены, просите хлѣба у камней придорожныхъ, ждите, пока тучи оросятъ путь вашъ . . . Что касается до меня, я не роптала, я избрала себѣ путь и просила милостыню; но спустя нѣскокько времени стала на верху всѣхъ моихъ желаній: я служила Королевѣ Екатеринѣ, была при ней, слушала ее всякой день, покоилась не далеко отъ нея въ продолженіи ночи. Я всякій день внимала ея голосу и сладкимъ, мудрымъ словамъ ея; тогда она научила меня любить Бога, жить для добродѣтели; я съ жадностію слушала всѣ эти наставленія, я запечатлѣвала ихъ въ моемъ сердцѣ, оно было полно счастія и восторга; я удивлялась Екатеринѣ Королевѣ-Христіанкѣ, мученицѣ, святой; трепетала отъ счастія, сидя возлѣ нея; и иногда подносила одежду ея къ устамъ, такъ, чтобъ она не замѣтила того. Мало по малу доброта ея придавала мнѣ болѣе смѣлости, я забывала ея санъ, неизмѣримую

бездну, раздѣлявшую меня отъ нея; въ сердцѣ моемъ осмѣливалась называть ее матерью; и сказать-ли вамъ, отецъ мой, я, бѣдный найденышь, существо ничтожное, покинутая цѣлою вселенной, я чувствовала какъ грудь моя по каплѣ наполнялась ужаснымъ ядомъ ревности; каждое слово Королевы увеличивало мое сердечное страданіе; она только и говорила о своей дочери, о Леди Маріи. Ея мысли, печаль, надежда, молитвы, словомъ вся душа ея была обращена въ ту сторону; напрасно старалась я возвратить ее къ себѣ одной, она не могла понимать, чтобы я смѣла оспоривать у наслѣдницы Англійской короны сердце собственной ея матери.

Екатерина не произносила слова, которое не поразило бы меня горестью; мнѣ казалось, что любя свою дочь, она только меня лишала любви, на которую я одна имѣла право. О безуміе!.... Отецъ святой, я видѣла, какъ умирала она; видѣла, какъ угасала въ глазахъ моихъ Королева и возлюбленная мать наша: кончаясь, она вручила мнѣ свой перстень, чтобъ отнести его къ ея дочери, къ Леди Маріи; я обѣщала это ей, я поклялась, и вотъ онъ, мой отецъ, вотъ этотъ перстень; съ того дня онъ не разлучно былъ со мною... Сказавъ это, молодая дѣвица ударила себя по груди и достала кожаный кошелекъ, въ которомъ зашитъ былъ драгоцѣнный перстень.

»Отецъ мой, я заглажу вину свою, продолжала она; Леди Марія получитъ этотъ перстень; она получитъ его: я только для того и пришла сюда умереть, чтобы Графъ Нортумберландъ имѣлъ время вручить его ей.

Добрый пастырь не сказалъ ни слова, но украдкою отеръ слезу, которая показалась въ глазахъ его.

Элія продолжала:

»Когда Королева умерла, отецъ мой!... Боже! достанетъ ли у меня довольно силъ, чтобъ говорить объ этомъ? . . . Когда испустила она послѣдній вздохъ въ этой большой комнатѣ, на кровати, гдѣ, кажется, я и теперь ее вижу, гдѣ лежала она почти также какъ я здѣсь, исключая только всей этой позолоты . . . . Испанскій Посланникъ стоялъ у изголовья; Лордъ Нортумберландъ плакалъ на колѣняхъ; священникъ былъ еще тамъ.... О, мой отецъ, какъ тяжки мнѣ эти воспоминанія!...

(Окончаніе впредь.)

II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

ОБЪ УСТРОЕНІИ

желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

(Окончаніе.)

До сихъ поръ мы разсматривали только свойства желѣзныхъ дорогъ и непреоборимыя препятствія, представляющіеся къ заведенію ихъ въ Россіи, особенно между С. Петербургомъ и Москвою, — теперь приступимъ къ изслѣдованію другой стороны этого важнаго предмета, именно: — *расхода потребнаго къ построенію таковыхъ дорогъ и могущихъ произойти отъ того выгодъ.*

Здѣсь нахожусь я въ неизбѣжной необходимости признать, что дѣлаемыя по сему нынѣ здѣшнею публикою предположенія къ *устроенію между С. Петербургомъ* и *Москвою желѣзной дороги*, и представляемыя ими числовые выгоды и разсчеты, крайне, по мнѣнію моему, не точны и не положительны.

Нельзя не согласиться, что для разрѣшенія полезности введенія столь важнаго предпріятія, не достаточно пріобрѣтенія познаній въ построеніи дорогъ. Для этого нужно еще имѣть весьма подробные планы мѣстности проложенія назначаемой дороги; изъвѣдать дѣйствіе на нее на-

шего климата; узнать туземныя средства къ производству построенія, наконецъ и важнѣе всего имѣть высшій и вѣрный взглядъ на положеніе Государства и общую пользу, могущую произойти отъ исполненія предлагаемаго предпріятія. — То есть, если приложеніе искусства необходимо къ прочному построенію желѣзной дороги, — то разсмотрѣніе степени ея полезности и даже общей возможности устроенія, принадлежитъ совершенно инымъ высшимъ соображеніямъ.

Вотъ главнѣйшія основанія означеннаго выше предположенія:

1-е. Построеніе желѣзной дороги между С. Петербургомъ и Москвою, въ прямомъ ихъ разстояніи, на пространствѣ 600 верстъ, при 50 верстахъ *постороннихъ* дорогъ, а всего 650 верстъ, съ устройствомъ двухъ *путей*, поднятіемъ *насыпи*, не менѣе сажени по горизонту дороги, будетъ стоить, якобы не болѣе 45 милліоновъ рублей ассигнаціями. Слѣдовательно каждая верста обошлась бы не дороже 69.231 рубля ассигнаціями.

Эта чрезмѣрно низкая цѣна выведена изъ того, что устроеніе шоссе отъ С. Петербурга до Москвы, на протяженіи 672 верстъ, стоило съ мостами *двадцать два съ половиною милліона* рублей ассигнаціями; слѣдовательно верста обошлась кругомъ 33.457 рублей, и что въ Австріи устроеніе шоссе стоитъ около 12.500 руб. на версту, а каждая верста желѣзной

Будвейской дороги, яко бы обошлась по 28.500 рублей ассигнаціями.

Очевидно, что эти выводы нисколько не доказывают, чтобы построеніе желѣзной дороги между С. Петербургомъ и Москвою стоило не дороже 45.000.000 милліоновъ рублей, и что для этого слѣдовало бы подробно означить количество и цѣну каждаго матеріала порознь, равно какъ и прочія издержки по производству надлежащихъ работъ.

2-е, Изъяснивъ, что желѣзные *рельсы* и чугунныя *подушки* обойдутся покупкою: въ Россіи — первые по 10-ти рублей, а вторыхъ по 5 рублей за пудъ; а въ Англіи первые по 5 рублей 50 копѣекъ, а вторые по 3 рубли, полагается купить тѣ и другіе въ Англіи.

Ежели только основываться на невыгодности покупки этихъ матеріаловъ въ Россіи, —то почему же не дозволить многимъ другимъ и при томъ весьма полезнымъ предпріятіямъ, какъ на примѣръ: Компаніи освѣщенія газомъ Петербурга, или Компаніи снабженія этого же города водою, равно выписать изъ Англіи нужныя для нихъ и дороже въ Россіи стоющіе трубы и прочіе матеріалы. — Но допустивъ даже это исключительное право только для *Компаніи устроенія желѣзной дороги*, означу ниже потребную для того сумму.

3-е, Полагается возить по желѣзной дорогѣ: дилижансы посредствомъ *подвижныхъ*

пароходныхъ машинъ, (machines locomotives); а фургоны посредствомъ лошадей.

Весьма странно предлагать ввести у насъ то, что вездѣ, даже при малыхъ разстояніяхъ, признано уже неудобнымъ и въ особенности невыгоднымъ, такъ что нынѣ во многихъ мѣстахъ по желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ были введены прежде лошади, какъ на примѣръ по Сентъ-Этьенъ-Ліонской дорогѣ, они замѣнены пароходами Но если употребленіе лошадей, къ приведенію въ движеніе фургоновъ, оказалось затруднительнымъ на маловерстныхъ разстояніяхъ, то не очевидную ли невозможность и не безконечное ли замѣшательство навлечетъ этотъ способъ на протяженіи 650 верстъ, при безпрерывномъ дѣйствіи множества фургоновъ и дилижансовъ.

Что же касается до *подвижныхъ пароходныхъ машинъ* (machines locomotives), замѣняющихъ лошадей, то хотя вообще принято, что дѣйствіе ихъ вдвое выгоднѣе противъ лошадей; но не должно забывать, что они оказываютъ дѣйствительную пользу только при извѣстной горизонтальности желѣзной дороги; что самое устройство этихъ машинъ нынѣ весьма еще не совершенно; что онѣ не могутъ имѣть силы болѣе 30 лошадей; что самая машина требуетъ особаго фургона грузомъ до 200 пудъ, помѣщающаго уголь и воду, нужные къ ходу ея на опредѣляемомъ небольшомъ разстояніи, и что наконецъ если при относительной малости груза, ходъ машины можетъ быть дѣйствительно весь-

ма скоръ, то при перевозкѣ ею товаровъ едва ли когда либо выгодно давать ей скорость болѣе 8-ми или 9-ти верстъ въ часъ. —

4-е, Полагается доставлять изъ С. Петербурга въ Москву и обратно: пассажировъ въ дилижансахъ — въ 24 часа; а товары въ фургонахъ — въ пятеро сутокъ.

Это предположенiе выше всякаго вѣроятiя. *Во первыхъ*, экипажи по желѣзнымъ дорогамъ не ходятъ ночью. Слѣдовательно должно положить, что они будутъ итти, кругомъ въ теченiе года, не болѣе 16 часовъ въ сутки. *Во вторыхъ*, если по Манчестерской дорогѣ дилижансы требуютъ менѣе двухъ часовъ для совершенiя своего пути въ 48 верстъ, то это единственно происходитъ отъ не дальности разстоянiя, дающаго возможность избѣгать задержекъ; чего по С. Петербургъ-Московской дорогѣ быть не можетъ. —

Посему взявъ общепринятую скорость пароходнаго экипажа, а именно по 15-ти верстъ въ часъ и не предполагая даже въ пути какихъ либо экстренныхъ задержекъ, кромѣ необходимыхъ остановокъ, обыкновенно полагаемыхъ на каждыя 50 верстъ, для осмотра машины, смазки и снабженiя ея углемъ и водою, а также для пищи пассажирамъ, назначая для этого, на всѣ 12 станцiй отъ С. Петербурга до Москвы, только 4 часа, — окажется что даже поспѣшные экипажи или дилижансы, потребуютъ для совершенiя пути своего изъ С. Петербурга

въ Москву не менѣе 40 часовъ ѣзды и 4 часовъ простоя, а всего не менѣе 44 часовъ дневнаго времени, по 16 часовъ въ сутки, что и составитъ *почти трое сутокъ*. Что же касается до скорости хода фургоновъ, то онъ выведенъ еще съ меньшею точностiю: равно полагая въ сутки по 16 рабочихъ часовъ, а ходъ фургона по 4 версты въ часъ и также не принимая въ разсчетъ какихъ либо экстренныхъ задержекъ, кромѣ необходимыхъ остановокъ для перемѣны лошадей, смазки, осмотра фургоновъ и т. п. по 15 минутъ, на каждую изъ 30 предполагаемыхъ къ назначенiю станцiй, — окажется, что на совершенiе пути изъ С. Петербурга въ Москву, фургонъ потребуетъ не менѣе 150 часовъ ѣзды и 7 часовъ простоя, а всего 157 часовъ дневнаго времени; что и составитъ *почти десять* сутокъ. Но если бы найдено было нужнымъ ускорить этимъ средствомъ доставку товаровъ, — то надлежитъ сдѣлать значительное, по извѣстной пропорцiи, уменьшенiе груза фургоновъ, что́ будетъ впрочемъ весьма не выгодно. —

5-е, Полагается сверхъ того имѣть особо 600 фургоновъ и 30 машинъ для перевозки войскъ, между С. Петербургомъ и Москвою; и подобную же обязаность полагается вмѣнить всякой вновь составившейся Компанiи на устроенiе желѣзной дороги, между прочими городами, дабы доставить возможность скорой перевозки войскъ изъ одного мѣста въ другое.

Если бы желѣзныя дороги могли пред-

ставить это важное удобство, то конечно онѣ принесли бы большую пользу Государству.

Но кромѣ означенныхъ препятствій, дороги эти не представляя даже, какъ мы выше видѣли, возможности къ скорѣйшей противъ нынѣ существующей перевозки, потребуютъ по одному этому предмету несравненно большаго расхода, и должны будутъ всякой разъ совершенно прерывать всѣ прочія частныя и торговыя по нихъ отправленія. Сверхъ того даже предполагаемая удобность перемѣщенія войскъ, тогда только осуществится, когда построились бы дороги, не только между С. Петербургомъ и Москвою, но и между многими у предѣловъ Имперіи находящимися пунктами; какъ на примѣръ между С. Петербургомъ и Гродно; Москвою и Кіевомъ, Одессою, Нижнимъ, Ураломъ, Астраханью и Одессою. Но это разстояніе, составляя болѣе 6000 верстъ, потребовало бы на построеніе по оному желѣзной дороги болѣе билліона рублей, при не совершимыхъ усиліяхъ и не вообразимой огромности работъ въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ.

6-е, Положивъ, что собственно построеніе желѣзной между С. Петербургомъ и Москвою дороги будетъ стоить не болѣе 45 милліоновъ рублей, означеннымъ предположеніемъ опредѣляются слѣдующія статьи остальнаго расхода:

А. Построеніе экипажей и машинъ.

а. для товаровъ.

— 3000 фургоновъ, за каждый по 600 рублей ассиг.
а за всѣ — — — — — 1.800.000 руб. ас.
— 50 дилижансовъ, за каждый по 5.000 руб. ассиг.
а за всѣ — — — — — 250.000 руб. ас.
— 10 машинъ, за каждую — — — 14.000 руб;
а за всѣ — — — — — — — 140.000 —
Пристаней, въѣздовъ и проч. 310.000 руб. ассиг.

Б. Тоже для войска.

— 600 фургоновъ; за каждый по 1.000 руб; а за всѣ — — — — — — — — — 600.000
— 30 машинъ, за каждую по 14.000 руб. ассиг.
а за всѣ — — — — — 420.000 руб. —
Итого 3.520.000 руб. ассиг.

В. Построеніе зданій.

Домовъ, конюшенъ и проч. на каждую станцію по 20.000 рублей, а для 30 станцій — 600.000 р. ас.
Домовъ для сторожей съ принадлежностями, за каждый по 20.000 р.; а за 200 — — 400.000 руб. ас.
Складочныхъ магазиновъ и въѣздовъ 2.500.000 —
Итого 3.500.000. р. ас.

С.

Сверхъ того, изъ суммы всего вообще употребленнаго по устроенію желѣзной дороги капитала полагается назначить въ расходъ ежегодно: на Инженеровъ, служителей и проч. по 12%; на издержки по содержанію по 2%; жалованье Главному Директору 30.000; пяти Директорамъ по 15 т. каждому, прочимъ чиновникамъ 25.000 рублей.

На покрытіе, какъ 45 милліоновъ собственно на построеніе желѣзной дороги употребленныхъ, такъ и всего прочаго означеннаго расхода, принимается, по тому предположенію, достаточнымъ перевезти въ годъ между С. Пе-

тербургомъ и Москвою 12 милліоновъ пудъ товаровъ и 120.000 человѣкъ пассажировъ.

Полагая установить таксу за доставку съ пуда: лѣтомъ по 1 р. 10 коп.; зимою по 40 коп.; а кругомъ 75 коп: съ пуда; и по 50 рублей съ пассажира; выручится за перевозку товаровъ 9-ть мил. за перевозку пассажировъ 6 милліоновъ рублей; итого: 15.000.000 рублей ассигнаціями, сумму якобы достаточную на покрытіе текущихъ расходовъ, и уплаты по 10% процентовъ на капиталъ акціонеровъ или вкладчиковъ.

Всѣ эти статьи представляютъ не только не полноту, но и чрезвычайный недостатокъ противъ настоящаго расхода и существующихъ у насъ цѣнъ.

Сверхъ того на чемъ основанъ разсчетъ, что по С. Петербургъ-Московской желѣзной дорогѣ будетъ отправляться ежегодно не менѣе 120.000 человѣкъ пассажировъ? Не единственно-ль выведенъ онъ изъ того, что при народонаселеніи Манчестера и Ливерпуля, простирающемся только до 300.000 человѣкъ, проѣзжаетъ ежегодно по желѣзной дорогѣ ихъ до 440.000 человѣкъ, а какъ народонаселенніе С. Петербурга и Москвы простирается до 800.000 человѣкъ, то принимая въ 10 разъ меньшее относительное число получится 120.000 человѣкъ пассажировъ? — Къ какому заключенію могутъ привести подобные выгоды, когда относительное и торговое положеніе сравниваемыхъ городовъ не имѣетъ ни какого сближенія!

Конечно, число пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ изъ С. Петербурга составляетъ ежегодно болѣе ста тысячь человѣкъ всякаго званія, пола и возраста. Но это нисколько не значитъ, чтобы всѣ они пріѣзжали изъ Москвы въ С. Петербургъ или обратно. Напротивъ они въѣзжаютъ въ С. Петербургъ чрезъ всѣ заставы, т. е. пріѣзжаютъ изъ всѣхъ направленій Россіи; и даже тѣ, которыя выѣзжаютъ по Московской заставѣ, или въѣзжаютъ чрезъ нее, не значитъ, что бы они непремѣнно ѣхали въ Москву или изъ Москвы; значительная часть изъ нихъ слѣдуетъ только по Московскому шоссе до нужнаго имъ мѣста къ повороту. Притомъ даже ѣдущіе прямо изъ Москвы въ С. Петербургъ и обратно, одни и при устроеніи желѣзной дороги признаютъ болѣе удобнымъ ѣхать въ собственномъ или почтовомъ экипажѣ, или же на долгихъ по существующему шоссе; другіе найдутъ полагаемую по желѣзной дорогѣ таксу, по 50 рублей съ человѣка, весьма высокою, имѣя всегдашную возможность совершить тотъ же путь по нынѣшнимъ цѣнамъ, при обозѣ за 10 или 12 рублей а въ дилижансъ—сидѣйкахъ за 20 рублей. Принявъ все сіе въ расчетъ окажется, что число пассажировъ собственно между С. Петербургомъ и Москвою едва ли простирается нынѣ отъ 60 до 70 тысячь человѣкъ; и что при самыхъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ желѣзной дороги, изъ числа ихъ едва ли восьмая или десятая часть, т. е. около *восьми тысячь человѣкъ* воспользо-

вались бы этимъ новымъ средствомъ сообщенія. Истина таковаго предположенія, можетъ еще быть потверждена и тѣмъ, что всѣ существующіе нынѣ между С. Петербургомъ и Москвою дилижансы и сидѣйки, едва ли отправятъ въ годъ болѣе 20.000 или 25000 человѣкъ.

Чтоже касается до торговли и промышлености С. Петербурга и Москвы, то конечно они огромны и цвѣтущи. Я имѣлъ уже случай въ иномъ мѣстѣ говорить нѣсколько объ этомъ предметѣ. (*)

Здѣсь упомяну только, что съ одной стороны заграничная торговля С. Петербурга составляетъ половину всей вообще заграничной торговли нашей; — съ другой стороны Москва, съ окрестностями своими и облегающими ее Губерніями, сдѣлалась нынѣ огромною, многообразною мануфактурою. Со всѣмъ тѣмъ торговля и промышленость этихъ двухъ городовъ, проложивъ себѣ множество путей, идущихъ во всѣ стороны и досягающихъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Имперіи, находится въ такомъ положеніи, что относительно небольшая только часть потребностей и производимости ихъ направляются непосредственно отъ С. Петербурга въ Москву и обратно; а еще меньшая часть

(*) См: Сѣв. Пчелу 13 Марта 1835 года о *желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи* и 27 Іюня того же года, о *путяхъ сообщеній между С. Петербургомъ, Англіею* и *Франціею*.

могла бы обратиться по желѣзной дорогѣ между и ими устроенной.

И по этому то положенію торговли и промышлености С. Петербурга и Москвы, взаимное сношеніе ихъ ни сколько не похоже на взаимное сношеніе Манчестера съ Ливерпулемъ. С. Петербургъ и Москва имѣютъ предметомъ Россію, и производятъ сношенія со всѣми мѣстами ея; тогда какъ Манчестеръ и Ливерпуль составлавляютъ такъ сказать, одинъ нераздѣльный, промышленный городъ, преимущественно имѣющій только взаимное сношеніе.

Приблизительно можно положить, что въ С. Петербургъ входитъ и изъ С. Петербурга отправляется во внутрь Россіи товаровъ, ежегодно по рѣкамъ и каналамъ, до 80 милліоновъ пудъ; по сухому пути, до 20 милліоновъ пудъ, и разной провизіи, отъ 30 до 40 милліоновъ пудъ; а всего около 140 милліоновъ пудъ. — За исключеніемъ незначительной части, это огромное количество, составляютъ товары весьма громоздные и тяжелые. Такъ напримѣръ, въ С. Петербургъ ежегодно ввозится: разной муки и хлѣба до четырехъ милліоновъ кулей; сала до четырехъ милліоновъ пудъ; семени льнянаго до 200.000 четвертей; дровъ до 600.000 саженъ; досокъ болѣе двухъ съ половиною милліоновъ штукъ; лѣса строеваго болѣе полу-милліона деревъ; желѣза до-трехъ милліоновъ пудъ, пеньки до-двухъ милліоновъ пудъ; льна и пряжи до одного милліона пудъ;—огородныхъ ово-

щей до полумилліона возовъ; быковъ до 150.000 штукъ; телятъ до 40.000 штукъ; масла коровьяго до 100.000 и постнаго до 400.000 пудъ; молока до 200.000 кувшиновъ; яицъ до 12 милліоновъ штукъ; сѣна до двухъ милліоновъ пудъ и болѣе 100.000 возовъ. Эти и множество подобныхъ предметовъ, по свойству своему, никогда и ни въ какомъ государствѣ, особенно въ Россіи, не могутъ быть перевозимы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, не допускающихъ тяжелыхъ и громоздныхъ товаровъ; сверхъ того, они доставляются въ С. Петербургъ изо всѣхъ и часто весьма отдаленныхъ мѣстъ Россіи, начиная съ Архангельска, Киргизской степи, Астрахани Малороссіи, Остзейскихъ Губерній и Филяндіи, а предметы продовольствія привозятся изъ лежащихъ вокругъ столицы фермъ, дачь, деревень, и Губерній, и входятъ по всѣмъ направленіямъ и всѣми заставами, а потому ни сколько не составятъ предметовъ перевозки между С. Петербургомъ и Москвою. По этому очевидно, что С. Петербургъ-Московская желѣзная дорога приняла бы весьма малое участіе въ доставляемыхъ нынѣ въ С. Петербургъ, какъ предметовъ продовольствія, составляющихъ до 40 милліоновъ пудъ, такъ и предметовъ внутренней его торговли, идущей нынѣ судоходно и составляющей до 80-ти милліоновъ пудъ. — Какъ по этому послѣднему пути отправляются частію цѣнные и колоніальные товары, то допустимъ, что

изъ нихъ даже до двухъ милліоновъ пудъ могли бы отправиться собственно по желѣзной дорогѣ. Изъ остальныхъ за тѣмъ 20-ти милліоновъ пудовъ товаровъ, сухопутно перевозимыхъ, конечно, значительная часть, предположимъ даже до половины, обращается собственно между С. Петербургомъ и Москвою. Слѣдовательно при благопріятныхъ обстоятельствахъ много уже если изъ нихъ половина же, т. е. до 5 милліоновъ пудъ, отправится по желѣзной дорогѣ. По сему возможное отправленіе, по С. Петербургъ-Московской желѣзной дорогѣ, можетъ простираться не свыше *семи милліоновъ пудъ въ годъ.*

Оставляя безъ возраженій прочіе, равно неточные выводы и предположенія,—я почелъ обязанностію составить полную смѣту: *во что дѣйствительно обошлась бы у насъ постройка желѣзной дороги между С. Петербургомъ и Москвою.* При чемъ имѣлъ я въ виду официальные отчеты *Правленій* Манчестерской, Ліонской и другихъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣны же работамъ и матеріаламъ, принималъ самыя умѣренныя и даже низкія, противъ нынѣ у насъ существующихъ. Издержки для большей ясности раздѣлилъ на *основный капиталъ* или расходъ *единовременной*; и на расходъ *ремонтной* и *текущій*; а доходъ опредѣлилъ по возможности приблизительно.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ОСНОВНЫЙ КАПИТАЛЪ, ИЛИ РАСХОДЪ ЕДИНОВРЕМЕННЫЙ.

А. Снятіе плана проложенія дороги.

Такъ какъ *планъ проложенія* служитъ къ составленію всѣхъ нужныхъ смѣтъ и рѣшаетъ окончательно возможность устройства самой дороги, то снятіе его производится съ строжайшею точностію и со всѣми подробностями. Полагая, что занятіе по этому предмету продлится только два года, и что на снятіе плановъ въ другихъ государствахъ издержаны были огромныя суммы, статья эта не можетъ обойтись у насъ при употребленіи только 12 старшихъ, 36 младшихъ инженеровъ и 200 человѣкъ рабочихъ, менѣе 200.000 руб. ас.

В. Покупка земли подъ желѣзную дорогу.

Расходъ по этой статьѣ много будетъ зависѣть отъ мѣстности и личности владѣльцевъ. — Но полагая даже, что Правительство приметъ на себя посредничество между владѣльцами земель и *Строительною Комиссіею*, статья эта потребуетъ во всякомъ случаѣ значительнаго расхода: ибо извѣстно какъ владѣльцы пользовались во всѣхъ государствахъ неизбѣжною необходимостію купить у нихъ встрѣченное *проложеніемъ дороги*, зданіе, ниву, лѣсъ или небольшое количество вовсе безплодной земли, а иногда и дозволенія вывести чрезъ владѣнія ихъ водопроводные стоки и осушные каналы. Нѣкоторыя составившіяся для построеніе желѣзныхъ дорогъ Компаніи, при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, должны были, единственно по огромности расхода, требуемаго этою статьею, во все оставить предпріятіе свое. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ успѣли скупить нужное количество земли, расходъ по ней былъ болѣе или менѣе значителенъ. — По Ліонской дорогѣ онъ составилъ кругомъ слишкомъ *девять тысячь* рублей ассигнаціями на версту; по Манчестерской несравненно еще дороже. Принявъ во уваженіе меньшую у насъ цѣнность земли и строеній, нельзя полагать однакоже, чтобы эта статья не потребовала расхода на версту менѣе *четырехъ тысячь* рублей, что на 650 верстъ составитъ до 2.600.000 рублей.

С. Проложеніе самой дороги или насыпи.

Такъ какъ эта *насыпь* должна быть проведена почти по совершенно прямой и горизонтальной линіи, — то не только нужно осушать встрѣчаемыя *проложеніемъ дороги* болота, отводить рѣки, дѣлать подземные ходы, но и бываетъ часто необходимо укрѣплять самый грунтъ на большомъ пространствѣ сваями и кирпичною или каменною настилкою, а равно дѣлать разные искуственныя и механическія работы.

Расходы этой статьи по Манчестерской дорогѣ, имѣющей 48 верстъ, простирались:

а. По уравненію дороги насыпкою и свозкою земли, а равно убивкою оной 5.250.000 рублей.

б. по построенію 60 мостовъ . . 2.725.000
с. по осушкѣ болотъ 300.000
д. по построенію подземнаго хода у Ливерпуля 1.100.000
е. остальныя разныя, по механическимъ и мелкимъ предметамъ 280.000

Итого 9.655.000 рублей ас.

Слѣдовательно каждая верста по одной этой статьѣ стоила до 201.167 р. ассиг.

Расходъ по Сентъ-Этьеньской дорогѣ къ Ліону, имѣющей 56 верстъ, простирался по этой же статьѣ:

а. по устроенію 14 подземныхъ ходовъ, протяженіе коихъ составляетъ около 5 верстъ 2.250.000
б. по построенію одного большаго и пяти меньшихъ мостовъ 1.150.000
с. по уравненію дороги насыпкою и свозкою земли, а равно по прочимъ механическимъ и другимъ работамъ 3.700.000

Итого 7.100.000 р. ассиг.

Слѣдовательно каждая верста по одной этой статьѣ стоила до 127.000 р. ассиг.

Принявъ во уваженіе, что *проложеніе* между С. Петербургомъ и Москвою желѣзной дороги будетъ итти по мѣстамъ малонаселеннымъ, что механическія и искуственыя работы обойдутся у насъ гораздо дороже, чѣмъ во Франціи и въ Англіи, что недостатокъ камня и кирпича будетъ весьма чувствителенъ по крайней мѣрѣ для ⅔ протяженія дороги, и что наконецъ необходимо, (согласно и съ означеннымъ выше предположеніемъ), поднять на одну или на двѣ сажени *насыпь* всего проложенія, для очистки снѣга, окажется безъ сомнѣнія, что построеніе такой *насыпи* съ принадлежностями, обойдется у насъ несравненно дороже Манчестерской, стоившей болѣе 200.000 и Этьенской, стоившей до 127.000 руб. на версту. — Но во избѣжаніе противорѣчій, полагая что *проложеніе* С. Петербургъ-Московской насыпи обойдется только по 127,000 руб. на версту, окажется, что все *проложеніе ея*, на 650-ти верстахъ, будетъ стоить до 78-ми милліоновъ руб. ассиг.

Д. Построеніе собственно желѣзной дороги т. е. *настилка по сдѣланной насыпи желѣзныхъ рельсовъ* чугунныхъ подушекъ и *каменныхъ борововъ.*

Средняя цѣна этимъ предметамъ, во Франціи: каменному борову въ 1 футъ ширины и 8 вершковъ толщины, съ просверленными дырами 1 р. 20 коп.; чугунной подушкѣ, вѣсомъ до 10 и болѣе фунтовъ — 1 руб.; — рельсамъ отъ 6 р. 20 коп. до 6 р. 50 коп. за пудъ.

Въ Англіи: борову 1 р., подушкѣ — 75 к. — рельсамъ до 5 р. 25 к. за пудъ.

Въ Россіи: борову 80 коп., подушкѣ 1. р. 50 коп. — рельсамъ до 10 р. за пудъ.

Примѣчаніе. — При выпискѣ изъ Англіи этихъ матеріаловъ, должно полагать цѣну: подушкамъ 80 к., рельсамъ по 5 р. 60 к. за пудъ.

На каждую сажень нужно — рельсовъ или желѣзныхъ брусьевъ, на — — — 23 р.
— 3. Подушки — — — — — — 4. 50 к.
— 3. Борова — — — — — — 2. 40.—
— 6 Загоновъ и за всю вообще установку 4. 10.

а всего 34 руб. ассиг.

тоже для двухъ линій — — — — 68 р.
— — — — — путей, т. е. для одного *отправляющаго* и одного *возвращающаго* пути — — — — — — — — — 136 р.

Слѣдовательно каждая верста по одной этой статьѣ будетъ стоить до 68,000. руб., а всѣ 650 верстъ отъ С. Петербурга до Москвы до — — — — — 44.200.000 руб. ас.

E. Построеніе шоссе между рельсами.

Такъ какъ по С. Петербургъ-Московской желѣзной дорогѣ предполагается таскать фургоны лошадьми, то вдоль между рельсами должно будетъ сдѣлать весьма прочное шоссе, ширина котораго захватила бы рельсовыя подушки. А какъ верста нынѣ существующаго Московскаго шоссе обошлась въ 33.557 р. то построеніе такого *рельсоваго шоссе*, будетъ стоить не менѣе 8.000 руб. за версту.

А слѣдовательно по протяженію 650 верстъ, оно обойдется не менѣе 5.200.000. руб. ассигнаціями.

F. *Построеніе домовъ, магазиновъ и прочихъ принадлежностей.*

Эта статья потребуетъ огромныхъ

расходовъ. — Но избѣгая слишкомъ подробныхъ смѣтъ и особенно противорѣчій, принимается по ней сумма, опредѣленная означеннымъ выше предположеніемъ; а именно:

a), Построеніе дома, конюшенъ и проч. на каждую станцію по 20.000 р.; а для 30 станцій . . . . 600.000 р.

b), Построеніе дома съ принадлежностями для сторожа за каждый по 2.000 р. а за 200 . . . . 400.000.

c), Построеніе складочныхъ магазиновъ и въѣздовъ . . . . , . . 2.500.000 р.

Итого 3.500.000 р. ассиг.

G). *Заведеніе дилижансовъ и фургоновъ, а равно подвижныхъ пароходныхъ машинъ* (machines locomotives) *и лошадей.*

a) *Дилижансовъ.*

Мы уже видѣли выше, что каждый дилижансъ, для совершенія пути изъ С. Петербурга въ Москву, потребуетъ почти трое сутокъ; равно изъ Москвы въ С. Петербургъ трое же сутокъ; а съ простоемъ, полагая только по однимъ суткамъ въ каждомъ концѣ, нужно будетъ *восемь сутокъ.* Слѣдовательно, принимая въ году вмѣсто 6-ти рабочихъ для желѣзной дороги мѣсяцевъ, даже, согласно съ выше приведеннымъ предположеніемъ — 9-ть мѣсяцевъ или 270-ть дней, окажется, что каждый дилижансъ можетъ сдѣлать въ годъ не болѣе 34-хъ оборотовъ и перевезти, (считая въ ди-

*

лижансѣ 20 мѣстъ) 680 пассажировъ. А по сему для перевозки предназначенныхъ тѣмъ предположеніемъ 120.000 человѣкъ потребно было бы завести не менѣе 176, а съ запасными до 200 дилижансовъ; что составитъ по цѣнамъ вышеозначеннымъ, (по 5.000 р. за каждый)

всего 1.000 000 р.

b), *Фургоновъ.*

Равно также видѣли мы, что каждый фургонъ для совершенія пути изъ С. Петербурга въ Москву и обратно, потребуетъ 20 сутокъ; а съ простоемъ въ обоихъ концахъ для нагрузки и поступленія въ очередь только по 5-ти сутокъ; всего нужно будетъ — 25 сутокъ. Равно принимая въ году 270 рабочихъ дней, окажется, что каждый фургонъ можетъ сдѣлать въ годъ не болѣе *одиннадцати* оборотовъ и перевезти не болѣе 1.800 пудовъ товара, считая что фургоны въ Москву идущіе, по извѣстному состоянію торговли, будутъ имѣть половину груза противъ возвращающихся изъ Москвы. — А посему для перевозки предназначенныхъ тѣмъ предположеніемъ 12 милліоновъ пудъ, потребно будетъ завести не менѣе 6.666, а съ запасными 7.000 фургоновъ. По существующей нынѣ цѣнѣ, каждый Фургонъ стоитъ отъ 800 до 1000 рублей ас. — Положивъ только по 800 рублей за каждый, расходъ на покупку 7.000 фургоновъ будетъ простираться до 5.600.000 руб.; — покупка 600 войсковыхъ упомянутыхъ выше фур-

гоновъ (по 1.000 р. за каждый) — 600.000 р. а за всѣ 7.600 фургоновъ. . . . 6.200.000.р.

c), *Пароходныхъ машинъ.*

Соотвѣтственно опредѣленному числу 200 дилижансовъ, нужно имѣть до 50-ти *подвижныхъ* или *сухопутныхъ паровыхъ машинъ*, — да для перевозки 600 войсковыхъ фургоновъ до 30-ти таковыхъ же машинъ, а всего до 80-ти машинъ. —

По существующей нынѣ цѣнѣ, хорошо устроенная сухопутная паровая машина стоитъ до 20.000 рублей. — Слѣдовательно расходъ на покупку 80-ти машинъ, будетъ простираться до 1.600.000 рублей ассиг.

d.) *Лошадей.*

Соотвѣтственно опредѣленному выше числу фургоновъ, нужно имѣть при 16-ти часовъ въ сутки работы, болѣзняхъ и прочихъ случаяхъ — 8.000 и даже 9.000 лошадей; — что составитъ, полагая по 150 р. кругомъ за каждую лошадь, за всѣ . . . . 1.350.000 р. ассиг.

e.) *Сбруя.*

Сбруя на 9.000 лошадей, по 17 р.; а на всѣ. . . . . 150.000 р.

Всѣ собранныя воедино вышеозначенныя статьи *единовременнаго расхода* или *основнаго капитала* составляютъ:

A.) Расходъ по плану проложенія 200.000 р. ас

B. Покупка земли подъ желѣзную дорогу . . . . 2.600.000 р.

C.) Проложеніе самой дороги или [illegible]

сыпи и другихъ искуственныхъ и механическихъ работъ . . . . 78.000.000 р.

D.) Построеніе собственно желѣзной дороги т. е. настилки рельсовъ, съ принадлежностями — — — — — — 44.200.000 р.

E. Построеніе шоссе между рельсами — — — — — — — 5.200.000 р.

F.) Построеніе домовъ, магазиновъ, службъ и проч. . . . . 3.500.000 р.

G.) Заведеніе дилижансовъ, фургоновъ, пароходныхъ машинъ, лошадей и сбруй 10.300.000

а всего 144.000.000 р. ас.

Слѣдовательно одно только построеніе между С. Петербургомъ и Москвою желѣзной дороги, безъ *ремонтныхъ* и *текущихъ расходовъ*, по приведеннымъ выше подробной смѣтѣ и крайне дешевымъ цѣнамъ оной, будетъ стоить 144 милліона рублей ассигнаціями. — То есть каждая верста обойдется около 222.000 рублей ассигнаціями. Истина этого вывода становится еще убѣдительнѣе, если вспомнимъ, что таковой же расходъ по Манчестерской дорогѣ простирался до 300.000, а по Этьеннь-Ліонской до 240.000 руб. ассиг. на каждую версту.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

РЕМОНТЫЙ ТЕКУЩІЙ РАСХОДЪ.

А. Ремонтъ рельсовъ съ принадлежностями, машинъ, экипажей и поправка насыпи.

Ежегодный ремонтъ по этимъ предметамъ Манчестерской дороги, доходя до 420.000

р. ассиг. по всему протяженію своему, составитъ расходъ по 8.750. р. на версту.

Принимая въ уваженіе безпрерывныя перемѣны атмосферы и суровость нашего климата, конечно, расходъ по сему будетъ у насъ вдвое и даже втрое значительнѣе. Но постоянно избѣгая возраженій, полагается, что таконой ремонтъ по С Петербургъ-Московской дорогѣ, не обойдется дороже вышеприведеннаго по Манчестерской и Ліонской дорогамъ. — Слѣдовательно на протяженіи 650 верстъ, составитъ въ годъ, до . . . . . . 5.687.500. руб. ассиг.

В. *Ремонтъ лошадей.*

Полагая, что лошадь, при столь трудной и безпрерывной работѣ, прослужитъ кругомъ 8 лѣтъ, потребуется на ежегодный ремонтъ около . . . . 170.000. рублей.

С. *Ремонтъ сбруи.*

Полагая сбрую на 5 лѣтъ; на ежегодный ремонтъ ея потребуетсядо. . 30.000 р.

Д. *Ремонтъ рельсоваго шоссе.*

Ежегодный ремонтъ нынѣ существующаго Московскаго шоссе стоитъ около 1.200.000 р. — Принявъ въ разсчетъ съ одной стороны узкость *рельсоваго шоссе*, а съ другой безпрерывный по немъ ходъ лошадей, невозможно полагать, чтобы ежегодный ремонтъ по немъ составилъ менѣе. . . . . 250.000 р.

Е. *Ремонтъ домовъ, магазиновъ и другихъ принадлежностей.*

Принимая въ уваженіе многосложность частей и количества суммы $3\frac{1}{2}$ милліона рублей назначаемой на построеніе тѣхъ предметовъ, не возможно полагать, что бы ежегодный ремонтъ по этой статьѣ обошелся дешевле 250.000 р

f.) *Ежегодное содержаніе по главному управленію.*

Согласно выше означенному предположенію, равно полагается: жалованье Главному Директору 30.000 р.; пяти Директорамъ по 15.000 р. каждому; прочимъ чиновникамъ 95.000 р.

А всего 200.000 р. ассиг.

g.) *Ежегодное содержаніе Общаго управленія.*

Въ статью эту входитъ жалованье и содержаніе: Кондукторовъ фургонныхъ партій и дилижансовъ, Смотрителей надъ магазинами, сторожей надъ дорогою, механиковъ и прочихъ служителей. Ежегодный расходъ по этимъ предметамъ Манчестерской дороги простирается до 140,000 р. ас.

Принявъ въ разсчетъ разстояніе С. Петербургъ-Московской желѣзной дороги, не полагая даже въ число этого расхода наемъ 900 погонщиковъ, который по Манчестерской дорогѣ вовсе не производится и который потребовалъ бы однакоже у насъ до 300,000 р. въ годъ, расходъ по этой статьѣ составитъ не менѣе . . . . 1,900,000 р. а.

H.) *Ежегодное содержаніе лошадей.*

Кормъ 9.000 лошадей на каждую лошадь 300 р. въ годъ, а на всѣхъ 2,700,000 руб.

i.) *Содержаніе углемъ пароходныхъ машинъ.*

Сухопутные пароходы противъ водоходныхъ или проскафовъ, потребляютъ почти вдвое горючаго матеріала, а именно: по Манчестерской и Ліонской дорогамъ полагается на одинъ часъ и на каждую лошадь таковыхъ пароходовъ по двадцати нашихъ фунтовъ каменнаго угля.

Принимая, сообразно приведенному выше расчету, что экипажи по С. Петербургъ-Московской ж. дорогѣ будутъ работать только въ теченіи 270 сутокъ, по 16 часовъ, — окажется, что для опредѣленныхъ къ дѣйствію по этой дорогѣ 80-ти *подвижныхъ пароходныхъ машинъ*, потребуется каменнаго угля: для одной машины на одинъ часъ времени, до 600 фунтовъ; для одной машины на одни рабочія сутки или 16 часовъ—до 9.600 фунтовъ; для одной машины на одинъ рабочій годъ или 270 сутокъ—до 2,592,000. фунтовъ; слѣдовательно для 80-ти машинъ на рабочій годъ—до 207.360,000 фунтовъ или до *пяти милліоновъ ста восьмидесяти тысячъ* пудъ.

Для топки *сухопутныхъ паровыхъ машинъ* употребляютъ крупный очищенный каменный уголь (*coke*), что бы удобнѣе поддержать теченіе воздуха въ топилѣ.—Если мелкій и смѣшенный уголь можно было бы купить здѣсь намѣстѣ отъ 25 до 30 коп. за пудъ, то крупнаго, очищеннаго нельзя получить дешевле 50 или 45 копѣекъ. Принявъ только цѣну по 40 копѣекъ за пудъ, окажется расходъ на покупку означеннаго выше

количества угля, ежегодно будетъ простираться до . . . . 2.072.000 руб.ас.

Сверхъ того дѣйствующія по Манчестерской, Ліонской и другимъ желѣзнымъ дорогамъ машины, имѣютъ, такъ сказать, всегда подъ рукою необходимый имъ каменный уголь. Если же заставить развозить каменный уголь изъ С. Петербурга по всѣмъ пристанямъ или станціямъ до самой Москвы, то одно уже это обстоятельство сдѣлало бы у насъ употребленіе желѣзной дороги чрезвычайно затруднительнымъ.

Но преслѣдуя начатые нами разсчеты должно будетъ прибавить по расходу этой статьи, расходъ перевозки потребнаго для пристаней угля. А какъ разстоянія пристаней отъ С. Петербурга находятся на протяженіи 650 верстъ, то для упрощенія разсчета, мы положимъ, что развозка угля по *пристанямъ* потребуетъ только втрое меньшей платы съ пуда, противъ прочихъ товаровъ по желѣзной дорогѣ перевозимыхъ; что и составитъ по 25 коп. съ пуда; а за всѣ 5.180,000 пудъ . . . . 1.295.000 р. ас.

И того расходъ по этой статьѣ будетъ . . . . 3.367,000 р. ас.

Всѣ собранныя во едино статьи *ежегоднаго ремонтнаго и текущаго расхода* составятъ:

a) по ремонту рельсовъ, машинъ, экипажей и проч. . . . 5.687.500 р.

b) Тоже лошадей . . . . 170.000 р.

c) — — сбруя . . . . 30.000 р.

d) — — шоссе . . . . 250.000 р.

e) — — домовъ, магазиновъ и проч. . . . . 250.000 р.

f) По содержанію Главнаго управленія . . . . 200.000 р.

g) Тоже общаго управленія 1.900.000 р.

по содержанію, лошадей. . . . 2.700.000 р.

углемъ пароходныхъ машинъ . 3.367.000 р.

И того 14.554.500 руб. ас.

То есть одни *текущіе и ремонтные расходы* по С. Петербургъ-Московской желѣзной дорогѣ, исключая основнаго капитала 144 милліоновъ рублей, назначаемаго на построеніе ея, составятъ ежегодно до 14.550.000 р. асс.

Теперь легко уже будетъ опредѣлить: какую именно С. Петербургъ-Московская желѣзная дорога должна выручить сумму, для покрытія, какъ употребленнаго на построеніе ея *основнаго капитала*, — такъ и требуемыхъ къ дѣйствіямъ *ежегодныхъ расходовъ*?

Для этого стоитъ только означить, что единовременный, или основной капиталъ 144 милліоновъ руб. долженъ приносить вкладчикамъ (назначенные и въ упомянутомъ предположеніи) десять процентовъ что и составитъ ежегоднаго расхода.... 14.400.000 р. Прибавивъ къ этой суммѣ выше означенный текущій ежегодный же расходъ 14.450.000 рублей ассигнаціями,—составится 28.850.000 рубле

ассиг. *сумма, которую С. Петербургъ-Московская желѣзная дорога непремѣнно должна была бы выручать ежегодно для надлежащаго своего дѣйствія.*

Посмотримъ же, что дѣйствительно можетъ эта дорога выручить къ покрытію столь огромнаго расхода?

Извѣстно, что по Вышне-Володскому каналу отъ С. Петербурга до Твери средняя цѣна за доставку товара составляетъ отъ 25 до 30 коп. съ пуда. Положивъ растояніе этихъ городовъ въ прямой линіи около 500 верстъ, окажется, что на разстояніи 600 верстъ равномъ разстоянію С. Петербургъ-Московской желѣзной дороги, таковая цѣна по водяному сообщенію будетъ не болѣе 36 коп.— Относительно же сухопутной доставки товара средняя цѣна между С. Петербургомъ и Москвою составляетъ зимнимъ путемъ отъ 60 до 70 коп.; лѣтнимъ отъ 2-хъ руб. до 2-хъ р. 50 к.; а для пасажировъ при обозахъ отъ 10 до 12 р. въ сидѣйкахъ 20 р. — въ дилижансахъ 50, 75 и 100 руб. Слѣдовательно средняя нынѣ существующая цѣна будетъ:

a) Товаровъ, доставляемыхъ по водѣ по 36 коп. съ пуда.

b) Товарамъ доставляемымъ зимою и лѣтомъ сухопутно 1 р. 45 коп.

c) Пасажировъ тоже по сухому пути 44 р. 50 коп.

Среднія цѣны по С. Петербургъ-Мо-

сковской желѣзной дорогѣ назначаются вышеозначеннымъ предположеніемъ: зимнимъ путемъ по 40 к. лѣтнимъ по 1 р. 10 к. по обоимъ 75 к. Хотя зимняго пути по желѣзнымъ дорогамъ быть не можетъ и хотя таковыя цѣны выведены болѣе по тоссѣ Манчестерской дороги и не ведутъ посему ни къ какому заключенію въ отношеніи Россіи; — но мы принимаемъ даже эту среднюю цѣну; именно: для перевозки товара по 1 руб. 10 к. съ пуда и съ пасажировъ по 50 руб. съ человѣка.

Вспомнивъ изложенный выше выводъ нашъ, что по С. Петербургъ-Московской желѣзной дорогѣ ни коимъ образомъ не могло бы отправиться болѣе 7 милліоновъ пудъ товаровъ и до 8-ми тысячь человѣкъ пасажировъ, — и принимая даже означенную выше среднюю цѣну, окажется, что *по этой дорогѣ общая выручка или поступленіе всего вообще въ приходъ денегъ будетъ простираться ежегодно до* 5 650.000 руб.

А какъ ежегодный непремѣнный расходъ по содерженію С. Петербургъ-Московской желѣзной дороги простирается до 28.850.000 руб. то очевидно, что *это предпріятіе должно имѣть ежегодно, чистаго и непремѣннаго убытка до* 23.200.000 руб. ассигнаціями.

Вотъ до какого результата достигли мы, подвергнувъ числовымъ и положительнымъ выводамъ, блестящіе предложенія и пышныя, но не опредѣлительныя ожиданія столь огромнаго предпріятія!

Причины, заставившія приступить къ постройкѣ Манчестерской желѣзной дороги были настоятельны, возможность очевидна и выгодность строго изслѣдована. Дѣйствительно сколь значительныя выгоды могли представить средства ускореннаго и дѣятельнаго сообщенія между столь промышлеными и столь въ близкомъ растояніи другъ отъ друга находящимися городами, каковы Манчестеръ и Леверпуль, городами быстрое умноженіе населенности и богатства которыхъ не имѣетъ другаго примѣра въ Исторіи. По этому удивительно-ли, что Ливерпуль, ставъ въ короткое время на степень перваго порта въ свѣтѣ; превзойдя внѣшнею торговлею самый Лондонъ; получая ежегодно одного таможеннаго сбора до 120 милліоновъ рублей; установивъ едва не всемірную контору торговли хлопчато-бумажныхъ товаровъ; получая хлопку со всѣхъ мѣстъ произрастенія ея и снабжая всѣ части свѣта бумажно-прядильными и бумажно-ткальными товарами, содѣлавшимися нынѣ предметомъ повсемѣстнаго и огромнаго потребленія, и простирающимися уже въ одной Англіи ввозомъ хлопка до 300 милліоновъ фунтовъ, и отпускомъ бумажнаго товару до 460 милліоновъ руб. въ годъ, составляющими цѣнность издѣлій до 900 милліоновъ рублей ас.; удивительно-ли, что Ливерпуль избравъ центромъ производимости своей Манчестеръ, едва вообразимая фабричность котораго не удовлетворяетъ вполнѣ его требованіямъ; удивительно-ли послѣ всего этого, что Манчестеръ и Ливерпуль, имѣя уже къ взаимному сообщенію двѣ превосходныя шоссейныя дороги, по которымъ ежедневно ходило 49 одних дилижансовъ, два прекрасные канала, постоянно загроможенные множествомъ судовъ и барокъ, нашли выгоднымъ въ добавокъ и пособіе имъ устроить еще желѣзную дорогу, такъ что чудовищная промышленость ихъ болѣе и болѣе умножаясь, не только дѣятельно занимаетъ существующія между ими каналы, двѣ шоссейныя и одну желѣзную дорогу, но заставляетъ нынѣ приступать вновь къ соображеніямъ выгодности построенія вдоль первой, еще другой желѣзной же дороги.

Для опредѣденія предметовъ, перевозка которыхъ, представляя по желѣзнымъ дорогамъ наибольшія выгоды, единственно только можетъ поддержать дѣйствія ихъ, необходимо изслѣдовать занятія таковыхъ дорогъ и отчеты издаваемыя правленіями ихъ. — Такъ на примѣръ, хотя перевозка товаровъ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, простирается до *тридцати миліоновъ пудъ* въ годъ, и хотя въ одномъ Манчестерѣ ежегодно потребляется до 70 *миліоновъ пудъ угля*, со всѣмъ тѣмъ, за исключеніемъ этого послѣдняго предмета, по желѣзной дорогѣ отправляются преимущественно весьма цѣнные и не громоздные товары, и въ особенности пасажиры, число которыхъ ежегодно простирается до 400.000 человѣкъ, такъ, что

плата, ими производимая, составляетъ болѣе половины выручки или всей вообще поступающей въ приходъ суммы.

Но при столь благопріятныхъ обстоятельствамъ и удачныхъ дѣйствіяхъ Манчестерской желѣзной дороги, извѣстно, что она приноситъ чистаго дохода только по 8 процентовъ. — И если отдѣлить изъ нихъ *на погашеніе основнаго капитала* по 4% или хотя по 3% процента, то окажется, что вкладчики имѣютъ только по 4% и ни коимъ образомъ не болѣе 5% процентовъ на положенные ими капиталы. — Конечно, въ Англіи при малости существующихъ процентовъ, при обиліи капиталовъ и при возможности обезпеченія отдѣленіемъ означенныхъ 3% или 4% процентъ *въ погашеніе* — это предпріятіе пользуется по праву заслуженною славою; — но касательно прочихъ извѣстнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ; всѣ онѣ вообще приносятъ малыя выгоды и даютъ не болѣе, а часто менѣе противъ показанныхъ выше процентовъ.

И такъ изложивъ:

Что не избѣжное, главное свойство желѣзной дороги требуетъ *проложенія ея по совершенно прямой и горизонтальной линіи*;

Что построеніе желѣзной дороги между С. Петербургомъ и Москвою, по *одной огромности разстоянія* этихъ городовъ, не представляетъ уже ни какой возможности совершить таковое проложеніе;

Что устройство экипажей и самой дороги требуетъ постоянной *твердости грунта* ея и совершенной *равности положенія рельсовъ*; до чего ни какъ нельзя достигнуть по климату нашему, въ которомъ весенніе снѣги и частыя оттепели размягчаютъ грунтъ, а крайности перехода отъ холода къ теплу, причиняя разширеніе и сжатіе желѣза, произведутъ неравности ни чѣмъ не связываемыхъ концевъ рельсовъ;

Что зимнее время, вовсе прерывая сообщенія по желѣзной дорогѣ, дало бы только возможность ѣздить по ней у насъ, *не болѣе шести мѣсяцевъ въ году*;

Что при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, для *самой поспѣшной доставки*, по желѣзной дороги изъ С. Петербурга въ Москву или обратно потребовалось бы не менѣе *трехъ сутокъ для перевозки пасажировъ* и около *десяти сутокъ для перевозки товаровъ*;

Что желѣзныя дороги по свойству своему не всегда *допускаютъ точное и безостановочное отправленіе экипажей*, даже при малыхъ растояніяхъ. Но что при растояніяхъ значительныхъ, это неудобство неизбѣжно навлечетъ безпрерывныя задержки и продолжительныя остановки, которыя лишатъ тѣмъ всякой возможности употребленія ихъ;

Что каждая желѣзная дорога, отправляя число экипажей, сообразно протяженію ея и назначенію очереди отправленія, *не можетъ увеличить по желанію* или *надобности*

числа опредѣленныхъ для нее экипажей; а слѣдовательно она не можетъ *избавить отъ необходимости содержать между тѣми же пунктами* или *городами другую обыкновенную* или *шоссейную дорогу*;

Что желѣзныя дороги, по свойству своего дѣйствія, *не допуская въѣздовъ*, и едва дозволяя *проводить* не большое число *постороннихъ* желѣзныхъ же дорогъ, *могутъ приносить пользу только двумъ конечнымъ* пунктамъ или городамъ, между которыми проведены; тогда какъ шоссейская дорога служитъ къ облегченію сообщеній между всѣми вдоль и въ сторонѣ ея лежащими мѣстами;

Что она посему *не представляетъ никакихъ выгодъ, ни въ отношеніи общей государственной промышленности, ни въ отношеніи помѣщиковъ* и *крестьянъ*;

Что она равно безполезна и для *перевозки войскъ*: ибо не представляя выгодъ, ни во времени, ни въ издержкахъ, потребовала бы соединенія таковыми же дорогами многихъ весьма отдаленныхъ мѣстъ Имперіи, построеніе которыхъ потребовало бы болѣе билліона рублей, и не исполнимыхъ трудовъ въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ;

Что желѣзная дорога, даже при возможности построенія, можетъ быть тогда только полезною, когда *соединенные ею города* при *большомъ народонаселеніи* и *огромности торговли*, имѣютъ между собою *непосредственное, дѣятельное сношеніе* и когда это сношеніе именно направлено *на перевозку цѣнныхъ товаровъ и особенно на перевозку пасажировъ*;

Что положеніе городовъ С. Петербурга и Москвы, при всей огромности торговли ихъ, направлено, напротивъ, преимущество на перевозку товаровъ и громоздныхъ и малоцѣнныхъ, что взаимная торговля ихъ, въ сравненіи съ общей внутренней и внѣшней торговлей, не значительна и что число пасажировъ между этими городами также не можетъ доставить большой выручки; что существующая нынѣ цѣна на перевозку между этими городами, не только тяжелыхъ, но и цѣнныхъ товаровъ гораздо дешевле таксы по желѣзной дороги назначаемой, въ особенности производя отправку зимнимъ путемъ, чего эти послѣднія дороги вовсе производить не могутъ;

Что сверхъ того самое большое количество товаровъ доставляется въ С. Петербургъ судоходно; и что цѣны по сему способу сообщенія гораздо дешевле еще зимней перевозки, представляя обѣ вмѣстѣ весьма хорошія дешевыя и естественныя наши первый — зимній, а второй лѣтній путь сообщенія; что оба эти пути, а особливо судоходный, ежегодно улучшиваются и умножаются; что учрежденіе конторъ транспортовъ и другихъ заведеній много облегчило уже сухопутное сооещеніе; что притомъ С. Петербургскій портъ, не будучи открытъ въ теченіи всего года, будетъ избирать всегда къ от-

*

правленію заграничныхъ товаровъ, не поспѣшный, но дешевый путь;

Что по сему едва-ли можно полагать чтобы даже при возможности устроить С. Петербургъ-Московскую желѣзную дорогу, отправлялось бы по ней хотя самое малое число пасажировъ; а и того болѣе какое либо количество товаровъ;

Что ежегодный непремѣнный расходъ по С. Петербургской-Московской желѣзной дорогѣ, потребовалъ бы до 28.800.000 р. а какъ ежегодное поступленіе въ приходъ, полагая даже что требованіе на отправленіе пасажировъ и товаровъ простиралось бы всего вообще, до 8.600.000 рублей, — то очевидно, что это предпріятіе имѣло бы и тогда *ежегоднаго, чистаго и непремѣннаго убытку* до 23.300.000 р. ас.

Изложивъ все сіе въ подробности и съ численными доказательствами, кажется, можно сказать утвердительно: что *устроеніе желѣзной дороги между С. Петербургомъ* и *Москвою совершенно невозможно, очевидно безполезно и крайне не выгодно.*

Наркизъ Атрѣшковъ.

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату (въ Теплицѣ), Сентября 20 числа, для облегченія отпускной торговли города Ростова, и для распространенія торга Нагайскихъ и Молочайскихъ колоній, а равно другихъ сосѣдственныхъ мѣстъ, согласно съ представленіемъ Министра Финансовъ, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣннымъ, повелѣно: 1) Учредить Таможенныя Заставы въ Ростовѣ и Бердянскѣ, — въ семъ послѣднемъ взамѣнъ существующаго теперь таможеннаго присмотра. 2) Заставамъ симъ очищать пошлиною единственно Россійскія произведенія, перевозимыя въ другіе Россійскіе или иностранные порты; изъ иностранныхъ же товаровъ принимать только тѣ, кои очищены пошлиною въ другихъ Россійскихъ таможняхъ. 3) Ростовской Заставѣ быть въ вѣдѣніи Таганрогскаго, а Бердянской въ вѣдѣніи Керчь-Еникальскаго Таможенныхъ Округовъ.

— Высочайшимъ Приказомъ 7-го Октября, состоящій по Кавалеріи Генералъ-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, уволенъ отъ службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

— Высочайшими Грамотами Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ: Св. Анны 1-ой степени, Императорскою короною украшеннаго, Ко-

мандиръ 1-ой бригады 19-ой пѣхотной дивизіи Генералъ-Маіоръ Реутъ; Св. Владиміра 2-ой степени Командиръ-Лейбгвардіи коннаго полка Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Мейендорфъ; Св. Станислава 1-ой степени Шамхалъ Тарковскій, Вали Дагестанскій Тайный Совѣтникъ Сулейманъ-Ханъ, и Познанскій Оберъ-Президентъ Флотвель; 2-ой степени Президентъ Лигницкаго Правленія Графъ Штальбергъ и Командиръ Гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка Генералъ-Маіоръ Обрадовичъ.

Франція.

Въ Парижъ прибылъ Россійскій Посолъ Графъ *Паленъ*.

Слышно, что чрезъ нѣсколько дней Графъ *Себастіани* снова отправится въ Лондонъ.

Въ Мониторѣ напечатано росписаніе доходовъ и расходовъ города Парижа за 1836 годъ, предложенное Префектомъ Департамента Сены Парижскому Городовому Совѣту. Этотъ бюджетъ простирается на сумму 42,119,226 фр.

— Говорятъ, что Герцогъ Орлеанскій пожелалъ принять участіе въ экспедиціи противъ *Абдель-Кадера*, и для того, на сихъ дняхъ, отправляется въ Африку.

— Въ двухъ газетахъ сказано было, что *Морей*, обвиняемый въ соучастіи въ покушеніи *Фіески* умеръ. Это извѣстіе несправедливо. Природа, и, безъ сомнѣнія еще болѣе, усильныя убѣжденія, заставили наконецъ *Морея* отказаться отъ намѣренія, уморить себя съ голоду. Онъ согласился принять нѣсколько пищи, и въ донесеніи, написанномъ Докторомъ *Барра*, отъ имени четырехъ врачей

которые, во все это время, неутомимо оказывали *Морею* всѣ врачебныя пособія, — онъ увѣдомляетъ, что уже не сомнѣваются въ возможности спасти этого несчастнаго. — Говорятъ, что въ самыхъ тяжкихъ страданіяхъ, онъ сохраняетъ полное присутствіе духа. — Разсказываютъ также, что въ последнее время онъ пожелалъ увидѣться съ однимъ изъ Слѣдственныхъ Судей, и спросилъ у него: позволятъ-ли ему сдѣлать духовное завѣщаніе, и останется ли этотъ актъ неприкосновеннымъ, въ его рукахъ, что ни случилось бы, до самой его смерти? Получивъ утвердительный отвѣтъ, *Морей* собрался съ силами, написалъ нѣсколько страницъ и тщательно завернулъ ихъ въ особый конвертъ, сдѣлавъ особую надпись. Запечатавъ все это, онъ положилъ пакетъ подъ изголовье; и съ тѣхъ поръ очень часто ощупываетъ мѣсто, гдѣ онъ лежитъ, какъ бы опасаясь, чтобъ у него не похитили этой бумаги, не смотря на неоднократныя, сдѣланныя ему увѣренія въ этомъ отношеніи.

Что касается до другихъ, обвиненныхъ вмѣстѣ съ *Фіески*, то уже приготовляются въ скоромъ времени перевести ихъ въ Petit-Luxembourg. — Одинъ изъ нихъ, Г. *Пепенъ*, уже перевезенъ туда 6 Октября, въ 5 часовъ утра, въ каретѣ, въ которой было нѣсколько Полицейскихъ Агентовъ и которую сопровождалъ конвой муниципальной гвардіи подъ непосредственнымъ Начальствомъ Пристава (Huissier) Палаты Перовъ.

Въ Messager сказано: Г. *Пакье* полагаетъ, что процессъ *Фіески* можетъ начаться 10-го Ноября. Этотъ процессъ, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ себѣ общее вниманіе; однако, не будетъ такъ занимателенъ, какъ бы онъ былъ, еслибъ преступленіе *Фіески* было виною цѣлой партіи. Самую замѣчательную часть этого процесса будетъ составлять самъ *Фіески*, тѣмъ

болѣе, что онъ обѣщаетъ удивить всѣхъ своими показаніями. Газета Le Bon Sens полагаетъ, что начало процесса еще не такъ близко.

Англія.

Въ Morning Chronicle напечатано: Кажется, что изъ приверженцевъ консервативной партіи не одинъ Маркизъ *Чандосъ* мечтаетъ о перемѣнѣ Министерства. Газета Standard также хочетъ увѣрить своихъ читателей, что черезъ нѣсколько недѣль нынѣшніе Министры лишатся своихъ должностей. Мы предполагаемъ, что для этого переворота назначено 15 Ноября, потому что въ прошедшемъ году это число было такъ счастливо для партіи Тори. Что касается до насъ, то мы ничего не слыхали объ этомъ, и доселѣ всегда думали, что Сиръ Робертъ Пиль и его друзья отложили на долгое время свои надежды вновь пріобрѣсть управленіе государственными дѣлами. — Вѣроятно, что газета Standard хочетъ только побудить Членовъ своей партіи къ новой попыткѣ свергнуть нынѣшнее Министерство, пока еще не назначены новыя лица къ должности преобразованныхъ муниципальныхъ корпорацій.

Епископъ Леонскій, Агентъ Дона *Карлоса*, прибылъ въ Лондонъ инкогнито изъ Роттердама на пароходѣ; говорятъ, что онъ присланъ съ порученіемъ къ нѣкоторымъ важнымъ особамъ въ Англіи. Въ Globe сказано: Съ сожалѣніемъ должны мы объявить, что въ Лондонѣ, близъ Чельзи и Вайтчапель, производится наборъ волонтеровъ въ службу Дона *Карлоса*; тамъ выдаются патенты на Офицерское званіе; обѣщанія, самыя блестящія, приманиваютъ многихъ.

Въ Дублинѣ снова началось изслѣдованіе, по приказанію Нижняго Парламента, о послѣднемъ выборѣ Г. О'Коннеля и Ротвена Представителями сего города. Консервативныя газеты одобряютъ составъ назначенной для этого Коммиссіи и ея дѣйствія. Дѣло состоитъ въ томъ, имѣли ли право участвовать въ выборахъ нѣкоторыя изъ лицъ, подавшихъ голоса за Г. О'Коннеля. Въ прошеніи, которое поступило въ Парламентъ, правильность выбора оспоривается тѣмъ, что на этихъ лицахъ, въ то время, когда происходилъ выборъ, лежали недоимки по платежу податей. О'Коннель утверждалъ, что такая недоимка вовсе не могла существовать, потому, что между этими избирателями и владѣльцами ихъ земель существуетъ договоръ, въ силу котораго подати платятъ сіи послѣдніе, а не первые. — Противники хотя и не отрицали договора, однако считали его весьма не яснымъ по многимъ причинамъ. Г. О'Коннель самъ два раза являлся въ Коммиссію, требуя, чтобъ она выслушала свидѣтелей въ его пользу, но Коммиссія не удовлетворяя его требованіямъ, каждый разъ закрывала свои засѣданія до слѣдующаго собранія. Къ третьему засѣданію собралось множество зрителей, которые полагали, что Г. О'Коннель вновь позволитъ себѣ употребить выраженія рѣзкія и Коммиссія велитъ арестовать его за оскорбленіе ея достоинства. Однако въ этотъ разъ Г. О'Коннель не выступилъ изъ границъ умѣренности, по крайней мѣрѣ не сказалъ ничего оскорбительнаго для Коммиссіи. Полагаютъ, что если Г. О'Коннель будетъ по прежнему обременять Коммиссію своими настояніями, то она прекратитъ слѣдствіе, и донесетъ, что О'Коннель воспрепятствовалъ ей произвести оное. — Въ такомъ случаѣ О'Коннель намѣренъ принести Комитету Нижней Палаты жалобу на дѣйствія Коммиссіи.

Испанскія дѣла.

Жители столицы явили на сихъ дняхъ новое доказательство довѣрія, внушаемаго имъ дѣйствіями Министерства и особливо Г. Мендисабаля. День рожденія Донны Изабеллы праздновань 10-го Октября съ величайшимъ торжествомъ и со всеобщимъ восторгомъ. По прибытіи Графа Альмодавара національная гвардія собралась предъ его домомъ, и музыканты давали ему серенаду. Графъ вышелъ на балконъ и объявилъ собравшимся предъ его окнами жителямъ Мадрита, что будетъ руководствоваться правительственною системою Г. Мендисабаля, и не будетъ слѣдовать ни какому иному плану. Это объявленіе принято съ громкимъ одобреніемъ. Графъ Альмодаваръ отправился въ Прадо и немедленно вступитъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ. — Къ примиренію съ Андалузіею сдѣланъ уже важный шагъ закрытіемъ Юнтъ въ Кадиксѣ и Севиллѣ; все заставляетъ думать, что вскорѣ покорится и Андалузская армія, которая, со времени занятія Деспеньяперроса, стоитъ неподвижно, и скорѣе наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ въ Мадритѣ, нежели угрожаетъ сей столицѣ. Графъ де ласъ Навасъ пробылъ двое сутокъ въ Мадритѣ; онъ возвратился въ Мансанаресъ, не видѣвшись съ Г. Мендисабалемъ. — Переговоры, происходившіе между Графомъ и нѣкоторыми изъ приближенныхъ къ Г. Мендисабалю лицъ, не имѣли желаемаго успѣха. Но хотя и не успѣли еще примириться съ нимъ, однако его уже не опасаются болѣе; Правительство получило положительныя извѣстія, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Юнта въ Кордовѣ въ скоромъ времени покорится. Провинція Кордова избрала Графа Главноначальствующимъ надъ Андалузскою арміею. Изъ послѣднихъ донесеній можно

было заключить, что Андухарская Юнта склоняется къ примиренію съ Правительствомъ. — Будучи оставленъ Юнтою въ Кордовѣ, Графъ де ласъ Навасъ удержитъ въ своихъ рядахъ только не многихъ самыхъ изступленныхъ изъ своихъ приверженцевъ. — Получены достовѣрныя свѣдѣнія, что Португальское Правительство принимаетъ мѣры къ отправленію въ Испанію шеститысячнаго корпуса, на основаніи заключеннаго съ Испанскимъ Министерствомъ договора; 3000 уже перешли черезъ границу, а остальные войска стоятъ въ Саморѣ, ожидая приказанія вступить въ Испанію. — Капиталисты здѣшніе успокоены.

Въ Придворной газетѣ напечатанъ декретъ Королевы Регентши отъ 10 Октября, которымъ Донъ Педро Гонзалесъ Вальехо, бывшій Епископомъ Маіоркскимъ, — назначается Президентомъ Палаты Просересовъ въ предстоящемъ Собраніи Кортесовъ.

Нидерланды.

Его Величество Король Нидерландскій, въ сопровожденіи прибывшаго въ Гагу Принца Оранскаго и Принца Фридриха, открылъ вчера засѣданія Генеральныхъ Штатовъ рѣчью, произнесенною Его Величествомъ съ трона.

Президентомъ Верхней Палаты Генеральныхъ Штатовъ наименованъ Графъ Реде, который и предсѣдательствовалъ уже въ Общемъ Собраніи обѣихъ Палатъ.

Рѣчь Короля Нидерландскаго при открытіи Генеральныхъ Штатовъ произвела на Амстердамской биржѣ весьма благопріятное впечатлѣніе; курсы поднялись. Хотя въ ней, по прежнему, не упоминается объ окончательномъ разрѣшеніи Бельгійскихъ дѣлъ, однако положеніе страны въ финансовомъ отношеніи изображено въ столь благопріятномъ видѣ, что можно ожидать скорѣе уменьшенія, чѣмъ увеличенія налоговъ.

Португалія.

Въ оффиціальной газетѣ напечатанъ данный въ главной квартирѣ, въ Белемѣ, 6 Октября, дневный приказъ Герцога Терсейры о вступленіи вспомогательнаго (какъ полагаютъ десятитысячнаго) корпуса въ Испанію.

24-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

25-го Октября.

IV.

МОДЫ.

Le plus grand nombre de douillettes que nous apercevons sont en nuances brunes foncées. Elles ont des pélerines pour la plupart entr'ouvertes sur la poitrine.

— On continue à croiser les redingotes de soie sur le côté où elles se ferment, par des noeuds, des boutons ou des ornemens de fantaisie.

— On fait des robes montantes à corsages unis, qui dessinent la taille comme un corset; les manches larges et les jupons très amples contribuent encore à amincir la taille.

Большая часть платьевъ на ватѣ, которыя мы видѣли была темно-бурыхъ цвѣтовъ, и съ пелеринками, открывающимися на груди.

— Шелковые рединготы продолжаютъ дѣлать съ разрѣзомъ на боку, гдѣ они завязываются бантами или застегиваются пуговками или какими нибудь прихотливыми украшеніями.

— Дѣлаютъ платья съ закрытою грудью и съ гладкимъ корсажемъ, который обрисовываетъ талію какъ корсетъ; широкія рукава и очень полныя юбки кажутъ талію еще тоньше.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 20 Октября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1835. № 44.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ второй части романа Княгини де Кранъ (Craon)

ГЕНРИ ПЕРСИ,

ГРАФЪ НОРТУМБЕРЛАНДЪ.

(Окончаніе.)

— Другъ мой, къ чему входишь въ такія подробности, сказалъ добрый священникъ, которому не хотѣлось изнурять молодую дѣвицу.

— Нѣтъ, я хочу говорить, сказала Элія, я хочу, что бы вы все знали: и такъ, отецъ мой, когда Королева скончалась, я чувствовала себя одинокою посреди этой комнаты, оставленною всѣмъ свѣтомъ; мнѣ казалось, что все кружится вокругъ меня; что глубокія бездны раскрываются подо мною, и что я готова упасть въ

нихъ. Я была подавлена горестью. Отецъ мой, сказала Элія, поднявъ голову и отбрасывая длинную русую косу свою, которая падала ей на чело; отецъ мой, гдѣ взять слова, чтобъ высказать вамъ все; душа терпитъ выше всѣхъ выраженій: душа, отецъ мой, мой добрый отецъ, вездѣ; она все; она страдаетъ въ этомъ мірѣ, она въ силахъ перенести самыя ужасныя мученія.

— Успокойся, любезное дитя мое, сказалъ проливая горючія слезы; добрый священникъ, который, въ дѣятельной благотворительности своей, зналъ лучше всякаго другаго, всѣ бѣдствія и горести, какія только сердце человѣческое можетъ заключить въ себѣ.

»Мнѣ успокоиться! нѣтъ, я все доскажу! И такъ въ это время Лордъ Перси, Графъ Нортумберландъ, сжалился надъ найденышемъ; онъ сказалъ въ сердцѣ своемъ: гдѣ найдетъ она себѣ пищи? Онъ думалъ только объ этомъ, это уже было слишкомъ много для служанки. »Юная Элія, сказалъ мнѣ онъ, ты сирота, иди ко мнѣ, я помѣщу тебя въ какомъ нибудь честномъ домѣ, гдѣ найдешь ты себѣ защиту, добрый примѣръ и обезпеченную жизнь.

Я поблагодарила его и отказалась отъ всего этого, отецъ мой; Лордъ Перси не могъ понять, что теряла я, лишившись Королевы. Оставить домъ, гдѣ она была еще, оставить воспоминанія всѣхъ ея словъ, которыя стѣны, такъ сказать, еще повторяли, наконецъ, гробъ

ея единственное мое сокровище! Ее хотѣли на время оставить на тамошнемъ кладбищѣ, нѣтъ я не могла рѣшиться . . . я отринула его предложенія, не воображая, что со мною будетъ. Съ тѣхъ поръ, отецъ мой, я снова вступила въ ту жизнь бѣдствій и лишеній, на которую осудило меня мое рожденіе, и изъ которой благодѣтельная рука Королевы покусилась исторгнуть меня. Когда повезли тѣло ея для погребенія въ Петербороугское Аббатство, я шла за гробомъ. Послѣ стала скитаться по разнымъ городамъ, играя на теорбѣ и напѣвая пѣсни на ярмаркахъ, а въ торговые дни на публичныхъ мѣстахъ; потомъ начала продавать разныя травы, аптекарскіе припасы, помаду; такимъ образомъ я прошла почти всю Англію. Какое-то безпокойство пожирало меня, вездѣ я была не довольна. Только что начинала я быть извѣстною въ городѣ, какъ жила уже тамъ съ меньшею безопасностію; мнѣ нельзя было болѣе тамъ оставаться. Откуда она? изъ какого города? есть ли у него родные? Она, конечно, найденышъ; нѣтъ, она говоритъ какъ госпожа, умѣетъ читать и писать; видно, что была хорошо воспитана. Всѣ эти вопросы, все это любопытство столь холодное, колкое, столь исполненное насмѣшекъ, злобы, зависти, оскорбляли меня до глубины души. Воспитанная при Екатеринѣ, привыкшая безпрестанно разговаривать съ Королевой, столь знаменитой, столь великой сердцемъ и душею, я была тогда ввергнута въ са-

мое грубое общество простонародныхъ женщинъ; разговоръ ихъ, ихъ привычки, низкія наклонности, гнусные пороки опротивили мнѣ выше всякаго выраженія. Я не могла помѣняться ни одною мыслію, ни однимъ словомъ съ душею, которая могла бы понять меня; нравъ мой сдѣлался мраченъ и задумчивъ; я стала груба и сердита, желая прекратить тѣмъ всякое любопытство. Лежа иногда на соломѣ въ трактирной конюшнѣ, при свѣтѣ луны, печально озарявшей меня, въ какія горькія думы погружалась я часто, размышляя о судьбѣ, Провидѣніемъ мнѣ опредѣленной! Съ дорожною котомкой возлѣ себя, съ хлѣбомъ и молокомъ въ тарелкѣ, въ какомъ одиночествѣ чувствовала я себя, въ особенности, когда слышала, черезъ перегородку, раздѣлявшую насъ, эту шумную радость, эти грубыя рѣчи беззаботныхъ, низкихъ піяницъ; тогда я говорила себѣ, не смотря на отвращеніе, которое внушали мнѣ эти люди: нѣтъ ни одного между ними, кому могла бы ты дать имя брата, или родственника; нѣтъ ни одного, кто призналъ бы это имя, кто не отвергнулъ бы его какъ обиду.

О, мой отецъ! сколько страданій! Иногда они кричали мнѣ, сидя за столомъ: »Покажи-ка намъ, что ты продаешь? Спой намъ пѣсеньку, поиграй на твоей теорбѣ.«— Тогда хозяйка повторяла: Поди сюда, ну же, дѣлай, что тебѣ приказываютъ.« — Для нихъ, мой отецъ, у меня не было имени; я бы и не желала впрочемъ, чтобъ

они произносили имя, которое дала мнѣ Королева.

Въ Лондонѣ взяла я къ себѣ дитя, мать котораго, женщина постыднаго житья, недавно умерла. По крайней мѣрѣ, говорила я себѣ, этотъ не будетъ краснѣть отъ меня. Я начинала чувствовать къ нему привязанность и находила счастіе въ его воспитаніи. Однажды я возвращаюсь домой и вижу: онъ, холоденъ, мертвъ, лежитъ въ своей колыбели. Тогда начала я страдать грудью.

»Старая Еврейка, которая давала мнѣ разныя порученія, уѣхала въ Сѣверную Англію. По ея отъѣздѣ я впала въ крайнюю нищету; разъ, одинъ только разъ мучилась я голодомъ. Мысль продать перстень пришла мнѣ въ голову; но вскорѣ я ужаснулась этой слабости. Такъ какъ мнѣ не чѣмъ было заплатить за наемъ, меня вытолкивали изъ дому, гдѣ жила я. Я принуждена была укрыться въ той части Лондона гдѣ обитаютъ воры, плуты и развращенныя женщины. Боже! какъ страдала я въ этомъ вертепѣ, гдѣ самая гнусная нищета соединяется съ отвратительнѣйшимъ порокомъ. Впрочемъ тамъ я почувствовала на минуту какую-то привязанность къ живому существу.

Не далеко отъ чердака, гдѣ жила я, находился маленькій уголокъ, обитаемый молодымъ человѣкомъ меланхолической, пріятной наружности; время свое онъ провождалъ въ стихотвореніи, исписывая кругомъ бумаги, какія толь-

могъ найти, онъ говорилъ, что отецъ его отвергнулъ и его семейство не хотѣло даже слышать о немъ.

»Я не могла узнать, отецъ мой, какое преступленіе совершилъ онъ, въ слѣдствіе какихъ приключеній попалъ онъ въ это ужасное убѣжище; я не смѣла, я не хотѣла распрашивать о томъ, потому что боялась разрушить въ душѣ своей нѣжное чувство, которое начинала питать къ нему и которое укрощало мое отчаяніе, услаждало грусть одиночества; скажу-ли вамъ? даже мнѣ свѣтилъ иногда лучь счастія. Когда мнѣ случалось видѣть его не столь печальнымъ, когда я могла оказывать ему небольшія услуги по сосѣдству, я была почти счастлива. Сердце мое билось сильнѣе, когда голосъ его лепеталъ мнѣ благодарность; я начинала наконецъ любить его съ предусмотрительною нѣжностію, нѣжностію сестры, и властію матери; часто я раздѣляла съ нимъ хлѣбъ свой.....«

Тутъ показались слезы въ глазахъ молодой дѣвицы, и она остановилась на минуту, потомъ снова начала тропутымъ и трепещущимъ голосомъ.

»Въ одну ночь, сказала она, въ одну ночь, когда сонъ бѣжалъ очей моихъ, вся въ поту, въ лихорадкѣ, я, казалось, слышала его стонъ; приподнявшись на кровати, я стала внимательно вслушиваться; стенанія продолжались; я наклонилась къ доскамъ моей двери, которыя худо были соединены между собою и слышала внят-

нѣе. Я тотчасъ соскочила съ постѣли; не знаю какое-то смущеніе, какое-то ужасное предчувствіе овладѣло душею. Отецъ мой, воскликнула горестно молодая дѣвица, мой добрый отецъ! я всегда видѣла кончину тѣхъ, кого любила. . . . . Почти безъ одежды, съ босыми ногами, бѣгу, засвѣтивъ кое-какъ свѣчу дрянной огнивой, стучусь у его дверей; стенанія усиливаются. Кто тамъ? кричитъ Евгеній. Его звали Евгеніемъ, отецъ мой!.... Кто тамъ? Чего хотятъ отъ меня? Напрасно, все напрасно, я отравилъ себя ядомъ.....

Отецъ мой, онъ отравилъ себя ядомъ, несчастный!.... До чего не доводятъ забвеніе Бога и дурная нравственность... Я толкаю дверь, одушевленная силой почти сверхъ человѣческой; она уступаетъ мнѣ, я вхожу; онъ лежитъ на своей досчатой кровати, блѣдный, посинѣлый, корчась въ невыразимыхъ страданіяхъ. Стаканъ стоялъ еще тамъ, онъ проглотилъ мышьяку въ винѣ. Написанное, запечатанное письмо, чернилица, перо, остатокъ бумаги, раскрытая книга, лежали возлѣ него.

»Вы здѣсь, Элія, сказалъ онъ, какъ, это вы?

— И кто бы къ вамъ пришелъ въ этотъ часъ помочь вамъ? вскричала я съ гнѣвомъ; не тѣ ли животныя, которыя спятъ внизу? Эвгеній, что вы сдѣлали! Проклятые людьми, вы будете прокляты Богомъ.

— Я уступилъ отчаянію, сказалъ онъ, я отравилъ себя: теперь уже слишкомъ поздно!....

— Но не поздно раскаяваться, вскричала я.

— Раскаяваться мнѣ, въ чемъ? сказалъ онъ.

— Въ безпорядочной жизни и въ самоубійствѣ.

— Я чудовище, сказалъ онъ, Богъ отвергъ меня, къ чему послужитъ мнѣ молитва!

— Ко всему, вскричала я, къ твоему спасенію. Поцѣлуй этотъ крестъ, Евгеній, и помолимся вмѣстѣ.

»Отецъ мой, я держала его голову въ рукахъ моихъ, и приложила къ устамъ его крестъ моихъ четокъ, четокъ, которыя вотъ и теперь на груди моей; они были подарены мнѣ Королевою Екатериной, и я никогда не разлучалась съ ними.

»Евгеній поцѣловалъ этотъ крестъ.

Говоря такимъ образомъ молодая дѣвица сняла четки съ шеи, вокругъ которой онѣ были обвиты и показала ихъ доброму священнику, который утопалъ въ слезахъ.

»Да, онъ поцѣловалъ этотъ крестъ такъ, какъ я теперь его цѣлую; не въ немъ ли надежда всего человѣчества?..... Залогъ блаженства цѣлаго міра? Онъ поцѣловалъ его и залился слезами.

— Элія, вскричалъ онъ, неужели ты думаешь, что Богъ можетъ еще простить меня?

— Все, сказала я, все! Когда я прощаю тебя, ужели ты думаешь, что онъ будетъ менѣе меня сострадателенъ, меня, которую онъ сотворилъ изъ ничего, которая не что иное, какъ найденышъ и которая любитъ тебя.

— О, Элія, сказалъ Евгеній, ты любишь меня! Зачѣмъ же ты не говорила мнѣ этого?

— Какъ, развѣ сердце мое не должно было сказать это тебѣ, несчастный? Теперь плачь и молись.

— Элія! да, ты была Ангелъ, Ангелъ покровитель, поселившійся возлѣ моего жилища, и я до сихъ поръ не замѣчалъ этого. Праведная Элія, молись за меня со мною.

»Отецъ мой, сказала молодая дѣвица, онъ, онъ говорилъ такимъ образомъ; а я очень хорошо знаю, что я ни Ангелъ, ни святая, я только найденышъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты дитя благословенное Богомъ, которое люди презираютъ, лепеталъ добрый пастырь. Богъ имѣетъ вездѣ своихъ избранныхъ.

— Отецъ мой, продолжала Элія; — дѣлая все, чтобы помочь ему и укротить жажду, его томившую, я читала всѣ молитвы, которыя знала съ дѣтства: онъ не помнилъ своихъ; но слѣдовалъ въ сердцѣ за всѣми словами моими и плакалъ, молясь.

— Зачѣмъ, любезное дитя мое, сказалъ пастырь, ты не призвала кого нибудь на помощь? Сосѣди ваши, можетъ быть помогли бы тебѣ спасти его.

— Отецъ мой, отвѣчала молодая дѣвица, тамъ жили тигры, безъ малѣйшаго состраданія; они насказали бы намъ тысячу оскорбленій и стали бы, можетъ быть, ругаться надъ нами за

то, что разбудили их среди ночи. Притом и Евгеній не хотѣлъ того: онъ зналъ, что ему нѣтъ уже спасенія; а я, разумѣя нѣсколько въ аптекарскихъ снадобьяхъ, и зная различныя свойства яда, по ремеслу, которымъ промышляла, я тоже знала, что ничто не могло спасти его. И такъ я была при немъ, молилась когда видѣла, какъ судороги его становились ужаснѣе и прижимала руки его къ сердцу, когда становился онъ спокойнѣе.

Мало по малу однако силы его истощались; я увѣщавала его какъ могла; видя приближеніе послѣдней его минуты, я была неотлучно у его изголовья; молилась за него, и онъ испустилъ послѣдній вздохъ, произнося имя Іисуса Христа. Только въ эту минуту узнала я, какъ много любила его и сколько его присутствіе принесло мнѣ утѣшенія и даже надежды въ моей жизни, въ нищетѣ моей, во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ. Но за то съ тѣхъ поръ они стали ужасны. Въ другой разъ я теряла все. Я заперлась въ своей комнатѣ; слышала проклятія хозяевъ, когда должны были они хоронить Евгенія и когда не нашли въ его свѣтелкѣ ни копѣйки денегъ, чтобъ заплатить за расходы. Лишь только я услышала, какъ подымали и понесли это несчастное тѣло, какая-то ужасная мука овладѣла сердцемъ; я упала безъ чувствъ. Послѣ долгаго времени снова пришла въ себя и въ какомъ положеніи была я! Я снова просилась въ больницу и добрый докторъ Клеманъ ходилъ за мною; но вскорѣ я не могла долѣе тамъ оставаться, я непремѣнно хотѣла выйти оттуда.

»Видя эту странную и почти безразсудную тоску, которая преслѣдовала меня, онъ хотѣлъ, чтобы я иногда заходила къ нему. Я была у него разъ и этотъ разъ былъ послѣдній. Докторъ Клеманъ равно принималъ богатыхъ и бѣдныхъ; или, нѣтъ, я ошибаюсь, онъ лучше принималъ тѣхъ, которые имѣли въ немъ нужду. И такъ я ждала у дверей его кабинета, какъ увидѣла дитя, которое держало въ рученкахъ своихъ большой букетъ цвѣтовъ. Прекрасные волосы его густыми буклями падали на шею. Онъ былъ прелестенъ, бѣлъ, милъ, какъ Херувимы, которыхъ изображаетъ намъ искусная кисть священныхъ живописцевъ. Молодая и прекрасная женщина, мужчина пріятной осанки и благородной наружности слѣдовали за нимъ; этотъ былъ отецъ его, та была его мать! О, еслибъ вы знали, какая любовь, какое счастіе блистало въ ихъ очахъ, смотря на это маленькое существо; какъ они на перерывъ осыпали его ласками и попеченіями; какъ было видно, что они гордились имъ!

Докторъ вышелъ; молодая мать вся трепеща отъ счастія и признательности, показала ему своего сына:

— Вы спасли его, сударь, сказала она трогательнымъ голосомъ, мы пришли благодарить васъ.

Дитя поднесъ ему букетъ.

Отецъ дружески положилъ руку старому врачу.

»Вы возвратили мнѣ болѣе, нежели жизнь, сказалъ онъ, вотъ мой сынъ!

Что касается до меня, то картина эта такъ меня тронула, что я не могла долѣе оставаться. Отецъ! Мать! Я вышла. Клеманъ позвалъ меня; я пролепетала какое-то извиненіе и ушла, чтобъ не возвращаться болѣе.

Я страдала еще нѣсколько времени, потомъ, чувствуя свой близкій конецъ, рѣшилась придти сюда, чтобъ возвратить этотъ перстень Королевы; теперь я готова умереть, и слава Богу!..... Путь мой былъ кратокъ, но такъ тяжелъ, что я ничего болѣе не желаю, какъ возратиться къ матери моей, къ моему Богу и къ Евгенію; да, я надѣюсь, потому что онъ раскаялся.

Не правда ли, отецъ мой, я и его также найду тамъ, не правда ли? О, какъ бы я этого желала!

— Любезное дитя мое, сказалъ добрый священникъ, всѣ тѣ, которые умерли въ любви къ Богу, будутъ вмѣстѣ наслаждаться предъ нимъ вѣчною радостію, и такъ надѣйся отъ благости Божіей, что найдешь того, который спасенье свое получилъ чрезъ тебя, чрезъ твою вѣру, чрезъ твои молитвы. Богъ такъ великъ, такъ благъ, что единственный грѣхъ, котораго не прощаетъ онъ — есть отчаяніе.....

»Ходила-ли ты иногда въ церковь, Элія? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

О! часто, мой отецъ! всякое воскресенье; это была моя единственная минута радости. Сердце мое было полно святыхъ чувствъ, когда я видѣла въ храмѣ Божіемъ тысячи зажженныхъ свѣчей, когда слышала голоса, поющіе столь прекрасные гимны, когда видѣла, какъ блестящія кадила летали по воздуху и разливали вдали благовонной запахъ ѳиміама; тогда глаза наполнялись слезами, члены тѣла трепетали, душа моя стремилась къ небесамъ; я была счастлива на минуту. Иногда я слышала, какъ говорили вокругъ меня: смотри, вотъ молодая цыганка; молодая чародѣйка въ церквѣ; всѣ удалялись, или отвращались отъ меня. Но я говорила себѣ: отсюда никого не прогоняютъ, я дитя моего Бога; никто не смѣетъ вытолкнуть меня вонъ! Часто также, угнѣтенная печалью и бѣдствіемъ, я проливала горькія слезы; тогда одушевленное вѣрой, сердце мое проницало легкіе покровы, осѣнявшіе Іисуса Господа нашего въ священномъ таинствѣ алтаря, и я говорила ему: Господи, когда псы раненные чувствуютъ близкій свой конецъ, они приходятъ ложиться у ногъ господъ своихъ и тамъ издыхаютъ, лижа ихъ ноги. Такъ и я, изнеможенная столькими несчастіями, я пришла броситься къ ногамъ твоимъ въ ожиданіи, чтобъ ты воззрѣлъ на меня и сжалился бы надо мною.«

Слушая слова Эліи, добрый пастырь не могъ

удержать рыданій, вырвавшихся изъ стѣсненной груди его.

»Дочь моя, сказалъ онъ, добрая моя дочь!

И онъ вспомнилъ туть сотника Евангельскаго и эти слова Спасителя: Истинно говорю вамъ, ни во Израилѣ я не нашелъ такой вѣры.

»Бѣдное дитя, продолжалъ онъ, если родные твои оставили тебя на этой землѣ, то у тебя былъ въ небѣ отецъ, который не покидалъ тебя.

— Ахъ, отецъ мой, но я часто роптала на него; я говорила сама себѣ: Для чего надѣлять другихъ столькими милостями, а меня оставить безъ ничего; что я сдѣлала для такого тяжкаго креста? Для чего у другихъ есть добрые друзья, великолѣпныя жилища? Почему меня подобно пташкѣ изгоняютъ изъ подъ чужаго крова? Если я дитя Божіе, то почему онъ не чувствуетъ никакого сострадания къ моимъ несчастіямъ?

— Элія, другъ мой, обрати взоры свои назадъ; что твоя жизнь теперь? минувшій сонъ, туманъ, который разсѣевается; какая нужда, что ты страдала! Какое бы воспоминаніе оставалось тебѣ отъ всѣхъ этихъ благъ, для которыхъ нѣтъ завтра? сказалъ пастырь.

— Вы правы, отецъ мой, все прошло какъ быстрая волна; если бъ я жила счастливо, то теперь снѣдала бы меня печаль, что должна разстаться съ этою жизнію; тогда какъ напротивъ,

утомленная, я нахожу нынѣ спокойствіе, котораго такъ много желала.

»Но полно; къ чему сокрушаться! я скажу какъ Иларіонъ въ пустынѣ: лети, душа моя! чего боишься ты? вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ ты служишь господу.... Благослови меня отецъ мой, и очисти грѣхи всей моей жизни въ крови Спасителя!« Она сказала и съ смиреніемъ наклонила юную свою голову. Добрый старецъ воздѣлъ руки свои къ небу и уста его прошептали эти божественныя слова, это прощеніе всѣхъ заблужденій, которое Богъ вручилъ человѣку, для того, что бы тотъ вымолилъ у его правосудія даже власть осуждать твореніе рукъ своихъ.

На слѣдующій день когда солнце начинало склоняться къ небосклону, когда вся природа наслаждалась тишиною, когда жизнь всего творенія, казалось, покоилась въ мирѣ, Элія почила въ Бозѣ и небеса приняли бѣдное покинутое дитя, мрачная жизнь которой прошла чрезъ столько бѣдствій, страданій, презрѣній и испытаній.

Як. Ар—въ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ОЧЕРКИ ВОСТОКА.

IV.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Посѣщеніе Хаджи, или Турецкаго педагога въ кварталѣ Сулейманіе. — Разсужденіе Г. Мишо о Туркахъ, приверженцахъ преобразованій нынѣшняго Султана. — Бесѣда съ Греческимъ Патріархомъ въ Ханарѣ. — Революціи. — Теперешнее положеніе этого квартала. — Посѣщеніе муллы въ предмѣстьѣ Эюбъ. — Турецкая учтивость. — Кофейный домъ. — Возвращеніе водою. — Гребцы и встрѣча дѣвицъ.

Мы оставили Г. Мишо на порогѣ у интереснаго Паши Дарданельскаго. Раскланявшись съ Его Высокопорожьемъ, славный Французскій Историкъ, и теперь въ прибавку извѣстный путешественникъ, отплылъ изъ Дарданеллъ прямо въ Константинополь.

Вотъ мы въ Перѣ, этой родинѣ Константинопольскихъ подъячихъ, купцовъ, банкировъ и драгомановъ, — Перѣ, о которой такъ выразительно и характеристически говоритъ Италіянское двустишіе, которому научилъ меня одинъ почтенный Перотъ, считавшій въ своемъ семействѣ четыре поколѣнія, или тридцать шесть человѣкъ драгомановъ!! Эта пословица говоритъ:

In Pera sono tre malanni:
Peste, fuoco, dragomani!

»Чума, пожары и драгоманы« — право, одно другаго стоитъ. Чтобъ почувствовать всю ихъ несносность, надо только рѣшиться хотя однажды побывать въ Перѣ. Какъ я тамъ былъ довольно долго, то считаю неприличнымъ и дѣломъ дурнаго тона толковать о предметѣ, который такъ хорошо знаю. Это нынче не въ модѣ. Пойдемте лучше съ Г. Мишо къ разнымъ его знакомцамъ въ Стамбулѣ и въ его предмѣстьяхъ, — я люблю таскаться по гостямъ; при томъ же никого изъ этихъ не знаю. А между ними есть преинтересныя особы и не менѣе достойныя вниманія, чѣмъ комета, которая теперь, чтобы помириться съ Барономъ Брамбеусомъ, выдвинула на зло ему весь свой прелестный хвостикъ, названный имъ, видно изъ зависти, хуже воробьинаго!

»Я изучаю сколько могу нравы этого народа, столь рѣзко отличающіеся отъ Европейскихъ и ихъ оригинальныя физіономіи, говоритъ Г. Мишо; я провожу большую часть дня въ ходьбѣ взадъ и впередъ по городу и въ посѣщеніяхъ, и признаться, болѣе узнаю изъ прогулки и простаго разговора, чѣмъ изъ многихъ толстыхъ книгъ. Я вамъ покажу нѣкоторыя лица, которыя вижу всякой день, приведу ихъ передъ васъ, чтобъ дать вамъ истинное понятіе о жителяхъ Стамбула, которыхъ иногда забираетъ охота сдѣлаться народомъ образованнымъ. Вы увидите, что Турки варвары еще во многихъ вещахъ; но въ этомъ варварствѣ нѣтъ ничего

дикаго и грубаго; въ немъ даже часто болѣе тонкости и здраваго смысла, чѣмъ въ нашей образованности.

Я посѣтилъ вчера одного Ходжа или Турецкаго Профессора; онъ живетъ въ кварталѣ Сулейманіе. Ибрагимъ-Эффенди (его имя) человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; блѣдное его лице имѣетъ выраженіе пріятное и важное; высокій лобъ, орлиный носъ напоминали мнѣ выразительныя физіономіи Анатолійскихъ Турковъ. Онъ слыветъ за большаго мудреца, которому всѣ улемы вмѣстѣ съ Аристу, ихъ начальникомъ, и въ подмешки не годятся; но это не мѣшаетъ Ходжѣ быть такимъ же ревностнымъ приверженцемъ вѣры Восточнаго пророка, какъ и другіе его соотечественники. Онъ меня принялъ очень хорошо, потому что любитъ Французовъ, — на самомъ дѣлѣ, или только по наружности, навѣрное не могу вамъ сказать. Сынъ его, мальчикъ десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ роду, подносилъ намъ трубку и кофе. Этотъ обычай, чтобъ дѣти прислуживали въ домѣ, очень обыкновененъ въ Турецкихъ семействахъ. Представляя мнѣ сына, онъ сказалъ, что имѣетъ намѣреніе послать его на ученье въ Парижъ. »Тамъ только, прибавилъ онъ, можно пріобрѣсть истинныя познанія.« Но онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ исполненіи своего намѣренія; во первыхъ потому, что мать мальчика ни какъ не рѣшалась разстаться съ нимъ; во вторыхъ потому, что и отецъ находился въ недоумѣніи на счетъ воспи-

танія сына между »Хырыстыянами.« Я ничего на замѣтилъ на первый пунктъ; на второй же отвѣчалъ ему, что въ Парижѣ есть школа, гдѣ молодые Мусульмане воспитываются въ ихъ родной вѣрѣ. Но я не могъ его совершенно увѣрить и этимъ. Еще другое обстоятельство безпокоило его за сына; онъ слыхалъ на счетъ нашего юношества, что оно любитъ и боготворитъ одно настоящее и презрительно смотритъ на все прошедшее. Правду сказать, отвѣчалъ я, у насъ во Франціи юношество слишкомъ рано хочетъ перестать быть имъ и слишкомъ рано воображаетъ себѣ, что созрѣло; мы можемъ примѣнить къ себѣ слова древняго философа:« годъ не имѣетъ у насъ весны.« Вообразили себѣ, будто познанія вычитанныя, пріобрѣтенныя изъ книгъ, дѣлаютъ старше умомъ, и что съ новыми ученіями можно, не проходя чрезъ опыты жизни, достигнуть вдругъ и опытности и зрѣлости. Это бредъ одной націи *нашей*; вамъ нечего бояться за *ваше* юношество, и за *ваше* отечество.« — Отвѣтъ мой не могъ разсѣять его боязни. Мысль о юношествѣ, гнушающемся прошедшимъ, поражала его умъ; онъ видѣлъ въ этомъ презрѣніе къ своей юности, и возможность неуваженія власти родительской. Чтобы представить себѣ все безпокойство добраго Ходжи, надо знать, какъ Турки уважаютъ тѣхъ, отъ кого получили жизнь. Неограниченный властитель не такъ почитается въ своей Имперіи, какъ глава семейства въ Турецкомъ

домѣ. Отеческое безпокойство Турецкаго Профессора еще болѣе увеличивалось при мысли о потерѣ его стараго отца, который недавно умеръ. Онъ съ истинными, непритворными слезами говорилъ мнѣ объ этой прискорбной потерѣ: »Ахъ! зачѣмъ его уже нѣтъ на свѣтѣ; онъ былъ свѣтильникомъ моей жизни и поступковъ, онъ былъ бы для меня и теперь источникомъ, изъ котораго истекали бы всѣ благодѣянія и мои добрыя дѣла; если бь онъ былъ бѣденъ, то мой домъ сдѣлался бы его жилищемъ; если бъ онъ былъ старъ и слабъ, я сталъ бы служить ему, какъ рабъ!« Онъ произнесъ эти трогательныя слова съ самымъ сильнымъ выраженіемъ, смотря на сына и какъ бы желая ими влить въ него свои чувства.

Я спросилъ у Хаджи, чему обучаютъ въ Турецкихъ школахъ? — »Прежде всего учатъ Коранъ, сказалъ онъ; за этою главною частію воспитанія смотрятъ со всевозможнымъ раченіемъ, потому что у насъ Коранъ — наша вѣра наша законъ, и наша ученость.« — Чему же учатъ послѣ Корана? — »Немного Физикѣ, Логикѣ и даже Астрологіи. Есть невѣжество, прибавилъ онъ, которому учатъ такъ же, какъ и наукамъ, — и это искуственное невѣжество иной разъ болѣе научаетъ, чѣмъ истинныя познанія.« — Не входятъ ли такъ же и Восточные языки въ систему вашего воспитанія? — »Да, разумѣется, отвѣчалъ онъ, всякій грамотный человѣкъ долженъ посвятить нѣсколько лѣтъ на изученіе

Арабскаго и Персидскаго.« — Это весьма хорошо, сказалъ я; но Арабскій есть языкъ Патріарховъ и поэтовъ, а не языкъ законодательства и политики. Восточные языки, образовавшіеся въ первыя времена міра, не могутъ выразить успѣховъ просвѣщенія, котораго Востокъ никогда не зналъ. Они переносятъ всѣ ваши мысли въ Азію, а вамъ, признайтесь сами, необходимо не тутъ, а въ другой сторонѣ, искать познаній и примѣровъ. »Турецкій Профессоръ слушалъ меня разсѣянно и задумчиво. Отклоняя свои мысли отъ классической земли Исламизма, онъ думалъ, что тѣмъ отречется отъ вѣры и отечества. Онъ хвалилъ реформы, заимствованныя отъ Европы, но съ трудомъ могъ соединить ихъ съ ученіемъ Меккскаго пророка и особенно съ правилами покойнаго своего отца. Ему казалось, что отецъ, котораго онъ такъ нѣжно любилъ, страдалъ въ гробѣ и жаловался на своего сына Азраилу, ангелу смерти. Въ то же время онъ припоминалъ себѣ примѣры Мусульманъ, воспитанныхъ во Франціи, Англіи и Италіи; почти всѣ они были изгнаны изъ роднаго общества по возвращеніи и были люди, не умѣвшіе соединить Европейскаго просвѣщенія съ предразсудками своихъ соотечественниковъ, и что еще важнѣе, по большей части не умѣвшіе воспользоваться плодами образованности и извлекшіе только изъ него презрѣніе къ родному суевѣрію. — Ясно вижу, сказалъ я, что вы не пошлете вашего сына въ Парижъ. — »Я не отвергаю вашего со-

вѣта и еще не прочь отъ своего намѣренія, но долженъ напередъ объ этомъ подумать: что рѣшитъ судьба, того не миновать. Такъ будетъ и съ моимъ сыномъ. Текдиръ, текдиръ!« — Догадываюсь, эфенди, каковъ будетъ приговоръ текдира, и что вы теперь думаете. Вы полагаете, что сынъ вашъ возвратится съ нѣкоторыми мнимыми познаніями и безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ предразсудковъ. Въ избѣжаніе этого, вы не пошлете его, и останетесь въ нерѣшимости между Меккою и Парижемъ, не склоняясь рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону.

Добрый Ходжа ничего не отвѣчалъ, и разговоръ нашъ кончился.

Турокъ, о которомъ я вамъ говорю, слыветъ за приверженца реформы; онъ въ числѣ тѣхъ, которые хвалятъ преобразованіе »великаго« Махмуда. И вотъ каковы Турки, приверженные къ нынѣшнему Султану! Они находятся между мыслями Европейскими и предразсудками Азіи, между надеждою пріобрѣсть наши познанія и страхомъ потерять прежнія привычки; они не рѣшаются пристать къ Европейскому, но уже удалились на нѣсколько шаговъ отъ загрубѣлости и совершеннаго невѣжества. Я вамъ говорю о предразсудкахъ высшаго сословія, а не о предразсудкахъ черни, — между ними большое различіе. Самое правительство почитаетъ себя не въ силахъ пренебречь невѣжествомъ черни и сдѣлать что нибудь рѣзко противоположное ея варварству. Нѣсколько мѣсяцевъ тому, Султанъ

хотѣлъ послать въ Парижъ нѣсколько молодыхъ людей. Испросили фрегатъ у Французскаго Посланника. Фрегатъ былъ данъ; все было готово; но не рѣшались, боялись, думали, и — раздумали; никто не поѣхалъ. Таково еще здѣсь владычество предразсудковъ и невѣжества! Ежедневно видимъ примѣры въ мірѣ физическомъ, что ночной мракъ исчезаетъ въ извѣстный часъ передъ восхожденіемъ солнца. Въ обществахъ этого нѣтъ; тамъ нѣтъ опредѣленной минуты, когда настаетъ день; тамъ ночь предразсудковъ медленно поднимаетъ свой покровъ, и совершенно исчезаетъ при помощи испытаній, колебаній и несчастій.

Что жъ выйдетъ изъ этихъ противорѣчій, этихъ недоумѣній въ чувствахъ и характерахъ народа, желающаго быть вмѣстѣ и новымъ и прежнимъ? Иногда еще можно думать, что Турки отдаляются отъ варварства; но приближаются ли они къ просвѣщенію? это рѣшитъ намъ время. Я помню, что видѣлъ когда то въ Потерянномъ Раѣ Мильтона картину первыхъ минутъ созданія, довольно походящую на нынѣшнее состояніе Оттомановъ. Поэтъ показываетъ намъ существа, выходящія изъ ничтожества, землю, силящуюся произвести неизвѣстныя растенія, животныхъ полусотворенныхъ. Такъ теперь и у Турокъ, — неопредѣленныя, неясныя черты начатаго творенія. Кажется, является новый міръ; но хаосъ еще тутъ, всегда готовый снова облечь все своимъ владычествомъ. Вотъ сколько

сравненій для одной и той же вещи! Не забывайте притомъ, что я нахожусь въ землѣ фантазіи, гдѣ размышленіе никогда не можетъ обуздать воображенія суевѣрнаго, важнаго, тяжелаго, брыкливаго, которое ничему не поддается, кромѣ какъ любимому кейфу и удовольствіямъ, которое оживляется только искуственно, принимая опіумъ въ замѣнъ напитка, враждебнаго пророку.

Оставивъ Турецкаго Профессора, я направилъ путь къ Фанару: мнѣ хотѣлось видѣть Греческаго Патріарха. Я прошелъ черезъ пустой, уединенный кварталъ, нѣкогда весьма знаменитый и весьма многолюдный! Я взошелъ въ довольно хорошій домъ, хотя построенный на пустынномъ мѣстѣ. Священники, сидѣвшіе въ его прихожей и исправлявшіе должность слугъ, ввели меня въ комнату Патріарха. Я увидѣлъ десять Греческихъ Епископовъ, собравшихся тутъ, какъ въ Синодѣ. Его Святѣйшество посадилъ меня подлѣ себя, на софѣ. Патріархъ человѣкъ умный, много путешествовалъ и обогатилъ свою память всѣмъ, что видѣлъ. Онъ издалъ историческое и географическое описаніе Синая; онъ издалъ также довольно хорошую карту острова Кипра; недавно еще издалъ онъ, на Новогреческомъ языкѣ, описаніе древностей Константинополя. Передъ начатіемъ бесѣды, мнѣ нужно было, какъ въ Турецкихъ обществахъ выпить кофе и выкурить le chibuc, шибюкъ, (то есть, какъ говорятъ Правовѣрные, *чубукъ*). Греческій

первосвященникъ съ большою свободою объясняется по Французски. Сперва онъ распрашивалъ меня о Шатобріанѣ, съ которымъ знакомъ былъ въ Александріи, по возвращеніи его изъ Іерусалима. Его Святѣйшество говорилъ со мной о взятіи Алжира. Это происшествіе сдѣлало сильное вліяніе на всѣ страны Востока. Со времени экспедиціи въ Египетъ ничто еще такъ живо не поражало умовъ Грековъ, Арабовъ и Турковъ, какъ это покореніе. Потомъ разговоръ палъ на Іюльскую революцію, лишившую престола Карла X. Патріархъ не понимаетъ, какъ могло пасть правленіе, сдѣлавшее столь важныя завоеванія; онъ удивлялся, что монарху, который поколебалъ Африку, не удалось отмстить среди своей столицы другимъ Алжирскимъ толпамъ, и тому, какъ древняя монархія и династія могли исчезнуть въ нѣсколько часовъ, подобно человѣку, убитому на дуэли. О, простота понятій! И въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, вѣкѣ революцій, самоубійствъ, Великихъ писателей романтизма и воровъ, еще такъ могутъ думать,.... впрочемъ это между варварами; утѣшимся хоть этимъ, Гг. Парижане! Съ нѣкотораго времени мы ежедневно получаемъ новыя извѣстія о революціяхъ. То въ Бельгіи, то въ Германіи и въ Италіи. Можно было бы думать, что свѣтъ неистово приближается къ паденію. Всѣ эти революціи возбуждаютъ большое любопытство. Патріархъ на этотъ счетъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ,

выражавшихъ болѣе, чѣмъ удивленіе. Нѣсколько дней тому, говорилъ Его Святѣйшество, мы хвалили Европу прежнюю; вотъ изъ нее хотятъ сдѣлать другую, новую. Ваше просвѣщеніе, которое мы прежде брали примѣромъ, представляется намъ подъ видомъ землетрясенія. Середи всеобщаго безпорядка, всего болѣе поражала Патріарха судьба сыновей Св. Людовика, и то, что Карлъ X былъ сверженъ съ престола въ то самое время, когда Греки называли его своимъ избавителемъ, и когда онъ истреблялъ Африканскихъ ризбойниковъ. Патріархъ не понималъ нашихъ преній о выборахъ и о свободѣ печатанія; онъ не зналъ ничего о правой и лѣвой серединѣ; ни объ обществахъ, ни о Правительномъ Комитетѣ, ни о Министерствѣ осьмаго августа, ни о двухъ стахъ двадцати одномъ. Я поворачивалъ и переворачивалъ революцію на всѣ стороны, для того, чтобы онъ сколько нибудь изъ нея понялъ, но все, что я ни хотѣлъ изъяснить, осталось для него загадкой. Видно, одинъ Французскій умъ въ силахъ постичь и совершить столь достохвальныя революціи! (Впрочемъ, Г. Мишо легитимистъ и приверженецъ прежняго ладу.)

Я не хотѣлъ бесѣдовать съ Патріархомъ о Греціи: я зналъ, что онъ очень затруднился бы отвѣтомъ. Правительство и православные Пелопониса не признаютъ его власти, и не относятся къ нему, даже и въ дѣлахъ духовныхъ.

Съ своей стороны онъ доволенъ тѣмъ, что не имѣетъ сношеній съ землею, столь противною Высокому Счастію, *девлети-аліе*, то есть, Его Высочеству, Султану двухъ морей, сыну Султанову. Духовная власть надъ народомъ, свергнувшимъ съ себя иго Турецкое, обременила бы его отвѣтственностью, исполненною опасностей. Трагическій конецъ одного изъ его предшественниковъ могъ всегда представляться его уму. Онъ далъ мнѣ намекъ, въ продолженіе бесѣды, что за нимъ сильно наблюдаютъ ученики Пророка.

Главною цѣлью моего посѣщенія было полученіе отъ Патріарха нѣкоторыя поясненія на счетъ древняго Константинополя. Мы вошли съ нимъ въ подробности объ этомъ предметѣ. Я былъ представленъ Патріарху однимъ книгопродавцемъ, который меня особенно просилъ не говорить Его Высокосвятѣйшеству о изданной имъ книгѣ о Византіи. Книгопродавецъ думалъ, и можетъ быть справедливо, что для Патріарха могло быть опасно объявить себя сочинителемъ толстой книги о »градѣ Ислама«, потому что Турки не очень любятъ, чтобъ другіе говорили объ ихъ странѣ и охотно спрятали бы отъ иностранцевъ всѣ свои развалины, если-бъ только могли. Я послѣдовалъ совѣту книгопродавца, но скоро увидѣлъ, что осторожность съ моей стороны была вовсе безполезна. Я распрашивалъ у умнаго Прелата о площадяхъ двор-

цевъ Влахернскаго и Вуколеонскаго, и о стѣнахъ и башняхъ древней Византіи: онъ вмѣсто отвѣта сослался на изданную имъ книгу и нѣсколько разъ повторялъ, что онъ имѣлъ средства знать и знаетъ лучше всѣхъ этотъ городъ. Изъ этого я заключилъ, что онъ не заботится оставаться неизвѣстнымъ и охотно распространился о его книгѣ, которую наканунѣ только что купилъ. Мнѣ пріятно было найти авторское тщеславіе въ кварталѣ Фанара, бывшемъ нѣкогда кварталомъ всѣхъ тщеславій. Однакожъ я вамъ долженъ сказать, что я очень мало пользовался книгою Патріарха; хотя она достойна всей похвалы, но не даетъ новыхъ свѣдѣній тѣмъ, кто читалъ ученыя изысканія Петра Жилеса, Дюканжа, Кантемира, Петра Грело, Летвалье, и особливо Англійскаго путешественника Делеве. Я простился съ добрымъ Патріархомъ, и какъ у меня было намѣреніе посѣтить Греческую библіотеку въ Іерусалимѣ, то я просилъ у Его Святѣйшества писемъ къ Архіепископу Святаго града. Онъ обѣщалъ мнѣ ихъ доставить, проводилъ до двери, совѣтуя мнѣ посѣтить, по дорогѣ, бывшую его епархію на горѣ Синайской.

Простившись съ Патріархомъ, я зашелъ съ моимъ проводникомъ къ нѣкоторымъ знатнымъ жителямъ Фанара; они, по большей части, снисходительнѣе и учтивѣе Грековъ, живущихъ въ другихъ кварталахъ, и я нашелъ въ Княгинѣ Мо..., которой представлялся, эту пріятность, эту легкость въ обращеніи, отличавшія нѣкогда пер-

выя Греческія семейства Константинополя. Она испытала въ послѣднее время всѣ возможныя несчастія, и перенесла ихъ съ геройскою храбростію. Мужъ ея десять лѣтъ какъ сосланъ неизвѣстно куда, быть-можетъ, на тотъ свѣтъ; она лишилась большей части своего имущества. Но съ твердостью и благоразуміемъ вынесла она эпоху гоненія и заставила самихъ Турковъ уважать себя. Дѣти ея получили при ней и ея попеченіями самое лучшее воспитаніе; я бы охотно сравнилъ ее, еслибъ не боялся быть обвиненнымъ въ поэзіи, для которой слишкомъ устарѣлъ, съ матерью Алціоновъ, которая воспитывала дѣтей своихъ при ревѣ бури. Нѣсколько мѣсяцевъ тому, младшій изъ ея сыновей, мальчикъ лѣтъ около двѣнадцати, поѣхалъ въ Вѣну совершенно одинъ, и не сказавъ о томъ никому ни слова. Онъ пріѣхалъ къ Князю Меттерниху, который былъ очень удивленъ, видя, что молодой мальчикъ путешествуетъ одинъ; онъ принялъ его очень благосклонно. »Если вы хотите чего нибудь, сказалъ онъ ему, вамъ стоитъ только спросить у меня.— »Чего можетъ желать, отвѣчалъ молодой путешественникъ, сынъ, котораго отецъ въ изгнаніи?«— При этихъ словахъ Меттернихъ обнялъ его и обѣщалъ исходатайствовать у Порты возвращеніе отца. Княгиня Мо.... разсказывала этотъ примѣръ съ истинною гордостью матери. Эта занимательная женщина могла иногда сожалѣть о прежнемъ блескѣ своего семейства, но не больше ли сла-

вы представлять намъ примѣры такихъ семейныхъ добродѣтелей, чѣмъ называться Княгинею Молдавіи или Валахіи?.....

Проходя по улицамъ Фанара, я видѣлъ на всѣхъ лицахъ печаль, безпокойство. Знатныя семейства разъѣхались и дома остаются необитаемыми. —

Нѣкогда честолюбіе и зависть безпокоили лучшихъ жителей Фанара; теперь осталась одна печаль, бѣдность и боязнь; я спрашивалъ что сдѣлалось съ этими богатыми библіотеками, собранными нѣкоторыми любителями; съ этими веселыми обществами, гдѣ говорили языкомъ Гомера и Платона. Вмѣсто отвѣта, мнѣ показали двѣ худо содержимыя типографіи, гдѣ печатаютъ циркуляры, и школу для маленькихъ дѣтей. Все, что я видѣлъ въ этомъ столь знаменитомъ кварталѣ, представлявшемъ долгое время иностранцамъ картину древней Византіи, возбудило во мнѣ мысли самыя печаальныя. Изъ всѣхъ величій Фанара остался только Греческій Патріархъ, но и наслѣдникъ Фотія казался мнѣ подобнымъ этимъ развалинамъ древнихъ памятниковъ, которыя ѣздятъ смотрѣть въ Константинополь, какъ эта обгорѣвшая колонна, видѣнная мною наканунѣ, окруженная бѣдными лачужками середи пепла и обгорѣлыхъ пней.

Но не все дѣлать посѣщенія въ самой столицѣ; пойдемте и на ея оконечности; посмотримъ и загородное общество, не менѣе важное,

толстое, надутое, курящее табакъ и испускающее его дымъ на всѣ стороны свѣта.

На слѣдующее утро я посѣтилъ Эюбскаго муллу. Деревня или предмѣстье Эюбъ находится на оконечности Золотаго Рога, при подошвѣ холма и при устьѣ Варвисиса. Въ этой деревнѣ много гробницъ Государей и Государынь изъ фамиліи Османа, много гробницъ покойныхъ Визирей и Министровъ Оттоманскихъ. Благоговѣйное молчаніе царствуетъ на улицахъ, окруженныхъ справа и слѣва погребальными часовнями. Тамъ только и слышишь, что шумъ заступовъ, и каменьщиковъ, высѣкающихъ надгробные камни, да еще голосъ нищихъ Турчанокъ, пискливо испрашивающихъ милостыню. Въ Эюбѣ, этомъ городѣ нищихъ и покойниковъ, Султаны при возшествіи на престолъ, препоясываются Императорскою саблей! Какое зрѣлище — рождающаяся слава, новое царствованіе, новый глава большой Имперіи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все мертво, гдѣ все оканчивается, гдѣ все это погибнетъ! Столь разительная противоположность могла бы дать Султанамъ полезные уроки: зачѣмъ поражаетъ она одно воображеніе пустника и занимаетъ только поэтовъ, никогда не составляя мысли султановъ! Намъ показывали на одной изъ улицъ Эюба гробницу, выстроенную для себя сестрою Махмуда, подлѣ надгробной часовни ея мужа, умершаго уже нѣсколько лѣтъ тому. Хроника Стамбульская разсказываетъ множество забавныхъ исторій, въ которыхъ

эта принцесса играетъ первую роль, и изъ которыхъ видно, что она все не думаетъ соединиться съ своимъ мужемъ въ последней обители! Намъ читали и несколько любовныхъ песенъ ея сочиненія, въ которыхъ она повторяетъ правило Горація и любовныхъ поэтовъ, что жизнь коротка и надо провести ее весело. Мы остановились у одной часовни, недавно выстроенной. Надпись проситъ проходящихъ молиться о душе Сеидъ-Эффендія. Сеидъ былъ одинъ изъ самыхъ великодушныхъ Министровъ Порты; все думаютъ, что онъ былъ отравленъ за то, что сказалъ правду Султану и советовалъ ему переменить свое варварское обращеніе съ Греками и католическими Армянами. Я былъ занятъ мрачными размышленіями, до самаго пріезда къ мулле Эюбскому. Этотъ мулла есть также и одинъ изъ главныхъ судей Константинопольскихъ, и потому мы увидели у его дверей множество просителей. При нашемъ приходе, онъ сиделъ въ углу на софе, окруженный множествомъ бумагъ. Я не зналъ, кемъ мне назваться при представленіи мулле. Я бы охотно назвался академикомъ; но что значитъ академикъ для Оттомана, не знающаго ни какихъ въ свете академій? Я вздумалъ выдать себя за *алима*, »ученаго« и титло одного изъ Парижскихъ »улемовъ« удалось, какъ нельзя лучше. Мы скоро разговорились съ большою свободою и вели разговоръ съ небреженіемъ, похожимъ на истинную дружбу. Мулла очень вежливъ и учтивъ; его умъ не

блистательный, но основательный. Если бы спросили у меня, что такое хорошій и умный Турокъ, я бы не обинуясь привелъ муллу Эюбскаго.

Мы говорили о революціяхъ вообще, потому, что это предметъ неистощимый и необходимый для Парижанина, всегда приходящій на умъ, въ какой бы то земле ни было. Разговоръ обратился тотчасъ на опасности вмешиваться въ политику. Я ему говорилъ, что былъ приговоренъ къ смерти въ последнюю Французскую революцію; это казалось ему очень обыкновеннымъ. Вотъ изреченіе муллы на этотъ счетъ: »Чтобъ жить на этомъ свете спокойно, — сказалъ онъ, — надобно отдаться на волю Божію, и всегда уклоняться отъ волей людскихъ. Султанъ Мустафа — да будетъ надъ нимъ миръ! — обыкновенно говаривалъ: счастливъ, кого я не знаю и который меня не знаетъ!« — Эти слова весьма справедливы, и одинъ изъ нашихъ самыхъ народныхъ монарховъ, Генрихъ IV, сказалъ почти тоже самое. Мулла Эюбскій съ некотораго времени занимается исчисленіемъ населенности Константинополя, по повеленію Его Высочества Султана, сына Султанова; трудъ приближается уже къ концу. Я кстати спросилъ, какъ велико народонаселеніе »града Ислама?« Но мулла не смелъ, или не хотелъ, отвечать на вопросъ. Впрочемъ, это исчисленіе не можетъ быть полно, потому что въ него не входитъ женскій полъ, по невозможности проникнуть во

внутренность гаремовъ. Притомъ, еще нѣтъ ни какихъ списковъ числу раждающихся и умирающихъ. По достовѣрнымъ исчисленіямъ, народонаселеніе Константинополя доходитъ теперь до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Султанъ Махмудъ не предпринимаетъ ничего важнаго, безъ совѣта съ духовными: даже и въ изданіи «Тактики», переводимой съ Французскаго. Мулла, говоря намъ объ этомъ сочиненіи, только что переведенномъ, спрашивалъ насъ о значеніи слова «адъютантъ,» которому нѣтъ равнозначущаго въ Турецкомъ языкѣ. Съ нѣкотораго времени предполагаютъ преобразовать полицію; для того былъ назначенъ совѣтъ, въ который приглашены первые судьи столицы. Мулла, который готовъ на преобразованія, спросилъ меня, есть-ли у насъ на Французскомъ языкѣ хорошія книги о полиціи большихъ городовъ. Я не зналъ другой, кромѣ Руководства Маркиза д'Аржансона, котораго теперь вовсе не читаютъ, и рекомендовалъ его. Мы разговорились о городской полиціи, порядкахъ, и — представьте себѣ невѣжество самыхъ образованныхъ Турковъ! — мой мулла почиталъ чудомъ предложеніе дать нумеръ каждому дому, и названіе каждой улицѣ въ Константинополѣ. Но все это только на бумагѣ; всѣ удаляются отъ приведенія въ дѣло; никто не отваживается начать, страшась народнаго неудовольствія. Въ продолженіе нашего разговора объ этомъ проектѣ и нерѣшимости правительства, мулла вертѣлъ въ рукахъ сво-

ею табакеркою изъ обожженой глины, на которой сдѣлано было нѣсколько красивенькихъ барельфовъ. Онъ показалъ мнѣ ее, прося изъяснить ему фигуры; это была басня »Совѣтъ Мышей« Лафонтена. На важномъ лицѣ муллы появилась улыбка, когда онъ узналъ главныхъ лицъ общества этой басни, сидящихъ по Турецки и разсуждающихъ важно, какъ члены Дивана. Я изъяснилъ ему какъ могъ, при помощи остроумнаго моего переводчика, довольно странное изображеніе на крышкѣ его табакерки. »Члены этого совѣта, сказалъ я, рѣшили привязать гремушку на грознаго своего врага изъ рода кошекъ, Искендера (Александра Великаго) этого племени; рѣшеніе было единодушно; но никто не брался за его исполненіе, и такъ разошлись.«

Этотъ совѣтъ, правду сказать, очень похожъ на совѣтъ, который иногда собирается подъ предводительствомъ муллы Эюбскаго. Онъ самъ смѣялся этому сходству и уроку басни; но для оправданія себя въ страхѣ отъ народныхъ предразсудковъ, разсказалъ намъ восточный апологъ, котораго смыслъ слѣдующій:

»Однажды комаръ предсталъ предъ Соломона — да будетъ надъ нимъ миръ! — и жаловался ему на сѣверный вѣтеръ, который привался ему на сѣверный вѣтеръ, который причинялъ ему много вреда. Соломонъ, выслушавъ жалобу комара, сказалъ ему: если сѣверный вѣтеръ сдѣлалъ тебѣ какой нибудь вредъ, то будетъ наказанъ; но я не могу обвинять его, не выслушавъ его оправданія: да придетъ онъ предъ

лице мое! При этихъ словахъ, комаръ, совершенно испуганный, возразилъ: О, великій Соломонъ! да сохранитъ меня Аллахъ отъ присутствія сѣвернаго вѣтра, потому что тогда не будетъ слышно моего голоса, и при немъ я не въ силахъ оставаться въ судѣ!—Мы, судьи, прибавилъ мулла, мы—эти комары, а сѣверный вѣтеръ —толпа, которой присутствія надо избѣгать въ дѣлахъ политическихъ.«

Это сравненіе казалось намъ очень остроумнымъ и исполненнымъ вѣрности. Я обѣщалъ муллѣ сдѣлать апологъ о комарѣ его извѣстнымъ во Франціи, на томъ условіи, чтобъ онъ въ своей странѣ поговорилъ улемамъ о »Совѣтѣ Мышей« Лафонтена. Разговоръ, вертѣвшійся нѣсколько времени на этомъ предметѣ, очень занималъ муллу, который вдругъ былъ позванъ въ мечеть. Видя, что я намѣренъ уйти, онъ просилъ меня остаться и сказалъ намъ очень вѣжливо, — »учиться, — не тоже ли, что молиться?« При нашемъ уходѣ, онъ проводилъ насъ до самыхъ дверей, что Турки дѣлаютъ рѣдко съ Христіанами.

Въ Европѣ вообще думаютъ, что Турки неучтивы: это ошибочно. Правда, что тѣ которыхъ я видѣлъ, всѣ люди образованные, и что нельзя судить о всей націи по хорошему обществу. Но многое заставляетъ меня думать, что учтивость здѣсь болѣе извѣстна и уважаема, нежели, какъ то обыкновенно полагаютъ, — между прочимъ и болѣе всего то, что Турки

имѣютъ много очень уважаемыхъ ими сочиненій о вѣжливости и о обращеніи въ обществѣ. Пробѣгая каталогъ Серальской и многихъ другихъ библіотекъ столицы, я замѣтилъ слѣдующія заглавія: »Изъясненія вѣжливости.—Посуда учтивости.—Рукомойникъ хорошаго образованія.« Есть дасокращенія или экстракты изъ этихъ книгъ, для же употребленія Турецкаго юношества. Я узналъ, что въ Константинопольскихъ школахъ, *медресе*, обучаютъ вѣжливости, точно такъ, какъ философіи и нравственности. Образованные люди между Турками увѣрены, что учтивость въ разговорѣ и въ обращеніи, есть выраженіе, или, по крайней мѣрѣ, изображеніе, доброты, и что чувство приличія есть родъ добродѣтели. Благовоспитанные Турки, по большой части, очень учтивы; не достаетъ только нашихъ обществъ, гдѣ бы желаніе нравиться и качества любезности были поощряемы присутствіемъ обоихъ половъ, чтобы показать всю массу ихъ учтивостей, которыми они уже владѣютъ, не пуская ихъ только въ оборотъ.

Изъ деревни Эюбъ мы пошли въ кофейный домъ, построенный при устьѣ Золотаго Рога. Этотъ домъ сдѣлался мѣстомъ пребыванія людей важныхъ, дервишей, имамовъ, улемовъ. Въ теченіи моей жизни при вещи казались мнѣ трудными: первая буква, первый визитъ, и первое слово въ разговорѣ. Эти трудности, благодаря моему переводчику, уменьшились сегодня для меня вполовину; и я удивляюсь легкости, съ

которою я начиналъ разговоры съ такими необходительными людьми, каковы Турки (*). Мы сидѣли въ кофейномъ домѣ, подлѣ старика съ длинною бородою, съ живымъ лицемъ и веселыми глазами. Сперва мы обмѣнялись нѣсколькими словами; потомъ начали разговаривать о предопредѣленіи. Одинъ изъ бесѣдовавшихъ, начальникъ одного монастыря дервишей, показался намъ съ перваго имъ сказаннаго слова, большимъ приверженцемъ фатализма. Онъ поддерживалъ его нравоученіями и особенно длинными анекдотами; я представлялъ ему сомнѣнія; онъ ограничивался въ своихъ доказательствахъ волею Бога, и законами, по которымъ Провидѣніе управляетъ свѣтомъ.« Мы столь мало знаемъ въ этой жизни, сказалъ я ему, что я ничего не могу утверждать положительно.« И показывая ему на кладбище, лежавшее предъ нами на холмѣ Св. Димитрія, я прибавилъ, — »эти надгробные камни, которые мы видимъ, знаютъ, можетъ быть, болѣе насъ.« Этотъ способъ мышленія, казалось, затруднилъ нашего дервиша, и былъ ли онъ пораженъ моимъ скептицизмомъ, или не нашелся тотчасъ, что отвѣчать, только онъ сохранялъ нѣсколько минутъ молчаніе, и возвратился, нѣсколько спустя, опять къ прежнему, начавши

(*) Которыхъ самъ только что хвалилъ сейчасъ за особенную вѣжливость, которую имъ преподаютъ профессоры съ каѳедръ ! !

намъ разсказывать исторію, которую приводилъ въ подтвержденіе своихъ правилъ. У одного Мусульманина заболѣла жена на смерть. И какъ у ней было значительное имѣніе, то желая прибрать его къ своимъ рукамъ, онъ пошелъ изъ дому посовѣтываться со стряпчими. Выходя изъ двери, онъ упалъ; его ввели въ домъ раненаго; нѣсколько дней спустя онъ умеръ. Жена же, напротивъ, выздоровѣла, и завладѣла имѣніемъ мужа. Начальникъ дервишей кончилъ эту исторію слѣдующимъ нравоученіемъ: »Стрѣлу судьбы, когда она уже пущена, не можетъ остановить щитъ благоразумія.«

Не нужно вамъ объяснять, что въ разговорахъ Турки рѣдко употребляютъ силлогизмъ, хотя знаютъ наизусть Логику Аристотеля. Они довольствуются приведеніемъ какого нибудь историческаго факта, аполога, изрѣченія изъ нравоучительной книги или стиховъ изъ поэта. Чтобы убѣдить насъ совершенно и опровергнуть сомнѣнія, которыя я ему представилъ, старый дервишъ, показывая на кладбище Св. Димитрія, привелъ эпитафію въ Турецкихъ стихахъ. Вотъ ея буквальный переводъ: »Вершина горъ есть жилище мое. Не занимаюсь я болѣе тѣмъ, что происходитъ на землѣ. Я испилъ шербетъ судьбы; не надо мнѣ болѣе и пособій и Локмана.« Для понятія этой эпитаѳіи, надо знать, что Локманъ здѣсь есть имя врача, и что вершина горъ здѣсь означаетъ кладбище. Турки любятъ быть погребенными на вышинахъ

и выбирающъ для погребенія высокія мѣста. Я спросилъ у этого приверженца фатализма, примѣняетъ ли онъ свое ученіе къ происшествіямъ политическимъ? Онъ сказалъ, что Богъ предначерталъ все впередъ въ своей книгѣ судебъ. Мы остановились на этомъ. Дервишъ представлялъ значительную противоположность съ муллою Эюбскимъ: одинъ былъ боязливъ и предусмотрителенъ; другой выказывалъ слѣпую безпечность. Мнѣніе перваго есть мнѣніе человѣка государственнаго, берущаго всегда предосторожность во всѣхъ дѣлахъ и смотрящаго въ будущее; мнѣніе втораго есть мнѣніе дервиша, удалившагося отъ свѣта и отдавшагося на волю Бога, или судьбы. Большая часть Оттомановъ думаетъ, какъ этотъ дервишъ.

Для переѣзда въ гавань, мы наняли каикъ; гребцами были двое Турокъ, которые, какъ намъ казалось, принадлежали къ партіи *оппозиціи*. Проѣзжая мимо казармы бомбардировъ, которую теперь ломаютъ, мы имъ предложили нѣсколько вопросовъ на этотъ счетъ. «Нынче *мода*, сказалъ одинъ изъ нихъ, перемѣнять все; даже у камней своя *революція* (*).« Султанъ хочетъ сломать

(*) Мы нарочно оставили въ этомъ мѣстѣ слова »оппозиція« и »революція«, которыя Г. Мишо вкладываетъ въ уста невинныхъ Турковъ. Французъ не можетъ обойтись безъ этихъ необходимыхъ для него словъ и готовъ снабжать ими встрѣчнаго и поперечнаго. Турки Г. Мишо говорятъ его Парижскимъ

всѣ публичныя зданія для того, чтобы перестроить ихъ снова по новому плану; это желаніе очень убыточно и вовсе не нравится Туркамъ, которые не чувствуютъ нужды перестроивать даже домъ, который ежеминутно грозитъ погребсти ихъ подъ своими развалинами. Во время нашего разговора о сломкѣ казармъ, проѣхалъ мимо насъ каикъ, наполненный Турчанками, которыя, казалось, были слишкомъ веселы. »Это женщины, сказалъ намъ одинъ гребецъ, которыя возвращаются »съ горъ« (rendez vous развратныхъ столицы). Каждый день видны теперь такія соблазны; прежде бы этого не стерпѣли; ничего подобнаго не могло случиться въ то время, когда мужъ, по закону, могъ убить невѣрную жену.«—Такъ выражались два Турецкіе гребца. Они прибавили еще, что нельзя ожидать хорошаго, когда худые примѣры происходятъ отъ тѣхъ, которые должны бъ были препятствовать злу и сами подавать собою примѣры добраго и нравственнаго. Говоря такимъ образомъ, они смотрѣли на сераль, посматривая одинъ на другаго съ горькою улыбкою, въ которой отражалось все ихъ негодованіе.«

Не смотря на все уваженіе, питаемое нами

нарѣчіемъ, и особенно интересны эти два грубые гребца, говорящіе о модѣ и революціяхъ: *la mode* aujourd, hui est de tout changer; les pierres ont aussi leurs *revolutions*. Это смѣшно.

къ умному и трудолюбивому автору »Исторіи Крестовыхъ походовъ,« мы думаемъ, что какъ путешественникъ, и еще путешественникъ по Востоку, онъ не заслуживаетъ большой славы, кромѣ какъ въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ онъ отыскиваетъ слѣды любимыхъ своихъ Крестоносцевъ. Тамъ онъ на своемъ мѣстѣ, и страницы, посвященныя этому предмету, имѣютъ всю историческую важность и служатъ часто дополненіемъ и поясненіемъ извѣстій, сообщенныхъ имъ въ его »Исторіи.« Но тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ этнографіи Азіи, онъ рѣшительно не въ своей колеѣ и грѣшитъ ужаснѣйшимъ образомъ:—Парижанину трудно вникнуть въ настоящій оріентализмъ! Но не смотря на все наше желаніе, мы могли привесть только весьма немногіе отрывки о нравахъ Турковъ,—и то . . . читатели сейчасъ видѣли, какъ Оттоманы Г. Мишо прекрасно говорятъ о »модахъ, оппозиціяхъ и революціяхъ.« Турки его настоящіе Парижане по своимъ понятіямъ и образу мыслей.

М. Мурманскій.

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Россія.

По положенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ, въ 10-й день минувшаго Сентября, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ Астраханской и Саратовской Губерніяхъ и Кавказской Области, отводъ казенныхъ оброчныхъ и пустопорожихъ земель въ частное владѣніе, для заселенія и скотоводства, рѣшительно навсегда воспретить. Октября 14-го дня 1835 года.

— Дополненіемъ къ Высочайшимъ Приказамъ, отданнымъ Сентября 25-го дня 1835 года, произведены за отличіе по службѣ, изъ Полковниковъ въ Генералъ-Маіоры, со старшинствомъ съ 10-го Сентября 1835 года: Командиръ Борисоглѣбскаго Уланскаго полка, фонъ-Брадке, съ состояніемъ по Кавалеріи; Исправляющій должность Начальника Штаба 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Фохтъ 1-й, съ утвержденіемъ Начальникомъ сего Штаба.

— Предсѣдатель Курской Палаты Гражданскаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Базилевскій, согласно прошенію его, за старостію лѣтъ и болѣзнію, Всемилостивѣйше уволенъ отъ службы.

Франція.

23 Октября Герцоги Орлеанскій и Немурскій отправились въ Фонтенебло, откуда Наслѣдный

Принцъ долженъ ѣхать въ Тулонъ, чтобы 30 числа сѣсть на корабль и отправиться въ Корсику и потомъ въ Алжиръ, гдѣ онъ будетъ сопровождать экспедицію противъ Абдель-Кадера. Три бригады, назначенныя для усиленія Алжирской арміи, будутъ состоять подъ начальствомъ Генераловъ Демишеля, Перрего и Удино.

Слѣдствіе по дѣлу о преступленіи 28 Августа окончено. Судъ Перовъ соберется 10 Ноября для слушанія доклада Графа Порталиса; потомъ въ тайномъ засѣданіи опредѣлена будетъ отдача обвиненныхъ подъ судъ и имъ предоставятъ мѣсяцъ для приготовленія своей защиты; въ это время будутъ судимы Апрѣльскіе обвиненные, тѣ, которые замѣшаны въ дѣлахъ Люневильскихъ, Арбоаскихъ и Сентъ-Этьенскихъ. Фіески говоритъ, что Генералъ-Прокурору нечего будетъ дѣлать; потому что онъ самъ откроетъ и докажетъ истину. Онъ утверждаетъ, что Пепенъ давалъ деньги на наемъ комнаты и постройку машины; Фіески съ помощію Морея, поджигалъ; Боаро подалъ сигналъ.

Правительство отправило въ Гамскую крѣпость трехъ врачей, Гг. Андраля, Ростана и Ферρюса, чтобы посѣтить заключенныхъ и донести о состояніи ихъ здоровья (особенно Г. Шантлоза); а равно и о положеніи самой крѣпости, въ отношеніи къ здоровью живущихъ въ ней.

Англія.

Всѣ Англійскія Газеты утверждаютъ, что Г. О'Коннель сдѣлаетъ при самомъ открытіи Парламента предложеніе о преобразованіи Верхней Палаты изъ наслѣдственной въ избирательную.

Изъ Дублина пишутъ, что Ирландія давно уже не наслаждалась такимъ спокойствіемъ, какъ нынѣ.

Не смотря на всѣ усилія обществъ умѣренности, употребленіе крѣпкихъ напитковъ все увеличивается. Вотъ количество потребленныхъ напитковъ и собранныхъ съ нихъ пошлинъ съ 1834 по 1835 годъ: рому 3.345.177 галлоновъ, собрано пошлины 1.503.140; водки 1.388.639 г. пошлины 1.561.427 ф. ст. джина 21 832 г. пошлины 24.303 ф. ст. ликеровъ 9.901 г. пошлины 9.799 ф. ст. Англійскихъ крѣпкихъ напитковъ 32.497.806 г. пошлины 5.246.874 ф. ст. и того 38.263.155 галлоновъ, съ которыхъ получено пошлины 8.347.543 ф. ст. то есть 208.688.475 р!

Испанскія дѣла.

Въ Мадритской Газетѣ напечатанъ декретъ о закрытіи монастырей.

Говорятъ, что собраніе Кортесовъ откроется прежде 16 Ноября.

Члены Коммиссіи, назначенной для начертанія закона о выборахъ раздѣлились на двѣ партіи: Гг. Калатрава и Ортигоза хотятъ распространить это право болѣе, чѣмъ Гг. Квинтана, Галліано и Мадритъ Давила.—Первые хотятъ предоставить всѣмъ отцамъ семейства право назначать избирателей, которые должны платить извѣстное количество подати и выбирать Депутатовъ безъ назначенія послѣднимъ ценса.

31-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

1-го Ноября.

IV.

СМѢСЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Извѣщаемъ читателей нашихъ о поступившей въ печать книгѣ, подъ заглавіемъ: *Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи*. Цѣлію ея издателя было составить, для молодыхъ людей 13, 14 и 15 лѣтняго возраста, такую книгу, съ помощію которой они могли бы познакомиться съ Россіею въ историческомъ, статистическомъ, топографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Пользуясь лучшими сочиненіями по всѣмъ этимъ частямъ, издатель старался придать какъ можно болѣе занимательности содержанію Библіотеки, и приспособить ее къ понятіямъ своихъ читателей. Если издаваемая нынѣ первая часть будетъ принята благосклонно, то издатель не замедлитъ выдать и вторую, третью и т. д. Вообще онъ желалъ бы, чтобы постепенное чтеніе Библіотеки, представляя юнымъ умамъ великіе подвиги и самопожертвованія Русскихъ, пробуждало въ нихъ, съ раннихъ лѣтъ, пламенную любовь къ отечеству, искреннюю преданность къ Престолу и живое чувство народнаго величія; онъ желалъ бы, чтобы въ юныхъ сердцахъ его читателей запечатлѣлись имена Гермогеновъ, Пожарскихъ, Сусаниныхъ; чтобы душа ихъ была проникнута безсмертными подвигами Димитрія Донскаго, Петра Великаго и Александра Благословеннаго; чтобы ни одно великое событіе, ни одинъ великій подвигъ, ни что достопримѣчательное не укрылось отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Достигнетъ ли издатель своей цѣли, покажетъ успѣхъ первой части Библіотеки, отъ котораго зависитъ выдача послѣдующихъ частей.

Содержаніе первой части весьма разнообразно. Вотъ оно: I Исторія: 1) *Осада Троицкаго Сергіева монастыря, въ 1608 году;* 2) *Семидневное пребываніе* Императора Петра I *въ Саардамѣ*; 3) *Сраженіе при Кульмѣ*. II. Топографія: 4) *Туакская пещера въ Крыму*; 5) *Соловецкій островъ*. III. Этнографія: 6) *Киргизъ Кайсаки*; 7) *Камчадалы*. IV. Русскія Древности: 8) *Соколиная охота*; 9) *Роскошь Царскихъ пировъ*; 10) *Сокровища Царской Казны*; 11) *Торжественный въѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву, и бракосочетаніе ея съ Дмитріемъ Самозванцемъ*; 12) *Внутренніе чертоги Царя Алексѣя Михайловича*; 15) *Ужинъ у Думнаго дворянина Матвѣева*. V. Русскія достопамятности: 14) *Успенскій Соборъ въ Москвѣ*; 15) *Дворецъ* Импертрицы Елисаветы Петровны *вч Петербургѣ;* 16) *Восковая статуя Петра I-го въ Кунсткамерѣ*. VI. Біографія: *Суворовъ*. Къ первой части, заключающей въ себѣ *десять печатныхъ листовъ*, въ двѣнадцатую долю, будетъ приложена отлично гравированная въ Лондонѣ картина, изображающая великолѣпный дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны.

Первая часть *Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи* поступитъ въ продажу въ половинѣ Декабря сего года; цѣна 5 рублей асс., съ пересылкою 6 р. Гг. иногородные, желающіе имѣть ее, могутъ заблаговременно относиться ко всѣмъ здѣшнимъ книгопродавцамъ.

V.

МОДЫ.

La mode des manteaux à larges et grands collets reste et restera toujours dans l'intérêt des femmes raisonnables et frileuses. Les etoffes en tissus de laine écossaises sont encore très-bien autorisées par l'usage général.

— On voit beaucoup de chapeaux de velours couleur ailes de hanneton, verts, bleus, gros bleus, mordoré.

— Les dentelles noires pourront encore s'employer pout garnir des douillettes de soie brochée en noir sur fond de couleur.

Мода плащей съ широкими и длинными воротниками не прошла и не пройдетъ никогда для пользы женщинъ разсудительныхъ и зябкихъ.

— Много видно бархатныхъ шляпъ цвѣта крыльевъ кузнечика, зеленыхъ, голубыхъ, синихъ, мордоре и проч.

— Черныя кружева могутъ быть еще употребляемы съ платьями на ватѣ изъ шелковой матеріи съ черными узорами на цвѣтномъ полѣ.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 25 Октября.)

Оглавленіе LII части.

Стран.

